

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ,
ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ**

2017

Сборник статей

**Санкт-Петербург
«Нестор-История»
2017**

УДК 81'374

ББК 81.2Рус-4
С56

С56 Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2017: Сборник статей / отв. ред. О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 396 с.

ISBN 978-5-4469-1601-6

В данном сборнике опубликованы статьи участников Всероссийской школы-семинара «Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография» (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 4 ноября 2017 г.).

Рецензенты:

канд. филол. наук Л.Н. Донина
канд. филол. наук Е.В. Колосько

© Коллектив авторов, 2017

© ИЛИ РАН, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Афанасьева А.Ф. Языковая личность А.Н. Радищева: к проблеме составления словаря языка «Путешествия из Петербурга в Москву».....	6
Баланова И.А. Языковая личность М.М. Сперанского в тексте дидактического характера.....	19
Брыкова А.А. Языковая личность ребенка и взрослого в абсурдистской прозе для детей: читательское ожидание и реальность (на материале рассказов М. Москвиной и Д. Хармса).....	27
Булыгина Д.С., Лесников Г.С., Лесников С.В. Фрагмент дифференциального словаря русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми.....	48
Вешнякова А.В. О необходимости использования принципа визуализации в современной русской лексикографии (на примере новых наименований одежды и обуви в современном русском языке).....	91
Воронцов Р.И. К вопросу о когнитивном потенциале ономастической метафоры (на материале «Былого и дум» А.И. Герцена).....	97
Воропаева Е.А. Лексико-семантическая группа <i>вода</i> в словообразовательной системе смоленского диалекта.....	105
Гальцова Д.Н. Языковая личность Болдиной Натальи Стефановны (уроженки с. Медвежье Семилукского района Воронежской области).....	110
Ганичева С.А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации.....	128
Демченко А.В. Речевой портрет Любови Васильевны Плахутиной (жительницы станицы Бузиновской Выселковского района Краснодарского края).....	139
Дубровина С.Ю. К описанию когнитивного потенциала языковой личности: смысловые константы религиозного сознания в народном православии.....	155

Дягилева И.Б. Окказионализмы с компонентом <i>–бесие</i> в русском языке XIX века.....	178
Загуменнов А.В. Герменевтика умысла русским человеком в XVII веке: лингвоперсонологический аспект.....	185
Зубова Н.Н. Языковая личность повествователя в прозе А.Я. Яшина (на материале повести «Вологодская свадьба»).....	193
Иванова Е.Н. Дискурсивная модель представления лексикона исторической языковой личности.....	207
Каримова Ю.А. Традиции изучения языковой личности в зарубежных и отечественных библиографических словарях.....	223
Карпова В.В. Диалектные особенности вологодских записей русских волшебных сказок.....	241
Кривонос И.И. Терминология актерского мастерства К.С. Станиславского: опыт семантической и структурной классификации.....	249
Махрачев Г.С., Буцких С.А. Проект сетевого словаря «Лексика традиционного прядения, ткачества и коноплеводства Тамбовской и прилежащих к ней областей».....	258
Недоступова Л.В. Особенности речи петропавловской хохлушки (лексический аспект).....	269
Петрова Р.Ю. Северус Снейп (Снегг) и Югорус Лужж: опыт лингвоперсонологического анализа.....	276
Пригодина О.В. Языковая личность Беликова в рассказе А.П. Чехова «Человек в футляре».....	284
Приемышева М.Н. Глаголы в русском просторечии XIX века: генетические и функциональные особенности.....	289
Седина В.Н. Психомотивная составляющая языковой личности лирического героя О.Ф. Берггольц.....	298
Собенина А.Ю. Речевой портрет Бедной Лизы в контексте эстетической концепции Н.М. Карамзина.....	305
Тарасова А.В. Словарь языка Р.О. Якобсона (на материале статей по лингвистике и литературоведению).....	310

Тихов Н.А. Музыкальная журналистика Вологодского края: к речевому портрету Эллы Андреевны Кирилловой....	323
Толстова М.А. Гендерный аспект изучения языковой личности диалектоносителя.....	331
Черняева М.И. Проблемы региональной идентичности в сфере изучения диалектной речи.....	341
Шарихин Е.Ю. Наречия на <i>-ственно</i> в текстах В.В. Крестовского как одна из особенностей идиостиля писателя...	348
Шевченко Н.В., Кадирова Г.Р. Эмоционально-экспрессивная лексика и слова-сорняки в речи современного студента-филолога.....	358
Шишлова И.Ю. Фразеологические выражения в научных текстах Л.В. Щербы.....	380
Югов А.А. Информационно-медийная языковая личность журналиста Дмитрия Быкова.....	387

Афанасьева Александра Фёдоровна
Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»
Afanasiewa.alexandra2012@yandex.ru

**Языковая личность А.Н. Радищева: к проблеме
составления словаря языка «Путешествия из Петербурга
в Москву»**

*Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.*
А.С. Пушкин. Пророк

В статье представлен опыт составления словаря языка «Путешествия из Петербурга в Москву» выдающегося русского писателя XVIII в., просветителя и противника самодержавия Александра Николаевича Радищева, незаслуженно забытого в постсоветское время. Тем не менее, актуальность темы статьи очевидна ещё и потому, что проблема составления словаря языка «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (далее «Путешествие») имеет существенное значение не только для глубокого разностороннего исследования философского, публицистического и художественного наследия великого мыслителя и писателя XVIII в., но и для описания и лексикографической параметризации русского языка XVIII в. и, что особенно важно, для российской лингвистики начала XXI в., для расширения спектра отечественной авторской лексикографии. По мнению Л.Л. Шестаковой, «авторская лексикография переживает сегодня процесс активного развития; её методология, терминологический аппарат, теоретические основы – всё это, в отсутствие обобщающих научных трудов, требует многостороннего осмысления и систематизации» [Шестакова 2012: 3].

Как известно, в смежных научных дисциплинах (в истории России, истории русской литературы, литературной критике, в истории журналистики, истории русского литературного языка) до сегодняшнего дня не существует точного и доказательного определения социально-политического, философского, литературоведческого и лингвистического значения главного труда А.Н. Радищева – ясного, свободного, смелого, непримиримо критического произведения. Более того до сих пор нет и точного жанрового определения этого труда, который в научной литературе квалифицируется как роман, политический роман, сборник очерков, публицистический роман, трактат, путевой дневник, сентиментальное путешествие, роман самовоспитания и т.д. Основания этому нужно искать «в том изолированном положении, которое создано вековым преследованием сначала автора, а потом и его книг. <...> Неслыханная кара, постигшая Радищева, и последовавшее за ней систематическое подавление общественной мысли наложили печать молчания на всех, кто действительно находился в общении с осуждённым вольнодумцем, и скрыли от нас радищевские традиции» [Щёголев 1987: 3]. Под «книгами» П.Е. Щёголев имеет в виду Радищевские «Путешествие», «Письмо к Другу жительствовавшему в Тобольске по долгу звания своего», оду «Вольность» и «Беседу о том, что есть сын Отечества».

Вопрос о языковой личности А.Н. Радищева поставлен относительно недавно. Так, В.В. Виноградов в «Очерках по истории русского литературного языка» анализирует архаические славянские формы и конструкции (например, союз *иже*), высокую лексику (например, церковнославянизмы: *в зеркалах воображения*), народный, фольклорный язык (*как брюхатая баба*) и отмечает, что А.Н. Радищев – «"западник" до мозга костей по своим убеждениям, по образованию, по всей культуре мышления, в то же время с гениальным прозрением для выражения своих мыслей – в прозе и стихах – обращается к сокровищнице народного творчества и народного языка <...> Но эта линия в литерату-

ре была ещё слабо продвинута, а потому Радищев – только зачинатель того процесса, который своё завершение нашёл в Пушкине» [Виноградов 1982: 160–162].

На основании изложенного выше научная новизна нашей исследовательской работы и настоящей статьи, в частности, состоит в том, что в ней предпринята попытка собрать по возможности полную информацию (на основании материалов различных источников) о малоисследованной языковой личности русского писателя XVIII в. А.Н. Радищева, а также осуществить разноаспектный анализ лексики нескольких глав «Путешествия» («Выезд», «София», «Тосна», «Люблин», «Чудово», «Спасская полесь») и обозначить проблему составления словаря языка писателя.

Русский язык XVIII в. переживает становление системы «трёх стилей», обусловившей формирование структуры литературных норм, в основном завершившейся в творчестве А.С. Пушкина. Целая плеяда великих авторов повлияла на эти лингвокультурные и историко-литературные процессы: М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин и, конечно, А.Н. Радищев.

Кратко проследим основные вехи биографии писателя, повлиявшие на формирование его мировоззрения и определившие темы философского и литературного творчества.

Александр Николаевич Радищев (1749–1802) – «первый русский революционный писатель», «предшественник дворянских революционеров-декабристов» [Кожин 1989: 134] – родился в Москве в дворянской семье, детство его прошло в сельских усадьбах семьи Немцово и Верхнее Аблязово, начальное обучение Радищев получил дома. В 1756 г. отец увёз будущего писателя в Москву, где его поселили у А. Аргамакова (в то время директора Московского университета), образованием мальчика занимался специально нанятый гувернёр французского происхождения.

В 1762 г. Радищев был пожалован в пажи и послан в Петербургский пажеский корпус, в 1766 г. по указу Екатерины II

направлен в Германию, где удачно поступил в Лейпцигский университет на юридический факультет. В это время юноша увлекается трудами Вольтера, Руссо, Гельвеция. В 1771 г. А.Н. Радищев возвращается в Петербург, получает титул советника и устраивается секретарём в Сенат. В этом же году анонимно публикует отрывок из «Путешествия» в журнале «Живописец». В 1773 г. поступает на военную службу в качестве обер-аудитора в штаб финляндской дивизии, продолжая литературно-философские опыты: издаёт свой перевод книги французского социального философа Габриэля Бонно де Мабли, заканчивает «Офицерские упражнения» и «Дневник одной недели». В 1775 г. Александр Николаевич выходит в отставку, в 1777 г. поступает на службу в Коммерц-коллегию под началом графа А. Воронцова, с 1780 г. работает в Петербургской таможне, через десять лет становится её начальником. В 1783 г. написана ода «Вольность», в 1788 – «Житие Ф.В. Ушакова».

В 1790 г. Радищев завершает работу над «Путешествием» и печатает его в своей домашней типографии. Смелые рассуждения писателя о крепостном праве вызвали протест Екатерины II, вследствие чего он был арестован и приговорён к смертной казни, заменённой на 10 лет ссылки в сибирском остроге Илимске. В Сибири, писатель знакомится с историей и народными традициями края, народным бытом и жизненным крестьянским укладом, пишет философско-публицистические очерки «Письмо о китайском торге», «О человеке, о его смертности и бессмертии», «Сокращённое повествование о приобретении Сибири» и др.

В 1796 г. император Павел I вернул «революционера» из ссылки. Дата 31 мая 1801 г. ознаменовала полное освобождение писателя – Александр I издал указ об амнистии и вернул ему дворянский титул. Радищева вызвали в Петербург и назначили членом Комиссии по составлению законов. В одном из проектов Александр Николаевич предлагал уничтожить крепостное право, однако ему пригрозили новой ссылкой в Сибирь. Это стало серь-

ённым потрясением для больного и морально сломленного человека. В 1802 г. А.Н. Радищев умер, покончив жизнь самоубийством (принял яд).

Трудно переоценить заслуги писателя перед Отечеством: основы публицистической мысли были заложены в его произведениях, «Путешествие» принято считать краеугольным камнем в формировании и развитии критического реализма в культуре России, сближение книжной лексики и разговорной основы в развитии русского литературного языка также принадлежит А.Н. Радищеву, который много внимания уделял языку своих произведений, отбирая более выразительные и яркие средства для описания идей, чувств, эмоций, для реального отображения крестьянского быта, обращая внимание на особенности народной речи и проявления в ней фольклорного песенного, сказочного и былинного начала. Язык «Путешествия» обладает пафосом «беспощадного обличения общественного зла и тем самым повышают ораторскую напряжённость проповеднического изложения» [Кожин 1989: 134].

Язык «Путешествия» отмечен строгим отбором языковых средств:

а) высокого стиля (по М.В. Ломоносову) – в употреблении книжной и старославянской лексики (*гражданского звания, враг*);

б) разговорной речи – в использовании лексических просторечий (*подцепил*), многократных форм глагола (*бывали*), уменьшительных суффиксов (*нянюшка*), выражений с грубоватой экспрессией (*отбоярил*), фразеологизмов (*изрядный барышок*) [Айдарова 1952: 160].

В составляемом нами словаре языка «Путешествия» значительный пласт – это разговорная лексика и фразеология, с помощью которой автор раскрывает яркие образы персонажей, «в стиле своей прозы дифференцирует разговорный язык персонажей.

Купец, семинарист, поэт, помещик, крестьянин говорят у него разными языками» [Виноградов 1982: 162].

А.А. Алексеев писал: «Всё, что связано в «Путешествии» с просторечной и народной лексикой в языке персонажей, а также и в авторском повествовании, заслуживало большей частью похвалы» [Алексеев 1977: 101], однако А.П. Скафтымов в крестьянском языке «Путешествия» усматривает «пасторальную подслащённость» и «искусственность, надуманность фальшивого просторечия» [Скафтымов 1958: 93]. По нашему глубокому убеждению, только словарь языка «Путешествия» объективно может разрешить эти противоречия в оценке стилистики, поэтики и художественной образности текста.

Ниже представлены словарные статьи словаря языка «Путешествия», возглавляемые устойчивыми (фразеологическими) сочетаниями, построенные в соответствии со следующими принципами:

а) заглавное словосочетание даётся полужирным шрифтом с заглавной буквы, например: **Баба с брюхом, Крутой нрав, Чёрт давит**; в квадратных скобках даются лексические варианты компонентов фразеологизма: **Кровь воспалила [забурлила], Кусать персты [пальцы], Лить ведром [как из ведра]**; в круглых скобках даются формальные варианты компонентов фразеологизма: **Драть кожу (кожи), Продирать (продрать, продравши) глаза, Умирать [помирать] с голоду (голода)**; при наличии во фразеологизме одновременно лексического и формального вариантов или факультативного компонента, имеющего лексические варианты, фразеологизм обозначается следующим образом: **Плевать (плюнуть) [наплевать] в рожу [(лицо), глаза]**;

б) именные фразеологизмы даются в заголовке в форме единственного числа, например: **Луч надежды, Лошадина мочь**; глагольные фразеологизмы даются в заголовке в форме несовершенного вида, например: **Лишаться (лишиться) разума, Спать (спит) и видеть [видит]**; если же глагольный фразеоло-

гизм даётся не в инфинитиве, то он преимущественно употребляется именно в этой форме: **Кровь воспалила [забурлила]**;

в) рядом с заглавным словом в скобках даётся помета (указывающая на стилистическую и эмоционально-экспрессивную характеристику оборота) с использованием общепринятых в современной лексикографии сокращений, например: устар., книжн., разг., прост., ирон.;

г) толкование семантики оборота даётся в одинарных кавычках;

д) с красной (смещённой вправо) строки курсивом помещаются контекстные иллюстрации, снабжённые ссылками на соответствующую главу «Путешествия» и указанием на персонаж, в речи которого встречается данный оборот, например: Люблин, речь рассказчика; Чудово, речь крестьянина; Спасская полесь, речь присяжного;

е) языковой материал структурирован и расположен в алфавитном порядке, за формальный образец взяты словарные статьи из «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова.

Бог [Христос] в помощь (устар. прост.) – `пожелание кому-либо успехов в труде`.

Бог в помощь, – сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду (Люблин, речь рассказчика).

Брюхатая баба (прост. ирон.) – `о неловком, рассеянном, глупом человеке`.

А как попал в наместники и когда много стало у него денег своих, много и казенных в распоряжении, тогда стал он к устерсам как брюхатая баба (Спасская полесь, речь присяжного).

В [из] [до] глубине (глубины) души (книжн.) – `о чём-нибудь происходящем в интимных областях сознания`.

Воздохнул я во глубине души (Чудово, речь рассказчика).

Вкушать [пожинать] плоды (плод) (книжн.) – `пользоваться результатами совершённого, сделанного`.

Достойно бо, да вкушит трудившийся плода трудов своих (Спасская полесь, речь рассказчика).

Драть кожу (кожи) (устар.) – `эксплуатировать, притеснять кого-либо`.

Гольй наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет (Люблин, речь крестьянина).

Кровь воспалила [забурлила] (книж.) – `находиться в состоянии сильного эмоционального потрясения, возбуждения`.

Сия мысль всю кровь во мне воспалила (Люблин, речь рассказчика).

Крутой нрав (разг.) – `суровый и упрямый человек`.

Особливое происшествие побудило человека нраву крутого, как то был мой приятель, удалиться из Петербурга, и вот что он мне рассказал (Чудово, речь идёт о приятеле рассказчика).

Куда [как] ни вертись [крутись] (разг. экспрес.) – `не смотря ни на что`.

Все знают, что курьер поскачет за устерсами, но куда ни вертись, а прогоны выдавай (Спасская полесь, речь присяжного).

Кусать персты [пальцы] (разг. экспрес.) – схоже с фразеологизмом `кусать себя за локти`: `сожалеть, сокрушаться о чём-то`.

Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал – на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда (Чудово, речь рассказчика о человеке нетерпеливом).

Лить ведром [как из ведра] (разг. экспрес.) – `о продолжительном или сильном дожде`.

Небо, не спросясь со мною, разверзло облако, и дождь лил ведром (Спасская полесь, речь рассказчика).

Лишаться (лишиться) разума (разг.) – `утрачивать способность соображать, ясно понимать что-либо`.

Извините мое исступление, я думаю, что я лишусь скоро ума (Спасская полость, речь гражданина).

Лопать (лопнуть) с [от] досады (прост. экспрес.) – `быть в состоянии сильного негодования`.

С досады чуть я не лопнул (Чудово, речь Павла).

Лошадиная мочь (разг. экспрес.) – `во всю силу, с особой интенсивностью`.

Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом (Выезд, говорится о ямщике).

Луч надежды (иноск.) – `последняя надежда`.

...так, увидев суда, луч надежды ко спасению протек наши души (Чудово, речь рассказчика).

Мёртвый в законе (иноск.) – `тот человек, который не имеет права на закон`.

Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным (Люблин, говорится о крестьянах).

Молоть [нести] пустяки [вздор] (разг.) – `говорить глупости`.

И... полно, Клементьич, пустяки-то молоть (Спасская полость, речь жены присяжного).

Не житьё, а Масленица [масленная] (устар. экспрес.) – `очень хорошая, вольготная жизнь`.

Когда бы я с ним был заодно, то бы было не житье, а масленица (Спасская полость, речь присяжного).

Обагрённый в крови (устар. книж.) – `совершать (совершённое) насилие (над кем-то)`.

Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обагрённый кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории, российской (София, речь рассказчика).

Обливаться слезами (экспрес.) – `горько и безутешно плакать`.

Говоря сие, Павел обливался слезами (Чудово, речь рассказчика о Павле).

Плевать (плюнуть) [наплевать] в рожу [(лицо), глаза] (разг. экспрес.) – `оскорблять кого-либо словами или действиями`.

Окончат не мог моя речи, плюнул почти ему в рожу и вышел вон (Чудово, речь рассказчика).

Продирать (продрать, продравши) глаза (иноск.) – `проснуться после крепкого сна`.

Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал (София, говорится о комиссаре).

Рвать [драть] на себе волосы (разг. экспрес.) – `приходить в отчаяние, испытывать досаду`.

Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал – на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда (Чудово, речь рассказчика о человеке нетерпеливом).

Я волосы драл с досады (Чудово, безымянный спутник).

Свет померк в глазах (разг.) – 1) `кто-либо расстроился так, что у него произошло шоковое ослабление зрения`; 2) `всё стало противно, немило`.

Сколь скоро вообразу ту минуту, когда любезная моя со мною расставалась, то я все позабываю и свет в глазах меркнет (Спасская полость, речь гражданина).

Спать (спит) и видеть [видит] (прост. экспрес.) – `очень сильно желать, хотеть чего-либо`.

Спит и видит, чтобы устерсы кушать (Спасская полость, речь присяжного).

Толкать (толкнуть) в шею [спину] (иноск.) – `принуждать`.

Да кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь (Спасская полость, речь присяжного Клементыча).

Ударять в тимпан (книжн.) – `по аналогии с ‘бить в набат’ (создавать беспокойное настроение), но в положительном значении`. Тимпан – музыкальный инструмент, родственник тарелок.

Речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавались в душе моей (Спасская полесть, речь рассказчика).

Умирать [помирать] с голоду (голода) (прост. экспрес.) – `испытывать сильный голод`.

А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья (Люблин, речь крестьянина).

Чёрт давит (грубо-прост.) – фразеологизм схож с ‘чёрт тебя задави’: `выражение возмущения, негодования`.

Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью (София, речь комиссара).

Что за пропась (прост. экспрес.) – `восклицание, выражающее недоумение`.

Что за пропась, я уже сказал, что нет лошадей (София, речь комиссара).

В заключение отметим, что фразеологизмы «Путешествия» отражают национальную специфику языка, его самобытность, яркость и образность. Они свидетельствуют не столько об утрате «былых позиций стилистики классицизма, сколько о новаторстве в описании речи персонажей: простой крестьянин (*Голый наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет*), присяжный (*Кто тебя толкает в шею, верь, коли хочешь*), даже рассказчик (*Человек ярого и нетерпеливого сложения рвал – на себе волосы, кусал персты, проклинал час своего выезда*) изображаются с помощью ярких, эмоциональных средств языка как равные друг другу» [Кожин 1989: 141]. Речь их разнообразна и своеобразна! В этом случае литературный опыт писателя пошёл дальше традиций словесного изображения персонажей, которые были присущи М.В. Ломоносову и Н.М. Карамзину.

Фразеологизмы в «Путешествии» как нельзя лучше отражают «богатый исторический опыт народа», отражают «представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей» [Молотков 1968: 5]. Они передают всю глубину чувств писателя, который с присущей ему точностью и достоверностью «жѣг глаголом сердца людей» [Пушкин 1984: 342], за что фактически был не понят в своём веке, да и в последующие времена.

Конечно, словарь языка «Путешествия» не ограничивается фразеологией, в нём предполагается представить все стилистические пласты лексики и устойчивых выражений. Возникает вопрос: для чего нужен словарь языка этого сложного и непонятного многим произведения? Ответим: чтобы и школьник, и студент, и практикующий учитель, и литературовед, и лингвист, и журналист, и любой читающий человек смогли по достоинству оценить глубину писательской и гражданской мысли А.Н. Радищева.

Литература

1. *Айдарова В.Н.* Элементы народной речи в «Путешествии» А.Н. Радищева. СПб.: Труды Сталинир. пед. ин-та, 1952.
2. *Алексеев А.А.* Старое и новое в языке Радищева // XVIII век. СПб.: Институт русской литературы, 1977. С. 101.
3. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. С. 160–162.
4. *Кожин А.Н.* Литературный язык допушкинской России. М.: Русский язык, 1989. С. 134–141.
5. *Молотков А.И.* Предисловие // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1968.
6. *Пушкин А.С.* Стихотворения. Поэмы. М.: Правда, 1984.
7. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Ода «Вольность». М.: Правда, 1978.

8. *Скафтымов А.П.* Статьи о русской литературе. Саратов: Саратовское книжное издательство, 1958.

9. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: теория, история, современность. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2012.

10. *Щёголев П.Е.* Первенцы русской свободы / Вступит. статья и коммент. Ю.Н. Емельянова. М.: Современник, 1987. С. 1–3.

Баланова Ирина Александровна
Санкт-Петербургский государственный университет
Balanova-I@ya.ru

Языковая личность М.М. Сперанского в тексте дидактического характера

На современном этапе развития лингвистической науки феномен языковой личности как объект междисциплинарных исследований характеризуется многообразием интерпретаций и научных подходов.

Ю.Н. Караулов одним из первых приступил к разработке единой теории языковой личности, выделив важнейшие аспекты анализа и предложив структуру языковой личности, состоящую из трех уровней: «1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную "картину мира"... 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности» [Караулов 1989]. В целом, рассмотрение языковой личности направлено на раскрытие индивидуального стиля, реконструкцию «содержания мировоззрения личности» [Караулов 1989] и выявление черт языка эпохи. Неоспоримым преимуществом такого подхода считается его комплексность: «язык в этом случае предстает и как система, и как текст, и как способность» [Караулов 1997: 671].

Несмотря на то что теоретическое обоснование данная проблема получает лишь в последней трети XX века, она имеет давние традиции, связанные с интересом науки к носителю языка и отбору языковых средств, формирующих индивидуальный стиль автора высказывания.

В.В. Виноградов, изучая вопросы стиля и фигуры автора художественного произведения, подчеркивал, что «понятие стиля и соотносительные с ним понятия автора и литературного произведения не являются стабильными для разных эпох истории народной культуры и литературы» [Виноградов 1961: 18]. Так, на смену жанровой заданности текста в последней четверти XVIII в. приходит авторское начало.

Выдающейся личностью конца XVIII – начала XIX вв. был граф М.М. Сперанский, государственный деятель и одаренный мастер слова. В возрасте двадцати одного года (в 1792 г.) в начале своей преподавательской деятельности Сперанский пишет дидактический труд «Правила высшего красноречия» (далее – ПВК) [Сперанский 1844]. Эта работа особенно показательна с точки зрения лексического наполнения: индивидуальный стиль и новаторство Сперанского как языковой личности проявились именно на этом уровне.

Безусловно, автор текста пренебрегает консервативными стилистическими традициями XVIII в. Современники единодушно признавали графа за новатора в языковом отношении, непревзойденного мастера стиля: «Щеголеватая и трезвая фраза Сперанского многим казалась образцом слога» [Румянцева 2006: 167]. Автор отходит от стилистических канонов XVIII в., преодолевает разрыв между разговорной речью и письменным языком с его славянизмами и тяжеловесными синтаксическими конструкциями. В структурном отношении анализируемый трактат представляет собой привычный для своего времени учебник красноречия, однако назначение его шире. Для Сперанского риторика важна в первую очередь как один из способов управления людьми, «поэтому в центре произведения стоят вопросы не столько эстетические, сколько психологические, или, точнее, психолингвистические» [Парсамов 2010: 11].

По свидетельствам современников, М.М. Сперанский был одаренным мастером слова, он задал собственному слогу новый

выразительный стиль (текст стал более образным, синтаксическое построение предложений получило большую свободу, появились лексические и семантические новообразования). К тому же, для традиционного представления о языке учебного издания неестественным было обилие отвлеченной лексики. Данное обстоятельство послужило основанием для исследования, отдельные результаты которого представлены в настоящей публикации.

Анализ языковых особенностей, маркирующих манеру Сперанского в работе «Правила высшего красноречия», позволил выделить в первую очередь следующие основные лексико-семантические особенности.

1) Обилие отвлеченной лексики.

В обилии отвлеченной лексики, мало известной научному стилю ранее, в тексте трактата проявляется личность автора: большинство девербативов и деадъективов апеллируют к важности эмпирического опыта человека и ментальной активности при постижении основ красноречия и трудов великих ораторов античности. М.М. Сперанский много рассуждает о страстях и вкусе как важнейших слагаемых *витийства*, о высоком в душе и возвышенном образе мыслей, постоянно выражая при этом свое равнодушие к предмету размышлений. Многие отвлеченные образования включают в свой состав оценочный компонент (*изящество, лютость, мцение*), и в этом вновь непосредственно сказывается авторское отношение.

Но понеже степени чувствительности и просвещения могут быть различны; понеже есть в вещах точка совершенства, и как часто любят нечто выше или ниже ее: то есть вкус добрый и вкус худой, и спор о вкусе имеет свое основание (ПВК: 71).

В процитированном выше фрагменте текста основные субстантивные десигнаты введены с помощью отвлеченных имен: *чувствительность, просвещение, совершенство, вкус, спор, основание*. Все смысловые доминанты предложения сосредоточены в семантике перечисленных образований: в сущности, оказывается

возможным вычленил смысл отрывка из цепочки отвлеченных существительных без обращения к предложению.

«Человек говорящий, рассматриваемый в первую очередь как языковая личность, является носителем определенных знаний и представлений» [Красных 2011: 216], в этом отношении примечательны используемые Сперанским отвлеченные субстантивы. За счет своей смысловоемкости они позволяют передать индивидуально-авторский взгляд на описываемые явления, авторское понимание предмета мыслей и отношение к нему.

2) Использование отвлеченных субстантивов как средство создания научного стиля.

Производные именные образования являются средством выражения уплотненной информации, поэтому особенно часто они оформляют научные понятия – *значение, испытания, доказательство*:

...чтобы сыскать начало обстоятельств, не покровитесь вы сами мраками трудных разысканий, и не будете теряться из виду слушателей в сих многосложных умствованиях... (ПВК: 20)

Род истин, составляющих предмет церковного слова, не требуют многих доказательств (ПВК: 157).

Вообще можно утвердить, что чтение Славяно-Российских книг дает слогу некоторую твердость, важность и силу, которой тщетно мы будем искать в других пособиях (ПВК: 103).

Обилие отвлеченных субстантивов служит средством создания научного стиля. На это работает и форма слова: образования на *-ние, -ость, -ство*, превышая среднюю длину слова, звучат более строго, терминологично, задают соответствующий тон всему тексту и в нашем случае образуют канву научного стиля. Однако в случае с рассматриваемым текстом следует уточнить, что научный стиль М.М. Сперанского пестрит средствами художественной выразительности и характеризуется повышенной поэтичностью, образностью:

Итак, места красноречивые вдыхает природа, т. е. надобно иметь сильное чувство, или, что то же, надобно иметь живое воображение и огненные страсти. Чтобы их произвести, дать им образ, оправить их, – если можно так сказать, – есть действие науки (ПВК: 6).

Такой автор видит форму презентации содержания в тексте учебного характера.

3) Обилие маркированных слов.

Для стилистической специфики рассматриваемого текста существенным является наличие стилистически маркированных слов. В ПВК было выявлено немало славяно-книжных словоформ на *-ость, -ьство, -ьствие, -ние*, отмеченных в Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской академии наук (1847 г.) (далее – Сл. Ак. 1847), пометой *церк.*, например *горесть, владычество, лобзание*:

Какое владычество над страстями! (ПВК: 39);

Один чувствует горесть его положения; его нервы нежные тотчас напрягаются; его душа отражается на его лице; он проливает слезы (ПВК: 25).

Их наличие в тексте видится вполне закономерным следствием жизненного опыта автора, отражающего этапы его жизненного пути. Воспитанный на догматах церкви, получивший образование по классу богословия, М.М. Сперанский активно внедряет церковнославянизмы в собственные тексты.

Один небольшой пример демонстрирует общий возвышенный тон отрывков, в которые включаются церковнославянизмы: *Лонгин почивал на его лоне и был покрыт его лобзаниями* (ПВК: 131). Помимо стилистически маркированного слова *лобзание*, эффект создается за счет книжных устаревающих словоформ *почивать, лонно*, пассивной конструкции *был покрыт*. При всем том сам предмет рассуждения, его тематика допускают возникновение высоких церковных словоформ.

4) Расширение семантической структуры слова, вовлечение в узус новых значений.

Новой для традиционного употребления отвлеченных существительных в первой половине XIX века становится тенденция к расширению семантической структуры слов; Сперанский развивает ее, смело используя новые метонимические переносы. Что касается девербативов, то к их основному значению действия (реже – состояния) М.М. Сперанский подключает дополнительные значения результата или «опредмеченного» действия, которое наблюдается на значительном количестве примеров.

*Он принялся за работу: и под дышущей его кистью родилось **изображение** человека* (ПВК: 51).

*...напишите истое **изображение** удовольствия, и назовите его добродетелью* (ПВК: 13).

Согласно Сл. Ак. 1847, глагольная природа таких существительных на рубеже XVIII–XIX веков проявляла себя гораздо ярче, чем в современном русском языке, так как в абсолютном большинстве случаев значение действия субъекта указывалось первым и, соответственно, считалось основным – *Изображение, я, с. ср. 1) Действие изобразившего. 2) Изображенный вид, начертание чего-либо.* (Сл. Ак. 1847, 2: 120)

*Ваш слог будет текуч и ясен; но где возьмете вы сию стремительность, увлекающую за вами все **внимание** ваших слушателей, сей вихрь, уносящий их против воли?* (ПВК: 9–10);

*Речь потеряет сим свое единство, и **внимание** слушателей развлечется* (ПВК: 22).

В Сл. Ак. 1847 находим: *Внимание, я, с. ср. 1) Действие внимающего. 2) Готовность слушать что-либо без развлечения* (Сл. Ак. 1847, 1: 156).

Таким образом, новое значение, которое становится ведущим для девербативов в ПВК, является вторичным по отношению к некогда основному значению действия субъекта, коннотация выделилась метонимическим путем.

Указанные выше особенности позволяют сделать некоторые выводы о языковой личности М.М. Сперанского. С одной стороны, автор представляет собой смелую и прогрессивную языковую личность: намеренно расширяет узус употребления лексем, вводит новые единицы «метафизического» языка, сочетает экспрессивность суждений с терминологичностью и сдержанностью. Подчеркнутая оценочность свидетельствует о неравнодушии автора к предмету рассуждений, его озабоченности моральным обликом человека и образом его мыслей. Отсюда вырисовывается и идеальный адресат Сперанского – юный слушатель, к которому сам автор испытывает живой интерес, и помимо обучения витийству он стремится воспитать в нем высокие душевные качества, способность мыслить независимо и непредвзято. С другой стороны, автор трепетно относится к традиции, будь то вековые риторические традиции, языковые церковнославянские традиции или обращение к истории.

В тексте отчетливо прослеживается дидактическая установка автора. Особенно выразительно она проявляется на лексическом уровне, и этим во многом объясняются не столько языковые, сколько упомянутые психолингвистические приемы воздействия. Автор являет собой образец идеального ратора, а текст учебного пособия превращается в произведение ораторского искусства.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
2. *Караулов Ю.Н.* Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность*. М., 1989. С. 3–8. [Электронный ресурс:]. URL: http://destructionen.narod.ru/karaulov_jasikovaja_lichnost.htm (дата обращения: 16.10.2017).
3. *Караулов Ю.Н.* Языковая личность // *Русский язык*. Энциклопедия. М., 1997. С. 671–672.

4. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность // Актуальные проблемы современной лингвистики. М., 2011. С. 214–217.

5. *Парсамов В.С.* Вступительная статья // Сперанский М.М. Избранное. М., 2010. С. 5–64.

6. *Румянцева Н.М.* М.М. Сперанский и русская речь // Высшее образование в России. № 8. М., 2006. С. 164–171.

7. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847. – Сл. Ак. 1847.

8. *Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. СПб., 1844. – ПВК.

Брыкова Александра Андреевна
Высшая школа печати и медиатехнологий СПбГУПТД
kakoslik88@yandex.ru

**Языковая личность ребенка и взрослого в абсурдистской
прозе для детей: читательское ожидание и реальность
(на материале рассказов М. Москвиной и Д. Хармса)**

Лингвистический анализ произведений детской литературы примечателен тем, что любое произведение, написанное для детей, максимально наглядно отражает классическую схему Р.О. Якобсона, включающую в себя адресанта, адресата, сообщение и код [Якобсон 1975]. В случае детской литературы особое внимание уделяется коду и адресату – читателю-ребенку, особенности коммуникативной компетенции которого требуют специального отбора языкового материала.

Однако произведение детской литературы является не просто сообщением, но фактом культуры определенного исторического периода, отражающим и одновременно подчиняющимся социальным представлениям о феномене детства – месте ребенка в обществе. Тесно взаимодействует детская литература и с так называемой литературой для взрослых, переосмысляя особенности различных литературных течений и адаптируя их с учетом специфики читателя-ребенка. Все это делает литературу для детей многогранным феноменом и богатым материалом для лингвистических исследований, в том числе проводимых в русле антрополингвистики в целом, и в русле изучения языковой личности в частности.

Значимость языковой личности персонажей в произведениях для детей, особенно если речь идет о литературе для детей старшего дошкольного и школьного возраста, определяется воспитательной функцией детской литературы, которая традиционно ставится выше функции эстетической, познавательной и развлекательной.

Воспитательной функции детской литературы придавали особое значение и в XVIII веке, в период российского Просвещения, и в веке XIX, и в советское время. Произведения детской литературы были призваны решать вопросы не только морально-этического и социального воспитания, но и воспитания речевого и коммуникативного. Это делало крайне значимыми речевые образцы, в роли которых в детских произведениях обычно выступали герои-взрослые – на них должен был ориентироваться и герой-ребенок, и читатель-ребенок. Таким образом в сознание читателя закладывались основы речевого этикета и представления о прагматически и социально успешной коммуникации.

Однако, как показывает анализ произведений отдельных современных авторов, этот тезис верен только отчасти, в первую очередь для произведений детской реалистической литературы, в то время как в абсурдистской прозе для детей наблюдается совсем иное распределение коммуникативных ролей между персонажами, создаются иные образы языковых личностей ребенка и взрослого.

Современная детская литература, как и литература «взрослая», находится в стадии постмодерна, следствием чего становится наличие различных литературных течений, исповедующих различные же взгляды на феномен детства. Помимо реалистической детской литературы, включающей в себя повести и рассказы школьной и бытовой тематики, обнаруживаются также произведения абсурдистской направленности, представленные в первую очередь рассказами М. Москвиной.

Марина Москвина – современный детский писатель, чей сборник рассказов «Моя собака любит джаз» в 1998 году был удостоен престижной премии Андерсена и положительно оценен российскими критиками, детьми и родителями [Мавревич 2004; Порядина 2010; Цыбульский 2007]. Указанный сборник представляет собой серию рассказов, объединенных единством персонажей и единством повествования, которое ведется от лица

главного героя – мальчика Андрея, участвующего в том, что происходит в его семье, или наблюдающего за этим. Сборник ориентирован на детей старшего дошкольного, младшего школьного возраста и на их родителей.

Как лингвистический материал тексты М. Москвиной интересны в первую очередь тем, что позволяют выявлять черты языковой личности персонажей – детей и взрослых. Речевое взаимодействие персонажей в диалогах позволяет судить о художественной и культурной специфике исследуемых произведений, во многом продолжающих (и переосмысляющих) традиции абсурдистской прозы 20-х годов прошлого века, которые в детской литературе были представлены в первую очередь рассказами Д. Хармса и А. Введенского.

Абсурд – литературное и шире культурное явление, вызывающее много споров (в области хронологии, трактовки, характерных черт) и обнаруживающееся как в модерне, так и в постмодерне (см. обширный обзор О. Бурениной, посвященный трактовке понятия абсурд в европейской и русской литературе [Абсурд и вокруг 2004]). В самом общем смысле абсурд принято понимать как «способ отражения действительности, для которого характерны подчеркнутое нарушение причинно-следственных связей, гротескность, продиктованная стремлением продемонстрировать нелепость и бессмысленность человеческого существования» [Словарь литературоведческих терминов 2006: 10]. Абсурд «неизбежно появляется там и тогда, когда возникает кризис бытия, а следом за ним кризис мысли и языка» [Абсурд и вокруг 2004], что и демонстрирует анализ диалогового поведения персонажей в рассказах М. Москвиной.

Диалог – форма речи, правила построения которой усваиваются ребенком относительно естественно в процессе общения со взрослыми и сверстниками. Именно поэтому диалог является преобладающей формой речи в рассказах для детей практически всех возрастов, в том числе в рассказах для детей старшего до-

школьного и младшего школьного возраста. Анализ диалога, его структуры, прагматического и тематического состава, как коммуникативного взаимодействия, происходящего в рамках хронотопа художественного произведения «здесь и сейчас», позволяет судить об особенностях языковых личностей персонажей.

Языковая личность, в понимании Ю.Н. Караулова, – это набор компетенций, языковых, речевых и коммуникативных [Караулов 2010: 56]. Анализ этих компетенций позволяет судить не только об уровне владения языком той или иной личностью, но и о ее идеологических взглядах, общей образованности и ориентированности в прецедентных текстах. В детских произведениях роль языковой личности персонажей крайне важна, так как именно персонажи становятся социальными и коммуникативными ориентирами для читателя-ребенка.

Диалоговое взаимодействие персонажей в рассказах М. Москвиной отличается от взаимодействия персонажей классической советской литературы, в первую очередь тем, что персонаж-ребенок чаще всего общается не со своими сверстниками (сравни рассказы Н.Н. Носова и В.Ю. Драгунского¹), а со взрослыми – родителями, учителями, знакомыми. Большая часть бытовых диалогов разворачивается только между героями-взрослыми – герой-ребенок не участвует в коммуникации, а выступает в качестве наблюдателя.

Наличие взрослого как полноценного участника коммуникации делает диалог социально неравным и формирует ряд читательских ожиданий, касающихся взрослой коммуникативной компетенции и сложившихся у читателей во многом под влиянием советской детской литературы, социальной и воспитательной практики.

В представлении читателя речевая компетенция взрослого должна превосходить компетенцию ребенка, а сам взрослый дол-

¹ Подробнее об особенностях организации диалогов в рассказах Н.Н. Носова и В.Ю. Драгунского см. [Руднев, Брыкова 2012].

жен служить для ребенка ориентиром – речевым и поведенческим, что соответствует воспитательной функции детской литературы. Однако развертывание коммуникативного взаимодействия в рассказах М. Москвиной последовательно обманывает читательские ожидания подобного рода, обнаруживая несоответствие языковой личности взрослого принятой социальной роли взрослого. Несоответствие, имеющее место на всех уровнях компетенции, от речевого нулевого уровня, до уровня идеологического.

Нулевой уровень речевой компетенции

Нулевой, или лексико-семантический, уровень компетенции предполагает наличие достаточного лексического запаса, знание лексических значений слов и умение пользоваться грамматическим инвентарем.

Анализ реплик персонажей-взрослых в произведениях М. Москвиной обнаруживает наличие ошибок лексического употребления, которые можно трактовать как случаи сдвинутой референции: – *Скажи, Андрюха, я **добрый**?* – *говорил папа. – Я неприхотливый в еде! Я однолюб!* (М., 130); – *Если ты имеешь **хобби**,* – *ответил папа, – у тебя совсем другой вид, потому что ты разгадал смысл своей жизни. – А я как раз давно уже думаю: в чем смысл жизни? Теперь мне осталось узнать, что такое «**хобби**».* – *Это когда человек,* – *объяснила мама, – каждый раз впадает в какую-нибудь дурь* (М., 148).

Контекстуальное изменение лексического значения затрагивает слова разных частей речи – существительные и прилагательные – и предполагает внесение в значение нерелевантных сем ('неприхотливый в еде', 'однолюб' для прилагательного *добрый*, например). Это приводит к размыванию значения слова или приобретению им несвойственной стилистической окраски (высокой или пренебрежительной для слова *хобби*). Подобные случаи сдвинутой референции появляются как в репрезентативных репликах диалога, представляющих собой презентацию или авто-

презентацию, так и в метаязыковых высказываниях, чья цель – прояснить для героя-ребенка (а следовательно, и для читателя) значение отдельных слов.

Искажения словарного значения лексемы может становиться причиной когнитивного диссонанса, так как фоновые знания читателя-ребенка относительно значения отдельных слов могут входить в противоречие с определениями, данными или подразумевающимися (за счет контактного употребления прилагательных и существительных, например) героями-взрослыми. Показательно, что, по наблюдению онтолингвистов, случаи сдвинутой референции и искажения лексического значения слов характерны для детей, которые только начинают осваивать лексическую систему родного языка, познавать ее связи [Кубрякова 1989: 7].

Помимо случаев сдвинутой референции в репликах диалогов рассказов М. Москвиной, отмечаются также стилистически неуместные употребления слов. Бытовой диалог как устная непринужденная форма речи предполагает преобладание разговорных лексем и форм, диалогических синтаксических конструкций, неполных предложений и дейктических слов. То же касается и литературных адаптаций живой речи, которой является диалог художественного произведения, предполагающий наличие наиболее узнаваемых признаков разговорной речи [Будагов 1967: 213]. В репликах взрослых в рассказах М. Москвиной с указанными разговорными словами активно конкурируют канцеляризм: *Немаловажен укроп, – говорит Каракозова. – Только укроп нужно брать в стадии цветения* (М., 129); *Ты повредился рас­судком. Первое чувство, которым обязан руководствоваться житель нашего района Орехово-Борисово, – это чувство здравого смысла* (М., 190); *Это короткоухая такса, – твердо произнес папа, – купленная мной и Андрюхой на Птичьем рынке* (М., 143). Среди канцеляризмов выделяются отглагольные существительные, функционально ограниченные прилагательные и глаголы, страдательные причастия.

Обнаруживаются в репликах исследуемых произведений и приметы высокого стиля: героям-взрослым свойственно употреблять экспрессивные слова с книжной окраской, которые они предпочитают нейтральным и разговорным синонимам: – *Ну, Рубен, говорит моя мама, – замолчи, не **терзай** нам сердце* (М., 98); *На второе она приготовила курицу. Курица у нее все в перьях. <...> – Все! – закричал папа. – **Вождделение** сменилось отвращением* (М., 119). Употребление подобных слов не только привносит в общение не всегда уместную экспрессию и патетику, но и размывает границы диалогической и монологической речи, делая переход от реплик к повествованию менее заметным.

Наличие грамматических и лексических признаков канцелярского (официально-делового) и высокого стилей приводит также к размыванию границ стиля разговорного, создает диссонанс между пропозицией – темой разговора – и ее речевым оформлением и указывает на недостаточную речевую компетенцию взрослых.

В свою очередь, речевая компетенция персонажа-ребенка остается в рамках отведенной ему социальной роли и функции: преобладают разговорные конструкции, функциональные стили не смешиваются, а случаи сдвинутой референции единичны: – *Я мальчик **конченный**, – сказал я <...>. – Я очень приличный, воспитанный, но конченный* (М., 185) (о сдвинутой референции здесь свидетельствует противительный союз *но*, который не позволяет определять слово *конченный* в словарном значении ‘плохой, бесперспективный’). При этом герой-ребенок активно осваивает речевую сферу, обращаясь за помощью ко взрослому, но не всегда получает однозначный ответ (уже приводимый выше пример с интерпретацией слова *хобби*).

Коммуникативно-прагматический уровень языковой личности

Коммуникативно-прагматическая составляющая языковой личности на уровне диалогического общения включает в себя

умение выстраивать обоюдовыгодные коммуникативные взаимоотношения с адресатом. Для этого говорящему необходимо учитывать максимы Грайса [Грайс 1985] и существующие импликатуры общения, адекватно реагировать на иллокутивно связанные реплики (вопрос, требование) [Баранов, Крейдлин 1992], соблюдать правила речевого этикета. Немаловажен также выбор способов речевого оформления различных по прагматической направленности реплик – вопросов, директивов, репрезентативов [Серль 1986; Austin 1962].

Коммуникативная компетенция – одно из основных требований успешности социального взаимодействия ребенка в условиях социально равного и социально неравного общения. Оценка уровня коммуникативной компетенции в некоторых случаях позволяет судить также и о идеологическом уровне языковой личности.

В диалогах типа «взрослый – взрослый» и «взрослый – ребенок» в исследованных произведениях М. Москвиной персонажи взрослые нередко нарушают требования диалогической связности [Падучева 1982], пренебрегают импликатурами общения, что становится причиной коммуникативных неудач.

Нарушение правил коммуникации обнаруживается при анализе пар вопросно-ответных реплик, связанных иллокутивным вынуждением: – *Может, будем обедать?* А Каракозова говорит: – **Надо мыть** руки перед едой! (М., 128); – *Где пакет?* – *угрюмо говорит папа.* – **Зачем тебе пакет?** – *Ледяным голосом спрашивает мама.* – **Плох тот рыбак,** – *сурово отвечает папа,* – *который, идя на рыбалку, даже не берет с собой пакет* (М., 150).

Реплики-реакции в приведенных парах не полностью соответствуют реплике-стимулу. В первом из примеров реакция представляет собой безличное предложение с предикатом *надо*, выступающее в качестве имплицитного директива и актуализирующее социально значимое действие (мытьё рук перед едой), в то время как стимульный вопрос требует репрезентативного, а не директивного ответа. Во втором примере реплика-реакция – не-

полное сложноподчиненное предложение с придаточным причины – лишь формально отвечает требованиям иллокутивного вынуждения, так как реплика-стимул представляет собой модельный целевой, а не причинный вопрос, на что указывает вопросительное слово *зачем*.

Коммуникативная неудача может возникать также по причине несоответствия интенции адресанта и его речевого воплощения: – ***Встань пораньше**, – сказала мама, – **побрейся, спрыснись английским одеколоном – и на рынок за опарышем!*** (М., 149). Ряд однородных форм глагола в повелительном наклонении обнажает абсурдность директива, который остается без реакции собеседника – вербальной или невербальной. На уровне пунктуации эта абсурдность поддерживается тире перед сочинительным союзом *и*.

Незнание импликатур общения и разность прагматических установок [Ермакова, Земская 1993] также приводит к коммуникативным неудачам в диалогах между взрослыми и взрослым и ребенком. На речевом уровне это проявляется в подмене понятий – неверной трактовке многозначных слов или использовании слов однозначных в референциальном, а не в денотативном значении: *И дал мне букет увядших георгин – он их заблаговременно приобрел поза-позавчера. И как раз сегодня они завяли. – Ну и ну, – говорю, – у тебя, пап, я вижу нервов нету. Оказался бы **на моем месте**. – Нет, – сказал папа, – не хочу я **на твоём месте**, не хочу быть десятилетним. Подрастал-подрастал... (М., 98); – *Бескрылые личности! – сердито сказал папа. – Наш современник на утлых судах бороздит океаны, бросает вызов пикам и отрогам, **летает на воздушных шарах**, а вы сидите и не знаете, чем вам заняться. – Я знаю, – сказала мама. – Ты, Михаил, будешь только рад, если я улечу **на воздушном шаре**. – Не обязательно великие свершения, – возразил папа (М., 148)*. Коммуникативная неудача в первом из приведенных примеров возникает по причине расширения пропозиции и перенесения коммуникативного*

фокуса с конкретной ситуации на возраст персонажа-ребенка. Формально это становится возможным благодаря расширенной контекстуальной трактовке устойчивого выражения «на моем месте». Во втором примере основой коммуникативной неудачи является фраза «улететь на воздушном шаре», понятая адресатом в прямом, а не в переносном значении, что на вербальном уровне выражается в изменении глагольного класса и вида глагола с несовершенного на совершенный, а также формы существительного шар с мн.ч. на ед.ч.

Таким образом, организация диалогов в рассказах М. Москвиной указывает на недостаточность коммуникативной компетенции персонажей взрослых, причины которой кроются не столько в незнании правил общения, сколько в неумении ориентироваться на коммуникативные потребности адресата. Отсутствие стремления к взаимовыгодному речевому общению, пренебрежение максимами Грайса приводит к прагматической рассогласованности диалога. Эта рассогласованность еще нагляднее проявляется на фоне соблюдения требований формальной диалогической связности – использования диалогических повторов. Более того, именно диалогические повторы чаще всего становятся причиной коммуникативных неудач, так как контекстуальное значение одних и тех же слов в репликах различных персонажей не совпадает.

Анализ на этом фоне прагматического поведения персонажа-ребенка обнаруживает одну интересную закономерность: если взрослые в рассказах М. Москвиной активно нарушают все базовые правила прагматики, то дети, напротив, стремятся их соблюдать. Реплики детей органично встраиваются в общее коммуникативное пространство, становясь прагматически адекватной реакцией на поведение взрослых – их вопросы, требования или просьбы: – *Не беспокойся, папа, – говорю я. – Я буду вам помогать. – А что ты будешь делать, сынок? – спрашивает мама. – Улиток буду продавать. «Продаются хорошие, сочные улитки»*

(М., 154). Грамматическое и синтаксическое оформление диалогических высказываний также не отклоняется от интуитивно осознаваемой коммуникативной нормы, в том числе и потому, что, как уже указывалось ранее, в репликах детей не наблюдается смешение функциональных стилей.

Стремятся дети соблюдать и нормы речевого этикета, что выражается в реализации форм благодарности и использовании полных форм имени при обращении: – *Но вообще-то ты рад, – говорит он [папа – А.Б.], – что мы тебя родили? – Конечно, – отвечаю, – я вам так за это благодарен* (М., 102); *Я кричу: – Владимир Иосифович, у вас есть микроскоп?* (М., 176).

Идеологический уровень языковой личности

Анализ диалогового взаимодействия персонажей в произведениях М. Москвиной позволяет также сделать ряд выводов об идеологической составляющей языковой личности, в том числе о её вовлеченности и знании прецедентных текстов.

Диалог – синтетическая форма речи, в репликах которой могут в свернутом виде воплощаться различные типы речи, в том числе описания и рассуждения.

Описания и рассуждения не характерны для детской литературы и редко встречаются и в монологической, и в диалогической формах речи, так как тормозят сюжетное развитие произведений, ориентированных на действие. В этом отношении показательно, что в рассказах М. Москвиной сюжету как таковому отводится меньше места, чем диалогу, а сам хронотоп организован более сложно. Сюжетное развертывание не всегда предполагает прямую хронологию (допускаются отступления, временные возвраты) и может укладываться как в один, так и в несколько дней.

Перемещение фокуса внимания с сюжета на диалоговое общение, нередко больше чем действия раскрывающее характеры героев, повышает значимость реплик-описаний и реплик-рассуждений как материала для реконструкции идеологического уровня

языковой личности персонажей: – *Скажи, Андрюха, я добрый? – говорил папа. – Я неприхотливый в еде! Я однолюб!* (М., 130); *Врач Каракозова Надя – веселый, культурный человек. У нее широкий круг интересов. Она шашистка, играет в пинг-понг. Была в шестнадцати туристических походах, пять из них лодочные!* (М., 128). Реплики-описания представляют собой репрезентации и самопрезентации, на синтаксическом уровне организованные как двусоставные предложения, где в качестве субъекта выступают существительные или личные местоимения, а в качестве предиката – именные сказуемые – качественные прилагательные в самостоятельной позиции или в составе субстантивных словосочетаний.

Структура реплик-описаний предполагает наличие тезиса и его расшифровки, при которой одна из общих характеристик раскрывается через контекстуальный синонимический ряд (*добрый – неприхотливый – однолюб*) или конкретные примеры. Тезис здесь можно трактовать как слово, а расшифровку – как его контекстуальное значение, указывающее на сдвинутую референцию и размывание понятия. В случае реплик-описаний взрослых следует говорить именно о сдвинутой референции, как следствии неспособности давать объективную оценку себе и окружающим.

Большая часть презентаций и самопрезентаций появляется в репликах-стимулах или в одиночных репликах, которые остаются без ответа, в том числе в жанрах знакомства и представления. Появление подобных самопрезентаций в репликах-реакциях было единичным и становилось причиной коммуникативной неудачи: [мама – А.Б.] – *Я не создана для того, чтобы ходить в обувной магазин. – А для чего же ты создана? – спрашиваем мы с папой. – А ни для чего! – отвечает она. – Меня ни для чего невозможно приспособить* (М., 99). Показательно, что в приведенном примере структура описания синтаксически отличается, так как представляет собой безличное предложение, где личное

местоимение замещает позицию пациенса, что усиливает деагентивность персонажа-взрослого.

Помимо реплик-описаний для реконструкции идеологического уровня языковой личности важны и реплики-рассуждения взрослых: *Еще папа купил мне хорошего Шварценеггера – его портрет <...> – Кумиры есть кумиры, – сказал папа, – надо же курить им фимиам* (М., 97). Рассуждения такого рода вполне компактны и оформляются в одно или несколько предложений. При этом их появление в составе диалогической фразы может быть не всегда оправдано, как и их речевое оформление. Допустимы использования книжных фразеологических сращений с затуманенной внутренней формой (курить фимиам), чье лексическое значение может быть неизвестно читателю-ребенку. К тому же в приведенном примере наблюдается искажение словарного значения фразеологизма, возврат его к первоначальным смыслам, имеющим культовый подтекст, который так же может быть неясен читателю.

Помимо фразеологизмов, реплики-рассуждения героев-взрослых могут иметь и особое синтаксическое строение: *Он смотрел на нас равнодушными глазами, а когда я на даче опился парным молоком, он сказал безо всякого сочувствия: – Ничего, такова жизнь. Приехал на курорт – погулял – заболел – выздоровел – сел в тюрьму – вышел – женился – поехал на курорт – умер* (М., 158). Ряд однородных сказуемых в форме глаголов прош. вр. в неполном предложении является лишь формальным признаком повествования, становясь на самом деле специфическим элементом рассуждения, для которого характерны хронологические и логические лакуны. Абсурдность реплики усиливается еще и потому, что ее можно трактовать как псевдореакцию на невербальный стимул, так как она не полностью отвечает пропозиции.

Рассуждения – относительно редкий тип речи в диалогах рассказов М. Москвиной, однако достаточно показательный именно в силу своей нелогичности. Как и в случае с коммуника-

тивным уровнем, герои лишь формально соблюдают требования оформления рассуждений, используя соответствующие речевые средства и синтаксические модели, однако их комбинация и контекстуальная трактовка позволяет судить о смысловой недостаточности таких рассуждений.

Еще одним важным элементом идеологического уровня языковой личности становятся прецедентные тексты и факты культуры, прямые или косвенные отсылки на которые могут быть обнаружены в диалогах. В классической традиции детской литературы наличие таких отсылок трактуется как реализация воспитательной функции детской литературы, так как произведения для детей должны расширять кругозор читателей, сообщать им новые интересные сведения о мире.

Есть такие отсылки и репликах-взрослых в рассказах М. Москвиной: – *Ты знаешь, кто такой **Отелло**? – спросил он. – Это лётчик, – сказал я. – Герой Великой Отечественной войны. – Герой войны – **Гастелло**, – говорит Варезкин. – Отелло – герой английской трагедии. Он из-за ревности удушил замечательную женщину **Дездемону** (М., 193); – *Нет его, не звони. Ушел наш Иосич. – Как ушел? – спрашиваю. – **Босиком. И с котомкой.** – Куда? – **По Руси** (М., 178).* Отличительной чертой таких отсылок становится то, что они, являясь культурным багажом взрослых, могут быть не до конца понятны детям. Это касается как указаний на конкретные факты, которые сталкиваются между собой (типа фонетического сближения имен Гастелло и Отелло), так и скрытых отсылок, с помощью слов-маркеров актуализирующих в сознании читателя соответствующий культурный контекст. Так, слова и предложно-падежные формы босиком, с котомкой, по Руси в сочетании с фамилией героя рассказа Лепин, созвучной фамилии Лёвин, могут трактоваться как отсылка к Л.Н. Толстому и его произведением. При этом то же имя героя И.В. Лепин на фонетическом и графическом уровне может отсылать одновременно и к В.И. Ленину. Таким образом, актуализи-*

рованными оказываются сразу два разнородных по хронологии и идеологии культурных контекста, рассчитанных скорее на читателей-взрослых, чем на читателей-детей.

Важно, что в случае с эксплицитными и имплицитными культурными фактами ни автор, ни герои-взрослые полноценно не раскрывают их культурной значимости ни для героя-ребенка, ни для читателя-ребенка. Более того, культурные факты формируют художественный мир рассказа М. Москвиной наравне с явлениями неисторического порядка, типа блохнесского чудовища (отсылка к Лохнесскому чудовищу) и Шамбалы, например, упоминания о которых тоже появляются на страницах рассказов.

Анализ реплик-описаний и реплик-рассуждений позволяет отчасти реконструировать не только идеологический уровень языковой личности взрослого, но и идеологический уровень личности ребенка: *Так вот почему на даче, – задумчиво сказал папа, – он [такса, которую хотят выдать за крысу – А.Б.] в окне выгрыз форточку и вылетел в огород!.. – Это настоящий крысиный поступок, – сказал ветеринар. – А я его понимаю! – говорю. – Я – то по опыту знаю, что такое одиночество. – Но все равно, – говорит папа, – зачем же окна грызть? А я говорю: – Потому что оно ему мешало! Его неведомая сила влечет. Он ничего с собой не может поделать* (М., 145). Рассуждения героя ребенка чаще всего сюжетно детерминированы, то есть не носят абстрактный характер. Более того, они достаточно аргументированы, в отличие от рассуждений взрослых. На речевом уровне это выражается и сложноподчиненными предложениями с соответствующими союзами, и словами, оформляющими субъективную модальность, – модальными глаголами, глаголами ментального действия. Аргументация ребенка опирается на личный опыт и базовые знания о мире и синтаксически оформлена соответствующе.

Важно также, что в репликах ребенка нередко обнаруживаются абстрактные существительные, маркирующие значимые экзистенциальные понятия, которые стремится осмыслить герой: –

*Если ты имеешь хобби, – ответил папа, – у тебя совсем другой вид, потому что ты разгадал смысл своей жизни. – А я как раз давно уже думаю: в чем **смысл жизни**? (М., 148).*

Реплики-описания появляются у героев-детей значительно реже, обычно во внутренней речи персонажа, так как повествование в рассказах М. Москвиной идет от первого лица – от лица ребенка. Несмотря на то, что речевое оформление повествования, даже в случае эксплицитного нарратора, следует с осторожностью причислять к материалу, позволяющему реконструировать языковую личность, показательно, что герою-ребенку в оценках взрослых, их качеств и поведения, свойственна большая точность. Причем оценки эти формируются на основе анализа именно речевого поведения взрослых – родителей ребенка: [папа – А.Б.] – *Вот это хобби – рыбалка! <...> Это какая река? Москва? А это кто? Утка или чайка? Вот такой он у меня: **живет одной ногой на земле, а другой – в небе** (М., 155).*

Помимо реплик-описаний, реплик-рассуждений и интертекстуального материала, для реконструкции идеологического уровня языковой личности необходимо учитывать также реплики-предписания, которые появляются и в речи взрослых, и в речи детей: ***Надо** мыть руки перед едой (М., 128); – **Надо** тебе, Андрюха, выбрать хобби! – строго сказал папа (М., 148).* Реплики-предписания имеют стандартное синтаксическое оформление: это безличные предложения с предикативами *надо*, отсылающие к принятым в конкретном обществе законам и рекомендациям. Предикативы *надо, нужно* в детской литературе выступают в качестве одного из основных маркеров взрослой речи (регулярно появляются, например, в рассказах Н.Н. Носова и В.Ю. Драгунского¹) и воплощения воспитательной функции литературы для детей.

В диалогах взрослых в рассказах М. Москвиной реплики-предписания реализуют скорее псевдовоспитательную функцию,

¹ См. уже упоминавшуюся статью [Руднев, Брыкова 2012].

так как не всегда прагматически вписываются в коммуникативную структуру диалога и указывают на шаблонное следование существующим правилам, а иногда и на их нарушение: – *Надо рано встать* [на рыбалку – А.Б.], – *согласился папа. – Встанем часов в девять* (М., 149). В свою очередь, реплики детей, в которых могут появляться безличные предикаты *надо*, не столько прескриптивны, сколько экзистенциально осознаны: *А когда шел дождь, мы бежали домой под дождем. <...> И я думал: «Вот так надо счастливо жить»* (М., 140). Таким образом, совмещение речевой практики взрослых с собственными речевыми оценками явлений выводит языковую личность ребенка на иной идеологически гармоничный уровень.

Реконструкция языковой личности ребенка и взрослого на трех основных ее уровнях в рассказах М. Москвиной позволяет говорить о том, что творчество этой писательницы тяготеет к абсурду. Сюжетная алогичность (где папа может сначала уйти из дома, а потом вернуться ради комнатного растения) поддерживается речевой алогичностью и на уровне речевых средств, и на уровне развертывания дискурса. Размывание границ форм речи и функциональных стилей, прагматическая рассогласованность, приводящая к коммуникативным неудачам, становятся отличительными чертами языковой личности взрослых, в то время как персонаж ребенок остается в рамках существующей языковой, коммуникативной и этикетной систем, превосходя взрослых по уровню компетенции. Это позволяет говорить о своеобразной смене коммуникативных ролей, при которой речевое поведение взрослого не отвечает принятой социальной роли. Ребенок же, выступая в первую очередь как наблюдатель, остраненно и практически безоценочно фиксирует абсурдность ситуаций и диалогов, становясь своего рода нулевой точкой, вокруг которой развертываются все события – сюжетные и речевые.

Таким образом, детская проза М. Москвиной разрывает с воспитательной традицией советских времен, предлагая читате-

лю-ребенку погрузиться в мир, где нет привычных законов, где границы проницаемы, взрослые неидеальны, а абсурд – это почти норма.

В заключение следует отметить еще одну интересную вещь: разрывая с традициями воспитательной прозы, творчество М. Москвиной не обнаруживает явных параллелей и с детской прозой Д. Хармса. Анализ диалогового взаимодействия персонажей в рассказах, которые Хармс писал для детских журналов «Чиж» и «Еж», показывает, что речевое поведение героев крайне редко отклоняется от нормы. Герои соблюдают речевые, прагматические и этикетные правила в рамках социально равного и социально неравного общения: – **Товарищ учитель**, – сказал он [герой-ребенок – А.Б.], – **разрешите** мне починить электричество (Х., 113); В случае если этого не происходит – нарушение норм обосновывается сюжетно и используется как один из приемов комического и как способ утвердить норму в ее статусе: – *Здрасьте, Павел Иванович! Авиатор посмотрел сначала на Кольку, потом на Петьку, а потом **опять отвернулся** <...>. – Меня зовут не Павел Иванович, а Константин Константинович, и никакого Павла Ивановича я не знаю* (Х., 118–119).

Речевое поведение детей в прозе Д. Хармса неоднородно и указывает на не до конца сформировавшуюся речевую компетенцию. Это выражается в первую очередь в способах построения прагматического уровня коммуникации, где логическая аргументация может сочетаться с эмоциональной, что соответствует детскому речевому поведению [Лемяскина 2004]: – *А какую же это дверь ты прошиб насквозь [ножом – А.Б.]? – спросил Петька. – Ту, которая от чулана, – сказал Колька. – да она **вся целая**, – сказал Петька. – **Значит**, поставили новую, – сказал Колька. – Нет, не ставили, **дверь старая**, – сказал Петька. – **Нет, новая**, – сказал Колька* (Х., 120).

Отсутствие явных признаков «языкового» абсурда в прозаических произведениях Д. Хармса для детей может объясняться

как сюжетом и адресатом, так и направленностью журналов «Чиж» и «Еж»¹. Соблюдение речевых норм позволяло ярче высветить сюжетный абсурд, который, в свою очередь, таким образом реализовывал и воспитательную, и развлекательные функции. Свои ограничения накладывала и идеология детских журналов, которые, неизменно внимательно относясь к интересам и потребностям ребенка, последовательно реализовывали задачу формирования человека нового типа – активного участника социальной и культурной жизни новой страны. И речевая компетенция, как и стремление узнавать что-то новое, играли здесь не последнюю роль.

Таким образом, даже беглое сопоставление произведений двух авторов показывает, что абсурдистская традиция неоднородна и отражает скорее мироощущение, которое может быть реализовано с помощью разных приемов. Для Д. Хармса таким приемом становится в первую очередь абсурдность сюжетов, а для М. Москвиной – абсурдность персонажей.

Литература

1. Абсурд и вокруг. Сб. ст. / отв. ред. О. Буренина. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://profilib.com/chtenie/137325/olga-burenina-absurd-i-vokrug-sbornik-statey.php> (дата обращения: 29.10.2017).
2. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
3. Будагов Р.Л. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967.

¹ Этот вывод с осторожностью можно делать только относительно детской прозы Д. Хармса (в своей взрослой прозе Хармс активно переосмыслил правила построения дискурса [Ямпольский 1998], а в поэзии использовал принципы парадигматической и синтагматической деформации [Успенский, Бабаева 1992]).

4. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–238.

5. *Ермакова О.Н., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е.А. Земская, Д.Н. Шмелёв. М.: Наука, 1993. С. 30–64.

6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

7. *Кубрякова Е.С.* Специфика актов референции в детской речи // Детская речь: проблемы и наблюдения: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. С. Н. Цейтлин. Л.: ЛГПИ, 1989. С. 4–13.

8. *Лемякина Н.А.* Развитие языковой личности и её коммуникативного сознания: на материале речевого поведения учащихся 1–4 классов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2004. 38 с.

9. *Мавревич Н.* Её собака любит джаз // Семья и школа. 2004. № 5. С. 30–31.

10. *Москвина М.* Моя собака любит джаз, или Жизнь и приключения милиционера Караваева. М.: Лайвбук, 2011. 272 с. – М.

11. *Падучева Е.В.* Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.

12. *Порядина М.* Учитель жизни для удачных шмакозьявок // Библиотека в школе. 2010. № 13. С. 12–14.

13. *Руднев Д.В., Брыкова А.А.* Особенности построения диалога в современной детской литературе // Русский язык в школе. 2012. № 7. С. 58–64.

14. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

15. Словарь литературоведческих терминов / под ред. С.П. Белокурова. СПб.: Паритет, 2006.

16. Успенский Ф., Бабаева Е. Грамматика „абсурда“ и „абсурд“ грамматики // Wiener slawistischer Almanach, 29.1992. S. 127–158.
17. Хармс Д.И. Полное собрание сочинений. Том 3: Произведения для детей / Подг. текста А.В. Коскелло, В.Н. Сажина, Д.В. Сажина. Составление и примечания В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997. 351 с. – Х.
18. Цыбульский В. Смех натуральный, очищенный, очень умный... // Здоровье школьника. 2007. № 10. С. 80–81.
19. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения: 29.10.2017).
20. Ямпольский М.Б. Беспмятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998.
21. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: at the Clarendon Press, 1962.

Булыгина Дарья Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Лесников Глеб Сергеевич

Северный государственный медицинский университет

Лесников Сергей Владимирович

Санкт-Петербург

serg@lsw.ru

**Фрагмент дифференциального словаря русского говора
села Лойма Прилузского района Республики Коми¹**

Рукописная версия дифференциального словаря говора села Лойма от «А» до «Я» создавалась на кафедре русского языка Сыктывкарского государственного университета в основном под руководством д.ф.н. Ольги Владимировны Загоровской (в период с 1985 по 1991 гг.) в следующем составе: Тамара Ивановна Антонова (Ш, Щ, Э, Я), Ирина Алексеевна Ануфриева (Ф, Ц, Ч, фамиль-фуркнуть, цай-цяпь, ча-чуять), Е.Г. Архипова, А.А. Асхабова, Светлана Будимировна Аюпова (вичка-вместях, впоследствии-воробешек, впериться-вспышка, при-пряшница, шабалка-шуя, щенокос-щука, я-ящур), Ирина Алексеевна Ануфриева, Светлана Ивановна Берневега (А, Б, Д, англицкий-Афанасьев день, баать-быть, воландаться-волость, давать-дятел, коренья-кыркать, псаломщик-пяташки), Татьяна Александровна Дейнеко (З, И, Л,

¹ Работа выполнялась при финансовой поддержке научных грантов Российского фонда фундаментальных исследований (1996-1998: № 96-06-80691 "Гипертекстовый диалектный словарь русского языка", 1998: № 97-06-87057 "Опыт информатизации диалектологических исследований", 2000-2002: № 00-06-80176 «Гипертекстовый генеральный свод лексики русского языка»), Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию (1996: № 84 "Гипертекстовая интеграция региональных словарей русского языка"), Министерства образования Российской Федерации (2000-2001: федеральная целевая программа «Русский язык», проект «Словарь русских словарей»).

зааргать-зять, ворошок-вперед, лабаз-лячкать, показать-попятнать), Ирина Леонидовна Добрякова (кабы-копылье), Ф.С. Елыгина, И.Н. Жеребцова, О.В. Загоровская (от А до Я), Валентина Николаевна Калиновская (К, кабы-кыркать), Ирина Арнольдovна Кобелева (В, Г, Е, Ё, Ж, вавгнуть-вяз, волосы-вонялка, гa-гара-гусь, едaть-ёрш, жаба-журавец, поразбрызгнуть-прешница), Алла Дмитриевна Ли (А, Б, П, водицка-вокурaт, павнaть-пяткa), Зинаида Михайловна Маркова (Т, У), Светлана Александровна Мартынюк (воробина-ворошить), С.Б. Минц, А.Г. Павлова (Н, нa-няст, эвон-этокась, юбка-юнь), Лидия Яковлевна Петрова (Д), О.В. Пишук, Е.Е. Попуга, Валентина Михайловна Потапчук (Ш, Щ, Э, Ю, Я, шабалка-щце, щенокос-щука, я-ящик), Г.А. Рочева, И.Л. Савельева, Я.В. Соболева, Фергия Жафьяровна Суркина (вика-виченный, под-пойти, эвон-этока), Т.Г. Турубанова, Елена Григорьевна Фрейдкина (Косырева) (М, О, Х, магазeя-мяучать), С.А. Чупрова, Н.С. Шергина (З, И, Л, Р, Т, У, рабливать-ряхи, табoкур-гтя, у-ущерб).

Компьютерную (автоматизированную и гипертекстовую) версию Лоемского словаря сконструировал Лесников С.В. (от А до Я в основном в период с 1987 по 2008 гг.).

Тексты записей диалектной речи были получены в результате ежегодных (с 1975 по 1988 гг.) практик и словарных экспедиций кафедры русского языка СыктГУ в село Лойма Прилузского района Республики Коми. В период с 1997 по 2001 гг. экспедиции осуществлялись под руководством С.В. Лесникова. Наибольшее количество материалов, в том числе аудиозаписей, было собрано Надеждой Николаевной Колеговой.

Здесь приведен небольшой фрагмент словаря на букву «Г»:

ГА'ЖА, -ы. Веселый, жизнерадостный человек. – Г'ажа – в'ес'о'лый ч'елов'ек ил'и когда' п'я'а'ный и в'ес'ел'и'ца, то'же говор'а'т га'жа.

ГАЙТА'ННИК, -а, м. Плетеный шнурок или тесьма для нательного крестика. – Кр'е'ст'ик на гайта'нн'ик'е но'с'ат. – У м'ен'а' гайта'нн'ик из бу'с'инок был.

ГА'ЙКА, -и, ж. Часть ткацкого станка (?). Сло'жной стано'к е'тот. Чо в н'ом йе'с'т': б'ордо, га'лк'и.

ГА'ЛСТУК, -а, м. Шарф. – Га'лстук'и тка'нные бы'л'и, ис ше'рст'и, и са'м'и в'азал'и. – Га'лстучок наложы'т'е, так-то хо'лодно.

ГАРА'БАТЬ, -ю, -ет, несов. 1. Кого, что. Трогать, прикасаться. Н'е гара'бай тут н'ичо', фс'о уло'жено. Перен. кого. Причинять беспокойство, тревожить. – Йа т'еб'а' н'е гара'баю, н'е тро'гаю и ты м'ен'а' н'е гара'бай. 2. Что. Брать<собирать. – Йа вот так гара'баю руко'й ч'ерн'и'цу-то. 3. Окучивать. – Карто'шку, капу'сту гара'бали, оку'ч'ивал'и.

ГА'СНИК, ГА'ЧНИК, -а, м. Шнурок, употребляемый для подвязки мужских штанов. – Мушшы'ны нос'и'л'и штаны' с га'сн'иком, га'сн'иком зат'а'нут и зав'ажут. – Га'сн'ик-в'ер'о'воч'ка вм'есто р'емн'а. – Бр'у'ки шы'л'и, га'ч'никаам'и пр'ив'азывал'и, из в'ер'о'воч'к'и зд'еланы.

ГА'СНИЧЕК, -а, м. Ум.-ласк. от ГА'СНИК. – Стар'ика'м шы'л'и штаны' с га'сн'ич'ком.

ГВОЗДЬ, -я, м. Отверстие в бочке (?). – Просв'е'рл'ат гво'з'д'.

ГВОЗДЬЕ, -я, собир. Гвозди. – Гвоз'д'йо' в куфа'й'к'е в карма'нах, гво'з'д'и-т'е.

ГИМЗЕ'ТЬ, ? Гимз'и'т он, ска'жут, пло'хо говор'ит, в нос.

ГЛАЗ, -а, м., мн. глазье. Глаз, орган зрения. – У н'ей'о глаз'й'о, как шы'л'й'о.

ГЛАЗА В ЯМЕ. Впалые глаза. – П'ей, п'ей молоко'-то, глаза в йа'м'е.

ГЛАЗОК, -а, м. Одиночный драгоценный камень в ювелирном изделии. – На рук'е суп'и'рк'и нос'и'л'и, глазк'и у н'их крас'ив'ен'к'ийе. – Счас з глазка'м'и бо'л'ше но'с'ат.

ГЛОДАТЬСЯ, -жется, несов. 1. Пастись (о домашних животных). – Ето на кана'ках он'и гло'жуцца. 2. Сильно ссориться, ругаться. – Руга'йуцца до пот'е'р'и созна'н'ийа, знач'ит, гло'жуцца.

ГЛОТ, -а, м. Очень жадный человек. – Ч'елов'ек, который с'ил'но мно'го глота'йет, хватает к с'еб'е – глот. – Комары' напа'л'и на м'ен'а', как гло'ты напа'л'и.

ГЛУШНЕЦ, -а, м., неодобр. Глухой человек. – Кто н'ичо' н'е гу'йет, н'е отв'еча'йет, скажут глушн'е'ц. Сло'во е'то руга'т'ел'нойе.

ГЛЯДИ'ЛЫЦЕ, -а, ср. Глаз. – Нашшыпайеш луц'и'ну, отскоч'ила скр'епот'и'нка да пр'а'мо в гл'ад'и'лиц'е.

ГЛЯНУТЬСЯ, -усь, -ется, сов. и несов., перех. Нравиться, быть по вкусу, понравиться, прийти по вкусу. – Н'е гл'ан'е'цц им, пус'т', ду'майу, по-сво'йему зд'е'лайут. Гл'анулас' мн'е ета ко'фта, да и куп'ила. – Мужык'и' фс'е мн'е гл'ануцца, рабо'тные. – Молодым ето т'еп'ер' гл'ан'е'цца.

ГНЕЗДО', -а, ср. Нора. – Кос'им мы и ув'ид'ел'и гн'ездо зайц'ей.

ГО'БЕЦ, -бца, м. То же, что ГОЛБЕЦ. – На го'бце спа'л'и, за п'еч'кой. – Го'б'ец там, лук сушу'.

ГО'БЧИК, -а, м. То же, что ГОЛБЕЦ во 2 знач. – Го'пч'ик там называ'йе'цца, гд'е м'ешк'и' сто'я'т.

ГОВЕ'ННИК, -а, м. Навозный жук. – В т'о'плу'у пого'ду фс'е гов'е'нн'ик'и повыла'з'ат. Жук'и в наво'з'е живут. Их йешшо у нас гов'е'нн'икам'и зовут.

ГОВЕ'ННЯ, -м, ж. Говенье. – Пра'зднова'ли гов'е'н'йу.

ГО'ДНО, нареч. Хорошо, красиво. – Да йей йупк'и-то н'его'дно. // Хорошо, вкусно. – Го'дно, так хл'еба'йт'е//Хорошо, удобно. – Годно, так нос'и'.

ГОДОВИ'К, -а, м. 1. Годовалый ребенок. – Гот исполн'илс'а р'еб'о'нку, он и годов'и'к. 2. Человек, уходивший в монастырь на один год. – Годов'ика'м'и называ'л'ис' т'е, кто на гот уход'ил в мо'ностыр'.

ГО'ЖО, нареч. То же, что ГОДНО. – Го'жо ра'зв'е так ху'до ро'б'ит'?

ГОЙТА'Н, -а, м. То же, что ГАЙТА'ННИК. – На гойта'н кр'е'ст'ик-от в'ешал'и.

ГОЙТА'ННИК, -а, м. То же, что ГАЙТА'ННИК. – Гойта'н-ник-от-в'ер'о'воч'ка, на н'ей кр'е'ст'ик нос'ил'и.

ГОЛА'НКА, -и, ж. 1. Брюква. – Гола'нку сад'ил'и, ето бр'у'ква. – Ины'е зовут гола'нку бр'у'квой. 2. Репа. – Гола'нки врод'е бр'у'квы, сладк'ийе. – Ран'ше-то огоро'д'е гола'нк'у сад'ил'и, а ны'нч'е н'е сад'им, карто'шка лу'чше, гола'нка-то сла'дкайа. – Карава'и гото'вил'и из гола'нок.

ГО'ЛБЕЦ, ГО'БЕЦ, -ца, м., предл. пад. голбце, голбеце. 1. Подполье. – В го'лбце карто'шку з'имой д'ержа'л'и. Под избо'й го'лб'ец. – Го'лбцем зовут подпо'л'йе, там фс'о хран'ил'и: капу'сту, огу'рч'ик'и, вар'е'н'йе. – Как моро'з'ит' зач'н'от, фс'о голб'еч' спуска'йем. – Чашше зов'ом н'е подпо'л'н'иком, а го'лб'еч'ем. 2. Пристройка к русской печи врод'е лежанки. – Ра'нше пост'ел'у на го'лб'ец ст'ел'ил'и, с'е'ном наб'йут. – Сп'ерва' на го'лб'ец зал'ез'еш', а потом уш на' п'еч'. – Про'шлый гот на го'лбце рожа'ла. – Пон'ес'и-ка на го'лб'еч'. 3. Вход в подполье. – Го'лб'еч' – вхот в подпол'йе.

ГО'ЛБИЩЕ, -а, ср. То же, что ГО'ЛБЕЦ в 1 знач. – Го'лбище у м'ен'а совс'ем пу'сто, вот карто'шку соб'ер'ом и напо'лн'ица.

ГО'ЛИК, -а, м. Старый износившийся веник (из голых прутьев). Го'л'ик-ето ста'рый в'е'н'ик, кото'рый изм'олс'а.

ГО'ЛИЦА, -ы, ж. Место, где не растет трава. – Ра'нше го'л'ица была, трава'-то гд'е н'е росла'.

ГОЛОВА, -ы, ж. 1. Верхняя часть человеческого тела. АДАМОВА ГОЛОВА. Травянистое лечебное растение (?). – Ра'нше росла ада'мова голова', на ст'еб'ел'к'е' росла' одна' й'агода. Й'агоду зава'р'иваем и п'йом. К ШЕСТКУ ГОЛОВОЙ РОДИТЬСЯ. см. РОДИТЬСЯ. – Говор'а'т: он к шестку' голово'й род'илс'я, зна'чит, ра'но ход'ит' буд'ет. 2. Верхняя колосовая

часть снопа, верхушка снопа. – У снопа' голова' тут, р'ада'м'и накладу'т и мол'от'ат.

ГОЛО'ВКА 1, -и, ж. Шляпка гриба. – Когда' как зва'ли, коды' шл'а'пкой, коды' голо'вкой, а бо'л'ше фс'о голо'вкой, он'и разныйе у гр'иба' быва'ют, бо'л'шы'е, ма'ен'к'ийе. Шмурч'к'и ра'но с в'есны' растут, кор'и'ц'н'евыйе голо'вк'и у н'их.

ГОЛО'ВКА 2, -и, ж. Штабель бревен (?). – Бр'о'вна-то в голо'вк'у ска'тывал'и.

ГОЛОВИЦА, -ы. 1. Кочан капусты. – Капуста бо'л'шайа бы'ла', по во'с'ем' к'илогра'м одна' голо'в'ича. Кочан голо'в'ич'ей-то зов'о'м. Капу'сту зава'р'ивал'и ра'н'ше в бо'чка'х, на ч'етыр'е ч'аст'и голо'в'и'цу разр'ежут, в с'ер'ед'и'н'е ко'ч'ен был. // Собир. Капуста (растение). – Ны'нч'е голо'в'и'цы мно'го л'и бу'д'ет, н'е зн'айу, н'е вы'пала бы. 2. Семенная головка льна. – Л'он вы'рвут, потом от'кола'ч'ивал'и па'лка'м'и, б'и'л'и по голо'в'и'ч'ам. – Сам ст'еб'ел' – ето тр'е'ст'и, а на в'ершы'н'е – голо'в'и'ч'и. Шелуха' от голо'в'и'ч' – ето кугл'и'на.

ГОЛОВНИТЬ, -ю, -ит, несов., что. Сгребать, перекачивать горящие или тлеющие бревна, поленья, головни. – Й'ел'н'у фс'у пова'л'ат, фс'о пол'еж'ыт, поап'ри'цца, пото'м йево' зажыга'ют, ст'а'г'и б'ерут и голо'в'н'а'т. – На с'ер'ед'и'ну ко'стра' згр'еба'ют голо'во'шки, голо'в'н'а'т их, што'бы он'и догор'е'л'и.

ГОЛОДОВАТЬ, -ую, -ует, несов. Голодать. – Голодова'л'и ча'сто, хл'е'ба н'е было. – Ох и голодова'л'и в войну'-то.

ГОЛУБИ'ХА, -и, ж. Голубика, растение с ягодами синевато-черного цвета. Брушн'ица раст'о'т, голу'б'и'ха, сморо'д'ина. – Голуб'и'ха йешшо' йес'т', она' с'и'н'айа, как сморо'д'ина, то'л'ко кру'ше.

ГОЛУБО'К, -бка, м., нейтр. Голубь (?). – Пт'и'цы воро'на, соро'ка, д'а'т'ел, го'луп', и'л'и голу'бо'к, вороб'и'й.

ГОЛЫ'Ш, -а, м. Яйцо без скорлупы. – А йайцо' б'ес скорлупы' – голы'ш.

ГОЛЯК, -а, м. 1. То же, что ГОЛИК. – Гол'ако'м пол и шо'ркайеш. 2. То же, что ГОЛЯХА. – Ногов'и'цы од'евал'и, когда ро'бить' шл'и, штоп гол'ах'и н'е гор'ел'и, но'г'и-т'е.

ГОЛЯХА, -и, ж. Голень. – Ско'ск'и в'ет' фс'е гол'ахи исцара'пайут. – Ногов'и'ч'и на гол'ах'и од'ева'йут с'е'но кос'ит', штоп осо'ка н'е р'е'зала, о'воды н'е куса'л'и гол'ах'и.

ГОЛЯШКА, -и, ж. Голенище. – Толды' обу'тк'и ко'жаные с до'лг'им'и гол'я'шкам'и ч'ирк'и' называ'л'ис'а.

ГОН, -а, м. 1. Полоса пахотной земли, которую пахарь проходит в одну сторону до поворота (?). – Гон паха'л'и. 2. Перегон скота, лошадей. – Го'н'атскот, кон'е'й – ето гон.

ГОНЯТЬ, -ю, -ет, несов., кого-что. Регулярно возить, доставлять (товары, пассажиров и т.п.). – Мой муш йамшшы'ч'ал, това'ры гон'а'л. – У нас ра'н'ше до Ко'тласа гон'а'л'и.

ГОНЯТЬСЯ. юсь, -ется, несов. Бегать. – А ло'шат'-то гон'а'лас', б'е'гала, зна'ч'ит.

ГОР, -а, м. Холм, возвышенность. – За го'ром-то йешшо' гор йе'с'т'.

ГОРБ, -а, м. Спина. – Пов'ерну'т кв'ерху горбо'м порос'о'нка-то. – Шшет'и'нк'и у порос'а'т от горба' выд'о'рг'ивал и да пр'икру'ц'ивал'и, получ'а'л'ис' шше'т'и.

ГОРБОВА'ТЫЙ, -ая, -ое. Горбатый, сгорбленный. – Кто по'по'м ожд'е'нн'ецца, кто стар'ико'м горбова'тым.

ГОРБУ'НЧИК, -а, м., нейтр. Горбатый человек, горбун. – Одново' искал'е'ч'ило, горбу'н'ч'иком зва'л'и.

ГАРБУ'ША, ГОРБУ'ША, -и, ж. Коса, изогнутая, подобно серпу, с короткой рукояткой. – У горбуши руч'ка коро'ткайа, ткайа, н'иско аг'ибацца ну'жно. – Ра'н'ше-то горбу'шкам'и фс'о кос'ил'и. Горбушка крушка кр'ивайа.

ГОРВАН, -а, м. Сенокосное место возле р. Лузы. Топоним (?). – Там дал'ше го'рван мес'т', по'жн'а тожо.

ГОРДЫЙ, -ая, -ое. Жестокий, злой (?). – Вон сос'е'тка моя пошл'а, жыв'о'т н'е аккур'атно, го'рда'я о'ч'ен', зла'йа.

ГОРЕ'ЛЬЕ, ГОРИ'ЛЬЕ, -я, ср. Выженный пожаром участок леса. – Пожар был, так т'еп'е'р' на мно'го гор'и'л'йе т'а'н'е'цца.

ГОРИ'ЛЬНИК, -а, м. Место в лесу, где когда-то был пожар. – М'е'сто, г'де пожар был и сно'ва л'ес вырос.

ГО'РНИЦА, -ы, ж. Светлая, главная комната в избе. – У м'ен'а и ку'хн'а йес'т' и го'рн'ица. – В го'рн'ице с'ид'а'т го'с'т'и.

ГО'РНЫЙ, -ая, -ое. В сочет. ГОРНОЕ МЕСТО. См. МЕСТО. – Го'рное м'е'сто, ну, висо'койе, зна'чит.

ГОРНОСТА'ЛЬ, -я, м. Горностаи. – Горноста'л'и во'д'а'цца, пушы'стые, ко'н'ч'ик хвоста' ч'орный.

ГОРО'ВА, -ы, м. Мужская рубашка (?). – Па'рн'и горо'вы од'ева'л'и.

ГОРО'ШНИЦА, -ы, ж. Гороховая каша. – Горо'шн'ицу фс'а'ко вар'и'л'и, из одново' горо'ха, с офс'а'нкой. – Вар'а'т ф п'еч'е' горо'х, вот и горо'шн'ица. – В гов'и'н'йе горо'шн'ицу вар'а'т, рыбу йед'а'т.

ГОРШО'ВИК, -а, м. Тряпка, которой берут горячий горшок, чугуи. – Штоп ру'к'и н'е обж'еч', горшо'в'иком чугуи б'еру'т. А тра'пка, кото'рой б'еру'т горшо'к ис п'еч'и, горшо'в'ик называ'йе'цца.

ГОСТЕВА'ТЬСЯ, -юсь, -ется, несов. Ходить в гости друг к другу. – Мы та'к-то н'е ро'дств'енн'ик'и, да хо'д'им, гост'уйем'са.

ГОСТИ'ТЬСЯ, -шусь, -тётся, несов. 1. С кем и без доп. То же что ГОСТЕВА'ТЬСЯ. – Ра'н'ше мы гост'и'л'ис'а, ну, ход'и'л'и. С О'л'е'гом-то мы до'лго гост'и'л'ис'а. 2. Быть в гостях, гостить у ко-го-либо. – Йа до'лго в го'род'е гост'и'лас'. – Лида М'ихайловна гост'о'ц'ц'а.

ГОСТИ'ЛЬНИЦА, -ы, ж. Гостиница. – В Арха'нг'ел'ск'е-то мы с н'ей в гост'и'л'н'иц'е жы'л'и.

ГОТОВ'ЫЙ, -ая, -ое, кр. форма готова. Пост'ел'ка должн'а быт' готов'а.

Прежде всего необходимо дать краткую характеристику собственно селу. Село Лойма Прилузского района Республики Коми расположено на правом берегу реки Лузы и состоит из нескольких

деревень, в которых преобладает русское население. Документально о Лойме имеется упоминание в начале XVII века в “Книге Большому чертежу”: “А по реке по Лузе городки Устюжские же. Городок Объячеи, от Вятки от города от Слободы 50 верст. А ниже Объячево 60 верст, на Лузе, городок Спаскои. Ниже Спаского 20 верст, Лосменой, ниже Лосменого 70 верст, Андреевской Соли Вычегодской”¹. В писцовой книге² 1645 г. к Лоемскому погосту отнесены деревни: Борисовская, Визилевская, Вотинская, Гавриловская, Галактионовская, Гарь, Горяиновская, Данилова, Запальская, Захаровская, Иваново, Карповская, Козловская, Кондыревская, Кузнецова, Матвеевская, Митинская, Омельяново, Помосово, Прислон, Семеновская, Старцевская, Ракино, Рогозино, Тарасовская, Тарбеевская, Тимофеевская, Уркинская, Филипповская, Худутовская³. Некоторых из этих деревень уже не существуют. По состоянию на 1 января 1986 года согласно официальному справочнику административно-территориального деления Коми АССР в Лоемском сельсовете⁴:

Таблица А. Лоемский сельсовет.

Прилузский район: центр — с. Объячево. Лоемский сельсовет: центр — с. Лойма.			
№№	Наименование населенного пункта, входящего в сельсовет	Расстояние в км	
		до центра сельсовета	до райцентра

¹ Книга Большому чертежу. М., 1950. С. 167.

² Архив Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 12, д. 48.

³ См. также: *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X–нач. XX в. М.: Наука, 1982. С. 70.

⁴ Коми АССР. Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. С. 38.

1.	д	Анкерская	22	115
2.	д	Вотинская	2	98
3.	д	Галактионовская	5	91
4.	д	Гарь	12	108
5.	д	Запольская	2	98
6.	д	Ивановская	6	90
7.	д	Карповская	1	95
8.	д	Козловская	5	101
9.	п	Коржинская	23	119
10.	д	Кузнецовская	4	92
11.	д	Лёхта	14	110
12.	с	Лойма	—	96
13.	д	Матвеевская	6	102
14.	д	Пентюра	8	104
15.	д	Тарасовская	3	99
16.	д	Тарбиевская	6	102
17.	д	Уркинская	1	97

Кроме этого, 17 сентября 1974 года деревни Кондыревская и Семушинская Лоемского сельсовета исключены из учетных данных по Прилузскому району¹.

И названия деревень, имеющих, очевидно, русское происхождение, и данные переписи² 1645 г. о том, что в Лойме проживали крестьяне Ерилов, Жебов, Иевлев, Капустин, Карманов, Макаров, Помысов, Тырышкин или, например, согласно актам³ 1588 г. здесь же жил Василий Фомин сын Сютка – несомненно свиде-

¹ Там же, с. 96.

² См.: Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С. 136–137.

³ Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. II. С. 161.

тельствуют, что Лоемская волость была русской.

Местные жители до сих пор в основном занимаются сельским хозяйством, исторически традиционна охота и рыболовство, работают также на лесозаготовках. В центре села расположен административный центр, имеются почта, общеобразовательная средняя школа, интернат, клуб, магазин.

Письменных памятников, описывающих древнюю историю села Лойма, практически не сохранилось. Поэтому позволим воспользоваться не менее интересной и легендарной народной памятью. Порядка тысячи лет назад на данной территории, по всей вероятности, не было постоянного населения. Известно, что территория в бассейне рек Сухоны, Юга и Лузы в то время еще не входила в состав русского государства. Можно полагать, что именно в этих местах была “чудь завологская”¹, куда и наведывались с низовий реки Лузы охотники, промышляли дичь. Как правило, пер-

¹ “Представление о “чуди”, как об очень древних обитателях края Коми, нашло отражение в письменных источниках XVI и XVII веков. Писцовая книга 1585-1586 годов описывает на Сысоле коми-зырянские деревни со странными названиями: “починок на Чюцком городище”, “деревня другое Чютцкое городище”, “пустошь, что была деревня городок Чюдской”. На Вычегде в это время существовала “деревня Новоселец, что было Чюдское городище”. Создается впечатление, что крестьяне коми действительно заселили давно заброшенные “чудские” городки, строители которых исчезли неизвестно куда. ... Многочисленные предания единодушно утверждают, что чужь погибла в сражениях с коми или сама себя погребла в земле, не желая креститься. Христианизация края Коми в конце XIV века была крупным событием и о ней существует больше всего легенд, в том числе о захоронении “чуди”. Рассказывается обычно, что “чудские люди”, поклонявшиеся своим языческим богам, упорно отвергали христианскую религию и бежали в глухие леса, где выкапывали землянки и прятались в них со всем своим имуществом. В случае неминуемой опасности “чужь” подрубала столбы, подпиравшие земляную крышу, которая, обрушившись, погребала живьем всех, кто находился в землянке” (*Лащук Л.П.* Происхождение народа коми (научно-популярный очерк). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. С. 6).

вые постоянные поселения назывались “городище”. Возможно, в период феодальной раздробленности Руси и образовалось Лоемско-успенское городище. Оно, по всей видимости, находилось в центре села. Со слов старожилов – городище называлось “Юрин городок”. Народное предание повествует о гибели этого городища. Кратко это звучит примерно так: “Давным давно жили здесь люди. И ничто не нарушало их мирную и праведную жизнь. Пока однажды по реке неожиданно появились вооруженные варяги. У стен городища произошло ожесточенное сражение. Но силы на этот раз были весьма неравные. Оставшаяся горстка земляков в живых решили погибнуть, но не сдаваться врагу. Они все вместе собрались в одной землянке. Подрубили столбы и обвалившийся потолок и стены погребли землей заживо всех оставшихся к тому времени в живых жителей городища. Городище было полностью разграблено и разрушено. Прошло не одно десятилетие, прежде чем появились новые поселенцы. На этот раз пришли с севера”. Это были коми или пермяки. Коми проникали в бассейн реки Лузы с верховьев реки Сысолы, они постепенно заселили берега реки Лузы вплоть до Лоймы¹.

В 1959 г. старший научный сотрудник Лев Павлович Лашук (руководитель экспедиции) и младший научный сотрудник Любомир Николаевич Жеребцов открыли² Лоемский могильник XI–XII вв. При этом некоторые выводы по результатам этой экспедиции у них различны. Так Лашук считает: «В период христианизации коми-зырянское население проживало также на р. Лузе, в местности, позднее получившей название “Лузская Пермца” в знак того, что лузяне-коми были всего лишь небольшой группой, отколовшейся от основной массы родного народа, вероятнее всего от сысоличей, так как их говоры наиболее близки друг другу.

¹ История / Республика Коми: Энциклопедия. Т. 1. Сыктывкар, 1997. С. 61-67.

² Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Научный фонд Коми филиала АН СССР. 142 с. (+7 стр. список илл.). Ф. 1, оп. 13, д. 48.

Была ли особая племенная группировка лузских коми, сказать пока что трудно. Но, судя по материалам открытого нами в 1959 г. Лоемского могильника XI-XII веков, лузяне практиковали такой же обряд трупосожжения, что и вычегодские “пермяне”¹. В свою очередь Жеребцов утверждает: «В отличие от вымско-вычегодских могильников на лузских очень малое распространение имела кремация, да и та выполнялась по-иному. Например, “такая деталь погребального обряда, как кострищный слой над могилой, характерный для Лоемского могильника, не встречается на вымско-вычегодских некрополях”². Инвентарь Лоемского могильника также весьма своеобразен, часто встречаются медные сосуды, исключительно редкие на Выми, и т.д. Отличается и керамика: здесь она гладкая и плоскодонная, что чуждо древне-пермской посуде, как вычегодской, так и камской»³.

Непосредственно в "Отчете Прилузской этнографической экспедиции 1959 года" Лашук и Жеребцов задав вопрос "откуда и когда предки коми появились в Прилузье?"⁴, считают, что "пришли они со средней Сысолы гораздо раньше XV в. С сысоличами – наиболее ранними потомками древних пермских переселенцев с Верхокамья – прилузские коми имеют наибольшую близость не только в языке, но и в антропологическом типе, да и наиболее вероятный путь их миграции мог лежать только со средней Сысолы по р. Визинге и через Кибринский волок, нежели из какого-нибудь другого района древнего расселения коми.

Предки лузян отделились от сысоличей сравнительно рано. В их говоре сохранилось немало общепермских элементов, давно уже исчезнувших в вычегодских говорах, также развивавшихся

¹ Лашук Л.П. Происхождение народа коми (научно-популярный очерк). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. С. 34.

² Савельева Э.А. Лузская Пермца. Сыктывкар, 1972. Вып. 2. С. 19.

³ Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X – нач. XX в. М.: Наука, 1982. С. 38.

⁴ Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Отчет ... 1959. С. 5.

на основе сысольского "элового" диалекта. Да и на самой Сыsole эти языковые явления сохранились только в глухих местах – в Ужге и на р. Кобре. В прилузском говоре отмечены отдельные вепские заимствования (типа "пу агас" – деревянная борона), отсутствующие в сысольском и многих других говорах коми языка, что является свидетельством древнего контакта лужян с вепсами, обитавшими в бассейне Северной Двины и ее верхних притоков (Сухоны, может быть, Юга) еще до появления русских, т.е. до XI-XII вв. Подобный контакт не мог иметь места позднее, ибо с XII на устье Юга прочно обосновались "низовские" (ростовско-суздальские) русские, в XIII-XIV вв. колонизовавшие поюжские и нижнелузские земли. Значит, на Лузе коми появились гораздо раньше русских, видимо, еще до XI-XII вв."¹

В общем полевые археологические и этнографические материалы 1959 г. в сочетании с данными других дисциплин позволяют уточнить время появления коми в Верхолузье. Их поселения в этом районе существовали в XI-XII вв., но возникли, вероятно, еще раньше – по крайней мере в конце I тыс. н.э.

В более определенных чертах рисуются также крайние западные пределы расселения коми по р. Лузе. Район Лоймы, с давних пор заселенный русскими, первоначально был занят предками современных прилузских коми. На это указывают материалы Лоемского могильника (русским не был свойственен описанный выше обряд захоронения) и данные топонимики. Само население указывает, что многие речки, ручьи и урочища в Лоемском говоре носят коми названия: Зудшор – брусчатый ручей, Валог – мокрый лог и т.д. На современных картах по р. Лузе от впадения Лёхты указаны притоки Вонил, Ягил, Кычавож, по р. Лёхте – Сорваж, Дингель, Сомчемъель, Изагель. Коми-зырянская топонимика перекрывает территорию старой Лузской Пермцы, которая некогда была целиком занята коми, но затем частично заселена и русскими.

¹ Там же, с. 5–6.

К сожалению, нам не удалось записать предания, которые бы приурочивали появление русских к какой-либо определенной эпохе. Обращает на себя внимание заметное различие местных и вычегодских легенд о чуди. На Вычегде исчезновение чуди обычно связывается с миссионерской деятельностью Стефана Пермского, т.е. фактически с русским проникновением. В Прилузье какое-либо представление о Стефане Пермском отсутствует, а чудь, хотя и здесь, также как на Вычегде и Сысоле, "уходит в землю", но вне всякой связи с христианизацией или появлением русских. В Лойме рассказывают, что чудские люди зарывались в ямки только тогда, когда приходило время умирать. В Читаево причиной самозахоронения чуди считается нежелание ее подчиняться чужому владычеству, но чьему – неизвестно.

Суммируя эти легенды, мы приходим к выводу: 1) деятельность Стефана Пермского на Прилузье не распространялась; 2) христианизация прилузских коми происходила в иной обстановке, нежели на Вычегде, и, видимо, очень давно и постепенно, как бы незаметно, ибо явно не носила характера единовременного акта, а поэтому не оставила памяти в качестве яркого переломного события; 3) не исключено, что христианами лузяне стали раньше, чем вычегодские и вымские коми, так как, во-первых, Прилузье с XII-XIII вв. входило в орбиту сильного влияния Великого Устюга, а во-вторых, в связи с этим Стефану проще было бы направиться на Лузу, а не на Вычегду, если бы в его время, т.е. в конце XIV в., Прилузье пребывало еще в "прелести идольстей"¹.

Название селу Лойма, возможно, дал коми народ: "будет мёд"². По мнению ученого-финноугроведа Адольфа Ивановича Туркина, "**Лойма** (Лёй), с. в Прилузском р-не. Расположено на

¹ Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Отчет ... 1959. С. 10–11.

² Будет 1. 3. буд. вр. от быть лоо, лоас (с. 44)... мёд м. 1. ма; (с. 262). Русско-коми словарь. Около 50000 слов // Т.И. Жилина, Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова, Н.Н. Сельков / под общей ред. Д.А. Тимушева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966.

прав. берегу Лузы и упоминается уже в “Книге Большому Чертежу”: “Ниже Спаского 20 верст, Лосменной”. В текст издания вкралась ошибка: надо *Лоемской*. В 1859 г. – Лойма (Уркинское). Ойконим прибалтийско-финского происхождения: фин. *l o i m a* “пески; бугристое, песчаное место, поросшее вереском или мхом”, эст. *l o i m* “водяная лужа, заросший травой приток ручья”. Здесь же приводится финский ойконим *L o i m a*. В местном варианте названия безударный слог -ма со временем утратился. Название-термин дает характеристику местности.”¹ Действительно – с. Лойма расположено на высоком песчаном берегу реки Лузы. Поэтому объяснения Макса Фасмера²: «лойма “стадо сев. оленей”, олонецк. (Кулик.³). Объяснение из фин. *loimi* “цепь” (Погодин⁴) затруднительно в семасиологическом отношении, из фин. *lauma* “стадо, толпа” – в фонетическом (см. Калима⁵ 154; RS⁶ 5, 85)» выглядят не столь убедительно⁷.

Коми-пермяки жили на лоемской территории примерно в

¹ Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. С. 63.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е–Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. С. 513.

³ Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

⁴ Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. Спб., 1901. Погодин А. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.

⁵ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919 (=MSFOugr. № 44); Kalima J. (BL=) Itamerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki, 1936 (=Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Bd. 202); Kalima J. (RLS=) Die russischen Lehnwörter im Syrjanischen. Helsingfors, 1911 (MSFOugf. № 29); Kalima J. (Slav. Lehnw.) Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Berlin, 1955 (Slavistische Veröff. des Osteuropa-Inst. a.d. Freien Univ. № 8).

⁶ RS = Rocznik Slawistyczny, 15 tt, Krakow, 1908 и сл.

⁷ См. также: Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. Словарь-справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. С. 92.

период с XII до начала XV вв. Русские позже пришли в Лойму с низовьев реки Лузы и реки Юг, впадающей в реку Сухону.

По мнению Л.П. Лащука, который хотя и не занимался подробно и специально изучением лоемского говора, “но заметил, что он (говор – прим. ред.) не испытал сколько-нибудь заметного влияния коми-зырянского вокализма, сохранил в массе древнерусскую лексику, легко сопоставим с языком известных документов и ближе всего стоит к говору устюжан”¹.

Лоемский говор представляет ранний переселенческий говор (XIV-XV вв.)², относящийся к вологодско-вятской группе севернорусского наречия. Лоемский говор сформировался в XIV-XV вв. в результате переселения русских крестьян с низовьев реки Лузы и с реки Юг, впадающей в Сухону³. «Названный территориальный диалект относится к вологодско-вятской группе северновеликорусского наречия и характеризуется следующими особенностями: переходом [а] в [е] между мягкими согласными (“опеть” – опять, “прели” – пряли, “племенник” – племянник); произношением [и] перед мягкими согласными (“писни”, “ричка”, “свитить”) и дифтонга [и^е] перед твердыми (“ли^ес”, “ти^есто”) на месте древнего h; переходом [е] в [о] в предударном и за-

¹ Лащук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972. С. 137.

² Баранникова Л.И. К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территории позднего заселения. Саратов: СарГУ, 1977. Вып. 1. С. 3–23; Из четырех групп территорий в зависимости от времени их заселения к первой группе Лидия Ивановна относит “территории исконного распространения русского языка, т.е. те, на которых шел процесс формирования его основных диалектов, или те, которые заселялись, хотя и на основе уже сложившихся диалектных групп” (Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов: СГУ, 1967. С. 62).

³ Лащук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972; Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1972; Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами X–нач. XX в. М.: Наука, 1982.

ударном положении ("вёсна", "спитё"); неразличением аффрикат ("кислиця" и "кислича" – красная смородина); твердым произношением долгих шипящих ("дожжыть", "шшука", "шшоть" – щетка) и т.д. Древние архаические черты отмечаются в русском говоре с. Лойма на всех уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом. На уровне фонетики – это рефлексы *h*, типы неразличения аффрикат, наличие губно-губного [w] ("wce" – все, "wosem" – восемь), чередование л//ў в позиции конца слова и перед согласным ("была" – "быў", "лавочка" – "лаўка") и т.п. На уровне грамматики – это, например, следы существовавших когда-то в русском языке форм двойственного числа (в окончании существительных и местоимений в творительном падеже на -има: "Косили такима горбушима"); следы древних перфектных форм в значениях причастий и т.п. Весьма богата и разнообразна архаическая лексика лоемского говора: слова общеславянского происхождения, унаследованные языком восточных славян из общеславянского языка до IV-V вв. н.э. (например: "вёдро" – ясная погода; "морок" – большая темная туча; "вица" – прут, "губа" – съедобный гриб; "перст" – палец; "свербеть" – чесаться); слова восточнославянские, возникшие в период бытования древнерусского языка и его диалектов в VI-XIV вв. (например: "сумёт" – сугроб; "брезг" – рассвет; "пожня" – сенокосное угодье, луг); общеславянские слова с восточнославянскими полногласными сочетаниями и начальными ро-, ло- (например: "робить" – работать, "оболокать" – надевать; "беремя" – ноша, которую можно унести за один раз, обхватив руками; "долонь" – ладонь). Несмотря на финно-угорское окружение, в котором происходило развитие лоемского говора, названный территориальный диалект сохранил свою первичную основу и целостность. Влияние коми языка и коми диалектов проявилось лишь в отдельных заимствованиях, прежде всего, лексического характера (например, "туес" – берестяная посуда цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой; "баля" – овца; "арок" – малек; "гажа" – веселый, жизнерадостный

человек; "виска" – 1. Проток, соединяющий озеро и реку. 2. Ручей, вытекающий из озера. Наличие в названном говоре фонетических явлений, свойственных коми языку (в частности, наличие шепелявых свистящих, двойных мягких согласных на месте сочетания "переднеязычный согласный" + "й") объясняется не процессами заимствования, а внутренними закономерностями развития самого говора»¹.

На кафедре русского языка СыктГУ в период с 1972 по 1996 годы был собран материал для Словаря русского говора с. Лойма, написано несколько дипломных работ:

– Елыгина Ф.С. Словообразование имени существительного в говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР (на материале картотеки кафедры русского языка СГУ имени 50-летия СССР). Науч. рук.: асс. каф. рус. яз. В.Н. Калиновская. Сыктывкар: СыктГУ, 1984. 120 с. (рукопись). Первая глава посвящена словообразованию имени существительного, вторая – словообразовательной вариантности в говоре с. Лойма. В приложении приводятся результаты попытки представления системы словообразовательных связей при выявлении словообразовательных гнезд, в которые входят имена существительные.

– Жеребцова И.Н. Глаголы говорения с. Лойма Прилузского р-на Коми АССР (по материалам Картотеки русских говоров на территории Коми АССР кафедры русского языка СГУ имени 50-

¹ Загорская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990. С. 15–16. См. также: Ануфриева И.А. Словообразование агентивных существительных в рус. говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар: ПермГУ, 1986. С. 133–141; Ануфриева И.А. Компрессивное словообразование агентивных существительных в русском говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР // Тез. 10 Коми республ. молодежной науч. конф. Сыктывкар, 1987. С. 9–10; Ли А.Д. Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар: КГПИ, 1992; Сергиева Н.С. Фонетические особенности русских говоров Коми АССР. АКД. ЛГУ, 1988.

летия СССР). Науч. рук. асс. В.Н. Калиновская. Сыктывкар: СыктГУ, 1985. 90 с. (машинопись). В заключении сделан вывод: “в исследуемой ЛСГ глаголов говорения наблюдаются взаимосвязанные и взаимообусловленные отношения не только между компонентами синонимических рядов, но и между самими синонимическими рядами, что объясняется, во-первых, сложной семантической структурой ряда глаголов, входящих в ЛСГ, во-вторых, осложненностью в каждом синонимическом ряду общего для всей ЛСГ значения говорения, совпадающего с лексическим значением глагола говорить ‘устно сообщать что-либо’, и, в-третьих, широкими возможностями внутриглагольного словообразования, влекущего за собой изменение лексического и грамматического значений слов” (с. 66–67)¹.

– Пишук О.В. Синонимы разных частей речи в говоре села Лойма. Науч. рук. к.ф.н. Л.Д. Ли. Сыктывкар: СыктГУ, 1985. 53 с. (рукопись). Анализ говора показал встречаемость в устной речи синонимов-дублетов, которые находятся в различных семантических и эмоционально-экспрессивных отношениях, при этом дублетность высока, но относительна. Синонимы сохраняют свое естественное назначение – представляют богатство понятий в их различных оттенках.

– Минц С.Б. Стилистическое расслоение лексики говора (на материале русского говора села Лойма Прилузского района Коми АССР). Науч. рук. доц. О.В. Загоровская. Сыктывкар: СыктГУ, 1988. 42 с. (машинопись). В результате анализа диалектных текстов и бесед с диалектоносителями в народном Лоемском говоре выделены четыре основные группы функционально-стилистически окрашенной лексики: 1) обиходно-разговорного (бытовая и деловая), 2) производственно-промыслового, 3) официального и 4) народно-поэтического стилей. Выделены основные разряды эмоционально-оценочной лексики, имеющую: 1)

¹ Дипломная работа Жеребцовой И.Н. была выделена в результате конкурса студенческих научных работ для внутривузовского поощрения.

положительно-оценочную окраску (одобрительная и ласкательная), 2) отрицательную (негативную) эмоциональную окраску (неодобрительная, презрительная, пренебрежительная и бранная). Переходное место среди типов эмоциональной окраски диалектного слова занимают лексические группы: 1) шутивная и 2) уничижительная (“снисходительная”) (с. 33–34).

– Рочева Г.А. Лексикографическое описание лексики тематического поля “Лес” в русском говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР. Лексика, связанная с деятельностью человека в лесу. Науч. рук. доц. О.В. Загоровская. Сыктывкар: СыктГУ, 1988. 66 с. (машинопись). В заключении отмечено: “Несмотря на внешнее сходство, общенародные слова в русском говоре с. Лойма и в литературном языке имеют различия, связанные: а) с различием семантической структуры слова; б) с несовпадением денотативного компонента; в) с несовпадением структурно-языкового компонента значения слов... Группа слов, не отмеченных в диалектных словарях, насчитывает 7 словесных единиц: деревинка, судострой, рудстойка, палубник, лесовал, работать лес, колоть на шнурок” (с. 37). В приложениях № 1 – фрагмент словаря и в № 2 – материалы алфавитно-частотного словника¹ тематического поля “Лес” в Лоемском говоре.

– Соболева Я.В. Лексикографическое описание лексики тематического поля “Лес” в русском говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР. Наименования травянистых и кустарниковых растений. Науч. рук. доц. О.В. Загоровская. Сыктывкар: СыктГУ, 1988. 76 с. (машинопись). В заключении: “Анализ наименований травянистых и кустарниковых растений показал, что названная лексическая группа в русском говоре села Лойма Прилузского района Коми АССР достаточно обширна. Среди

¹ Словник и др. статистика на ЭВМ осуществлялась в рамках хоз. договорной НИР “Разработка и создание Автоматизированного словаря русских народных говоров /АСРНГ/” между Институтом русского языка АН СССР и СыктГУ (науч. рук. – О.В. Загоровская, отв. исполнитель – Лесников С.В.).

наименований травянистых и кустарниковых растений встречаются как простые (72), так и сложные (28) наименования” (с. 51). Выделено 16 наименований, неизвестных диалектным словарям: Бела крапива (пустырник); Дудки вонючие (растения с сильным запахом); Заячьи пояски и скатерки, Лягушья цвета, Скатережник (плаун); Лягушья чечка (кувшинка); Молочная трава (тысячелистник); Мокрая трава (мокрица); Моржовые пучки (ревень); Мыльник (горлицев); Паровица (мокрица); Пересядна трава (клевер); Писник (хвощ); Притопник (птичья гречиха); Проходная трава (одуванчик).

– Турубанова Т.Г. Лексикографическое описание лексики тематического поля “Лес” в русском говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР. Наименования грибов и ягод. Науч. рук. доц. О.В. Загоровская. Сыктывкар: СыктГУ, 1988. 64 с. (машинопись). Неизвестные другим русским говорам: грибы – “ильинчик”, “ильинский груздь”; “петровские грибы”, “успенские грузди”, “цветун”; ягоды поленика – “руковья’зки”, “рогульки” (названные лексемы не встречаются в других русских говорах Коми АССР).

– Архипова Е.Г. Абстрактная лексика в русском говоре села Лойма Прилузского района Коми АССР. Науч. рук. асс. И.А. Кобелева. Сыктывкар: СыктГУ, 1989. 45 с. (машинопись). В результате проведенного исследования сделаны выводы: “I. В разряде отвлеченных имен существительных выделяются тематические группы, связанные преимущественно с характеристикой человека, а не природы. II. Отмечаются семантические диалектизмы, имеющие абстрактное значение и в говоре, и в литературном языке /настроение, владенье, мнение/. ... III. Отмечаются случаи употребления абстрактной лексики в устойчивых сочетаниях /горюшко размыкать, смех пропускать, с ума свалиться/. IV. Случаев употребления слов в переносном значении не отмечено. V. Среди грамматических особенностей абстрактной лексики лоемского говора можно отметить: близость говора к литературному

языку в том отношении, что а/ отвлеченные значения выражаются преимущественно словами ж.р. и ср.р.; б/ слова с абстрактным значением не образуют форм множественного числа” (с. 39–40).

– Савельева И.Л. Экспрессивная лексика в русском говоре села Лойма Прилузского района Коми АССР. Науч. рук. доц. О.В. Загоровская. Сыктывкар: СыктГУ, 1989. 40 с. (машинопись). “...было обнаружено четыре класса экспрессивных слов: класс слов с экспрессивным значением /КК эк./; класс слов с эмоциональным значением /КК эм./; класс слов с экспрессивно-эмоциональным значением /КК эк. + КК эм. + КК оц./; класс слов с эмоционально-оценочным значением /КК эм. + КК оц./. С точки зрения лексико-грамматических значений преобладают глаголы, обозначающие действия человека, процессы в других сферах действительности, и существительные со значением лица, которое характеризуется по какому-либо качеству или отношению к данному лицу. Экспрессивность создаётся преимущественно тремя способами: морфологическим, лексико-синтаксическим, лексико-семантическим. По способам образования среди экспрессивной лексики выделяются две группы: 1. Слова, образованные при посредстве словообразовательных средств; 2. Слова, образованные в результате семантических сдвигов на основе образности” (с. 35).

– Чупрова С.А. Система служебных частей речи в русском говоре села Лойма Прилузского района Коми АССР. Науч. рук. асс. И.А. Кобелева. Сыктывкар: СыктГУ, 1989. 70 с. (рукопись). Выводы: “1. В русском говоре села Лойма выделяются две группы союзов, различающихся по функциям, – союзы сочинительные и союзы подчинительные, для выражения подчинительных отношений используются также союзные слова. 2. Система сочинительных и подчинительных союзов, а также союзных слов представлена в говоре как довольно разветвлённая, но состоящая всё-таки из меньшего, по сравнению с современным русским литературным языком, набора элементов. Собственно диалектный союз отмечен только один – подчинительный союз колы. 3. Со-

чинительные и подчинительные союзы и союзные слова не одинаковы по частотности употребления. Внутри любой из названных групп этих служебных слов можно отметить слова более употребительные и слова менее употребительные. 4. Семантическая зависимость от контекста в значительно большей степени характерна для сочинительных союзов, чем для подчинительных: среди отмеченных в изучаемом говоре сочинительных союзов большинство являются многозначными, среди подчинительных – только союзы хоть, как, что. 5. В целом, употребление союзов и союзных слов в русском говоре с. Лойма и в современном русском литературном языке особых различий не имеет” (с. 65–66).

– Попуга Е.Е. Частицы в русском говоре села Лойма Прилузского района Коми АССР. Науч. рук. асс. И.А. Кобелева. Сыктывкар: СыктГУ, 1991. 91 с. (рукопись). Выводы: “...для говора с. Лойма наиболее характерно употребление постпозитивных частиц (то, ка). ...В исследуемом говоре различаются, с одной стороны, частицы со смысловой, чисто коммуникативной функцией и, с другой стороны, частицы, функцию которых надо определить как экспрессивную. ... в большинстве своем частицы говора с. Лойма вносят в речь различные смысловые и эмоциональные оттенки – это их основная функция. Функции же формообразующая и словообразующая им не свойственны. В целом встречающиеся в говоре частицы являются частицами общенародными” (с. 81–84).

– Асхабова А.А. Дистрибутивно-статистический анализ лексики (на материале русского говора с. Лойма республики Коми). Науч. рук. доц. О.В. Загоровская. Сыктывкар: СыктГУ, 1992. 55 с. (компьютерная распечатка). В работе была осуществлена попытка в ходе компьютерного эксперимента дистрибутивно-статистического анализа диалектной лексики, на базе текстовых материалов говора села Лойма Прилузского района Республики Коми в рамках создания Текстового подфонда Диалектологического фонда русского языка в ходе выполнения хоз. договорных НИР “Разработка и создание Автоматизированного словаря рус-

ских народных говоров /АСРНГ/” (науч. рук. – доц. О.В. Загоровская и отв. исполнитель – Лесников С.В.) и НИР “Разработка и создание Автоматизированной Лексикографической Системы /АЛС/ “ГОВОР” (науч. рук. – Л.С.В.). Обе НИР между Институтом русского языка АН СССР и СыктГУ. С 1992 г. – НИР § 53 “Духовная культура русского Севера. Словарь русских говоров Республики Коми и сопредельных областей”.

На основе лоемских материалов О.В. Загоровской при непосредственном участии автора создана модель Многоаспектного Автоматизированного Диалектного Словаря с. Лойма /МАДС(Л)/.

Структура словарной статьи МАДС(Л) предстает в виде иерархических бинарных деревьев, строящихся из составных и элементарных компонент. Составные компоненты образуются из элементарных таким образом, что каждая компонента данного уровня состоит из двух соседних компонент более низкого уровня.

Список элементарных компонент МАДС(Л) (лингвистическое определение и осмысление которых см. в работе О.В. Загоровской¹) представляет собой следующий набор:

— собственно заглавное слово — #1
— номер омонима — #2
— часть речи — #3
— собственно грамматические характеристики — #4
— номер словозначения — #5
— словоформы, в которых реализуется слово — # 6
— морфологическое членение — #7
— эмоционально-оценочные характеристики (пейоративные и мелиоративные) — # 8
— функционально-стилистические характеристики (“обиходно-

¹ Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990.

разговорное", "специальное", "официально-культурное", "народно-поэтическое") — # 9
— ситуативно-стилистические характеристики ("грубое" — "бранное" — "уважительное" — "ситуативно-стилистически нейтральное") — # 10
— темпорально-стилистические характеристики ("старое" — "новое" — "темпорально нейтральное") — # 11
— социально-стилистические характеристики ("свойственное речи старшего поколения" — "свойственное речи младшего поколения" — "детское" — "свойственное речи женщины" — "социально-стилистически нейтральное") — # 12
— количественно-стилистические характеристики ("малоупотребительное" — "широкоупотребительное") — # 13
— экспрессивно-стилистические характеристики ("экспрессивное" — "экспрессивно нейтральное") — # 14
— дефиниция (толкование денотативной части значения) — # 15
— указание на реалию — # 16
— вид ссылки для дефиниции — # 17
— адрес ссылки — # 18
— иллюстрация — # 19
— район сбора иллюстративного материала — # 20
— населенный пункт сбора материала — # 21
— год фиксации материала — # 22
— номер экспедиционного источника — # 23
— формальные варианты — # 24
— абсолютная частотность употребления — # 25
— относительная частотность употребления — # 26
— синонимы — # 27
— антонимы — # 28
— гипонимы — # 29
— согипонимы — # 30
— гипероним — # 31

— ближайшая лексико-семантическая парадигма — # 32
— семантическое поле — # 33
— лексический мотиватор (для производных слов) — # 34
— лексическая сочетаемость — #35
— грамматическая сочетаемость — # 36
— фразеологическая сочетаемость — # 37
— описательно-образная характеристика — # 38
— этимологические сведения — #39
— дополнительные этнокультурные сведения — # 40
— сведения о словарях, в которые включено слово — # 41
— принадлежность слова к общенародной, диалектно-просторечной или собственно диалектной лексике — # 42
— сведения о семантике слова в конструктивной макросистеме (о конструктивной семантике слова) — # 43
— служебная информация (сведения о составителях словарной статьи, времени ее подготовки...) — #44

Приведем для примера одну словарную статью МАДС(Л):

«Бабушка 1, 2». #1 "Бабушка" — 2. #2 — . #3 Сущ. #4 Жен.р. #5 2. #6 Бабушка, бабушкой. #7 Бабушка. #8 Нейтр. #9 Оф.-культ. #10 Нейтр. #11 Нов. #12 Свойственное речи младшего поколения. #13 Малоупотр. #14 Нейтр. #15 СТАРАЯ ЖЕНЩИНА. #16 — . #17 — . #18 — . #19 "Бабушкой-то редко кличут, все бабка". — "Молодые-то так еще назовут по-культурному". <...> #27 "Бабка", "старуха". <...> #32 "Бабушка", "бабка", "старуха" — "баба", "бабешка", "женщина" — "молодица", "молодушка", "молодка" — "девка", "девушка" — "девья", "девочка". < ... > #37 — . #38 — . <...> #40 — . #41 БАС, 1, с. 234-235; МАС, 1, с. 54; Даль, 1, с. 33; СГдА, с. 46; АОС, 1, 84; СРГСУ, 1, с. 29 ... АСРГК. #42 Общенародное. <...> #42 Общенародное. #43 1а. Мать отца или матери, [нейтр.] (в ЛЯ: БАС, 1, с. 234–235; МАС, 1, с. 54; в ДЯ: АОС, 1, с. 77...). 1б. Мать отца или матери, оф.-культ., нов., свойственное речи младшего поколения, малоупотр. (в ДЯ: МАДС(Л)...). 2а. Ста-

рая женщина, разг. (в ЛЯ: МАС, 1, с. 54). 2б. Старая женщина, [нейтр.] (в ПР.: БАС, 1, с. 234–235). 2в. Старая женщина, оф.-культ., нов., свойственное речи младшего поколения, малоупотр. (в ДЯ: МАДС(Л)...). 2г. Старая женщина, ласк. (в ДЯ: СГДА, с. 46). 3а. Повитуха, повивальная бабка, устар. (в ЛЯ: БАС, с. 234–235). 3б. Повитуха, повивальная бабка, [нейтр.] (в ДЯ: СРНГ, 2, с. 29; АОС, 1, с. 84; СРГСУ, 1, с. 29. Ср.: Женщина, занимающаяся оказанием помощи при родах: СГДА, с. 45–46). 4а. Лекарка, знахарка, гадалка, ворожея, устар. (в ЛЯ: БАС, 1, с. 234–235). 4б. Лекарка, знахарка, [нейтр.] (в ДЯ: СРНГ, 2, с. 30; АОС, 1, с. 84 ... Ср.: Женщина, занимающаяся лечением ... или знахарством: СГДА, с. 45–46). 5. Пожилая женщина, обычно незамужняя, выполнявшая роль священника при крещении, [нейтр.] (в ДЯ: СГДА, с. 46). #44»¹.

В процессе создания Автоматизированного Словаря русских говоров с. Лойма Прилузского района Республики Коми структура словарной статьи, заданная в табличном виде согласно требованиям АЛС UNILEX-D², приобрела следующий вид:

Таблица В. Структура словарной статьи Автоматизированного словаря русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми.

	NAMEC	SHIFR	N1	N2
1	СЗГ	Собственно заглавное слово	0	1
2	НОМ	Номер омонима	0	2
3	ФВАР	Фонетический (и акцентологический) вариант СЗГ	0	3

¹ Там же, с. 259.

² *Колодяжная Л.И.* Принципы создания филологического словаря на персональном компьютере // Третья всесоюзная конференция «Машинный фонд русского языка /МФ РЯ/». Мат. конф. 1990. С. 17–29; *Колодяжная Л.И.* Система "Компьютерный филологический словарь" (UNILEX-D) // Бюл. МФ РЯ. Вып. 2. 1992. С. 7–14.

4	СВАР	Словообразовательный вариант СЗГ	0	4
5	ЧР	Часть речи для СЗГ	0	5
6	ХАР	Грамматические характеристики СЗГ	0	6
7	СТИЛ	Стилистическая помета СЗГ	0	7
8	НДЕФ	Номер дефиниции	0	8
9	ЧРД	Часть речи для ДЕФ (если не совпадает с ЧР СЗГ)	0	9
10	СТИЛД	Стилистическая помета ДЕФ (если не = СТИЛ СЗГ)	0	10
11	СЗН	Собственно одно значение	0	11
12	ВИДС	Вид ссылки (способ определения значения)	0	12
13	АДР	Адрес ссылки — другое СЗГ	0	13
14	АНОМ	Номер омонима отсылочного СЗГ	0	14
15	АНДЕФ	Номер значения отсылочного СЗГ	0	15
16	ИЛЛ	Иллюстрация	0	16
17	НТХТ	Номер текста (Лоемского корпуса)	0	17
...

В качестве примера приведем несколько словарных статей, размеченных в соответствии с заданной структурой:

7 СЗГ А'ВИА&

7 ХАР неизм.&

7 СТИЛ спец.

7 ОДЕФ Сосновое бревно 6 м длиной.

7 ОДЕФ (термин лесозаготовителей).

- 7 ИЛЛ - Йе'с'т' а'в'иа& п'ило'воч'н'ик&
 7 ИЛЛ шпал'н'ик& раз'ный л'ес;
 7 ИЛЛ а'в'иа л'ес - сосно'войе бр'евно'
 7 ИЛЛ шес"т' м'е'тров дл'ино'й.
 13 СЗГ АГЛИНСКИЙ&
 13 ВРНТ АГЛИЦКИЙ&
 13 ЧР прил.
 13 ОДЕФ Сшитый из кумачового ситца.
 13 ИЛЛ - Кра'сный плато'к& з'имо'й в н'ом хо'лодно&
 13 ИЛЛ а'гл'ицк'ий плато'к.
 13 РАЙОН Прилузский&
 13 Н.П. с.Лойма&
 14 СЗГ АГЛУ'ТАТЬ&
 14 ЧР гл.
 14 ХАР несов.& кого-что.
 14 ОДЕФ Иметь в своем хозяйстве (о скотине) (?).
 14 ИЛЛ - Скот'ину вот аглута'йу.
 15 СЗГ АГРОМА'ДНЫЙ&
 15 ЧР прил.
 15 ОДЕФ Громадный.
 15 ИЛЛ - С агромадным бук'етом пр'ишол.
 17 СЗГ АТРИНСКАЯ РУБА'ХА.
 17 ОДЕФ Праздничная женская сорочка с вышивкой.
 17 ИЛЛ - А'гр'инск'ийе руба'х'и - н'и'жн'ийе руба'х'и
 17 ИЛЛ же'нск'ийе& вышива'л'и кра'сным'и н'и'ткам'и&
 17 ИЛЛ одн'и'м кр'есто'м& н'итк'и бы'л'и как кручо'ныйе.
 20 СЗГ АДА'МОВА ГОЛОВА.
 20 ОДЕФ Травянистое лечебное растение [?].
 20 ИЛЛ - Ран'ше росла' ада'мова голова'&
 20 ИЛЛ на ст'ебл'е росла' одна' йа'года;
 20 ИЛЛ йа'году зава'р'иваем и п'йом.
 25 СЗГ АЗЯ'М&
 25 ЧР сущ.

- 25 ХАР м.
 25 СТИЛ устар.
 25 ОДЕФ Старинная верхняя мужская крестьянская одежда
 25 ОДЕФ из домотканого холста или шерсти& имеющая вид
 25 ОДЕФ длиннополого кафтана.
 25 ИЛЛ - Аз'а'мы ткал'и ис ше'рст'и.
 25 ИЛЛ Аз'а'мы дл'и'нныйе& из сукна'&
 25 ИЛЛ на пал'то' од'ева'йут& за с'е'ном
 25 ИЛЛ в их йе'зд'ат.
 25 ИЛЛ - Ис сукман'и'ны аз'а'мы шы'л'и.
 26 СЗГ АК&
 26 ЧР част.
 26 ХАР усилит.& безуд.
 26 ОДЕФ Употребляется в начале вопросит. предложений.
 26 ИЛЛ - Ак вас л'удно л'и ход'и'ло-то?
 26 РАЙОН Прилузский&
 26 Н.П. с. Лойма&
 27 СЗГ АККУРА'Т&
 27 ЧР нареч.
 27 ОДЕФ Точно& как раз.
 27 ИЛЛ - Аккура'т Вал'а йе'д'ет к с'енoko'су-то.
 27 ИЛЛ - Аккура'т п'е'р'ет вос"мы'м ма'ртом бы'ло.
 28 СЗГ АККУРА'ТНЫЙ&
 28 ЧР прил.
 28 ОДЕФ Бережливый.
 28 ИЛЛ - Ч'елов'е'к-то скупой& на с'еб'а' возд'е'ржн'ый&
 28 ИЛЛ а'л'и акура'тн'ый.
 35 СЗГ А'ЛИ 1&
 35 ЧР союз.
 35 НДЕФ 1.
 35 ОДЕФ Разделит. союз "или".
 35 ИЛЛ - Гот а'л'и два жы'л'и тут.
 35 НДЕФ 2.

- 35 ОДЕФ Присоединит. союз "или".
- 35 ИЛЛ - В'ел'ич'а'й ста'рших ал'и нач'а'л'ство.
- 35 НДЕФ З.
- 35 ОДЕФ Пояснит. союз "или".
- 35 ИЛЛ - А вот то называ'йе'ц'ца ч'е'пна а'л'и ч'ерпа'к.
- 36 СЗГ А'ЛИ 2&
- 36 ЧР част.
- 36 ОДЕФ Усилит. частица в вопросительном предлож.
- 36 ИЛЛ - А'л'и мы н'е ска'зывал'и?
- 45 СЗГ АМБА'Р&
- 45 ЧР сущ.
- 45 ХАР -а& м.
- 45 ОДЕФ Холодная постройка& предназначенная для хранения
- 45 ОДЕФ зерна& муки и других продуктов& а также товаров&
- 45 ОДЕФ вещей и т.п.
- 45 ИЛЛ - В амба'рах-то фс'о хран'и'л'и.
- 45 ИЛЛ - Когда' йа при'шла' с'уды'& изба' была'&
- 45 ИЛЛ тр'и амба'ра& колос'и'н'ица& ов'и'н.
- 45 ИЛЛ Ч'ича'с н'ич'ево' н'ет& пу'стош.
- 48 СЗГ АНБАР&
- 48 ВРНТ АНБАРЕЦ&
- 48 ВРНТ АМБАРЕЦ&
- 48 ЧР сущ.
- 48 ХАР м.
- 48 ОДЕФ Амбар.
- 48 ИЛЛ - Анбар д'елал'и из досок&
- 48 ИЛЛ в н'ом хран'а'т хл'еп и што н'е ну'жно.
- 49 СЗГ АНБУЛАТОРИЯ&
- 49 ЧР сущ.
- 49 ХАР ж.
- 49 ОДЕФ Амбулатория.
- 49 ИЛЛ - Ф'ел'шер'и'ц'а йес'т'& в апт'е'к'е р'об'ит'&
- 49 ИЛЛ колы в анбулато'р'ии.

- 52 СЗГ АНДЕЛ&
 52 ЧР сущ.
 52 ХАР м.
 52 ОДЕФ Ангел.
 52 ИЛЛ - А'нд'елы п'ер'еста'ли пов'инова'ц'ца бо'гу.
 59 СЗГ А'НФЕР&
 59 ЧР сущ.
 59 ХАР м.
 59 СТИЛ спец.
 59 ОДЕФ Инструмент& приспособление для переворачивания
 59 ОДЕФ больших деревьев.
 59 ИЛЛ - Анф'ер - инструм'ент& йе'сли д'е'р'ево на'до
 59 ИЛЛ п'ер'еворот'и'т'.
 62 СЗГ АПЕЛЬСИ'НКА&
 62 ЧР сущ.
 62 ХАР ж.
 62 ОДЕФ Апельсин.
 62 ИЛЛ - Ап'ел'с'и'нка н'е нужна' мн'е&
 62 ИЛЛ к'исл'а'т'инка е'ка.
 79 СЗГ АРТЕ'ЛЬ&
 79 ЧР сущ.
 79 ХАР ж.
 79 СТИЛ устар.
 79 ОДЕФ Комбинат бытового обслуживания.
 79 ИЛЛ - Комб'ина'т бытово'во обслу'жыван'ийа
 79 ИЛЛ ра'н'ше арт'ел' называ'лс'а.
 80 СЗГ АРШИНЧИК&
 80 ЧР сущ.
 80 ХАР м.&
 80 СТИЛ уничтожит.
 80 ОДЕФ Аршин.
 80 ИЛЛ - Ку'п'ит' аршы'нч'ику н'е'гд' было.
 90 СЗГ АШУ'РКИ&

- 90 ЧР сущ.
 90 ХАР мн.
 90 ОДЕФ Остатки от растопленного масла.
 90 ИЛЛ - А из ашуркоф-то вот ка'шу ва'р'им.

Для лексикографии как науки о способах классификации лексического материала и способах его представления в словарях, главное – это исчерпывающее и всеобъемлющее описание всего словарного состава языка.

В настоящее время русская диалектология располагает значительным количеством областных словарей, богатыми карточными собраниями диалектных слов, на основе которых можно составить истинное представление о состоянии современной диалектной лексики, наметить основные черты, характерные для развития и функционирования народного языка. Активизация лексикографических разработок словарного состава русских народных говоров позволяет расширить и углубить проблематику диалектно-лексикографических исследований: исследование общих закономерностей словарного состава русских народных говоров, его соотношение с лексикой общенародного литературного языка как в современном состоянии, так и в историческом аспекте, со словарным составом родственных языков; исследование семантической структуры диалектных слов, диалектного словообразования и вариантности и т.п. Решение указанных вопросов зависит от того, насколько широким по охвату и репрезентативным является привлекаемый к исследованию материал.

Традиционная лексикография в качестве теоретических рассматривает проблему "дифференцированного" или "полного" диалектного словаря (Б.А. Ларин, Л.В. Щерба, И.А. Оссовецкий, Н.И. Толстой, А.С. Герд) и проблему полноты лексикографической информации в диалектном словаре (Л.И. Баранникова, В.Е. Гольдин, О.И. Блинова, Т.С. Коготкова, Ф.П. Филин), в том числе отражения в словаре семантики диалектного слова. При этом утверждает-

ся, что адекватное описание словарного состава языка невозможно осуществить в одном словаре, а только в серии словарей. Предлагалось создать систему словарей, характеризующих лексику диалекта в полном объеме и с разных сторон (В.А. Сенкевич, Ф.П. Сороколетов и О.Д. Кузнецова). На наш взгляд, представление диалектных материалов в компьютерной форме и внедрение современных методов научного анализа, основанных на применении ЭВМ и современных информационных технологий в диалектной лексикографии, позволяет взглянуть на эти проблемы по-новому и, в частности, создавать не только серию словарей, а один общий гипертекстовый диалектный словарь (ср. А.А. Шахматов – словарь-тезаурус), именно поэтому настоящее исследование посвящено проблеме интеграции словарных и текстовых диалектных материалов в рамках Диалектологического фонда русского языка на базе «Гипертекстового диалектного словаря русского языка».

Собственно гипертекстовое конструирование диалектного словаря русского языка осуществляется на основе Автоматизированной версии Словаря в следующем порядке:

- а) после предварительной параметризации (первичной разметки) на компьютерные носители информации вводится книжная версия Словаря;
- б) создаются словники отдельно по иллюстративным примерам и словарным статьям книжной версии Словаря;
- в) осуществляется лемматизация и анализ лексики на предмет выделения и уточнения собственно диалектной;
- г) выделяется лексика, которая зафиксирована 1) в литературном языке (сопоставление по Сводному словарю современной русской лексики) и 2) в других говорах (Архангельский областной словарь, Полный словарь сибирских говоров, Словарь вологодских говоров, Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей и Словарь русских говоров Республики Коми, СРНГ, Новгородский областной словарь и др. диалектных словарях, которые создавались и публиковались фактически одновре-

менно с СРНГ и при этом создатели этих словарей, как правило, старались не включать лексику, которая уже к этому моменту была зафиксирована и опубликована в СРНГ).

Последние несколько десятков лет активно ведутся разработки гипертекстовых и мультимедиа технологий, при которых единицы информации представлены в компьютерной форме не столько линейными последовательностями, сколько ассоциативными связями между ними, обусловленными конкретной предметной областью. При этом мультимедиа средства позволяют реализовать как иерархические и сетевые, так и реляционные проекты баз/банков данных, давая возможность дополнить "обычную" информацию в виде текстов и графических иллюстраций такими элементами, как звуковое сопровождение (музыка, синтезатор и имитатор речи), мультипликация и даже фрагменты видеофильмов.

Таким образом, ИНТЕГРАЦИЯ информации, порожденная разнообразными (многими – multi) данными, созданными в различных средах – media, позволяет в перспективе объединить многообразные разновидности информации: текст, графику, речь и музыку, теле- и видеoinформацию в компьютерном ("оцифрованном") виде.

Антиномия между алфавитным и гнездовым (семейным — по Далю) порядком расположения слов разрешается благодаря возможности найти произвольное вхождение любого одного слова и/или фразеологического или даже окказионального словосочетания по всему Словарю именно за счёт установления связей и актуализации гипертекстовых отсылок. При этом конструирование гипертекстового образа Лоемского словаря осуществляется не только в формате RTF /Rich Text Format/ (например, с ориентацией на утилиту winhelp), но, прежде всего, в формате HTML /Hypertext markup language/ в виде WWW /World Wide Web/ страницы в предположении в окончательном варианте для читателя-пользователя записи Словаря на компакт-диске (CD, DVD) и размещении WWW страницы на сервере для всеобщего доступа и

интерактивного использования в системе Интернет.

Конструируемый системный словарь¹ отражает зафиксированный (на магнитных и бумажных носителях) лексический состав русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми и показывает слово в трех типах связи: 1) по частям речи, 2) в синтагматических отношениях, 3) в системных парадигматических связях.

При создании системного (=гипертекстового, компьютерного) словаря по возможности выдерживаются следующие правила:

а) на начальном этапе осуществляется анализ опубликованных (толковых, ... региональных, сводных, терминологических и др.) словарей (словников, словоуказателей и словариков) русского языка и, прежде всего, диалектных, которые и предполагаются быть основой для объединения данных о диалектных словарях в виде гипертекстовых вокабуляриев ряда словарей русских говоров: Словарь русских народных говоров /СРНГ/; конкретных русских говоров – д. Деулино Рязанского района Рязанской области /ССРНГ(Д)/; Архангельский /АОС/ (10 вып.), Новгородский /НОС/ (12 вып.), Орловский /СОГ/ и Ярославский /ЯОС/ областные словари; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей /СРГКСО/ (4 тт.), Словарь русских говоров Республики Коми /СРГРК/, Полный словарь сибирского говора /ПССГ/ (4 тт.).

б) с целью формализации структуры словарной статьи компьютерного регионального словаря русского языка и последующего перевода в компьютерную форму опубликованных лексикографических материалов обеспечивается адекватная разработка собственно метаязыка гипертекстового интерактивно-интеграционного вокабулярия русских народных говоров и рассмотрение предпосылок и не-

¹ Следуя образцам и принципам изложенными в следующих работах: Демидова К.И. Системный словарь предметно-обиходной лексики говоров Талицкого района Свердловской области. Свердловск, 1986. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Тт. 1–2. М., 1998–2000.

которых базисных дефиниций и положений, а также описание предыстории информатизации диалектологических исследований.

в) в процессе разработки алгоритмического, программного и математического обеспечений используется пакет инструментальных средств разработки информационных систем HYPERMETHOD для создания гипертекстового диалектного словаря русского языка с включением разнообразных программных компонент при функционировании под управлением операционной системы Microsoft Windows.

г) в интерактивном режиме на персональном компьютере загрузить (т.е. поместить в компьютерном виде на магнитные носители информации и в соответствующую память ЭВМ) лексикографическую базу/банк данных/знаний в соответствии с формальной структурой словарной статьи компьютерного словаря русского языка.

Реализация интерактивного режима работы системы человек-компьютер целесообразна на основе FORTH-технологии. Фактически система, создаваемая в соответствии с FORTH-технологией – это набор слов, т.е. словарь (в простейшем случае – вокабулярий), из которого каждое слово актуализируется при необходимости для осуществления тех или иных специфических функций посредством вызова/выполнения ранее определенных слов. Диалог с компьютером тем самым формируется в реальном интерактивном режиме путём определения новых слов (т.н. расширение базового словаря), на основе слов, ранее помещённых в этом словаре. «Словарная» форма и конструкция языка FORTH – изначально и его расширения в процессе диалога человек-компьютер соответствуют стилю «человеческого» (гуманитарного) общения с (в т.ч. через и посредством) современным персональным компьютером, что и позволяет расширять возможности конкретной автоматизированной системы представления и обработки информации с учётом потребности и терминологии (предметной области) реального индивидуума.

д) информация распределяется компактными порциями, каждая из которых, как правило, не выходит за пределы стандартного экрана компьютера.

е) используется ограниченное количество шрифтов (современный русский, кириллический, греческий и латынь), шрифтовых выделений (курсив, подчеркивание и «жирный») и несколько уровней заголовков.

ж) по минимуму используется графическая и аудио информация, т.е. первоначально даётся схематическое изображение или текстуальные примечания, чтобы пользователь мог в дальнейшем по желанию самостоятельно активизировать получение полной версии графической, звуковой и видео информации.

з) все гипертекстовые ссылки определяются прежде всего диалектным материалом, т.е. каждая непосредственная связь и ссылка от ключевых слов, как и сами ключевые слова определяются диалектным материалом.

Под гипертекстом – принципиально новым методом представления текстовой информации, позволяющим в электронной, компьютерной форме уяснять и динамически проследить за почти всеми семантическими связями анализируемого текста – понимается использование новых информационных технологий для анализа (переработки в широком смысле слова) текста в нелинейной форме в интерактивном режиме на персональном компьютере с учетом иерархических, ассоциативных, сетевых и реляционных парадигматических связей посредством синтагматически реализованных в компьютерной форме оцифрованных лексикографических: текстовых и словарных, графических, аудио- и видео-, анимационных... данных.

и) предлагаемая логика сценария просмотра гипертекстового варианта диалектного словаря по возможности учитывает как компьютерную подготовленность (пользователь, оператор, пользователь-профессионал в своей области, парапрограммист, программист или хакер), так и филологическую подготовленность (школьник, студент, аспирант, преподаватель, научный сотрудник).

к) гипертекстовый вариант диалектного словаря проверяется на разных программах просмотра WWW страниц на предмет совместимости и адекватной воспроизводимости и восприимчивости в информационной компьютерной сети InterNet.

л) пополнять гипертекстовый словарь из рукописных источников, словарных картотек и словарей русского языка, с учетом всех нормативных (толковый, орфографический, орфоэпический, словообразовательный, сочетаемостный, морфемный, идеографический, омонимический, антонимический, синонимический, фразеологический, частотный, статистический, школьный, учебный, грамматический...) и др. специализированных (арго, терминологический, энциклопедический, автоматический, активной и пассивной лексики, алфавитный и обратный, антропонимический, аналогический, ассоциативный, гнездовой, исторический, дву- и многоязычный, номенклатурный, товарный, объяснительный, иллюстративный, картинный, индивидуальный, ономастический, топонимический, астронимический, космономимический, хрематонимический, фитонимический, хрононимический, фалеронимический, антропонимический, зоонимический, мифонимический, паронимический, переводной, потенциальный, селективный, общенаучной лексики, официальный (деловой стиль), экспланаторный, экстенсивный, теонимический, хоронимический ...) словарей и тезаурусов русского языка.

м) Создавать всевозможные проекции и разнообразные типы и виды словарей русского языка на основе гипертекстового представления.

н) Публиковать материалы гипертекстового словаря (как промежуточные, так и итоговые результаты научных исследований) в виде многотомного издания и тематических сборников научных статей.

Собственно структура гипертекстового словаря и является главным и принципиально важным звеном в конструировании современного, ориентированного на новые информационные технологии системного словаря отдельного говора русского языка.

Возможны несколько вариантов:

I) традиционный — одного говора или группы говоров в соответствии с общепринятыми нормами составления диалектных словарей на основе картотек по дифференциальному принципу.

II) от текстов и др. диалектных источников к «полному» компьютерному словарю. «Полному» – значит, с включением в словник всех слов и даже, возможно, и текстоформ исследуемых диалектных источников.

III) специализированные: частотный, по частям речи, идеографический, индивидуальный, синонимов и антонимов, топонимический, морфологический и др.

В качестве базовых источников и сопоставительной основы для создания системного словаря одного конкретного говора русского языка приведем библиографическую систематизацию словарей по территориальной принадлежности (Лесников С.В. Словарь русских словарей. Раздел: Русские словари с учетом регионального/социального признака по территориальной принадлежности).

Посредством «Гипертекстового (компьютерной версии) словаря русского говора села Лойма» представляется возможным включение сведений о лексическом составе территориального варианта (локального говора) русского языка в Диалектологический фонд русского языка и, соответственно, в общую структуру данных Машинного фонда русского языка¹.

Литература

1. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. II.

2. *Ануфриева И.А.* Компрессивное словообразование агентивных существительных в русском говоре с. Лойма Прилузского

¹ *Лесников С.В.* Системный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Проблемы современной русской диалектологии. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 92–94.

района Коми АССР // Тезисы 10 Коми республ. молодежной науч. конф. Сыктывкар, 1987. С. 9–10.

3. *Ануфриева И.А.* Словообразование агентивных существительных в русском говоре с. Лойма Прилузского района Коми АССР // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар: ПермГУ, 1986. С. 133–141.

4. Архив Коми филиала АН СССР, ф. 1, оп. 12, д. 48.

5. *Афанасьев А.П.* Топонимия Республики Коми. Словарь-справочник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996.

6. *Баранникова Л.И.* К проблеме классификации говоров территории позднего заселения // Говоры территории позднего заселения. Саратов: СарГУ, 1977. Вып. 1. С. 3–23.

7. *Баранникова Л.И.* Русские народные говоры в советский период (К проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов: СГУ, 1967.

8. *Демидова К.И.* Системный словарь предметно-обиходной лексики говоров Талицкого района Свердловской области. Свердловск, 1986.

9. *Жеребцов Л.Н.* Историко-культур. взаимоотношения коми с соседними народами. X–нач. XX в. М.: Наука, 1982.

10. *Жеребцов Л.Н.* Расселение коми в XV–XIX вв. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1972.

11. *Загоровская О.В.* Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М., 1990.

12. Книга Большому чертежу. М., 1950.

13. *Колодяжная Л.И.* Принципы создания филологического словаря на персональном компьютере // Третья всесоюзная конференция «Машинный фонд русского языка /МФ РЯ/». Мат. конф. 1990. С. 17–29.

14. *Колодяжная Л.И.* Система "Компьютерный филологический словарь" (UNILEX-D) // Бюллетень МФ РЯ. Вып. 2. 1992. С. 7–14.

15. Коми АССР. Административно-территориальное деле-

ние на 1 января 1986 года. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986.

16. *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

17. *Лашук Л.П.* Происхождение народа коми (научно-популярный очерк). Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961.

18. *Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М., 1972.

19. *Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н.* Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Научный фонд Коми филиала АН СССР. 142 с. (+7 стр. список илл.). Ф. 1, оп. 13, д. 48.

20. *Лесников С.В.* Словарь русских словарей. М., 2002.

21. *Лесников С.В.* Системный словарь русского говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Проблемы современной русской диалектологии. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2004. С. 92–94.

22. *Ли А.Д.* Русские говоры Коми Республики. Сыктывкар: КГПИ, 1992.

23. *Погодин А.Л.* Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

24. *Погодин А.* Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.

25. Русский семантический словарь / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Тт. 1–2. М., 1998–2000.

26. Русско-коми словарь. Около 50000 слов // Т.И. Жилина, Д.А. Тимушев, Н.А. Колегова, Н.Н. Сельков / под общ. ред. Д.А. Тимушева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966.

27. *Савельева Э.А.* Лузская Пермца. Сыктывкар, 1972. Вып. 2.

28. *Сергиева Н.С.* Фонетические особенности русских говоров Коми АССР. АКД. ЛГУ, 1988.

29. *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986.

30. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 (Е–Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986.

Вешнякова Анастасия Владимировна
Институт лингвистических исследований РАН
anastation.14@mail.ru

**О необходимости использования принципа
визуализации в современной русской лексикографии
(на примере новых наименований одежды и обуви
в современном русском языке)**

Одежда и обувь относятся к необходимым и важнейшим повседневным предметам обихода и жизнедеятельности человека. Современные динамические процессы в индустрии моды, процессы глобализации моды, а также спрос потребителей способствуют тому, что наименования современной модной одежды, особенно в последнее десятилетие, увеличиваются интенсивнее, чем в предыдущий период. Язык модельеров, специалистов в области моды, язык молодежи (в том числе и отдельных социальных групп, например, хипстеров) попадает в модные журналы, рекламу, интернет, через рекламный текст и сайты магазинов, поэтому эта лексика становится часто встречающейся и тем самым актуализуется для обычных носителей.

Такую новейшую лексику необходимо фиксировать в словарях новых слов. При этом оказывается необходимым вырабатывать новые принципы отбора материала, т.к. эта лексика не встречается или почти не встречается в публицистике, а поиск подобных слов становится особой проблемой поиска альтернативных источников неологических словарей. Чтобы фиксировать такие новые слова, необходимо обращаться к современным возможностям поиска информации и к такому глобальному источнику информации, как интернет, который представляется адекватным источником пополнения словарного состава языка в современном мире. Однако целенаправленный поиск данной лексики и ее фиксация необходимы не только для словарей но-

вых слов, но и для изучения тенденций развития современного русского языка, для изучения словарного состава русского языка в исторической перспективе.

Человек нового времени, несомненно, подвергается воздействию огромного потока информации. И в силу этого в массовое сознание людей ежедневно внедряется множество понятий и терминологических обозначений из экономики, маркетинга, политологии, философии и пр. В нашем случае такой информацией является лексика сферы модной одежды. Употребление таких слов распространено в речи подростков и молодёжи, а также – вне возрастного критерия – среди тех людей, которые интересуются и увлекаются модой. Помимо социального фактора, важным критерием употребительности такой лексики является «языковая мода» на новые наименования, обусловленная психологическими, коммерческими и пр. факторами.

Приведём конкретные примеры наименований одежды и обуви, известные или малоизвестные широкой аудитории. Ср., например: *дезерты, броги, оксфорды, мюли, сабо, лоферы, эспадрильи, криперсы, слипоны, слиперы, монки, топ-сайдеры, дерби, мартинсы, тимберленды, челси, кроксы, биркеништоки, пантолеты, гриндерсы, казаки, бабуши* и мн.др, или верхней одежды: *бомбер, дафлкот, парка, кокон, оверсайз, френч, сваггер* и мн. др.

В настоящее время такие слова не попали ни в один словарь современного русского языка, в том числе и в новейший словарь – «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века»: в 3-х тт. (СПб., 2012–2015). Однако в последнем имеют место такие сложения, как *брюки-невидимки, брюки-треггинсы, брюки-тянучки, майка-алкоголичка, платье-фонарик, платьенаволочка, брюки-шаровары, брюки-зарядник*; некоторые аксессуары (*сумка-собака, сумка-ремень, сумка-телефон, сумка-круг* и мн. др.) и мн. др., основанные на описательном наименовании

объекта. Очевидно, что появление таких слов вызвано потребностью дифференцировать предмет одежды по характерным признакам, однако такие слова нельзя считать буквальными названиями таких видов одежды. У представленных названий существуют реальные официальные наименования, например, *клатч*, *майка-оверсайз*, *логслив*, *легинсы*, которые зафиксированы на сайтах магазинов, на сайтах модных журналов, в торговой рекламе, в интернет-журналах. В связи с чем возникает логическое противоречие: почему номенклатурные официальные наименования новых видов одежды и обуви на страницы словарей не попадают, тогда как единичные разговорные описательные наименования таких предметов в словарях фиксируются.

Другая проблема при фиксации таких слов в словарях – это степень достоверности словесной информации, требующейся при описании деталей и нюансов внешнего вида предметов новой одежды. Очевидно, что в ряде случаев словесной информации оказывается недостаточно, и необходимо привлекать для толкования визуальный ряд, а именно – иллюстрации. Вспомним в этой связи известные рисунки в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля на слова *говядо* [Даль I: 364] и *шляпа* [Даль IV: 640], вызванные необходимостью экстралингвистической дополнительной информации для правильного понимания значения слов и соответствующих понятий. Необходимость проиллюстрировать современные наименования разновидностей модной одежды и обуви можно сравнить с необходимостью продемонстрировать разновидность фасонов шляп, представленных В.И. Далем.

Рассмотрим, например, слово *лоферы*, обозначающее разновидность туфель. Точное определение слова (от англ. loafer – бездельник) – модель туфель без шнурков, по форме напоминающих мокасины, но отличающихся наличием подошвы и низкого широкого каблука. При таком описании трудно вычленить дифференцирующие семы в значении сло-

ва. Более того, в цитатном материале такие семы также обнаружить затруднительно. Ср., пример из НКРЯ: «Одевается она по принципу «что-найду-в-шкафу-утром». Как правило, это джинсы, толстовки, майки. К ним надевает кроссовки, кеды или удобные лоферы. Брюки ценит выше платьев, любит черное, белое, серое, но с успехом комбинирует яркие вещи. Ее обрадует лопапейса (исландский свитер); органайзер для сумки; приглашение на ночную поисковую игру-квест» [Полина Морозова. Что подарить на 8 Марта // «Русский репортер», 2014]. Поэтому помочь решить данную проблему поможет иллюстрация (рис. 1):

Или, например, слово **челси** (от англ. *chelsea*, имя собств., слово имеет интересную историю возникновения) – ‘упругие обтягивающие ботинки’, которые имеют ряд дифференциальных признаков (например, высокая лодыжка, закругленный носок, как правило тканевая или кожаная резиновая вставка), отразить которые в словарной дефиниции достаточно трудно. В уточнении объекта описания опять может помочь иллюстрация (см. рис. 2):

В связи с тем, что традиционная текстовая форма подачи словарных статей не предполагает иллюстраций, а при подаче такого материала они необходимы, то требуется использование других форм фиксации и подачи соответствующего языкового материала в словарях. Если представлять подобные реалии в словарях наглядно, сопровождая их иллюстрацией, при этом не отказываясь от классических для словарной статьи принципов цитат, то может возникнуть необходимость в создании отдельного издания словаря новых слов для наглядного представления известных предметов в электронном формате, или необходимость в создании иллюстрированных словарей-справочников по тематическому принципу. Это вполне можно было бы реализовать в системе неологических словарей русского языка, особенно если вывести их в формат электронной лексикографии. Возможно, в том числе именно это имела в виду Н.З. Котелова, которая, учитывая отмеченные недостатки после выхода «Словаря новых слов и значений 60-х годов», говорила об увеличении количества жанров неологических словарей: «С появлением разных типов словарей новообразований можно будет чётко обозначить задачи конкретного словаря, освободить его от эклектического соединения задач» [Котелова 1978: 10].

Таким образом, необходимость лексикографического описания новых наименований одежды и обуви на современном этапе развития информационных технологий ставят перед исследователями новые задачи: это и использование таких источников пополнения словарного состава русского языка, как интернет, и необходимость подачи визуальной информации в случае недостаточности языкового материала, и создание новых жанров неологических словарей. Существует и общественная потребность в издании словарей такого рода, т.к. русский язык меняется с немыслимой скоростью, постоянно добавляя новый языковой материал. И для истории русского языка успевать фиксировать подобные слова в наиболее точных значениях необходимо.

Литература

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. М., 1955.
2. *Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. С. 5-26.
3. *Котелова Н.З.* Избранные работы. СПб., 2015.

Воронцов Роман Игоревич

Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
vorontsov@pgups.ru

К вопросу о когнитивном потенциале ономастической метафоры (на материале «Былого и дум» А.И. Герцена)¹

Ономастическая метафора представляет собой регулярное для русского литературного языка семантическое явление. Присвоение наименования уникального, как правило, исторически значимого, объекта другому носителю рождает разнообразные культурно обусловленные ассоциации, а следовательно, служит яркой стилистической фигурой и, одновременно, способом интерпретации действительности. Так, в известном примере из записных книжек А.С. Пушкина с помощью ономастической метафоры *Фальстаф* А.Л. Давыдову приписывается сразу восемь характеристик: «***(А.Л. Давыдов. – Р.В.) был **второй Фальстаф**: *сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст*».

В семантическую систему русского литературного языка ономастическая метафора полноправно вступает в середине XIX века, пройдя перед этим вековой путь активного развития. Возникнув на пересечении традиций «высокой» риторической антономазии и разговорного употребления образованного общества конца XVIII века, ономастическая метафора прошла через кризис аристократической культуры выражения в 30-е годы XIX века и стала важнейшим стилистическим и когнитивным ресурсом языка русской публицистики.

Важнейшая роль в становлении русской ономастической метафоры принадлежит В.Г. Белинскому. Именно в его статьях

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

постоянной приметой метафорического употребления имен собственных становится смысловая многогранность и неоднозначность. Если согласно предыдущей традиции ономастическая метафора должна была стремиться к конвенциональному значению, быть понятной и легко поддаваться истолкованию, то теперь постулируется, что метафоризации могут подвергаться и такие имена, семантика которых не исчерпывается одной или несколькими характеристиками, имена, открытые к различным толкованиям, а значит, всецело обусловленные контекстом. Отныне ОМ – это не ярлык, который присваивается человеку, предмету или явлению, это средство познания действительности, открывающее перед познающим субъектом бесконечную перспективу смыслового варьирования. (Подробнее об истории русской ономастической метафоры см. в [Воронцов 2012].)

А.И. Герцен в полной мере воспринимает традицию метафорического употребления имен собственных, существовавшую на тот момент в русской словесности. Ономастическая метафора у него – это и риторический прием, и средство выражения личной оценки (восхищения, иронии, презрения), и способ интерпретации действительности. Наиболее полное воплощение герценовская ономастическая метафора находит в «Былом и думах». Широкий исторический фон с большим количеством действующих лиц, равно как и личностный характер повествования, служат хорошими предпосылками для использования в тексте мемуаров ономастической метафоры. И Герцен, действительно, часто прибегает к этому приему: по тексту рассыпано более 300 подобных словоупотреблений. Ономастическая метафора в «Былом и думах» – разновидность «*объясняющей метафоры*» Герцена, когда «столкновение понятий <...> порождает далеко расходящиеся ряды ассоциаций, заставляет читателя с молниеносной быстротой перебирать множество пропущенных звеньев» [Гинзбург 1957: 183].

Ономастическая метафора в «Былом и думах», наряду с когнитивной функцией, часто выполняет и функцию текстообразующую: вокруг таких метафор, как правило, ярких и лаконичных, группируются и текстовые структуры, и идейные комплексы. При этом образы, создаваемые за счет ономастических метафор, нередко оказываются настолько глубокими и многогранными, что полностью раскрываются лишь в рамках крупного текстового фрагмента, главы или даже всего текста мемуаров.

Так, в одном из ярких образцов «объясняющей» метафоры Герцен именами двух драматургов – Шекспира и Расина – характеризует целые «миры» – английский и французский: *«Французу так дик, так непонятен мир самоуправления, децентрализации, своеобразно, капризно разросшийся, что он, как долго ни живет в Англии, ее политической и гражданской жизни, ее прав и судопроизводства не знает. Он теряется в неспетом разноначалии английских законов, как в темном бору, и совсем не замечает, какие огромные и величавые дубы составляют его и сколько прелесть, поэзии, смысла в самом разнообразии. То ли дело маленький кодекс с посыпанными дорожками, с подстриженными деревьями и с полицейскими садовниками на каждой аллее. Опять – Шекспир и Расин»*. Регулярность французской жизни Герцен уподобляет французскому регулярному саду и классицистической драматургии Расина, выстроенной по строгому канону, а «разноначалие» и разнообразие английских законов, прав и порядков ассоциируется с ландшафтом английского пейзажного парка и «необъятностью» шекспировского гения. Два имени становятся средоточием пространного рассуждения Герцена о несходстве английского и французского мировоззрения и, как следствие, невозможности для французских эмигрантов приспособиться к английской жизни. Так реализуется текстообразующая и когнитивная функция ономастической метафоры.

Важным источником ономастической метафоры в «Былом и думах» становятся имена деятелей Великой французской рево-

люции. Восхищаясь их непреклонностью, отвагой, целеустремленностью, Герцен в то же время часто употребляет их имена для того, чтобы охарактеризовать такие качества, как свирепость, фанатизм, беспощадность. Ср.: с одной стороны, *«Во Франции некогда была блестящая аристократическая юность, потом революционная. Все эти С.-Жюсты и Гоши, Марсо и Демулены, героические дети, выращенные на мрачной поэзии Жан-Жака, были настоящие юноши»*, и с другой стороны, *«Тюфяев (вятский губернатор – Р.В.) был бы свирепым комиссаром Конвента в 94 году, – каким-нибудь Карье»*; *«Студенты-барышни – якобинцы, Сен-Жюст в амазонке – все резко, чисто, беспощадно»*. Русскую девушку, пришедшую в лондонский дом Герцена («черты ее печальны, щеки горят») и потребовавшую ответа: причастен ли он к петербургским пожарам 1862 года, писатель называет Шарлоттой Корде: *«Ну, полноте <...> играть роль Шарлотты Корде, у вас нет кинжала, и я сижу не в ванне»*. Характерно, что в одной из статей Герцен так характеризует убийцу Марата: «Ее превратили в "ангела убийства", тогда как она была только мрачной фанатичкой» (<Шарлотта Корде>). В другом месте, говоря об «Обвинительном акте» Б.Н. Чичерина в адрес «Колокола», Герцен сравнивает его автора с Сен-Жюстом: *«С высокомерным холодом несгибающегося доктринера, с roideur (фр.: непреклонностью. – Р. В.) судии неумытного позвал он меня к ответу <...>. Приемы этого Сен-Жюста бюрократизма удивили меня»*. Высокомерие и крайняя непримиримость Сен-Жюста в отстаивании революционных идей в случае с Чичериным оказываются приложенными к «бюрократизму» – идеологии, для которой интересы государства превыше интересов общества. Тем самым Герцен подчеркивает неприемлемость подобных «приемов» вне зависимости от идейной позиции, на защиту которой они поставлены.

Частотной для Герцена является ономастическая метафора *Даниилы*, отсылающая к имени ветхозаветного пророка Даниила, учившего о торжестве Царства Божия над язычеством и неспособ-

ности языческих царей быть владыками мира. Так, в восьмой части «Былого и дум» очерк под названием «Даниилы» посвящен обличителям Второй французской империи: *«Не сговариваясь в своих ссылках и удалениях, эти величественные судьи и Даниилы произнесли свой приговор, зная, что он не будет исполнен»*. В значении ‘обличители’ ономастическая метафора *Даниилы* встречается и в других текстах Герцена. В частности, в одной из статей 1860 года писатель рассуждает о «желчевиках» – озлобленных и желчных «лишних людях» николаевской эпохи: *«Жизнь <...> не может выносить наводящие уныние лица **невских Данилов**, мрачно упрекающих людей, зачем они обедают без скрежета зубов и, восхищаясь картиной или музыкой, забывают о всех несчастьях мира сего»* (Лишние люди и желчевики). «Желчевикам» свойственно раздражительное и болезненное самолюбие, любовь к «бесконечным исповедям и рассказам о нервных событиях своей жизни». Поэтому, уже в «Былом и думах», Герцен обозначает их с помощью другой библейской ономастической метафоры: *«Стоило вместо возраженья и состраданья согласиться с кающимся, чтоб увидеть, как легко уязвляемы и как беспощадно мстительны **эти Магдалины обоих полов**»*. Две ономастические метафоры с общей референцией позволяют Герцену глубоко и нетривиально интерпретировать конкретное общественное явление.

Особое место в «Былом и думах» занимают ономастические метафоры, создаваемые на основе шекспировских образов. Таковыми метафорами обрамлена глава «*Samicia rossa*» (*итал.*: красная рубашка), посвященная визиту в Лондон Дж. Гарibaldi. Случайное совпадение (день вынужденного отъезда Гарibaldi из Англии совпал с днем празднования трехсотлетия Шекспира) дает Герцену повод для неожиданных и ярких метафорических параллелей: *«Какая-то шекспировская фантазия пронеслась перед нашими глазами на сером фоне Англии, с чисто шекспировской близостью великого и отвратительного, раздирающего душу и скрипящего по тарелке»*. Встреченный англичанами с невероят-

ным энтузиазмом, герой Рисорджименто, с другой стороны, оказался в центре политического противостояния либерального премьер-министра Палмерстона и консервативной партии, подогреваемого Францией и Наполеоном III. Результатом интриг стала, по сути, высылка Гарибальди из Англии под предлогом его выдуманной болезни. Апеллируя к Шекспиру, Герцен уподобляет изгнанного героя королю Лиру: «*Ступай на свою скалу, плебей в красной рубашке и король Лир! Гонерилья тебя гонит, оставь ее, у тебя есть бедная Корделия, она не разлюбит тебя и не умрет!*». Смысл этой развернутой ономастической метафоры становится ясен, если учесть, что весь очерк «*Camicià rossa*» – это «попытка создать безупречный и могучий образ народного героя», своего рода «апофеоз» [Гинзбург 1957: 344]. Герцен выстраивает образ короля Лира-Гарибальди, гонимого английским правительством – Гонерильей, но горячо поддерживаемого народом – Корделией. Ономастическая метафора, таким образом, становится ключевым языковым и историко-культурным ресурсом, на котором базируется содержательно-концептуальная информация текста очерка.

Две ономастические метафоры большой объясняющей силы можно обнаружить в разряде географических. С помощью этих номинаций Герцен точно формулирует важные для идейного содержания текста тезисы. Один из них посвящен перспективам развития Сибири, богатейшего региона, который «так скверно управляется». Роль Сибири, «страны между океаном, южной Азией и Россией», чрезвычайно важна – особенно в свете того, что «*Тихий океан – Средиземное море будущего*». Центральное географическое положение Средиземного моря, на протяжении тысячелетий окруженного развитыми цивилизациями, сделало средиземноморский регион средоточием культурного, политического и экономического обмена. Подобную перспективу – уже в гораздо большем масштабе – Герцен с помощью ономастической метафоры предсказывает Тихому океану и окружающим его гос-

ударствам. Точность формулировки способствовала тому, что, согласно примечанию писателя, «нью-йоркские журналы несколько раз повторили это».

В 1867 году, побывав в Венеции, только что вошедшей в состав объединенного Итальянского королевства, Герцен задумывается о будущем обновленной и независимой Италии, которое последует за неизбежным и скорым взятием Рима. Позиция писателя двойственна. Отдавая должное «религии» Маццини и Гарибальди – «знамени, с которым Италия завоевала себя», Герцен видит «бедность» итальянского идеала освобождения, ибо «итальянская революция была до сих пор боем за независимость». Отсюда возникает тезис о том, что «*Рим – Америка Маццини*». Присоединение Рима, который должен стать итальянской столицей, – тот предел, к которому беззаветно стремится идеал «великого карбонаро», тогда как «дальнейших зародышей *viables* (*фр.*: жизнеспособных. – *P.B.*) в его программе нет – она была рассчитана на борьбу за единство и Рим». Маццини уподобляется здесь Колумбу, которому «в виду берега ... стоило плыть и нечего было употреблять все силы своего неукротимого духа». Нечто подобное усматривает Герцен и в российской действительности, где после отмены крепостного права «сила слова» тех, кто боролся за освобождение, постепенно сошла на нет. Лаконичная ономастическая метафора становится ядром герценовской мысли. Пронизывая окружающий текст далеко идущими сближениями и ассоциациями, она организует текстовую структуру на глубинном идейном уровне.

«Былое и думы» – вершина герценовского реализма, в полной мере воплотившая в себе художественный метод автора на завершающем этапе его развития. На всем протяжении писательского пути одной из важнейших черт стиля Герцена являлась метафоричность. При этом метафора Герцена эволюционировала вместе со стилем: от романтической метафоры с присущими ей дуализмом и эмоциональностью к метафоре реалистической,

«объясняющей», направленной на изучение объективной действительности. Традиционная, шаблонная метафора с повышенной экспрессивностью, характерная для ранних произведений Герцена, перешла в метафору познавательную, каждый раз совершающуюся заново, привлекающую все новые и новые ассоциации, отражающую авторский мыслительный процесс. То же относится и к метафоре ономастической. Для зрелого Герцена этот прием – с его огромным языковым, речевым, текстовым, экспрессивным, историко-культурным и когнитивным потенциалом – оказался настоящей находкой. Используя широчайший спектр имен-источников ономастической метафоры, подбирая лаконичные, точные и яркие ономастические формулировки, выстраивая вокруг них текстовые структуры и комплексы идей, Герцен возвел ономастическую метафору на небывалый художественный уровень и сделал ее поистине «объясняющей».

Литература

1. *Воронцов Р.И.* Ономастическая метафора в русском литературном языке: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.
2. *Гинзбург Л.Я.* «Былое и думы» Герцена. М., 1957.

Воропаева Екатерина Александровна
Смоленский государственный университет
voropaeva.ekaterina2013@yandex.ru

Лексико-семантическая группа *вода* в словообразовательной системе смоленского диалекта

Языковая картина мира, состоящая из множества семантических компонентов, представлена в том числе и словообразовательными гнездами, наиболее ярко отражающими представления человека об окружающем мире. Особого внимания заслуживают диалектные словообразовательные гнезда, которые аккумулируют исторический опыт, образ жизни, материальные и духовные ценности людей, проживающих на определенной территории.

Характер этих особенностей обнаруживается при сопоставительном анализе общенародных и диалектных словообразовательных гнезд, причем, наиболее перспективным направлением является анализ гнезд, принадлежащих к определенной лексико-семантической группе. Так, на материале смоленских говоров были исследованы словообразовательные гнезда глаголов движения, глаголы речи, мысли, чувства [Коломонова 2009: 7]. Данная работа должна быть продолжена и на материале гнезд других лексико-семантических групп (ЛСГ).

Нами было проанализировано 24 словообразовательных гнезда (СГ), относящихся к лексико-семантической группе *вода* в смоленском диалекте. Особого внимания заслуживают СГ с исходными словами, принадлежащими к общенародному языку. Прежде всего, это СГ с исходными словами *вода*, *лить*, *мокрый*, *капать*, так как эти гнезда являются семантическим ядром ЛСГ *вода* и обладают наибольшим количеством производных.

Данные гнезда крайне неоднородны по своему объему и структуре. Словообразовательные парадигмы включают в себя преимущественно три частеречных блока: субстантивный, адъективный и глагольный. Несмотря на представительность данных

блоков, нельзя говорить о том, что в них реализованы все возможные частеречные значения. Анализ парадигм позволяет говорить об их «открытости». Так, в словообразовательной парадигме гнезда с исходным словом *вода* отсутствуют, например, существительные с оценочным, уменьшительным и увеличительным значением, существует возможность для образования наречного блока [Воропаева 2014: 69].

Наиболее развернутую сеть производных имеет словообразовательные гнезда с исходными словами *лить*, *мокрый*, внутри которых можно выделить ряд тематических групп; наиболее представительными являются следующие: «*Явления природы. Вода, дождь*»; «*Предметы домашнего обихода*»; «*Продукты питания*»; «*Человек*».

Семантика исходного слова реализуется не во всех производных, можно выделить ряд слов, в которых появляются новые значения, образование которых происходит в следующих направлениях:

- номинация по сходству двух явлений, в основе которого часто лежит процесс метафоризации: кап'панец «мед» (от капля); полива'ха – «сплетица» (от лить), налива'нный «полный, здоровый о человеке» (от налиться);

- конкретизация некоторых значений исходного слова: ливану'ть «сильно лить (о дожде)», взлива'ть «интенсивно наливать что-либо».

Собственно диалектные СГ не имеют такой разветвленной системы производных, но отличаются по принципу расположения слов в парадигме. Так, например, СГ с исходным словом *мгла* (*мгла*) имеет линейное строение, а СГ с исходным словом *иней* (*иней*, *ивень*) относится к комплексному типу, сочетая в себе сразу два типа расположения производных: линейный и веерный [Бояринова 2013: 147–160].

Возникновение ряда новых значений характерно в основном для СГ с исходным общенародным словом. В гнездах сме-

шанного типа имеет место образование новых слов, сохраняющих семантику исходного, как правило, эти слова синонимичны по своему значению и отличаются друг от друга словообразовательными аффиксами. Например: *моросе'йка, 'оморось, су'морось* «мелкий, морозящий дождь».

В большинстве случаев семантика исходного слова находит отражение в ряде производных СГ, однако не все значения находят реализацию, гораздо чаще появляются новые значения, которые отсутствуют в общенародном языке, причем их появление возможно на любой ступени словообразования. Например: в СГ с исходным словом *снег*, на первой ступени словообразования обнаруживаем слова: *снежи'ца* «весенний снег», *подсне'жница* «клюква».

Несмотря на разнообразие значений внутри словообразовательных парадигм каждого гнезда, сохраняется общее семантическое поле, а именно ряд слов, связанных с водой, дождем или другими явлениями, имеющими отношение к данным понятиям.

Особого внимания заслуживает функционирование семы *дождь* в исследуемой ЛСГ.

Сема *дождь* объединяет на уровне семантики целый ряд СГ, входящих в ЛСГ вода в смоленских говорах. В гнездах слова с семой *дождь* практически в равной степени присутствуют на I, II, III ступенях словообразования с преобладанием слов на I ступени (19-11-13). Частеречный анализ свидетельствует о преобладании мотивированных существительных (34), значительно меньше глаголов (12), прилагательных (7) и одно наречие. Появление слов с семой *дождь* в гнездах, исходные слова которых не содержат эту сему, свидетельствует об особом восприятии окружающей действительности носителем диалекта, о его стремлении дать наиболее яркую образную характеристику тому или иному явлению, выразить к нему свое отношение. Таковым, например, является СГ с вершиной *гриб*, среди его производных мы находим целый ряд слов для наименования *грибного дождя*: *грибник*,

грибовик, грибовник. В данном случае мы можем говорить об усложнении семантического переноса: в основе наименования – сопоставление с комплексным явлением – представлением человека о дожде, который способствует росту грибов [Воропаева 2015: 38].

Словообразовательные цепи характеризуются различной длиной. В СГ с исходным общенародным словом преобладают бинарные, трех-, четырехкомпонентные модели. Несколько меньше пятикомпонентных цепей. Для гнезд смешанного типа характерно преобладание трех- и четырехкомпонентных СЦ.

Мы можем говорить о некоторой степени регулярности отдельных моделей: С-С (вода → *суводь*; роса → *порось*);

П-С (*мокрый* → *моква*; *мокрый* → *мокрец*);

С-С-С (вода → *водовоз* → *водовозчик*; лёд → *гололедь* → *гололедня*);

С-П-С (*гриб* → *грибной* → *грибник*; вода → *водяной* → *воденик*);

Г-Г-С (*лить* → *слить* → *сулейка*; *лить* → *облить* → *обливка*);

С-Г-С (*пар* → *парить* → *парень*; *мгла* → *имглить* → *имгла*);

Г-Г-Г-Г (*лить* → *литься* → *влиться*; *лить* → *залить* → *позалить* → *позалиться*);

Г-Г-Г-С (*лить* → *залить* → *заливать* → *заливник*; *лить* → *полить* → *поливка* → *поливочка*).

Представленные модели отличаются также кольцевым строением и в подавляющем количестве состоят из одинаковых частей речи. То есть, мы можем, утверждать, что образование новых слов осуществляется в основном за счет присоединения к исходному слову разнообразных аффиксов, которые приносят новые словообразовательные значения.

Исследование диалектных СГ, относящихся к той или иной ЛСГ, показало, что объяснение ряда словообразовательных явлений возможно только при комплексном анализе всех СГ исследуемой ЛСГ; а сопоставление с общенародным языком открывает

новые деривационные и семантические явления, необходимые для воссоздания словообразовательной системы русского языка.

Литература

1. *Бояринова Л.З.* Диалектное словообразование: учебное пособие. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013.
2. *Воропаева Е.А.* Системные отношения в словообразовательном гнезде с вершиной *дождь* (сравнительно-сопоставительный аспект) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2015 / под ред. О.Н. Крыловой. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 31–39.
3. *Воропаева Е.А.* Словообразовательное гнездо с вершиной *вода* // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2014 / под ред. О.Н. Крыловой. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 67–76.
4. *Коломонова О.Н.* Словообразовательные гнезда глаголов движения в смоленских говорах: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2009.
5. Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11 / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.

Гальцова Дарья Николаевна

Воронежский государственный университет

Darij98@yandex.ru

**Языковая личность Болдиной Натальи Стефановны
(уроженки с. Медвежье Семилукского района
Воронежской области)**

В настоящее время многие науки лингвистического цикла ориентированы не столько на исследование системы языка, сколько на изучение языкового сознания его носителя. В современной парадигме лингвистического знания язык рассматривается как код, в котором отражается информация о самом человеке и его мировоззрении. Ю.Н. Караулов справедливо отмечает, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010: 7]. Действительно, человек органически связан с языковой системой, и обращение к нему может стать бесценным источником изучения богатств родного языка.

В качестве составляющей термина «языковая личность» может выступать термин «языковая личность диалектоносителя». Диалектная языковая личность – это первооснова национальной русской языковой личности, активный субъект, через диалект вобравший в себя опыт предшествующих поколений и реализующий его в различных формах [Лютикова 1999: 3]. Диалекты отражают древнюю форму существования языка, поэтому без изучения языковой личности диалектоносителя невозможно полное изучение национального языка, менталитета, диалектной картины мира.

В статье рассматривается языковая личность Болдиной Натальи Стефановны (год рождения – 1922, год смерти – 2005). Она является коренной жительницей села Медвежье Семилукского района Воронежской области и представляет традиционный

для данной территории говор. Выбор данной языковой личности обусловлен тем, что Н.С. – рядовой носитель языка и типичный представитель села, отражающий в своей речи собственные представления об окружающем её мире, природе, укладе жизни, обычаях, обрядах и человеческих ценностях.

Материалом исследования являются тексты, записанные во время спровоцированных и неспровоцированных бесед с диалектоносителем. Тексты были записаны в течение двух недель лета 1995 года Пановой Мариной Владимировной.

Речь Н.С. отражает черты традиционного говора на всех уровнях языка. В частности, на уровне фонетики это недиссимилятивное аканье (*уан'а'л'и, выклада'ют', класк'и', н'ь мауу'*), ассимилятивно-диссимилятивное яканье (*дв'ана'цът', п'акл'и', јад'а'т', ахм'ал'и'л'ис'*), наличие [γ] фрикативного (*пъмаун'о'т', уан'а'л'и, уот*), отсутствие перехода [е] в [о] в местоимениях и личных окончаниях глаголов (*ад̄ахн'е'т'*). На уровне морфологии – смешение твёрдого и мягкого вариантов склонения (*у ма'м'и*), окончание -ы в именительном падеже множественного числа у существительных среднего рода (*в'о'дры*), окончание -е в личных местоимениях 1 и 2 л. и в возвратном местоимении (*м'ин'е', у т'иб'е', с'иб'е'*), употребление <т'> на конце глаголов 3-го л. (*пр'ихо'д'ут', съб'ира'јут', уул'а'јут'*), отсутствие конечного согласного в окончаниях глаголов 3-го лица единственного числа (*бу'д'а, дава'ја*). Однако фонетические и морфологические особенности речи не носят ярко выраженный индивидуальный характер, а лишь подтверждают, что Н.С. – типичный представитель традиционного говора. Для анализа языковой личности информантки обратимся к лексическому уровню её речи, так как для характеристики языковой личности наиболее важными являются объём лексики, её выразительность и эмоционально-экспрессивность.

В идиолекте Н.С. представлена в основном общерусская лексика, диалектная лексика составляет меньшую его часть.

Различные тематические группы, а также состав определённой тематической группы, помогают охарактеризовать особенности языковой личности и её картины мира. Наиболее показательными в речи Н.С. являются следующие тематические группы:

1. Быт

Дежа – посуда для замешивания теста //т'есту на хл'еп в д'аже' фс'иуда' м'ас'и'л'//

Дерюжка – подстилка //д'ар'у'шк'и тка'л'и са'м'и, бы'л'и ан'и' о'ч'ън' крас'и'выи, и'аз бы на э'т'и д'ар'у'шк'и пъл'ад'е'т'//

Кадушечка – большой горшок //а ишō' каду'шъч'к'и бы'л'и на два'-на тр'и' в'адра', и в э'т'и каду'шъч'к'и над'е'лѣют' квашо'нк'и//

Корчажка – глиняный сосуд для хранения молока //ф карч'а'шк'у мѣлако' нал'ива'л'и, ана' та'мъ у м'ин'е' стаи'т'//

Лажняк – подстилка из шерсти //пато'м ишō' д'ар'у'шк'и иш ше'р'с'т'и бы'л'и, э'тъ нѣзыва'л'ис' лѣжн'ака'//

Отымалка – тряпка, с помощью которой доставали чугуны из печи //атыма'лкѣ ч'ууны' ис п'ич'и' выта'скъвыл'и, вот так бра'л'и и атыма'л'и//

Подзорник – простыня с кружевом, спускавшаяся ниже покрывала //падзо'рн'ик – э'тъ прѣстын'а' така'ѣ б'е'лѣѣ, кру'жъвъм абащѣ'и и нѣ крава'т' ло'жыш'//

Рогач – приспособление, с помощью которого вынимают чугуны из печи //вына'ј-кѣ рѣуач'и', м'ас'и' ул'и'ну и дава'јѣје' зама'жъм пат п'е'ч'ку//

Таганок – подставка для чугуна на четырёх ножках //тѣгано'к был, на н'о'м двухв'ад'е'рныј ч'ууун стаја'л'//

2. Пища

А) Пища, которую ели в мирное и неголодное время

Блинцы – тонкие блины //ја пук'и' пѣв'арч'у', мама' м'ин'е' бл'инцо'ф дас'//

Жаворо'нки – мучные изделия в виде жаворонков, которые пекут на праздник Сорки //на со'рк'и фс'и҃да' п'аку'т' **жэ'ва-ро'нкѣф**, а т'е'ста на н'и'х кѣк хат'и'ш, ја, нѣпр'им'е'р, фс'и҃да' стѣнавл'у' л'и'тру мѣлака', дражѣ'ј и сѣхарку', со'л'ушк'и'//

Квас – окрошка //у на'с в м'ад'в'е'жѣ ҃ато'в'ут' **квас**, э'тѣ п'е'рвѣјѣ бл'у'дѣ'//

Квашонка – ряженка //јис'т' захо'ч'ѣш, пр'ихо'д'иш, кусо'к п'ира҃а и кру'шку э'тѣј **квашо'нк'и'//**

Кулеш – крутой суп с добавлением картофеля и пшена //хл'е'бы п'акл'и' из аржано'ј мук'и', **кул'е'ш** наво'р'ут'//

Назорки – мучные изделия, похожие на клѣцки //мы **назо'рк'и** је'л'и ра'н'шѣ, а и҃ас уш пѣстано'в'ут' ра'зныји са-ла'ты, и кѣлбасы', и фс'о на св'е'т'ѣ'//

Разгониха – каша, которую подавали последней за свадебным столом //раз҃ан'и'хѣ ка'шѣ была', э'ту ка'шу пасл'е'дн'ују пѣдавал'и, штоп јије' паје'л'и и рѣсхад'и'л'ис'а'//

Свекольник – суп из свѣклы //ра'н'шѣ ҃ато'в'ил'и квас, хѣлад'е'ц и св'ако'л'н'ик'//

Холодец //пѣдавал'и бал'шы'ји ч'а'шк'и с хѣлацо'м'//

Б) Пицца, которую ели в голод и во время войны

Жѣлуди //в ҃олѣт јес'т' н'е'ч'ѣвѣ бы'лѣ, **жо'луд'и** је'л'и и раку'шк'и је'л'и'//

Калина – каша из муки //в ҃олѣт **кал'и'ну** је'л'и, э'т ка'шѣ така'јѣ, муч'и'цы дѣбавл'а'л'и и вар'и'л'и'//

Камыш //в вајну' фс'о је'л'и, да'жѣ **камы'ш** је'л'и'//

Кастрика – крапива //кастр'и'кѣ пафс'у'ду расла', јије' је'л'и'//

Мамалыга – каша из размельчѣнной пшеницы //ну, мы на-во'р'им и҃ас **мѣмалы'҃и**, пѣјад'и'м'//

Ракушки //в ҃олѣт јес'т' н'е'ч'ѣвѣ бы'лѣ, жо'луд'и је'л'и и раку'шк'и је'л'и'//

Щавель конячий //҃ало'днѣјѣ в'р'е'м'а бы'ла, је'с'т' ахо'тѣ, и҃а'в'ѣл' кан'а'ч'иј је'л'и'//

3. Лексика ткацкого производства

Белить – отбеливать холсты //б'ал'и'т' - када', зна'ч'ит',
жих намо'ч'иш, а ан'и' ат со'лнушку адб'ел'ивѣ'јуць//

Бёрда – деталь ткацкого стана, в которую вставляются нити основы //б'о'рдѣ – э'тѣ то'жѣ, ѳд'е н'и'тѣч'к'и фтыка'јуць//

Деревяки – детали ткацкого станка //дв'е д'ѣр'ив'а'к'и, на
н'и'х нѣд'авал'с'и наво'ј, н'и'ч'инк'и, б'о'рдѣ, ват э'тѣ фс'о'
сѣб'ира'лѣс'а//

Навой – ткацкий станок //наво'ј – э'тѣ стано'к тако'ј,
како'ј тк'от'//

Ничинки – детали ткацкого станка //н'и'ч'инк'и – э'тѣ ф
като'ры'ји н'и'тѣч'к'и фтыка'л'ис'а//

Подножка – деталь ткацкого станка //бы'л'и падно'шк'и, и
вот хто тк'е'т'-тѣ, адно'ј падно'шкѣ'ј, пато'м прасу'н'а,
пр'исло'н'а и ишѣ'//

Сновать – делать основу ткани //а снава'т' ја с н'е'ј сна-
вал'ѣ, б'е'уѣл'ѣ, снава'т' – э'тѣ так'и'ји н'и'тк'и ис кѣнапл'и', и
вот крути'жих таки'ја//

Чѣлноок – подвижная деталь ткацкого стана //ч'о'лнѣк н'ѣ
л'ажал', а стаја'л в б'о'рдѣх//

4. Праздники

Красную горку заигрывать – отмечать первое воскресенье
после Пасхи, катать яйца в этот день //кра'сну'ју ѳо'рку
заи'уры'вѣт' – э'тѣ сѣб'ира'јуць и мѣлады'ѣ, и пѣжалы'ѣ в ад'и'н
дом, ид'е' папро'с'уць, и така'ѣ ѳул'ба'ужа'снѣ'ѣ//

Маслена – Масленица //ну на ма'сл'ѣну фс'и'уда' п'акл'и'
бл'ины'//

На каравай накладывать – дарить подарки на свадьбу //нѣ
кѣрава'ј нам накла'л'и хто кусо'к мы'лѣ, хто ч'улк'и' прасты'ја,
хто плато'к нѣсаво'ј, хто плато'к ѳлавно'ј, с э'тѣвѣ и нѣч'ала'с'
жы'з'н'а//

Октябрьская – годовщина Великой Октябрьской социали-
стической революции //акт'а'б'р'ску'ју пра'знѣвѣ'л'и, калхо'с

выд'ил'а'л праду'кты, и вот нъч'ина'јут' с с'ад'мо'въ аб'е'т, там пънъ'гато'в'ут'//

Паска – Пасха //фс'иуда' в въскр'ис'е'н'јь пр'ихо'д'а **па'скъ**, ја'јцы ката'јут'//

Петров день – день святых апостолов Петра и Павла //ишѡ' пра'знъвъл'и **п'атро'ф д'ен'**, э'тъ вот када' п'аку'т' но'выј хл'ен'//

Рожаштво – Рождество //нъ **рѣжаиство'** иура'л'и и ф ка'рты, и ф пѣцало'фк'и'//

Сорки – День памяти Сорока мучеников севастиийских; в народе – праздник, символизирующий начало весны и прилёт птиц //а ишѡ' пра'з'н'ик в'асно'јје'с'т' – **со'рк'и**, э'тъ када' жъваро'нк'и п'аку'т', и жывы'ја жа'върънк'и пр'ил'ата'јут', пају'т'//

Троица //а **тро'ицу** атм'ач'а'л'и н'ъвазмо'жнъ как, жд'о'иш је'тѣт пра'з'н'ич'ѣк как з'ин'и'цу о'къ'//

Хришшения – Крещение //ја вот када' **хр'ишѣ'н'ијъ** пѣдашла', в'ит' э'тъ у на'с пр'исто'л, пр'ин'асла' св'ато'ј вады', фс'о набры'згълъ, п'ираго'ф нѣп'акла' и с'ижу' це'лыј д'ен': мо'жа хто пр'ије'д'а?//

Можно сделать вывод, что в речи Н.С. наиболее ярко представлена та лексика, которая отражает жизненные реалии, близкие диалектоносительнице. Большое место занимает бытовая лексика, так как с бытом и предметами домашнего обихода связана вся жизнь Н.С., её работа по дому. Н.С. неоднократно рассказывает, что в её детство у них дома был ткацкий стан, на котором её учила ткать мать, вспоминает, как отбеливали холсты и обрабатывали коноплю, отсюда и лексика ткацкого производства, детальное название частей ткацкого стана. Из речи Н.С. видно, что большую роль в её жизни играли праздники, а также обряды и обычаи, связанные с ними. Праздники вносили разнообразие в её трудовую жизнь, поэтому она подробно рассказывает, как их отмечали, замечает различие с современностью: *иѣас в'ит' как,*

што мы ны'н'ч'ь ку'ш'ѣм, што за'ф'тр'а, то и тро'ицъ пѣдајд'ет', а ра'н'шъ н'а та'к бы'лъ. Но праздник для Н.С. всё равно неразрывно связан с трудом, с уборкой дома, приготовлением пищи, что характеризует её как трудолюбивого человека: хто л'ин'и'ф, тот мо'жа н'ич'аво' и н'а д'е'лъл, л'у'д'и-тъ ра'зныѣ: хто уато'в'ицъ к пра'з'н'ику, хто н'ет.

Важное место в речи Н.С. занимает лексика тематической группы «Пища». Н.С. уделяет много времени описанию блюд и их приготовлению. Данную лексику можно разделить на две группы. Первая группа – названия блюд, которые ели до войны и после войны, когда жизнь стала налаживаться. Вторая – всё, что ели в голод и во время войны. Слова, относящиеся к первой группе, показывают употребление традиционной для сельского жителя пищи. Интересно, что Н.С. рассказывает о пище не в общем, а делит её на будничную и праздничную. Сначала она отмечает, что ели в будние дни: *в будн'и нал'ју'т' ш'еј э'т'их ис п'е'ч'к'и, ды туды' ло'тѣч'ку ма'сл'ицъ пацо'лнушнѣвъ, на стол' наста'в'ут', и пр'ам ло'жѣч'кѣј пл'ис'н'е'т', ано' кап'е'јч'кѣј пла'в'ѣја. Карто'шк'и с ма'слѣм накро'шут', с аурца'м'и.* А затем Н.С. подробно описывает блюда, которые готовились к тому или иному празднику. Большое место занимает описание свадебного стола: *харч'еј так'их н'е' былъ, как ш'ас. Пѣдава'л'и бал'шы'ји ч'а'шк'и с хѣлацо'м, бор'иш', лапшу', бл'инцы' и разуан'ихъ ка'шъ была', э'ту ка'шу насл'е'дн'ују пѣдава'л'и, штоп'јије' паје'л'и и рѣсхад'ил'ис'а.* Говорит информантка и про блюда, которые подавали на Троицу: *на тро'ицу наво'д'ут' ф' п'е'ч'к'и ш'еј, карто'шк'и абжа'р'ут' и бл'инцо'ф' нѣп'акут', и м'асца' сво'р'ут', и квас' съб'ирут', и п'ирау'и'. На Сорки: на со'рк'и фс'иуда' п'акут' жѣваро'нкѣф, а т'е'ста на н'ихъ кѣк хат'и'ш, ја, нѣпр'им'е'р, фс'иуда' стѣнав'л'у' л'и'тру мѣлака', дражѣ'ј и съхарку', со'л'ушк'и. И вот наста'вл'у' јих, зѣм'ишу' муко'ј, у'трѣм' фста'ну – взајду'т'.* Такое разделение пищи подтверждает тесную связь Н.С. с праздничными обрядами и традициями, а

следовательно – с русской народной культурой. Из анализа записей речи Н.С. видно, что пища была самая простая, однако Н.С. никогда не жаловалась, наоборот, уверена, что ели они раньше хорошо: *уш как фкусны'-тъ бы'л'и на'шы хл'е'бы!* Это говорит о её неприхотливости и умении довольствоваться малым.

Слова, описывающие лексику группы «Пища» в голод и во время войны, не так многочисленны. Их Н.С. в своей речи особо выделяет, поясняя: *в уо'лтъ је'л'и; уль'дава'л'и с'и'л'нъ; зна'џи, как јис' хат'е'лъс'.* Возможно, именно из-за того, что Н.С. пережила военный и послевоенный голод, пища и её приготовление занимают большое место в её сознании, что в полной мере отражается в лексике: это и подробный рассказ о блюдах, и употребление уменьшительно-ласкательных наименований продуктов (*со'л'ушкъ, сѣхаро'к, ма'сл'ицъ, хл'е'бушкъ, буха'нъч'къ*).

Одной из особенностей речи Н.С. является её эмоционально-экспрессивный характер. Экспрессивных лексических единиц в говорах больше, чем в литературном языке, поэтому и у конкретной диалектной языковой личности экспрессивные единицы представлены шире, чем у носителя литературного языка. В говоре Н.С. были выявлены следующие эмоционально-экспрессивные слова:

1. Уменьшительно-ласкательные

С суффиксом -ушк-:

//ја рабо'тъль уч'о'ч'икъм, мн'е хл'е'бушкѹ даду'т', ја кусо'ч'ѣк-тъ сама' сје'м, а этъ рад'и'т'ѣл'ѣм н'асу'//

//Да н'а пла'ч', до'ч'ушкъ. Ай ты адна'?//

//Хл'е'бушкъ мн'е фсу'нул'и туды' с сал'цо'ј, вады' кру'шкѹ//

//с'елъ нъ скам'е'јъч'кѹ, жара', со'лнушкъ св'ет'а//

//ду'ши-ду'ши, ан'и' нъ гар'ат', фс'е ру'ч'ушк'и з'д'елъјуцъ жо'лтыји//

//када' ја нърад'и'лъс'-тъ, јих н'е' былъ. А бы'л'и јирап-ла'ны. Эт так'и'ја два кры'лушка//

С суффиксом -ок-:

//саб'е' **дамо'к** нач'а'л'и кла'с'т', пътаму' ить тро'ја
д'ит'е'ј, а изб'о'нкъ – адна къмнату'шкы//

С суффиксом -иц-:

//ма'ма мн'е **ад'ија'л'ицъ** спра'в'иль – эт уи ја и бауа'тѣъ
вро'д'и//

С суффиксом -ц-:

//и бл'инцо'ф нѣп'акут', и **м'асца'** сво'р'ут'//

С суффиксом -очк-:

//С'ир'о'х, как же **к'ијо'тѣч'ку** вот на је'ту бы шту'ку//

Интересно отметить выражение уменьшительно-ласкательной оценки в слове *изба*. В речи Н.С. данное слово предстаёт с разными суффиксами, причём какому-то одному суффиксу не отдаётся предпочтение, они используются равномерно на протяжении всего текста:

//у н'их была' **избу'шѣч'къ** д'ир'ив'а'н'ин'к'ијъ,
н'и'з'ин'к'ијъ//

//и вот сва'д'бу в н'их иура'л'и, в эт'их **в изб'о'нѣч'къх**//

//тада' д'ин'жо'нѣк-тѣ н'е' былъ, и д'о'ишѣвъ былъ,
изб'о'нку куп'и'л'и//

2. Со значением увеличительности:

Данное оценочное значение выражается при помощи суффикса -ак-(-як):

//широ'к'ија **јупч'а'к'и**, пр'а'м-тѣк'и ф ч'аты'р'и пѣлатна'//

//мы нѣруз'и'л'и эту **мѣшын'а'ку** м'ин'//

//ды штош ты л'ицо'н'а мо'х убра'т'? Мал **рыл'а'къ-тѣ**!//

//А тада' п'е'ч'к'и здаро'в'ѣнѣји был'и, ја п'акла' ф
п'е'ч'к'и ше'с'т' **хл'аб'а'къф**//

//Вот раз б'ауу'утрѣм, ур'ат': л'ажы'т' **валч'а'къ**//

//ид'е' лажы'цъ спа'т'-тѣ? Ну така'ја **с'ам'ја'къ**, и п'е'ч'къ
пална', и пол по'лѣн'//

//о, ды **дам'а'къ** был бал'шо'ј, там тѣпал'а' расл'и'
так'и'ја, стра'с'т'//

Из приведённых примеров видно, что слова с данным суффиксом не имеют отрицательной окраски, в речи диалектоносительницы они выражают большой размер предмета.

3. Со значением снисхождения:

С суффиксом -онк-:

//када' ат'е'ц-тъ был жыво'ј, мы саб'е' куп'и'л'и мъшын'о'нку//

//тада' д'ин'жо'нк-тъ н'е' былъ, и д'о'шъвъ бы'лъ//

4. Эмоционально-экспрессивное значение может выражаться не только в аффиксах, но и в корнях, например:

//о'кны фс'е змаро'тъныји, холът н'ъсасв'е'тныј//

//атје'хълъ, сл'о'зы ум'ин'е' уръдавы'ји//

//р'иб'а'ты нашл'и зъ ар'е'хъм'и и нашл'и' иѣн'а'т валч'и'ных. Ух, хърашы!' уълава'стыји ды л'и'н'к'и'ѣ//

//уб'ира'л'ис' ф тако'ј убор вот: пан'о'вы ад'ава'л'и, руба'х'и ръшѣ'тыѣ, платк'и' н'амо'жныји цв'ата'стыѣ//

Необходимо отметить, что в речи Н.С. присутствуют слова, которые могут передавать и положительные, и отрицательные эмоции в зависимости от ситуации. Например, прилагательное *ужасный* может обозначать как положительную оценку и высшую степень проявления признака: *//уул'ба' ужа'снѣѣ//*, так и отрицательную оценку: *//уот ужа'снѣѣ вы'дълс'и, стра'шныѣ//* Слово *страсть*, характерное для речи Н.С., также употребляется для передачи и положительных, и отрицательных эмоций:

//Ско'къ ан'и' пaje'л'и д'ало'ф, э'тъ стра'с'т'//

//о, ды дам'а'къ был бал'шо'ј, там тѣпал'а' расл'и' так'и'ја, стра'с'т'//

//Ой, кр'и'ку ско'л'к'и, шу'му ско'л'к'и, стра'с'т'//

//д'ало'ф п'ър'ив'и'д'ънъ и изба'в'и, и съхран'и', је'с'л'и иѣс вот така'ѣ буд'а, стра'с'т'//

5. Эмоционально-экспрессивное значение может выражаться путём повторения лексем:

*//так'и'јь ры'γ'и бы'л'и, в э'тѣ ры'γ'и мѣлат'и'л'и, ана' зда-
ро'вѣја-здаро'вѣја//*

*//А н'ис у н'их был крас'и'вај-крас'и'вај, как пѣзум'е'нт
тут тако'ј был//*

6. Особую экспрессию речи Н.С. придают бранные слова:

*//Ды там и'зв'ѣры как'и'јь-тъ, фс'аво' ииѣр'а'јут',
д'е'н'γ'и сра'зу зѣб'ира'јут', ч'аво' ку'п'иши с'ју'с'т' – атыма'јут'//*

*//р'аб'а'ты бува'лыч'а друγ'и'ји бы'л'и, и'ас-тъ бѣсур-
ма'ны, а н'ь р'аб'а'ты//*

//Ии, јало'з'ија, ан'ч'у'ткъ//

*//ну, јим тут н'ь удало'с' до'лγъ, γа'дѣм, быт', пѣтаму'
итѣ на'шы нѣс'т'иγа'л'и//*

Данные лексемы отражают народное восприятие действительности. Основу бранной лексики говора Н.С. составляют либо слова, отражающие народные представления о нечистой силе (ан'ч'у'ткъ), либо слова, обозначающие в её сознании врага и разорителя (бѣсурма'ны, γа'ды), либо бранные лексемы, общие с литературным языком, но отличающиеся фонетическими особенностями (и'зв'ѣры – лит. изверги).

Особую группу эмоционально-экспрессивной лексики составляют лексемы, характеризующие других людей. В речи Н.С. такие слова представлены нешироко, эмоционально-экспрессивная характеристика окружающих в записанных текстах отражается минимально:

//рѣд'ила'с' то'лст'ииѣѣ така'јь//

//је'тѣт дура'к, а је'нтѣт ииѣ' дура'ч'ѣј//

*//вот јаво' п'ѣр'ѣјаѣ'ју, и выхо'д'ут' два лба: «Дава'ј
хл'е'п!»//*

*//Он у м'ин'е' γѣлава'стыј, он бы с э'т'им д'е'лѣм зан'а'лс'и
бы//*

Н.С. немногословна при характеристике односельчан, в её речи практически отсутствует обсуждение поведения и внешнего вида соседей. Следует отметить, что негативная характеристика

широко представлена в речи Н.С., что свойственно и диалектной речи в целом.

Кроме отрицательных черт, Н.С. замечает и положительные. Так, она использует ласковое обращение к собеседнику: *//пан'о'вы бы'л'и, но ја јих н'ь нас'и'лъ, ду'шкъ//*

В процессе разговора Н.С. характеризует не только других людей, но и себя:

//ја ја была' б'лавна'јь д'ифч'о'нкъ//

//нуја, кан'е'инъ, была' х'и'тръјь//

//а ја с мал'ства' вафс'е'ды л'е'зль, пълуч'а'лъ пѣдзаты'л'н'ик, а л'е'зль//

//ја вот така'јьч'къ пашла' рабо'тът'//

//ја же'ниѣнъ љлава'стѣјь, ја сра'зу пѣн'ала', што он аб'ижа'јьцъ зъ пѣрас'а'т'//

Н.С. даёт себе реальную оценку, не занижая и не завышая её, оценивает себя как в детстве, так и на современном этапе жизни. Она знает о своих способностях (*љлава'стѣјь*), но иногда говорит и с долей самоиронии (*вафс'е'ды л'е'зль, пълуч'а'лъ пѣдзаты'л'н'ик, а л'е'зль*).

Таким образом, можно сделать вывод, что эмоционально-экспрессивные средства характерны для языковой личности Н.С. Самыми частотными средствами выражения экспрессивности служат аффиксы. Специфика экспрессивной части лексикона Н.С. заключается в большем, чем в литературном языке, количестве экспрессивных слов, образованных с помощью общерусских словообразовательных моделей или в результате изменения значения слова. В речи диалектоносительницы наиболее распространены лексемы с уменьшительно-ласкательным значением.

Важной характеристикой диалектной языковой личности является употребление устойчивых сочетаний слов, то есть фразеологизмов, поэтому обратимся к фразеологическому уровню речи Н.С. Употребляемые ей фразеологизмы можно разделить на несколько групп:

1. Мыслительная деятельность и говорение:

Мысль взять – подумать //нато'м јије', зна'ч'ит', бро'с'ил'и,
а ја **мы'сл' вз'ала'**: што' иш маи' д'е'т'и труд'и'л'ис', а јајије'
бро'с'илъ?//

Влезло в голову – стало предметом постоянных размышлений;
навязчивая идея //и'ас **вл'езль** јаму' в **уол'ву** како'ј-тъ
кас'т'у'м дърауо'ј куп'и'т'//

Мычится в голове – вертится в голове //вот **мы'ч'ицъ** в
улав'е', а забы'лъ, како'ј//

Богом не хочу кривдать – не буду врать //бо'у'м н'ъ хач'у'
кр'ивда'т', ја пражыла' н'а'пло'хъ//

Разговор идёт, а дело движется – глаза боятся, а руки делают
//«ну, куды' б н'ъ стр'ал'а'л, ната'шкъ туды' бо'л'ъ н'ъ
пад'е'т', как-н'ибу'т' бу'д'ъм тут». **Разуво'р ид'о'т'**, а д'е'лъ
дв'и'жъцъ. Патхо'д'а: н'е'мицъф унат' ацу'дъ//

Упрёк дать – упрекнуть //н'ихто' мн'е' н'ич'аво' н'икада'
н'а мо'х **упр'о'к дат'**//

2. Бытийное значение:

Помаленечку двигаться – начать лучше жить //куп'и'л'и
саб'е' каро'ву и **п'мал'е'н'ъч'ку** ста'л'и **дв'и'гацъ**//

Пойти в гору – начать лучше жить //рѣд'ила'с' л'у'пкъ, а у
на'с уш каро'въје'с'т', и мал'е'н'къ мы **пашл'и' в уо'ру**//

Начать копошиться – начать лучше жить //он нъ рабо'ту
бр'и'рад'и'р'ъм устро'илс'и, и мы с н'им п'т'ихо'н'ъч'ку **на'ч'ал'и**
к'пашы'цъ//

Дело сошлось – получилось //ну, **д'е'лъ саило'с'а** жыт' с
н'им//

Дожить до ручки – опуститься, скатиться //и'ас мы
дажы'л'и дъ тако'ј ру'ч'к'и, што н'ихто' н'икаму' н'ипач'о'м//

Как нигде не была – как ни в чем не бывало //ды што'и
м'ин'е' д'е'лт'ъ-тъ? Скар'е'ј накры'лъ фс'о, как была'
накры'тъја и как н'и'уд'е' н'ъ была'//

Необходимо отметить, что синонимичные фразеологизмы бытийного значения *помаленечку двигаться, пойти в гору, начать копошиться* в речи Н.С. отражают противопоставление «плохая жизнь – хорошая жизнь», показывают её стремление к этой хорошей жизни. Это говорит о том, что Н.С. личность динамическая, деятельная, она находит в себе силы надеяться на лучшее.

3. Оценочное значение. Каждому действию Н.С. даёт свою оценку, пропускает всё, что происходит вокруг неё, через своё восприятие:

Иде зря – непонятно где, не на своём месте //ана' вал'а'льс' там в уард'иро'п'и ид'е' зр'а'//

Невозможно как – очень хорошо //а тро'ицу атм'ич'а'л'и н'ьвазмо'жнъ как: фс'е иду'т' в л'ес и прахо'д'ут' да са'мъј дъ уало'фк'и//

Хорошо исключительно – очень хорошо //хърашо' бы'лъ искл'уч'и'т'ьл'нъ! Н'ъ дајада'л'и, но зато' дагу'л'ивъл'и, тро'ицу атм'ич'а'л'и//

Страшная дела – устойчивое сочетание слов, выражающее сильное проявление негативной эмоции //ой, э'та была' стра'инъја д'е'ла!//

4. Эмоциональное значение:

Душа разрывается – душа радуется //балала'јкъ, у'ита'ръ... Иду'т', душа разрыва'јъцъ// В данном устойчивом сочетании пропущен компонент *от радости* (полный вариант: *душа разрывается от радости*), но Н.С. строит свою речь так, что и без пропущенного компонента понятен смысл высказывания.

Заливаться горький слезой – плакать //ја пр'ишла' к н'еј, а ана', б'е'днъјъ, зъл'ива'јъцъ уо'р'к'иј сл'изо'ј//

5. Движение:

Подхватить хвост в зубы – быстро собраться, уйти, убежать //пака'м'ьст ан'и тут ръзуава'р'ивъл'и, ја пътхват'и'лъ хвост в зу'бы, как м'и'мъ јих шара'хъјус' из дв'ир'еј-тъ//

Пятки говорят – быстро бежать; пятки сверкают //слы'шу то'ка вы'стр'ъл, а у само'ј то'л'к'и п'а'тк'и у'вар'а'т'//

Не наступать на землю – быстро бежать //а ја б'ауу' дамо'ј, н'ъ н'ъступа'ју на з'е'мл'у, н'асу' хл'е'бушк'ь рад'и'т'ъл'ъм'//

6. Физическое состояние:

Не знала, иде' поясница – никогда не болела //ја н'ъ п'н'има'лъ н'икада' уста'лъс'т'и, умар'о'н'ъс'т'и, н'а зна'лъ, ид'е' п'јас'н'и'ц'ь//

Руки с пару сошлись – о замёрзших руках //ру'к'и с па'ру саил'и'с', н'а зна'ју, куда' јих д'ет'//

7. Временное значение:

Спакану' веку – исстари //и кл'он в'е'шъл'и в даму', нахо'д'а п'ъ дама'м, а руб'и'л'и пр'ам в ру'ку т'љиш'ны' пат са'му ко'р'ън' и у до'м'ъ в ја'м'ч'ку сажал'и, э'т'ъ сп'к'ану' в'е'ку'//

8. Зрительное значение:

Белого свету не видать – ничего не видно //л'од бл'ас'т'и'т', п'дн'ала'с' паз'о'мк'ь, б'е'лъвъ св'е'ту н'ъ в'ида'т'//

9. Количественное значение:

Вовсе разговору нету – много //а он п'ър'ив'и'д'ъл и во'фс'и р'ъз'аво'р'ъ н'е'ту'//

10. Отношение к делу:

Ходить дурочкой – быть без дела //када' д'ет-т'ъ по'м'ър, ја каро'ву пр'ѣдала', быка' зар'е'зълъ, хажу' т'ип'е'р' ду'р'ч'к'ь'//

Данная классификация иллюстрирует, что наиболее частотными значениями фразеологизмов, употребляемых в речи Н.С., являются фразеологизмы мыслительной деятельности и говорения, а также устойчивые сочетания с бытийным значением. Фразеологизмы с оценочным и эмоциональным значением употребляются реже. Это является особенностью идиолекта Н.С., так как обычно в речи диалектоносителей превалируют именно оценочные и эмоционально окрашенные идиомы.

Проанализировав устойчивые сочетания слов, употребляемые Н.С., мы сделали вывод, что диалектоносительница употребляет:

1) общерусские, но выраженные по-своему фразеологизмы:

а) с изменением значения (*белого свету не видать* – ничего не видно – белого света не видеть – не иметь покоя, страдать от чего-либо [Тихонов 2004: 135]; *душа разрывается* – душа радуется – сердце разрывается – кто-либо чувствует душевную боль, тяжело переживает что-либо [Фёдоров 2008: 612]).

б) без изменения значения (*заплакать горький слезой* – плакать горькими слезами; *спакану веку* – испокон веков; *мычится в голове* – вертится в голове; *Богом не хочу кривдать* – Бога не хочу гневить; *дожить до ручки* – дойти до ручки; *подхватить хвост в зубы* – взять ноги в руки; *пятки говорят* – пятки сверкают; *как нигде не была* – как ни в чём не бывало; *разговор идёт, а дело движется* – глаза боятся, а руки делают).

2) фразеологизмы, отражающие личное речетворчество информантки (*мысль взять; упрёк дать; ходить дурочкой*).

Можно сделать вывод, что Н.С. употребляет как общеизвестные, так и окказиональные фразеологизмы. Распространённые устойчивые выражения трансформируются в её речи, диалектоносительница пропускает их через своё восприятие, изменяет и преобразовывает. Окказиональные устойчивые выражения отражают картину мира Н.С., показывают особенности понимания информанткой мыслительной деятельности (*мысль взять, упрёк дать*) и демонстрируют её ответственное отношение к делу и страдание без него (*ходить дурочкой*).

Кроме того, можно отметить, что Н.С. употребляет в разговоре слова в переносном значении: //ну вапч'е' ты кака'жь-тъ... у т'иб'е' фс'о в рука'х *җар'и'т'*//; //хл'еп да'л'и, ја л'ич'у', быстр'е'жь дамо'ј дѣб'ажат'// и сравнительные обороты: //то'л'к'и сто'ит' нѣм'акнут' јаму' – у н'иво' сл'о'зы, **как хто тѣлкач'о'м выбра'сывѣја**// В данном сравнительном обороте

использована диалектная лексика, а образная система отражает мировоззрение сельского человека.

Таким образом, фразеологизмы и выразительные языковые средства иллюстрируют яркие индивидуальные особенности языковой личности Н.С. – динамичность, оптимизм, невысокая степень эмоциональности. Кроме того, большая роль отводится умственной деятельности, присутствуют ирония и смекалка. Наличие большого количества фразеологизмов и языковых средств говорит о выразительности речи Н.С.

В результате исследования можно сделать вывод, что языковая личность Н.С. яркая и разнообразная. Н.С. в своей речи богато использует диалектную лексику, которая определённо делится на тематические группы, также употребляет слова с эмоционально-экспрессивным значением и фразеологизмы как общерусские, так и окказиональные, она довольно широко использует средства художественной выразительности. Опираясь на анализ данных пластов лексики, мы выявили, что Н.С. трудолюбивый и работающий человек, умеющий довольствоваться малым, бережно относящийся к природе и окружающим предметам. Н.С. немногословна при характеристике других, трезво оценивает себя, стремится к лучшей жизни, но в то же время принимает все беды и невзгоды спокойно, как очередное испытание, которое необходимо пройти. Она личность неунывающая, оптимистично настроенная, всегда старается найти выход из любой ситуации. Для Н.С. большое значение имеют праздники, обряды и обычаи, то есть она является представителем истинной русской народной культуры. Н.С. присущи трезвость ума, народная смекалка и юмор.

Изучение такой отдельной языковой личности, как личность Болдиной Натальи Стефановны, очень важно для воссоздания диалектной и общезыковой картины мира, а также необходимо для того чтобы приблизиться к пониманию русского национального языка и русского национального характера.

Литература

1. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
2. *Лютикова В.Д.* Языковая личность и идиолект. Тюмень: Издательство Тюменского университета, 1999.
3. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008.
4. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004.

Ганичева Светлана Алексеевна

Вологодский государственный университет
sganicheva@mail.ru

Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации¹

Исследования диалектной языковой личности традиционно основываются на материале, полученном от «типичных» носителей говора – людей старшего поколения, уроженцев определённой местности, не выезжавших надолго за её пределы и не имеющих высшего образования (см.: [Драчева; Зубова; Иванцова; Ильина; Черняева; Шильниковская]). Однако черты диалектной языковой личности, как и особенности того или иного говора, можно наблюдать у значительно большей группы человек – уроженцев деревни, получивших образование и / или переехавших в город. В подобных случаях эти черты являются для человека исходными, базовыми, однако трансформируются под влиянием профессионального образования, городской культуры и т.п.

В связи с этим встаёт вопрос о том, каково направление и содержание этих изменений, а также о том, что в структуре языковой личности оказывается наиболее сохранным. В данной статье мы излагаем ряд наблюдений, касающихся данного вопроса, который, насколько нам известно, ранее в русской диалектологии специально не ставился.

В центре нашего внимания находится языковая личность Николая Павловича Шаброва (1938 г. р.), уроженца деревни Борбушино Кирилловского р-на Вологодской обл. Детство Николая Павловича прошло в родной деревне. После школы в 17 лет он поступил в лётное училище г. Сасово Рязанской обл., которое закончил в 1957 г. В этом же году Н.П. Шабров был зачислен лётчиком

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного научного гранта Вологодской области (проект «Электронный словарь диалектной языковой личности»).

в 71-летний отряд, базирующийся в Вологде, и проработал там до 1985 г. Заочно закончил Московский авиационный институт. После выхода на пенсию Н.П. Шабров каждое лето много времени проводит в Борбушине. Николай Павлович охотно беседует с приезжающими к нему диалектологами, рассказывает о прежней жизни деревни, своей семье, учёбе, профессиональной деятельности.

Выбор информанта неслучаен. В речевом поведении Н.П. Шаброва отражаются, с одной стороны, черты, характерные для диалектного мировосприятия: прагматичность, ориентированность на решение конкретных бытовых и жизненных задач, эмоциональность и др. С другой стороны, даже непродолжительная беседа с Николаем Павловичем позволяет обнаружить ряд иных черт, нехарактерных для «типичной» диалектной языковой личности: преобладание в рассказах профессиональных тем, частое обращение к прецедентным текстам (в основном строкам из стихотворений и песен), отсутствие многих фонетических особенностей, характерных для говоров Кирилловского района, и др.

В данной статье делается попытка определить, какие черты диалектной языковой личности оказались наиболее сохранными, а какие претерпели изменения. Теоретическую основу исследования составляет концепция Ю.Н. Караулова, согласно которой можно говорить о трёх уровнях, составляющих структуру языковой личности: вербально-семантическом, лингвокогнитивном и прагматическом (мотивационном) [Караулов]. Материалом для наблюдения служат 72 текста различной тематики, написанных Н.П. Шабровым, подготовленные им ответы на вопросы ряда разделов программы «Лексического атласа русских народных говоров» («Природа», «Человек» (подраздел «Анатомические названия»), «Трудовая деятельность» (подразделы «Полеводство», «Огородничество», «Плотницкое дело»), «Материальная культура» (подразделы «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство», «Домашняя утварь»), а также аудиозаписи бесед с Николаем Павловичем. Для сопоставления при-

влекаются данные исследований, посвящённых языковой личности севернорусского крестьянина и составлению его речевого портрета [Драчева; Зубова; Ильина; Черняева; Шильниковская], а также обращающихся к проблемам диалектного мировосприятия [Вендина; Демидова].

Вербально-семантический уровень. Согласно Ю.Н. Караулову в структуре языковой личности этот уровень является низшим, «нулевым». Его составляют «слова, вербально-грамматическая сеть, стереотипные сочетания» [Караулов 2007: 53]. Главной особенностью диалектной языковой личности на этом уровне является наличие в речи фонетических, грамматических, лексических черт, характерных для определённых говоров (ср., например, описания данного уровня в речевых портретах М.И. Большаковой [Черняева], Н.Д. Исаковой [Драчева], Н.Д. Шиловой [Зубова]).

В речи Н.П. Шаброва напротив, на вербально-семантическом уровне наблюдается утрата диалектных черт. Наименее сохранными оказываются фонетические и грамматические особенности, из которых системно проявляется только неполное оканье, использование архаичной формы глаголов *есть* и *класть* – *ести* и *класти*, употребление союза *дак*, распространённого в севернорусских говорах, постпозитивных частиц *-от*, *-то*, *-ка*. Другие черты, отмечавшиеся диалектологами в речи жителей Борбушина и соседних деревень, в том числе в речи матери Н.П. Шаброва Анны Алексеевны Шабровой (изменение качества [а] и [э] между мягкими согласными, утрата интервокального [j], отсутствие редукции возвратных суффиксов, твёрдый долгий шипящий и др. [Драчева; Ильина]), отсутствуют.

Диалектная лексика представлена в речи Н.П. Шаброва значительно более ярко, однако в основном находится в пассивном словарном запасе. Об этом свидетельствует тот факт, что в текстах, созданных Николаем Павловичем, а также в его устной речи диалектные слова встречаются только эпизодически (*Я называю её «речка Юза»: она юзит между холмиками, и не найти два-*

дцати метров, чтобы речка куда-нибудь не повернула; Раньше в Феропонтово ходили и ездили через перевал, который называли серёдка; и др.). Однако обращение к рукописи, содержащей ответы на вопросы программы «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ), показывает, что в пассивном словарном запасе Н.П. Шаброва находится значительный пласт диалектной лексики.

При этом в разных тематических группах диалектная лексика представлена в разном объёме. В материалах по разделу «Природа» диалектные слова составляют примерно 9% от всех ответов, «Материальная культура» – 13%, «Трудовая деятельность» – 19%, «Человек» – 9%. Такое различие не может объясняться только спецификой соотношения диалектной и литературной лексики в лексиконе носителей кирилловских говоров, о чём свидетельствует, например, то, что «Тематический словарь лексики природы говоров Кирилловского района Вологодской области», составленный нами на основе архива диалектологических экспедиций по программе ЛАРНГ в Кирилловский район Вологодской области и данных «Словаря вологодских говоров», содержит 401 слово в отличие от 64 в ответах Николая Павловича по разделу «Природа».

Возможно, бóльшая сохранность в памяти диалектных слов, относящихся к тематическим группам «Трудовая деятельность» и «Материальная культура» объясняется тем, что они связаны с понятиями, ситуациями, действиями, не имеющими эквивалентов в городской жизни и / или продолжающими быть тесно связанными в сознании информанта с деревенской средой.

Говоря о вербально-семантическом уровне, необходимо также отметить существование в активном лексиконе значительного пласта профессиональной лексики (профессионализмы, элементы профессионального жаргона), особенно богато представленной в текстах на профессиональные темы: *Бывали дни, что не летали, а помогали разворачиваться на рулѣжке и на тормозах другим курсантам; Чашкой ещё называют кресло пилота у ис-*

требителя в кабине; В передней части тучи – шквалистый воронник и др. Интересен, в частности, перечень ответов Н.П. Шаброва на вопрос ЛСЛ 554 «Облако» программы ЛАРНГ: *облако, облачко, туча, цирусы, альтастратусы, кумулюсы, фрактанimbusы, нимбостратусы* (обозначения разных типов облаков, представляющие собой русифицированные варианты международных латинских терминов *Cirrus, Altostratus, Cumulus, Nimbostratus*).

Кроме того, сопоставление материалов, полученных от Н.П. Шаброва, с текстами, записанными от диалектоносителей, упоминавшихся выше, показывает наличие в речи информанта слов и словоформ, имеющих книжную окраску: *Клевер шведский. Охотно посещается пчёлами; Одуванчик – рекордсмен по размножению*. Следует отметить также правильность и богатство синтаксических конструкций, используемых в речи, что особенно ярко проявляется в письменных текстах: *И вот, движимые голодом, мы втроём: сестра Ольга, Нина Семёнова и я – отправлялись по этой тропинке к перевалу; Но и сейчас видны кое-где острова черёмухи, выделяющиеся белыми пятнами в нарастающих массивах ельника* и др.

Таким образом, для вербально-семантического уровня изучаемой языковой личности характерна утрата фонетических и грамматических черт, а также переход значительного объёма диалектной лексики в пассивный словарный запас; при этом наиболее сохранной оказывается лексика тематических групп «Трудовая деятельность» и «Материальная культура». Также этот уровень отражает значительное воздействие литературного языка и влияние профессионального дискурса.

Лингвокогнитивный уровень. Этот уровень представляет собой систему знаний о мире, включающую понятия, концепты, сценарии, схемы и др. Для диалектной языковой личности на этом уровне характерны конкретность знаний о мире, их сфокусированность в сфере бытовых жизненных интересов человека,

фрагментарность и др. Анализ текстов, записанных от диалектоносителей, показывает, что в них, как правило, эксплицируются такие концепты, как 'труд', 'семья', 'дом', 'родина', 'судьба', 'здоровье / болезнь', входящие в число базовых концептов национальной картины мира.

Перечисленные особенности присущи и лингвокогнитивному уровню изучаемой языковой личности, хотя их речевые реализации могут отличаться от тех, которые можно наблюдать у «типичного» носителя говора.

О конкретности системы знаний о мире и их прагматической направленности явно свидетельствуют, в частности, многие ответы Н.П. Шаброва на вопросы программы ЛАРНГ. Например, в целом ряде случаев Николай Павлович вместо нарицательных лексем приводит названия конкретных природных объектов, расположенных неподалёку от Борбушина: *Так от Ихалицы до Вои, что течёт из Костромской области, лежит болото – Большая чисть* (вопрос ЛСЛ 414 «Большое болото»); *Ципина Гора. Маура Гора. Соколиная Гора. Роскина Гора* (вопрос СМ 502 «Употребляется ли и в каких значениях слово *гора*?»). Объяснение такой конкретной привязки к местности, существующей в сознании, находим в тексте, озаглавленном «Названия местности у деревни»: *Жители деревни некоторые (а почти все) территории обозначали определёнными названиями для лучшей ориентации в севообороте, косьбе, других сельхозработах.*

Прагматическая направленность знаний о мире подтверждается также большим количеством контекстов, в которых даётся оценка предметов и явлений с точки зрения практической пользы или оценка ситуаций с точки зрения их возможных последствий: *Грузди – ребята дружные. Нашёл один – ищи ещё, найдёшь много* (вопрос Л 161 «Груздь»); *Закрой западню, когда полезешь в подпол за картошкой. Дети упадут если не закрыть!* (вопрос ЛСЛ 16 057 «Пристройка к печи в виде шкафа или чулана, в котором находится ход в подполье»). При этом к традиционным крестьянским зна-

ниям о мире добавляются и профессиональные сведения, имевшие для Н.П. Шаброва не меньшее практическое значение: *Безопасный интервал между двумя облаками – 30 км, между облаком и самолетом – 15 км. Вход в грозовое облако запрещён!* (вопрос ЛСЛ 556 «Большое дождевое облако») и др.).

Центральным концептом в картине мира Н.П. Шаброва является, по-видимому, концепт ‘труд’, что, как уже отмечалось, характерно для традиционного крестьянского сознания. Однако наполнение этого концепта претерпевает некоторые изменения (ср.: [Зубова]). Трудовая деятельность для Николая Павловича – это в первую очередь профессиональная деятельность, работа лётчиком. Об этом свидетельствует количество текстов на «лётные» темы (26 из 72), а также частое вплетение профессиональных мотивов в остальные тексты. Кроме того, к ядру этого концепта относятся представления о работе в огороде, пчеловодстве, плотницком деле, также вербализованные в текстах. На периферии оказываются воспоминания о традиционных крестьянских работах (полеводство, животноводство, льноводство и т.д.), актуализируемые только в ответах на вопросы ЛАРНГ, то есть в связи со специальным коммуникативным заданием.

Второй по значимости концепт, актуализированный в сознании изучаемой языковой личности, – концепт ‘родина’, под которой понимается родная деревня Борбушино, а также близлежащие деревни Белоусово, Быково, Мыс, Плахино, Сиверово. При этом в сознании отражается традиционная для народной культуры значимость принадлежности к своему социуму и оппозиция «свой – чужой», что можно заметить, например, в тексте «Ципина, корела, барщина»: *А так на уме у ребят драки да хулиганство. Территория разделена на определённые сферы влияния. И названия есть. Вот, например, я ципинский, так как живу около горы Ципина.* Концепт ‘родина’ включает в себя образы природных объектов (река Юза, острова на болоте, покосы рядом с деревней, холм Ципина гора и др.), образы односельчан, представления

об истории деревни. Очень важна и эмоциональная составляющая, частью которой является гордость за то, что прошлое и настоящее Борбушина, речь местных жителей вызывают интерес других людей (тексты – воспоминания о студентах, приезжавших на диалектологическую практику, об иностранцах, знакомившихся с деревенской культурой и гостивших в Борбушине).

Отражены в текстах, созданных Н.П. Шабровым, и такие традиционные концепты как 'любовь' и 'семья'. Концепт 'любовь' репрезентируется в рассказах о том, как встречали своих жён коллеги по лётной работе, в цитатах из песен о любви, включённых в иллюстрации к ответам на вопросы ЛАРНГ и др. Концепт 'семья' отражается в первую очередь в рассказах об истории рода, а также в образах жены, сына, дочери, появляющихся в текстах на самые разные темы. С этим концептом также связана оппозиция «свой – чужой», проявляющаяся, например, в тексте «Острова на болоте»: *Об этих островах* [имеются в виду островки на болоте, на которых растёт много грибов – С.Г.] *я говорил сыну Павлу. <...> Всё мечтал сходить с ним, да ноги стали плохи, а он всё работает. <...> Показывать дорогу туда другим не хочу!*

Таким образом, лингвокогнитивный уровень, в отличие от вербально-семантического, сохраняет большее количество черт, характерных для диалектной языковой личности. Меняется только их конкретное наполнение, дополняющееся системой профессиональных знаний, а также знаний общекультурного плана.

Прагматический уровень. Прагматический уровень языковой личности включает в себя систему мотивов, целей, установок, коммуникативных ролей и т.п. Этот уровень наиболее сложен для описания и мало исследован на материале диалектной языковой личности. В общих чертах можно отметить эмоциональность диалектной речи, яркую оценочность, следование традиционным коммуникативным ролям, важность соблюдения норм речевого этикета (доброжелательность общения, ориентация на собеседника) [Вендина; Демидова; Драчева; Зубова; Иванцова].

Как и в случае с лингвокогнитивным уровнем, обращаясь к описанию языковой личности Н.П. Шаброва мы наблюдаем все перечисленные особенности, наиболее яркой из которых в нашем случае является эмоциональность: *Теперь все яблоньки выросли, дают урожай, но они дикие и не очень вкусные. Молодильные яблоки из сказок! Нынче решили сделать джем из них. А что выйдет из этого? Это опять сахар и глюкоза в крови?* В письменных текстах показателем эмоциональности является частое использование восклицательного знака: [продолжение предыдущего текста – С.Г.] *А так сосед собирает их и отвозит на полигон, где приходят кабаны, и бьёт их на мясо!*

Ярко проявляется и оценочность высказываний. Это могут быть оценки-когнитивы (*Болонá, а не лес. Тóко на дровá; Кис-ли́ца, но затó из неё хорóший, вку́сный компóт*), оценки-сублиматы (*Так и мне пришлось ездить на запорожце. Два года! Ужас!!!*), реже оценки-аффективы (*А черень-то у ножа сделан из цветного пластика!*).

Систему коммуникативных ролей, характерных для изучаемой языковой личности, затруднительно реконструировать на имеющемся материале, однако любопытно отметить, что в высказываниях часто проявляется императивность и / или стремление наставить, научить чему-либо адресата, то есть следование роли «Родителя» (по Э. Бёрну), традиционно характерной для человека старшего поколения: *На балды́шке го́лову и но́ги бере-гите! Купайтесь на мелком месте. Там и вода тёплая, и не утонете! Возьми табуретку и достань с печи корзину с помидорами! Золотое правило: «Знание человеком своей группы крови спасает ему жизнь!»* Ср., например, преобладание той же позиции в ролевом диапазоне Н.Д. Шиловой [Зубова 2015: 124].

Ю.Н. Караулов отмечает, что на прагматическом уровне в наибольшей степени отражаются индивидуальные черты языковой личности. В нашем случае очень яркой особенностью является активное обращение к прецедентным текстам. Как правило,

это тексты песен и классических поэтических произведений: *И скоро награда за ратны труды: подушка из свежей травы в головах!...* (В.С. Высоцкий); *Снег, снег, снег... Снег над тайгою кружится. Над тишиной замерзших рек... Снег, снег, снег...* (А. Городницкий); *Ну, что тебе сказать про Сахалин? На острове нормальная погода!* (М. Танич); *Тут соловей являть своё искусство стал: защёлкал, засвистал на тысячу ладов...* (И.А. Крылов); *Олег усмехнулся, однако чело и взор омрачились думой...* (А.С. Пушкин). Реже цитируются фольклорные произведения: *Ой, подруга дорогая, / не будем маленьких любить! / Целоваться, нагибаться / поясина заболит!* (частушка); *Радуга-дуга! Перекинь дождя на ту сторону, к тому городу!!...* (детская считалка).

Другая индивидуальная особенность – высокий уровень языковой рефлексии и в целом интереса к языку: *А почему в селе Бабушкино речка названа «Леденьга»?; «Цип-цип» произошло от еврейского женского имени Ципора; Почти все слова могут присутствовать. И не ошибусь, если напишу: «Велик Русский язык!»*

Таким образом, на прагматическом уровне, как и на лингвокогнитивном, также сохраняются традиционные для диалектной языковой личности черты. Проявляются и яркие индивидуальные особенности, что характерно для данного уровня языковой личности.

Проведенный анализ материала показывает, что черты, характерные для диалектной языковой личности на лингвокогнитивном и прагматическом уровне (прагматичность, эмоциональность, значимость знаний для конкретной бытовой деятельности), сохраняются в речи человека, получившего среднее и высшее профессиональное образование и прожившего большую часть взрослой жизни в городской среде. Вербально-семантический уровень, напротив, подвергается значительной трансформации. В то же время наблюдения, сделанные нами, требуют проверки и подтверждения путём обращения к рассмотрению языковых личностей других людей – выходцев из диалектной среды.

Литература

1. *Вендина Т.И.* Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования. М., 1998.
2. *Демидова К.И.* Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб., 2008. С. 68–76.
3. *Драчёва Ю.Н.* Нина Арсентьевна Исакова // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. Вологда, 2014. С. 118–145.
4. *Зубова Н.Н.* Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Вологда, 2015. С. 112–130.
5. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2002.
6. *Ильина Е.Н.* Анна Алексеевна Шаброва // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. Вологда, 2014. С. 75–98.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 2007.
8. *Черняева М.И.* Метод речевого портретирования и проблемы изучения диалектной языковой личности // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2015». М., 2015. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
9. *Шильниковская С.В.* Речевой портрет Фаины Васильевны Поповой // Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии. Вологда, 2012. С. 70–77.

Демченко Анна Владимировна
Кубанский государственный университет
dolly-of-wizard@mail.ru

**Речевой портрет Любови Васильевны Плахутиной
(жительницы станицы Бузиновской Выселковского района
Краснодарского края)**

Создание индивидуального речевого портрета как метода описания языковой личности становится всё более востребованным в современной лингвистике. Среди исследований, в которых анализируются индивидуальные речевые портреты конкретной языковой личности, можно назвать работы Н. Волковой, Е. Сафроновой [Волкова, Сафонова 2010], Е.В. Иванцовой [Иванцова 2002], В.Д. Черняк [Черняк 2003] и др. Результатом такого описания становится «речевой портрет отдельного человека, который отражает как его общие черты, присущие ему как представителю разных множеств и подмножеств... так и его индивидуальные черты, присущие ему как личности» [Земская 2001: 114].

В последние десятилетия большой интерес исследователей вызывает изучение особенностей речи диалектоносителей, стремление показать самобытное восприятие окружающего мира диалектной языковой личностью с точки зрения основных ее составляющих: лексикона, текста, жанрового разнообразия, метаязыкового сознания [Терентьева 2012: 140].

В статье мы приводим языковой портрет Любови Васильевны Плахутиной – жительницы станицы Бузиновской Выселковского района Краснодарского края.

Любовь Васильевна Плахутина родилась в 1955 г. в станице Бузиновской. Детство её было нелёгким. Её мать, Мария Васильевна Писоцкая, была глухонемой, работала полеводом. Отца своего Любовь Васильевна не знала. На попечении оставалась маленькая сестра Вера. Большую часть своего детства Любовь Васильевна проводила у своей бабушки, «бабуська» – так всегда

называет она её. К этой женщине Любовь Васильевна была очень сильно привязана. Именно она прививала своим внукам любовь к природе, труду, чтению. Любовь Васильевна окончила среднюю общеобразовательную школу, получила среднее специальное техническое образование в городе Сочи. Работала поваром. В 1972 году вышла замуж. От брака имела двое детей (старший ребёнок погиб). В 2010 году вышла на пенсию.

Любовь Васильевна Плахутина является активным носителем кубанского диалекта. В станице Бузиновской говор исторически складывался с украинской языковой основой, хотя речь местных жителей содержит и южнорусские черты. Языковой портрет Любви Васильевны Плахутиной основывается на данных её устной речи. Никогда не унывающая, всегда готовая принять на себя удары судьбы и помочь своим близким, – такова натура Любви Васильевны. Шагать по жизни ей помогают песни, частушки, которым её научила ещё бабушка, различные присказки и былички. Так, в разговоре о поездках в больницу, вызванных ухудшением состояния здоровья, Любовь Васильевна регулярно произносит: *«Прям пра нас есь не'сьня: “Ста'расьть миня' до'ма ни заста'нет, я в даро'ге, я в пути'...”*». Подобный приём передаёт эмоциональное состояние исследуемой языковой личности. Любовь Васильевна таким образом иронизирует над обстоятельствами, не позволяющими пожилым людям спокойно встретить старость дома. Это свидетельствует о её неисчерпаемом оптимизме и жизненной стойкости.

В рассказах Л.В. Плахутиной прослеживается искренняя вера в народные приметы, в силу заговора, связанного, например, с появлением молодого месяца, который является символом благополучия и изобилия: *«Вот ты увида'ла малады'к, стань на ми'сти, и ото' пырыхрэ'стыся и ка'жыш: “Малады'к, малады'к, тибид' на рост, а минид' на здаро'вье”. И е'сли есть де'нюшки у тэ'бэ в карма'ни, значить, пака'зуй и прасы' де'нюшэк»*. Любовь Васильевна хорошо помнит заговорную

формулу, известную со слов её бабушки, и стремится во всех деталях донести до слушателя этот магический ритуал.

В рассказах Л.В. Плахутиной встречаются и фольклорные реминисценции, апеллирующие к сельскому хозяйству. Данная тема для Любови Васильевны весьма актуальна, так как вся её жизнь прошла в станице, где приходилось много работать в поле, в огороде, в саду. Основной огородной культурой для жителей кубанских станиц является картофель. По народному календарю его надо сажать на православные праздники: святой преподобномученицы Евдокии (1 марта по ст. ст./14 марта по нов. ст.), сорока Севастийских мучеников (9 марта по ст. ст./22 марта по нов. ст.), преподобного Алексия, человека Божьего (17 марта по ст. ст./30 марта по нов. ст.). Все эти праздники в народных поверьях были связаны с началом трудового сезона, пробуждения природы. Эта примета, представляющая собой рифмованную формулу, свято соблюдается в семье Плахутиных: *«У нас седа' як ка'ють: “На Евдо'шку са'дють карто'шку”. Сады'лы и на Тё'плого Алё'шка карто'шку, сады'лы на со'рок святы'х. Ра'ньше ка'ють як: “Ага', на со'рок святы'х на'да со'рок лу'нок посады'ть”»*.

Для речи Любови Васильевны характерная высокая степень религиозности, заложенная её бабушкой, принадлежащей к православной вере. Например, она сообщила нам о женщине, которая чужих кур загоняла в свой двор и не отдавала хозяевам. Спустя время все куры у той женщины погибли от клещей. *«Давно'я каза'ла: “Бох ны тыля', паба'че витиля'”. Уто' так ано' и вы'шло»*, – такой вывод сделала Любовь Васильевна в конце своего рассказа, который подчёркивает незыблемость христианских моральных принципов и неизбежность торжества правды над неправдой.

Как уже говорилось, Л.В. Плахутина является носителем кубанского диалекта. Конечно, в официальных ситуациях и при общении с малознакомыми людьми она переключает код. Однако удобнее всего ей разговаривать именно на диалекте.

Фонетические особенности диалектной речи Любови Васильевны Плахутиной многообразны. Типичной чертой кубанских говоров с украинской языковой основой является оканье (различение гласных [О] и [А] в безударных слогах). Однако в речи диалектоносителя оно встречается лишь спорадически. Как показывают наблюдения, для говора Л.В. Плахутиной более типично аканье (неразличение гласных [О] и [А] в безударных слогах). Ср.: *Цэ так на'д[а] було': шоб упырыди' о'к[а]л[а] до'ма [а]става'л[о]ся ми'ста спиця'льн[а] для г[а]ро'тчика; А т[а]да' р[а]внэ'ньк[о] ма'залы, ма'залы; Табле'тки шука'ю шука'ю, к[а]ро'б[а]чка лыжи'ть то'к[а] на п'ечки, а табле'т[о]к ныма'е; А т[а]да' тра'вку иду'ть он на бу'тку, нарыва'ють щибрэ'чик тра'вку. И па ха'ти раскида'ють щибрэ'ц, п[а]то'м мя'ту. И шоб на Тро'щу усэ' п[а] ха'тах. И ны убира'ють. На якы'й-т[о] пра'знык убира'ють ужэ'. Да то'г[о] пра'зныка ны убира'ють. Ано' па'хнэ в хата'х круго'м щибрэ'цо'м; На г[а]ро'ди ецэ' ж кидать, п[а]то'м як [у] мишо'к с[а]бира'ши: х[а]ро'шу – в мишо'к, а шулячки' [а]дде'льн[а] кидать и [а]ткида'ють.*

В приведённых предложениях встречаются лишь 4 слова, в которых на месте безударного [О] Любовь Васильевна произносит [О]. В подавляющем большинстве слов наблюдается редукция гласного [О] в слабой позиции, что демонстрирует переход от оканья к аканью. Вероятно, данные особенности развились под влиянием русского литературного языка, для которого аканье является орфоэпической нормой.

В речи информанта наблюдается переход [О] в [Э] под ударением перед твёрдым согласным (овёс, мёд, лён), что характерно для украинского языка (*л[э]н, м[э]д, зэл[э']ный, дал[э']ко*). Между тем иногда Л.В. Плахутина произносит в данной позиции [О]: *Кушай [м'о]т.*

Яркой чертой украинского языка является произношение гласного [И] на месте древнего [Ъ]. В речи нашего диалектоноси-

теля также проявляется данная особенность: *Цэ, шо вэ'чером св[и']тэ, маладычэ'к он, луна'. Вот ты увида'ла малады'к, стань на ми'сти, нызя', больш ны двы'гайсь, ны хад'ы.* Однако, как отмечают исследователи кубанских говоров, «в украинских говорах Кубани встречается в этом положении и гласный [Е]» [Кубанские станицы 1967: 43], что отразилось и в речи Любви Васильевны: *Малады'к – э'та он м[е']сяц.*

Обращает на себя внимание редукция гласного [Е], которая отсутствует в украинском языке и характерна для русского языка. См., например: *н[ы]ма'е; н[ы] двы'гайсь, н[ы] хад[ы']; у н[ы]р[ы]ди.'*

В украинском языке согласные звуки перед гласными переднего ряда [И], [Е] не смягчаются: *Каг бута на праз[ны]к са[бы]раица. От [сыды]ть чилавек и качаица; Стро'ил[ы] камыша'нни ха'ты, а вн[ы]зу' вакру'х ха'ты абла'жувалы и ма'зал[ы] гл[ы]'наю; Тада' н[ры]нысу'ть у двор и'ли св[ы]ня'м у то пря'мо вы'сыплють.* В речи Л.В. Плахутиной можно отметить колебания в произношении согласных в указанной позиции: *Цэ када хоче там па[р'и]нь жы[ны]ца на [д'и]вчини, а ра[д'ит'ил'и] [ны] раз[ры]шають, шо маладый ище, можэ ана чэ-то ны нра[вы]ца.*

Для кубанских говоров с украинской языковой основой характерно неоглушение парных по звонкости/глухости согласных в слабой позиции: *хли[б], ди[д], ди[в]ка.* В речи Любви Васильевны эта особенность также встречается: *И шо[б] на Тро'ицу усэ' па ха'тах; А то брать у мишо'к бага'то, а у абэрэ'мок як ра[з] уто' рука'ми абни'мыш э'ту траву', и ана' як ра[з] памища'ица.* Однако отмечается и оглушение: *От наш дом ат гаро'[т]чика и до калидо'ра; А тада' тра'вку иду'ть он на бу'[т]ку; Та [ф]чира' мини' ба'ба Хв'еня Ха'рчиха каза'ла прыйты' да нэй.*

Устойчивым является произношение фрикативного [γ], которое в слабой позиции чередуется с [X]: *Вин той дэ[γ]отъ*

вы'лыз з бо'чки. Мы'ло есьть, зна'иш, ди[х]тя'рнэ. Ано' харашо' памага'е.

Исследователи указывают на такую показательную фонетическую особенность, как произношение долгих мягких переднеязычных согласных звуков, образовавшихся вследствие ассимиляции с [J]: *бе[л'л']ё бурачи[н'н']я, ко[л'л']я, пла[т'т']я, свы[н'н']я*. В речи нашего информанта также проявляется эта черта: *У тэ'бэ там таки' краси'ви пла[т'т']я' лыжа'ть ф шкафу'*. При этом в большинстве случаев зафиксирован литературный вариант: *Ва двари' там би[л]ьё' на'да снять, а то ужэ вы'сахло.*

В украинском языке звук [Ц] как мягкий, так и твёрдый. Та же особенность отмечается и в речи Л.В. Плахутиной: *Вин гарабэ'[ц] он ся'дэ, исть-исть, и ду'маиш, кад'а ж вин наи'сь[ц']я*. Как показывают наблюдения, в основном она произносит твёрдый звук [Ц], как и в русском литературном языке: *Ну от вытацциш таблетки, каробачка валяи[ц]а; У[ц]э нада утак от пасильнее ныд горло утак ади[ц]а и замата[ц]а; И па ха'ти раскида'ють цибрэ'[ц], пато'м мя'ту. И шоб на Тро'и[ц]у усэ' па ха'тах; У хала'тив ра'ньше от ны було' пу'гавы[ц] у пырыди' там.*

«Наиболее устойчивыми являются такие фонетические особенности, которые находят «поддержку» в фонетической системе южнорусских говоров, например наличие звуков [ХВ] и [Х] на месте [Ф]» [Кубанские станицы 1967: 43]. Любовь Васильевна произносит эти звуки редко и только в словах [Хв]еня, кон[х]вета: *Та фчира' мини' ба'ба [Хв']еня Ха'рчиха каза'ла прыйты' да нэй; Дай мини' уто'й кан[хв]э'т*. Употребление [ХВ] и [Х] на месте [Ф] в других словах нами пока замечено не было. Информант произносит: [ф]артук, [ф]ерма, [ф]орма и т.д.

Морфологическая система говора Любви Васильевны Плахутиной, так же как и его фонетическая система, содержит элементы как южнорусских диалектов, так и украинских. Следует отметить, что для описания диалектной морфологии важны все

члены различительных явлений – и специфически диалектные, и те, которые совпадают с литературными.

К украинским особенностям диалекта относят также более широкое распространение, чем в литературном языке, формы имён существительных 2-го склонения в П.п. с флексией -У. Эта черта нашла своё отражение и в речи Любови Васильевны. См., например: *Стаи'ть дом, як у нас, о'кала до'ма агра'тка, у цэ ж там забо'р, и зымя' он у гаро'дчик[у], а в ём спицьи'льна вы-са'жувалы цвितы', шоп пы'рыд до'мам фсида' краси'во було'; Када'-та було' такэ' с лазы', наве'рна, расла' дэ'рэво у нас вэрба' в бэрэг[у'], и с нэй де'лалы таки' ду'ги с або'х старо'н, а пато'м вирё'вкай там плылы' чи се'ткай я'к-то.* Однако часто можно наблюдать и литературную форму: *Питро'вна каза'ла, шо у ма'рт[и] прыи'дуть.*

В окончании имён существительных с основой на -А в Д.п. и П.п. ед.ч. под ударением у информанта наблюдается флексия -И, характерная для украинского языка: *Пасматры', шо у мэ'нэ там па сын[и'] ла'зэ. И ана' па той старан[и'] пишла'.* При переключении кода можно отметить наличие литературной формы: *У тебя' тако'й бант краси'вый на галав[е'].*

В П.п. ед. ч. у существительных 2-ого склонения зарегистрирована флексия -У: *Сёня пивдня' капа'лась у гаро'дчик[у], пака' фсэ ны вы'грыбла.* Что касается украинского окончания -И, то оно является более употребительным в данной форме. Например: *Дывы'сь, ско'ка кама'шык на викн[и']. У ха'т[и] на пе'ч[ки] лыжы'ть хлапу'шка, шо мух бьем. Ох ы му'сару на каври' набра'лась!* Флексия -Е отмечается в говоре редко, в основном при переходе на литературный язык: *Здра'стуйте! А вы ни пат-ска'жыте, ф како'м ако'шк[е] намиро'к брать?*

В украинских диалектах наблюдается наличие чередования заднеязычных звуков [Г], [К], [Х] со свистящими [З], [Ц], [С]: (*в бере[г]е – в бере[з]и, в возду[х]е – в возду[с]и* и т. д.). В речи Л.В. Плахутиной данная особенность не находит подтверждение,

что, вероятно, вызвано влиянием русского литературного языка: *Шо'-та в во'зду[х]и лита'е, машка' што ли. Да дыржы' у ру[к]и', а то щас вы'лытыть и клю'нэ тэбэ'!*

В речи Любови Васильевны наблюдается вариативность форм Р.п. мн. ч. Так, наряду с окончанием -ИВ, употребляется флексия -ОВ: *Афто'бус пав'хав, учиник[и'в], наве'рна, прыви'з. Пиражк[и'в] щас тыби' напыку', будэ шо у абицижы'тии пав'сты. На'сьтя, дава'й убира'й сваи'х кат[о'в]! У т'эбэ больш башмак[и'в] ныма', шо ты но'ви таска'ишь?*

Для морфологического строя украинского языка характерно сохранение звательного падежа: *Ол[ю]!, Мам[о]!* и т. д. В речи информанта при обращении можно увидеть форму И.п., что соответствует норме русского литературного языка: *На'ст[я], иды', я тиби' ужэ' барца' насы'нала! Не, Га'л[я], ныма' у мэ'нэ са'ла.*

В грамматической системе говора под влиянием украинского диалекта сложились такие закономерности, как, например, распространение окончания -АМЫ у существительных в Тв.п. мн.ч. наряду с окончанием -АМИ, что было выделено и в нашем исследовании: *И ото' ско'ко у ру'ки поми'стыца ута'к усэ' абня'ть двумя' рук[а'мы], от сто'ко ты и набырэ'ш травы' и'ли там чуго' нарва'ла друго'го; Ра'ньшэ мы фсида' многа рабо'талы и цы'мы граба'рк[амы] разгружа'лы ваго'ны угля'; Вы'йдыш за дво'р, ся'дыш на ла'вачку и уто' сыды'ш па старана'м зы'ркаши' глаз[а'мы], а тиб'и ще де'лать чэ'-то на'до.*

На протяжении исследования в диалектной речи Любови Васильевны инвариантное произношение (-АМИ) замечено не было. Однако при переключении кода женщина свободно употребляла литературную форму: *Ты, мо'жэт, пайдэ'ш сиво'дня куда', с де'вачками пасиди'ш.*

Обычно в украинских диалектах русские глагольные суффиксы -ЫВА, -ИВА, -ОВА, -ЕВА заменены суффиксом -УВА. В речи Л.В. Плахутиной эта морфема имеет тенденцию к расширенному употреблению при образовании форм несовершенного

вида: *От таки' булы' палы', шо их зымлѐ'ю насыпа'лы, пато'м мисы'лы заме'с, туда' глы'ну выма'щ[ува]лы харашо', а тада' равнэ'нько ма'залы, ма'залы; Стаи'ть дом, як у нас, о'кала до'ма агра'тка, у цэ ж там забо'р, и зымля' он у гаро'дчику, а в ём спицьи'льна выса'жувалы цвиты', шоп пы'рыд до'мам фсида' краси'во було'; Мы када' дитя'мы булы', то хады'лы зимо'й каляд[ува']лы. Та хатя' и ны то'ка дитямы, а ужэ' када' и сваи'ди'ты булы', то'же интирис[ува']лысь; Мэнэ', мо'жна сказа'ть, воспы'т[ува]ла бабу'ська в аснавн'ом, бо ба'ба Ма'ня ж була' глуханима'.*

Однако при исследовании нами были отмечены случаи, при которых суффикс *-УВА* вытесняется суффиксами *-А, -У*: вместо *накладывать* употребляется *накладать*, вместо *откидывать* – *откидывать* и т.д. Например: *И с ут э'тай вырбы' де'лалы таки' ду'ги с або'х старо'н, а пато'м вирѐ'вкай там плылы' чи се'ткая я'к-то и наклад[а']лы туда' сало'мы и'ли си'на. Уцэ' ут такы'й чилаве'к злю'чий: крычи'ть, с кры'ком выска'з[у]е тиби' шо'-то там, сваи'ныдаво'льствия, шо аш'лю'ни бижа'ть. Уцэ' ж быру'ть плато'к, куфа'йку жэ и уто' пасильне'е зама'т[у]ють сэбэ' и'ли дитя' там, када' зимо'й на у'лицу выбига'е. На гаро'ди уцэ' ж кида'ють, пато'м як у мишо'к сабира'иш: харо'шу – в мишо'к, а шулячки' адде'льна кида'ють и аткид[а']ють.*

Очень часто в речи Любови Васильевны у глаголов в 1 лице мн. ч. можно услышать архаичные для грамматической системы диалекта окончания *-ИМО, -ЕМО*: *Мы з де'дам щас сьд[ымо'] на ла'вачки за дваро'м. Нычо'го сѐ'дня ны [де'лаимо], бо вчира' нарабы'лысь на агаро'ди си'льна, уста'лы; Дава'й щас сабыр[ымо'] ту ку'чку да пытна'лым, шоб оно' уто' ны валя'лося. Пасклада'[имо] фсэ' акура'тна; Уцэ' ж купля'[имо] на ры'нки, у магази'ни усэ' пыдрят, а хто зна, атку'да юго' привызлы'. Однако преимущественно информант в указанной позиции использует окончания *-ЕМ, -ИМ*. Например: *Ды'в[ым]ся з де'дам тили-**

ви'зар. Там кино' якэ'сь пака'зувалы, а щас кана'лы кла'ца[им], бо рикла'ма; Цэ мы ро'б[ым] ф субо'ту за паниде'льник и адды-ха'[им] читы'ри дня, да?; То мы пи'д[ым] на агаро'ди шо-ныбу'ть паде'ла[им], пакудо'вч[им]ся. А у го'ради шо де'лать? Ну на ла'вачку вы'йд[ым] ы фсё; Ф канцы' фивраля' карто'шку ужэ' выно'с[ым] с по'гриба, пырыбира'[им] и харо'шу на сими-на' клад[э'м] у я'щики и зано'с[ым] у ха'ту, шоп прараста'ла, па'растки шоп булы'.

У глаголов I спряжения в 3 лице ед. и мн. ч. наблюдается два варианта произношения:

1) сохранение диалектной формы (только в ед. ч.): По'мныш, я каза'ла на ба'бу Ра'ю: «Пака' дашкабырда'[e]». Па-на'шэму, пато'м нача'лась як от: ана' ж ид[э'] е'ли-е'ли, кавы-ля'[e]. Мо'ж[э] там спаткну'ца. Мо'ж[э] тот. У нас було' ра'ньшэ так каза'лы: «Ой, пака' дашкабырда'ши дамо'й». Цэ в ви'ди ме'дленна ид[э'], са стараны' в сто'рану шата'ица, в ви'ди с нагру'зкай яко'й-ныбу'ть. И от а'на в ви'ди прышла' да нас, чё'-ны'буць папрасы'ла и ка'ж[э]: «Ну я щас дамо'й схадо', прыйду' с видро'м». А я кажу': «Ой, да пака' ана' дашкабыр-да'[e] дамо'й»; Жыт – вин, ва-пе'рвых, от дед як ка'ж[э], праизнашэ'ние в ви'ди пад ма'льчика пидхо'д[э], вин си'льна мно'го исть зырна', патаму' иго' и называ'лы «жыт». Вин бь[e] други'х, праганя'[e]. Жыт – эта ат сло'ва «жа'дний». Вин га-рабэ'ц он ся'д[э], исть-исть, и ду'маиш, кад'а ж вин наи'сьця. Цы'лый дэнь исть, вон ка'ла саба'к ла'з[э]. Жрёт, жрёт и ны нажрэ'ца. А чё вин варабэ'й – ны зна'имо. Мо'ж[э], патаму' шо вор. Прылыты'ть, паклю[e']-паклю[e'], а пато'м раз – и пыт стри'ху;

2) мягкое окончание: А тада' (на Троицу) тра'вку иду'ть он на бу'тку, нарыва'ють щибрэ'чик тра'вку. И па ха'ти раски-да'ють щибрэ'ц, пато'м мя'ту. И шоб на Тро'ицу усэ' лыжа'ло па ха'тах. И ны убира'ють. Я ужэ' ны по'мню. На якы'й-то пра'знык убира'ють ужэ'. Да то'го пра'зныка ны убира'ють;

От лесапаласу' са'дють. Ана' ра'ньшэ «паса'тка» называ'лась. Там уси' расту'ть таки' куста'рныки. И от с тих куста'рныкив ри'жуть и де'лають дырка'ч. Палуча'ица, «митл'а» ана' пана'стая'циму сича'с. А ра'ньшэ утэ'та па'лку быру'ть, на э'ту па'лку иц'е де'лають ви'нык, де'лають ис хварастин'ак уцэ', пато'м на па'лку; Прыбира'юца к пра'зныку, быру'ть чугуно'к якы'й-ныбу'ть и'ли та'зик. Туда' налива'ють вады', нака-ла'чують глы'ны ре'денько, быру'ть щё'тку. Или тря'пачкай пыдво'дють як пли'нтус.

На синтаксическом уровне в речи Любви Васильевны Плахутиной имеются значительные отличия от норм литературного языка в области управления в предложно-именных конструкциях.

Среди отсутствующих в литературном языке в говоре присутствует большое количество так называемых двойных предлогов: по-над, по-пид, поза и т. д. Как правило, эти предлоги выражают пространственные отношения. Например: *На'стя, ны на'да хады'ть па-над даро'гай, бо машы'ны йи'здять и мо'гуть тэбэ' збы'ть; Шо вона' там па-пид забо'рам лазэ; У их там паза ха'тай сто'ка хламья' лыжы'ть, шо цы'лу ныди'лю пырыби-ра'ть мо'жна.*

Некоторые предлоги имеют также различия в лексической сочетаемости, которые выходят за рамки синтаксиса в собственном смысле слова: так, например, предлог *С* употребляется шире за счёт предлога *ИЗ* в значении географических показателей (*Ны-да'вна вон Сирёга прыи'хав з Масквы'; Вин з друго'й станы'цы був*) и в значении исходного материала (*Плылы раньше мы кар-зыны с лазы; Наски раньше с шэрсти булы, ны то, шо щас*). Предлог *по* употребляется в конструкциях с целевым значением: не только *пойти по грибы, по ягоды*, но и *пойти по хлеб, поехать в город по внуку*.

При исследовании речи информанта была выявлена такая особенность, как употребление предлога *ПО* с именами суще-

ствительными в П.п. во мн. ч. вместо Д.п. с глаголами любого значения. Например: *А тада' (на Троицу) тра'вку иду'ть он на бутку, нарыва'ють щибрэ'чик тра'вку. И па ха'ти раскида'ють щибрэ'ц, пато'м мя'ту. И шоб на Тро'ицу усэ' лыжа'ло па ха'тах; И шо ана' па людя'х бу'дэ хады'ть на' нач гля'дя: да нас пусь идэ'.* Отмеченная черта в говоре выражена слабо. Преимущественно используется литературный вариант: *Була' у нас та-ка' каро'ва: сама' кари'члива, а па бака'м би'ла була'; Ага', лыты'ть на мэ'нэ той питу'х, а я иму' чуть па мазга'м ны даф! И лыты'ть, да'жэ ны баи'ца! На'да иму' па кры'льям но'жныцамы прайты'сь; Ра'ньше када' сва'йбы гу-ля'лы, тим, хто пе'рвый ухо'дыф с гуля'нки, но'чью прыхо'дылы и па ви'кнам извэ'сткай ма'залы. Раз ы мы так прасну'лысь.*

Типичной чертой украинских говоров является употребле-ние предлога *ДО* с именами существительными в Р.п. вместо предлога *К* с Д.п. при глаголах движения, что проявляется и в речи исследуемой языковой личности: *И от а'на в ви'ди прышла' да нас, че'-ны'буть напрасы'ла и ка'жэ: «Ну я щас дамо'й схадю', прыйду' с видро'м»; Ра'ньше афто'бус нас да шко'лы ны вазы'ф, и мы дитьмы' сабырэ'мся гурьбо'й и идэ'м фси вми'сти чи'рыс прамгаро'т; Та да ё'го да'жэ пидайти' нызя' – сра'зу га'вкае и киди'цца на людэ'й.*

Диалектная речь в значительно большей мере, чем литера-турная, насыщена служебными частями речи. При оформлении семантики общего вопроса часто Л.В. Плахутиной используется частица *ЧИ*: *Та чи вана' рышы'ла прый'хатъ да тэ'бэ?* употребле-ние *ЧИ* восполняет недостаточную выразительность интонации вопроса, а также дополняет её экспрессивно-модальным оттенком значения, который мог бы быть выражен другими частицами – *разве, неужели*.

В других конструкциях *ЧИ* может употребляться в качестве союзного средства в составе сложного предложения, присоединя

придаточное с изъяснительной связью: *На'да кво'чку гля'нуть, чи ны вы'лупыла там цыпля'т* (эквивалентно союзу *ли*).

Также *ЧИ* употребляется в качестве разделительного союза при однородных членах предложения, повторяющегося либо неповторяющегося: *А ну насматры', есь там соль чи ныма'; Шовано' там, ныпаня'тна: чи питу'х, чи ку'рыца?*

На лексическом уровне в речи информанта мы выделяем большое количество диалектизмов. Они используются Любовью Васильевной как самостоятельно, так и в составе устойчивых сочетаний.

Необходимо отметить, что именно лексика отражает языковой опыт носителя языка и его менталитет. В слове воплощается опыт, мысли, чувства носителя диалекта, его восприятие и оценка мира.

В связи с тем, что говор Л.В. Плахутиной базируется на украинской языковой основе, на него определённое воздействие на него оказала лексика украинского диалекта. В 40-60-е годы явились годами интенсивного воздействия русского литературного языка на местные диалекты, причём сила этого воздействия постепенно возрастала.

В речи Любви Васильевны устойчивы слова, тесно связанные с местными условиями быта, производственной деятельностью населения: *выгон* – ‘участок между домом и дорогой, покрытый травой’; *худоба* – ‘собирательное название домашних животных’; *шулячок* – ‘невыросший качан кукурузы’ и др.

Необходимо отметить, что диалектный пассивный словарь информанта намного шире и богаче, чем активный. Он содержит в себе лексемы, вышедшие из обихода (диалектные архаизмы) и употреблявшиеся ещё бабушками и дедушками Любви Васильевны. Эта особенность была выявлена при опросе диалектоносителей по полисистемному «Словарю» кубанских говоров [Борисова 2005].

Исходя из отобранного материала, можно выделить следующие тематические группы (конечно, следует понимать, что границы данной классификации подвижны):

1. Человек. К характеристике человека будем относить:

А) названия частей его тела: *ла'ны* – ‘ноги’; *ны'пка* – ‘кончик носа’; *борода'* – ‘подбородок’ и т. д.;

Б) наименования людей по степени родства и свойства: *бабу'ська* – ‘бабушка’; *свекру'ха* – ‘свекровь’; *ма'тэ* – ‘мать’; *хрѣсна* – ‘крѣстная’ и т. д.;

В) наименования людей, ироничные или с отрицательной коннотацией: *буга'й* – ‘крупный, сильный мужчина’; *по'йда* – ‘человек в большой по размеру одежде’; *и'сты як кы'ца* – ‘есть мало, разборчиво’ и т. д.

Г) досуг: *ды'ндыки* – ‘компьютерные игры’; *грать* – ‘играть’; *спивать* – ‘петь’ и т. д.

Д) чувственное восприятие: *шкря'бать* – ‘скрести’; *диви'ться* – ‘смотреть’ и т. д.

Е) слова, связанные с работой речевого аппарата и ротовой полости: *каза'ть* – ‘говорить, сказать’; *огова'риваться* – ‘вступать в пререкания’ и т. д.

Ж) работа, деятельность: *обнести'* – ‘оборвать без разрешения плоды в саду, фрукты/овощи в огороде’; *обкорна'ть* – ‘коротко обрезать’; *сыма'ть* – ‘снимать’ и т. д.

2. Предметы быта

А) названия посуды: *гле'чик* – ‘кувшин’; *чапле'йка* – ‘съёмная ручка для сковороды’; *чеснокода'вка* – ‘чесночница’ и т. д.;

Б) названия одежды (части одежды), обуви, ров: *гало'ши* – ‘калоши’; *гомоно'к* – ‘кошелёк с особой застёжкой’ и т. д.

3. Орудия труда: *саки'ра* – ‘топор’; *терпу'г, терпужо'к* – ‘камень, которым точат ножи/топоры’; *дырка'ч* – ‘метла’ и т. д.

4. Продукты питания. К ним относятся наименования продуктов, блюд, а также действий, только с ними связанные: *пампу'шка* – ‘небольшая булочка из сдобного дрожжевого теста’; *переза'рка* – ‘зажарка, заправка для супа, борща’; *курга'* – ‘курага’; *насыпа'ть* – ‘наливать в тарелку первое блюдо’ и т. д.

5. Природа. К этой группе можно отнести:

А) объекты неживой природы: *галы'ш* – ‘камень’; *калю'жа* – ‘лужа’, *зеленя'* – ‘местность, поросшая травой’ и т. д.

Б) наименования животных: *кво'чка*, *хохлу'шка*, *хохла'тка* – ‘курица, высидившая яйца, или та, у которой уже есть цыплята’; *кама'шка* – ‘муравей’; *курчо'нок* – цыплёнок и т. д.;

В) названия продуктов жизнедеятельности животных: *болтня'к* – ‘протухшее, пропавшее, испорченное яйцо, из которого не вылупился цыплёнок’; *котя'х* – ‘высохший помёт животных’ и т. д.

Г) растения: *бакша'* – ‘арбузы, дыни, тыквы’; *гарбу'з* – ‘тыква’; *кову'н* – ‘арбуз’; *си'нинькие* – ‘баклажаны’ и т. д.

6. Постройки и их части: *ха'та* – ‘частный дом’; *пры'зьба* – ‘завалинка вокруг избы’; *гори'ще* – ‘чердак’; *баз*, *базо'к* – ‘огороженная территория во дворе. Используется для содержания скота, выгула птицы’ и т. д.

7. Слова, обладающие пространственным значением: *най* – ‘земельный надел, располагающийся на фермерских полях’; *глы'боко* – ‘глубоко’ и т. д.

8. Слова со значением движения: *шкабырда'ть* – ‘идти с трудом, медленно или нехотя’; *чу'хнуть* – ‘очень быстро, резко побежать’; *тика'ть* – ‘убегать’ и т. д.

В целом можно говорить о том, что для речевого портрета Любови Васильевны Плахутиной характерно сочетание украинских и южнорусских языковых черт. Данная типологическая особенность проявляется на всех языковых уровнях исследуемой речи и развилась под влиянием русского литературного языка.

Литература

1. *Борисова О.Г.* Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2005.

2. *Волкова Н.* Языковая личность в диалектном пространстве / Н. Волкова, Е. Сафонова // *Zmogus ir Zodis*. 3. Vilnius: Vilniaus pedagoginis universitetas, 2010. Vol. 12. S. 55–59.

3. *Земская Е.А.* Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1. С. 114–131.

4. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002.

5. *Кубанские станицы: этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани.* М., 1967.

6. *Герентьева Е.В.* Речевой портрет современного носителя донских медведицких говоров Волгоградской области // *Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание*, № 2 (16). Волгоград, 2012. С. 140–145.

7. *Черняк В.Д.* Речевой портрет носителя просторечия // *Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация.* М.: Языки славянских культур, 2003. С. 497–515.

Дубровина Светлана Юрьевна

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
dubr5@yandex.ru

**К описанию когнитивного потенциала языковой личности:
смысловые константы религиозного сознания в народном
православии**

Тема православия и христианства в языке и народной культуре активно разрабатывается и остается актуальной для современной научной литературы. Об этом свидетельствуют современные публикации научного жанра как известных, так и молодых исследователей, работы которых, вышедшие в последние несколько лет, поражают многообразием тем. Разнопрофильная аспектность статей и монографий является фактом живого интереса к исследованию лексики и семантики народно-религиозной картины мира. Разработки данного плана определяют особенности репрезентации народного православия как культурного или лексического явления; при этом они посвящены не только утвердившемуся подходу к описанию фактов христианского и языческого религиозного сознания, но и представляют самые разнообразные аналитические наблюдения – сопоставительный ракурс с европейскими и иными языками [Юнак 2016; Михайлова, Солодова 2017; Дубоссарская 2017], бытование традиционных форм культуры в этнически неоднородных регионах России с территориально контактирующими языками [Идиатуллин 2017, Саттарова 2013], концептосферу религиозного сознания в русском языке, а также трансформации сакральных концептов и их производных [Андреева 2017]; проекции народного религиозного сознания в разных сферах познания и в быту [Соломатина 2015], семантическое и лексическое наполнение религиозными рецепциями фольклорных текстов [Моспанова 2016], проблемы церковной ораторской стилистики и риторики [Крошкина 2015] и многие другие

аспекты, знакомство с которыми может явиться темой отдельного обширного исследования.

В своих работах мы неоднократно останавливались на проблемах народного православия и его экспликации в разных ипостасях русского языка – его литературных и диалектных реализациях. В частности, важно было прояснить взаимодействие церковнославянского и русского языков в качестве составляющих единого коммуникативного пространства народного православия; разработать общетеоретические позиции лексического массива и способы подачи материала, создать идеографическую стенограмму христианской лексики в русских говорах с моделированием полей и микрополей. В ряде статей мы обращались к проблеме структуры и производности единиц лексики в разных группах словаря. Репрезентация религиозной ментальности в группах лексики и корпусное исследование народно-религиозной картины мира были отражены в наших монографиях «Состав и системная адаптация лексики православия в русских диалектах на материале тамбовских говоров (2012), «Христианская лексика в русском диалектном «изводе» (2005), в научных статьях и публикациях докладов.

Лексика религиозной сферы русской цивилизации отмечена богатством и разнообразием состава языковых единиц для описания ментально значимых объектов. Несомненно лексическая разработанность этой сферы в русских говорах и диалектах, что проявляется в наличии обширной идеографической стенограммы лексических составляющих, образующих систему народной духовной культуры. Несомненно, эта особенность, функционирующая одновременно в исторически сопрягаемых языковых системах – церковнославянской и русской литературной выделяет русский язык среди иных в отношении аксиологической акцентированности земного и небесного. Содержательная сторона христианской лексики может быть рассмотрена на основе крупных объединений – семантических полей, учитывающих разноплановость тематики, общность унаследованных значений, языковые связи и

ассоциации. В итоге конкретный языковой материал организуется в трех планах: в плане лексической емкости (числа исходных лексем), в плане определения семантических позиций (контекстов), а также в словообразовательной детализации (вариативности аффиксальных средств).

Изучение народной веры предполагает охват ее проявлений в рамках определенных категорий и понятий, влияющих на инструментарий народных образов и традиций. Особенности религиозного мировосприятия проявляются в разных сферах языка и народной культуры, что формирует универсальные смыслы, характеризующие русский язык и народную культуру. Универсальный характер русского «народного православия», вытекающий из органического единства канонического православия с элементами архаики (дохристианских верований) прослеживается в самых разных жанрах устной поэтической традиции. Народное православие зачастую предстает не как отдельная часть или жанр народной культуры, а как ее семиотический центр, – цельное, цементирующее начало. Номинации, транслирующие смысловое наполнение категорий народной веры, обладают кванторной семантикой всеобщности. Изоморфизм культуры и языка будет проявляться в том, что языковые данные, образующие словарь русского православия, так или иначе способны распределяться по разным тематическим группам словаря.

Целью данной публикации является определение перечня наиболее значимых смысловых констант (категорий) «народной веры», исходящих из миропредставления восточных славян, сформированного православием. В статье осуществляется попытка определения основных смысловых категорий русской религиозности в контексте русского языка и традиционной культуры. Направление для разработки данной задачи имеет свою устойчивую традицию: оно было задано известной работой Г.П. Федотова по уникальному и единственному источнику – русским духовным стихам. Между тем сам Георгий Петрович Федотов призна-

вал, что есть источники и другого рода (обряды, поверья, запреты, легенды...). Обилие лингвистических, фольклористических, искусствоведческих, культурологических, этнографических изысканий, обращенных к теме народной святости, появившихся в последние два десятилетия и появляющихся вновь; поиски присутствия элементов «народного богословия» в языке, фольклоре, календаре народной жизни, являются доказательством востребованности дальнейшего познания русской религиозности, а также оправданности попыток дальнейшего выделения и типизации характеристик национального самопознания.

Перейдем непосредственно к описанию смысловых констант (категорий) «русской религиозности».

Жертвенность. В своих высоких нравственных проявлениях русский народ воспринимает идею жертвенности как высшую, основанную на Божественном самоуничижении Христа через вочеловечение вплоть до вольного принятия Им крестного страдания и смерти. По словам известного русского слависта, академика Н.И. Толстого, «*русская вера* выступает как религия жертвенного кенозиса, продолжая живую традицию святости» [Толстой 1991: 9]. В отличие от докетического византийского отношения к жертве («Вижу Его распятого и радуюсь»), народное сознание усиливает в духовных стихах самоуничижение Сына Божьего и божественное величие Христа. «Певец, который не смеет пристально вглядываться в страдания Христовы ...не боится гиперболизма своей фантазии, когда нужно подчеркнуть божественную мощь Христа» [Федотов 1991: 44, 167]. В русских духовных стихах как высшем духовном жанре фольклора надежда на справедливость и вечное блаженство заключается в страданиях и смерти распятого Бога. Страдания человеческие разлиты по земле, и в этом море мучений живет русский идеал. Само торжество милосердия предполагает момент аскетизма и страдания, и в этом земном мире ими дополна насыщается русская душа. Смерть отступает на задний план и ви-

дится как избавление от земных нравственных и физических мук и переход к высшей, блаженной жизни.

Тему русского ожидания смерти и жертвенного кенозиса точно подметил и прекрасно выразил философ В.В. Розанов: «Россия находит слишком реальным и грубым самую земную жизнь Спасителя; она слушает полуоткрытым ухом Его поучения, притчи, заветы. Все это она помнит, но умом на этом не останавливается. Но вот Спаситель близится ко кресту; Россия страшно настораживается, ухо все открыто, сердце не бьется. Христос умер – Россия в смятении! Для нее это не история, а как бы наличный сейчас факт. Она прошла со Христом всю невыразимую муку Голгофы. Но и это еще не все, не главная сущность русской веры. В Евангелиях мы читаем, как за земною жизнью Спасителя... повествуется о нескольких днях Его бытия после смерти и погребения» [Розанов 1992: 294].

Сдержанность к проявлениям такого жизненного явления, как смех, позволяет судить об особой русской созерцательности, стирающей простые, здоровые свойства человека и преданно уничтожающей их в пользу духовному опыту. В словаре В.И. Даля, наряду с первыми значениями глагола «смеяться»: «... смеяться чему, неуважать, небрежь, презирать, ставить ни во что, не бояться, не исполнять, ругаться над чем-либо») соседствует толкование «кощунствовать» [Даль IV: 311]. В русских пословицах: *Бога не гневи, а чорта не смеши. Мал смех, да велик грех. Где грех, там и смех. Грех не смех, и горе. В чем живет смех, в том и грех. Грех не смех, когда придет смерть...; Не смейся чужой беде, своя на гряде. Кто в субботу смеется, в воскресенье плакать будет* [там же].

Богородичность. Почитание Пресвятой Богородицы в жизни православного народа занимает исключительное место. В самом сердце русской народной религиозности лежит божественное материнство. «Вся тоска страдающего человечества, все умиление перед миром божественным, которые не смеют излиться перед

Христом в силу религиозного страха, свободно и любовно истекают на Богоматерь» [Федотов 1991: 49]. Из глубин религиозного сознания народа исходит преисполненный любви и признательности небесный лик, в котором «народ чтит небесную красоту материнства». Само средоточие жизни – вера – определяется как *дом Богородицы*: «У нас Белый царь – над царями царь. Почему ж Белый царь над царями царь? И он держит веру крещеную, Веру крещеную, богомольную, Стоит за веру христианскую, За дом Пречистыя Богородицы» [Голубиная книга 1991: 37]. В народной поэзии божественные функции материнства сливаются с рождающей матерью-землею, привнося в земную жизнь умиление Божества: *Богородица – мать земля сырая*. Родство религии Богоматери с религией матери-земли схоже с учением о Софии в богословских системах, в котором божественное творение, тварность являются центральным мотивом. Не случайно характер русской народной религиозности называют «софийным». В основу космической иерархии полагается «не отечество и не царство, но именно материнство» [Федотов 1991: 69]. «Матерями» именуется царь зверей Индрик, птица Стратим, главы космической и социальной иерархии [Голубиная книга 1991: 34–49].

Милосердность. Для любой народной культуры оказываются очень значимым понятие «этнической психологии». Если говорить о психологии как науке, обращенной к душе личности, то для восточнославянского этноса невозможно обойти вниманием и такое сложное понятие как «душа народа». Русские писатели, философы отмечали, что важнейшей чертой русского характера являлось сострадание и милосердие. «Болезному милость творить – с Господом богом говорить», – утверждает русская пословица [Даль I: 245].

Значимость божественного прощения распространяется и на прощение ближних друг другу: «...человек рассматривается как существо, которое не застраховано ни от каких грехов, поэтому отношение к ним очень терпимое» [Прохоров 2000: 158].

Способность к прощению и милосердию доходит до крайнего самоотречения: прощаются разбойники и тати, прощаются захватчики и агрессоры, если они принимают христову веру. Прощаются правители, совершившие исторические преступления перед народом. В народных рассказах о Сталине удивляет мера прощения: «народное сознание настолько милосердно, что не отказывает в возможности спасения даже этому кровопийце» [Левкиевская 1997: 15], более того, повествование их простирается до обращения Сталина к вере под конец его жизни: «Мне одна старушка рассказывала, что она лично видела мать Сталина в Елоховском соборе, то есть она уверяла, что Сталин все-таки покался перед смертью, что приезжал митрополит Николай к нему Ярушевич, его исповедал...» [там же].

Однако и милосердие имеет свой предел. Традиционный фольклор свидетельствует, что в глазах народа представляются самыми тяжкими и не прощаются родовые, семейные грехи или грехи против брака и рода. Тяжкое значение в иерархии зла придается грехам против Матери-земли и материнства [Федотов 1991: 75–78]. Точно так же непростительными, самыми тяжкими оказываются грехи против духовного родства и духовного предлюбодеяния. В стихе об исповеди земле молодец кается в грехе против веры: «Я убил в поле братика хрестового, Порубил ишо челованьце хрестное»; и этот последний, третий грех, земля не прощает [Федотов 1991: 75]. В рассказах о разорителях церквей, записанных нами в Тамбовской области, возмездие неминуемо настигает нераскаявшихся разорителей храмов и святынь.

Избирательность. Избирательность народной веры проявляется в том, что народ отдает предпочтение излюбленным святым заступникам, а также сюжетам и мотивам, возбуждающим его воображение. Так, например, обрисовывая мир «небесных сил», собиратель русских духовных стихов Г.П. Федотов отмечал, что «ангельский бесплотный мир отражен очень слабо в духовных стихах. К ним не обращаются с молитвой; они не являются к лю-

дям в видениях как вестники божественной воли» [Федотов 1991: 58]. Совсем иное отношение проявляется в обращении к Богородице, почитание которой, как уже отмечалось, занимает исключительное место; в обращении к любимым святым.

В святых народ видит близких к себе помощников и утешителей: «молится ли герой, певец никогда не забывает сказать, кому из небожителей» [Федотов 1991: 24]. В духовных стихах такими излюбленными заступниками чаще всего выступают великие чудотворцы, известные христианские святые Георгий Победоносец, Николай Чудотворец и Димитрий Солунский — *Егорий, Микола (Никола) и Дмитрий Солунский*. Совершенно особое положение среди святых в устной поэзии занимает почитание святителя Мир Ликийских Николая, вера в которого, по выражению Г.П. Федотова, «означает самую суть христианской веры вообще» [там же: 60]. «Они веровали веру святую, Молились Миколу Чудотворцу», — поется в духовных стихах. Свою меру поклонения и любви народ выражает в именовании святителя Николая *угодником – Николаем Угодником, Угодником Божьим*.

Особое почитание святителя Николая подтверждаются множеством современных наблюдений и исследований. Реликты архаики и язычества в культе св. Николая Мирликийского проследил Б.А. Успенский [Успенский 1982]. Продолжение традиции в наши дни подтверждается современными экспедиционными материалами и научными публикациями [Тимонина 2005, Кузьмина 2017, Ивашева 2016, Павлова 2016 и др.].

Как считает исследовательница почитания святителя Николая в традиции населения Верхнего Приобья Е.Ф. Фурсова [Фурсова 2001], в семейных иконостасах иконы святителя Николая занимают в количественном отношении второе место после богородичных. Показательно, что дни в честь многих других святых приурочиваются ко времени «до Миколы» или «после Миколы», а сопровождавшие эти дни приметы показывают тесную взаимо-

связь николевских праздников (*Каков день на Николу Вешнего, таков и на Николу Зимнего*).

Развивая тему народной избирательности святых персонажей на основе наблюдений за отдельными сюжетами, отметим, что достаточно редким в фольклорных текстах разных жанров является упоминание ветхозаветных историй, как, впрочем, и евангельских притч и поучений. Исключение составляют этиологические сюжеты о миротворении и первых людях [Бадаланова 1999, Каспина 2000, Белова 2000]. В духовных стихах сюжеты Ветхого Завета прослеживаются лишь в «Плаче Адама» и стихе «Об Иосифе Прекрасном», евангельская тема звучит в стихе «Об убогом Лазаре» [Федотов 1991: 21].

Устная и обрядовая традиция святости в народной культуре убеждает исследователя в том, что из ветхозаветных святых самым почитаемым являлся и является по сей день пророк Илья, живший в IX в. до Р.Х. в царствование царя Аахава (Ахава), когда язычество начало распространяться в еврейском народе, – единственный пророк Ветхого Завета, которого православная церковь чтит наравне со своими святыми. И в наши дни повсеместно Ильин день особо чтится как *грозный праздник*, ввиду чего старшим поколением строго соблюдаются предписания запретов. В пользу неослабного почитания Илии-пророка свидетельствуют различные, «небогословские» жанры устного народного творчества. В русских заговорах пророк Илья – наиболее часто упоминаемый персонаж, наряду с Иисусом Христом, архангелами Михаилом и Гавриилом, бабушкой Соломонией и другими небожителями [Фадеева 2000: 8].

Избирательность сюжетов проявляется в том, что народная культура всегда разворачивает тот мотив, который ей пришелся по душе и останавливает на нем свое внимание. Этот процесс можно сравнить с живописью (например, с расписыванием жития в клеймах) или с современным клипом, строящимся как микрофильм песни. Народная вера создает свой портрет, свои рассказы, объяс-

нения, календарные и хозяйственные приметы. Избирательность почитания небесного покровителя может носить локальный характер в пространстве русского континиума. Так, в народе можно услышать, что к святому Серафиму Саровскому более обращаются на юге России, тогда как на севере от Москвы и в самой столичной области молятся преподобному Сергию Радонежскому. О культе архангельских чудотворцев писал Г.П. Федотов в книге «Святые Древней Руси X–XVII вв. [Федотов 1931]. На Русском севере, Русском юге, в отдельных областях России существуют свои местнотимые святые, которым возносятся самые горячие молитвы местных жителей, посвящаются монастыри и храмы.

Вера в чудо. Вера в чудо и доверие к возможности чуда в земной жизни является важнейшей чертой восточнославянской традиционной культуры, формирующей многие фольклорные образцы. Ожидание чудесного выражается в русских духовных стихах, в этиологических легендах, в рассказах о хождениях Иисуса Христа, Богородицы и святых по земле. Народные рассказы сопереживают событию, не подвергая сомнению его реальность во времени: «Когда Пасха была, Христос воскрес запели, он с нами. Когда он ходил по белому свету, Христос воскрес пели. А на Вознесенье он вознесся, больше нет с нами» (Инжавинский район, 1999 г.). «Ощущение Иисуса Христа, по выражению Н.С. Лескова, у себя «за пазушкой» воплотилось в простом и доверчивом восприятии чуда как естественного проявления Божественной силы и благодати» [Мелехова 2000].

Чудо, чудесное, как уже упоминалось, является организующим центром рассказов о святителе Николае Чудотворце. Один из них приводим здесь как пример повествования, сложившегося в дореволюционное время. «Дедушка служил на корабле, плавал, военный. Тогда в царское время служили по 12 лет. Однажды пароход их сел на мель, и ничего не смогли сделать. Один называет начальника: «Ваше благородие, ведь нынча праздник Никола, вот мы ничего и не можем сделать. А тот: «Дурак ты и твой

Микола. Минут через двадцать трос оборвался, лопнул. Стябанул ему прямо в лоб, не копнулся. И все видели: Вот это вот Никола!» (Терновое инж., записано от Филипповой Антонины Ивановны, 1925 г.р., матери 9-и детей).

Вера в чудесное не иссякала даже в советское время, отразившись в создании и устной передаче рассказов о разрушении святынь и храмов, повествований о чудесах от святых мест и о новых святых (таковы, к примеру, предания о старице Матроне, о спасении Москвы в Великую Отечественную войну). Создавались новые сюжеты, связанные с напряжением «запретного» времени. Таким новым народным рассказом, вошедшим в 20 веке в традицию со всеми признаками фольклора – массовостью, воспроизводимостью, вариативностью – стал известный сюжет о кошуновском танце Зои в городе Куйбышеве (танце девушки с иконой Николая Чудотворца): «А еще был слух, собрались гулять ребята и девушки. Все по парам, а одной не хватило пары. Она взяла икону Николая-святителя и пошла танцевать с ней. Да так и вросли у неё ноги в пол. Стали топором пол прорубать, а оттуда кровь льется» (Токаревка токар., записано от Капустиной А.Я., запись 1999 г.). Этот рассказ бытует в многочисленных вариантах, причем менялись ли имена, место и полнота рассказа, независимо от этого в нем прослеживалась несомненная вера в реальность происшедшего, сохранялись события (окаменение девушки, ее обращение) и главное – убеждение в возможности повторения наказания в случае совпадения событий. Нетрудно заметить, что чудом является само создание подобного рассказа в «техническом» 20 веке и его сохранение в обществе репрессий и официального неприятия духовности.

Лексическое и смысловое наполнение категории чуда в славянской культурной традиции привлекает пристальное внимание современных ученых. Характерно внимание к тем «смысловым составляющим понятия чуда, механизмам его функционирования и воздействия на адресатов, своеобразным «сценариям чуда», ко-

которые реализуются в памятниках книжности и народных верованиях, а также «языковой» образ чуда [Концепт чуда 2000: 8].

Народной культуре свойственны разные типы восприятия чудес людьми. Современных ученых привлекает проблема чуда как средства помощи. Возможно разное восприятие чудес жителями; в частности, в современной России допускается существование оккультно-потребительского отношения к чуду; когда оно интересует человека практически, как магическое средство помощи. Лишь для малой части воцерковленного народа чудо благоговейно почитается и рассматривается как данность, возрождающая и укрепляющая человека [Любомудров 2000: 45]. Явление чуда может также оставаться фактом сознания, но не затрагивать глубин души; в этом случае наличествует «отстраненно-любопытствующее восприятие».

Результативность. Народная мысль предполагает, что все внутренние перемены, происходящие в событийном ряду традиционного текста, обязательно должны найти внешнее воплощение. Это значит, что результат обращения к небесным заступникам в молитве не замедлит явиться, сбывается предсказание во сне, молитвенное прошение за близких исполняется, образы Священного Писания воплощаются в наглядных проявлениях, материализуются в людях, растениях, животных – окружающем мире в целом. Вера в помощь благословения (особенно материнского) и исполнения проклятия относится к явлениям такого же рода. «Не прошу ни тканого, ни браного, прошу материнского благословения», – объясняет русская пословица [Даль I: 308]. Представления о праздничных событиях воплощаются в обрядовом печении (*лесенки* на Вознесение, *кресты* на крестопоклонной неделе Великого поста, *копытцы* на день Фрола и Лавра и т. п.).

Результативность как константа религиозного сознания предполагает завершение сюжета зримым образом. На этот процесс влияют особенности речевой коммуникации, расчёт на пользователя (даже оставаясь монологичной, речь рассказчика, ин-

форманта протекает как бы в диалоге, предполагающем поучительность, дидактизм и оценочность происходящего. Свершение чуда, следы преданий в зримой сущности бытия, результативность молитвенного прошения завершают аксиологическую линию безусловным авторитетом народного опыта.

Ученые, исследовавшие восприятие сюжета о грехопадении Адама и Евы в славянской и еврейской традиции, замечают, что «для народной традиции характерно наглядное воплощение неких абстрактных перемен в судьбе человека. Все внутренние перемены обязательно должны найти внешнее воплощение» [Каспина 2000: 112]. Так, к примеру, существует убеждение, что у Адама яблоко в горле застряло, а потому-то у мужчин существует *Адамово яблоко*; и осталось оно именно с незапамятных пор сотворения мира и человека. Болгары верят, что после грехопадения с прародителей спала шерсть [Бадаланова 1999]. «Про Иоанна Крестителя в Орловской губернии в прошлом веке рассказывали: «Иван не ел хлеба, не пил вина и никак не ругался, он был весь в шерсти, как овца, и только после Крещения шерсть с него свалилась» [Каспина 2000: 125]. Эти убеждения свидетельствуют, что для народной традиции религиозности незримые духовные перемены в человеке приобретают наглядное воплощение.

Остановимся на наших лексических материалах: словосочетание *Адамово яблоко* в тамбовских говорах существует в значении 'кадык у мужчин'. «Да есть, это кадык у всех мужчин. Когда Адам откусил запретный плод, который ему дала Ева, Бог явился перед ним, и у Адама кусок в горле застрял. Так что тапэря у всех мужчин есть кадык» (Ржевка мичур.). По аналогии с известным сортом *антоновских* яблок, а также в связи с особым патриотизмом местного краеведения (Тамбовская область является родиной известного садовода И.В. Мичурина), в тамбовских говорах советского периода возникает лексическая подмена: *адáмово яблоко* становится *анто́новским*. «Да, *антоновское яблоко* – это кадык» (Бокино тамб.). Ср.: «Это в раю есть такая *антоновская*

яблоня» (деревня Правые Ламки сосн.). «Антоновское (наряду с адамово яблоко) – это кадык» (записано в селе Моисеево-Алабушка увар., 1993).

Впрочем, многие жители области с недоверием относятся к слишком вольным, на их взгляд, интерпретациям Священного Писания и сомневаются в своих ответах: «Не знаю, я такóва ни слыхáла» (Ивановка сампур.; Инжавино; Верхний Шибряй увар.; Сукмановка жерд.; Домнино сосн.; Черняное тамб.; Дубровка тамб.; Лукино ржакс.; Староюрьево староюр.; Дуплято-Маслово знам.; Отгясы сосн.; Бондари бонд.; Низовка бонд.; токар.). «Слыхал об этом, но объяснить не смогу» (Кариан знам.).

Богатые иллюстрации о зримых проявлениях недоступной реальности первоначальной истории человечества содержатся в легендах и рассказах о животных, птицах, растениях, записанных филологами и этнографами 19 века П.В. Шейном, В.И. Далем, П.П. Чубинским и другими «неутомимыми исследователями, знатоками и любителями народной поэзии» [Шейн 1898: цитата из страницы посвящения П.В. Шейна Всеволоду Федоровичу Миллеру]. Но что интересно: отголоски древних легенд мы встречаем и в наши дни. В вопросно-ответной форме рассказов содержатся старинные знания о мироустройстве, значении тех или иных действий и свойств зоологического мира. Так, на вопрос о том, какие слова слышатся в крике птиц, сельские жители старшего поколения отвечают: «Голубка о Христе воркует: «Умер! умер! Их грех убивать, а *чилик* (воробей) пищит: «Жив-жив-жив!» Когда Иисуса Христа распинали, голубка пла́чить, а он «жив-жив». *Чилик* велел убить, предавал, знáчить. Воробей плохая птичка считается» (Терновое инж., 1999, Филиппова А. И.). Другие записи также содержат традиционное осмысление библейской истории, в котором противопоставляется поведение воробья и ласточки: «Ласточки, жаворонки жалобно поют, а воробьи «чик-чирíк» и «чик-чирíк» (знам.). «Воробьёв называли *жидами* за то, что они кричали «жив» (Кариан знам.). «В крике

воробья слышится слово «жив», а в крике голубя – умер»» (Шемановка староюр.). «Воробей: жив, жив, жив... А дикий голубь свиристить: «Убийцы! Умер» (Сукмановка жерд.). «Воробей: «жив-жив!» А воробей считается птицей–жидом, она кричала во время казни Иисуса Христа, что он жив, и иудеи вбивали гвозди в тело Господа» (Покровка тамб.). О вороне говорится, что «в крике ворона слышится слово «кара» (Токаревка токар.).

В кончине разных птиц народное зрение тоже прослеживает особые знаки: *Голубка умираить, лапачки сваи склáдвыить и на спínки лижítь. А другии (птицы) вничь лицом. А эта нáвзничь. Лапки друх на друга, хрэстиком, буквой Х* (Терновое инж., 1999 г., Е.П. Тришкина).

Последствия правильного (неправильного) поведения человека или его обращения к Творцу или в той или иной ситуации связаны с природой чудесного. В народных приметах особенно наглядно проявляется ожидание чуда. Считается, например, что вклад на колокол способен упокоить самоубийцу, молиться за которого в церкви нельзя. В.И. Даль в связи с этим приводит поговорку *Глас Божий вызвонит из ада душу грешника* [Даль I: 15]. «В русских духовных стихах к «неправедным душам», которым заказана дорога в рай, причислялись те, что «к Божьей-то церкви не хаживали», «звону колокольному не варывали (не внимали)» [Агапкина 1999: 236].

Заступничество за душу грешника в молитвах о нем обязательно являет положительный результат – молитвы ослабляют мучения во все великие праздники или раз в году, на Пасху, что, впрочем, может стать известным молящемуся, если грешник поведаёт о себе во сне. В.И. Даль приводит пословицу: «И в аду хорошо заступничество: ину пору хоть кочергой, вместо вил, подсадят, всё легче» [Даль I: 15]. С другой стороны, по поверью народного календаря, «Благовещение – самый большой праздник на небесах и на земле: грешников (как и на Пасху) в аду не мучат, птица гнезда не вьёт» [там же: 224].

В свете отмеченных культурных коннотаций показателен следующий лексический пример. Словарь русского языка содержит интересный глагол *смо́лить*, *сов.*, (*смáливать нес.*), результативная нагрузка которого включает в себе очистительную сущность грехопадения человека: «*смо́лить (с кого) грехи*» означает ‘молиться о прощении и до прощения их, замаливать, замолить’ [Даль I: 292]. То же значение имеет глагол *зааминить* ‘закончить что-либо, произнеся слово «аминь», уничтожить болезнь, защитить от нечистой силы’ [Славянские древности 1995: I, 105].

На примере глагола *смо́лить* (*смáливать*, несов. вида) прослеживается общая линия ожидания завершения ранее произошедшего действия и его результата, проявляющаяся в особой функциональной нагрузке лексического состава – перформативности, как феноменального процесса созидания действительности. Под перформативностью в лингвистике принято понимать высказывание, эквивалентное действию или поступку и указывающее на автореферентность выполняемого действия, например, перформативами являются тексты присяги, приказа или декларации. В данном случае глагол *смо́лить* так же, как и *зааминить*, предполагает полное, завершённое по цели действие, исходящее от конкретного лица. Проецируется высказывание, которое создает ситуацию, влекущую за собой определенные последствия. В малых жанрах русского фольклора перформативность нередка в поговорках, заговорах, приметах. Так, в примете на Покров: *На Покров девица голову покроет – замуж выйdet* (Бокино тамб., запись 2001 г.). Ценные языковые наблюдения за перформативным употреблением глагола «желать» в русских благопожеланиях содержатся в работах В.В. Плешаковой [Плешакова 1997].

Двоеверие. В свое время Г.П. Федотов писал, что русская народная вера по духовным стихам не соответствует многим догматам православия или соответствует им не в полной мере. «Забывают..., что русская религиозность таит в себе и неправославные пласты, раскрывающиеся в сектантстве, а ещё глубже

под ними – пласты языческие, причудливо переплетённые с народной верой» [Федотов 1991: 11]. Структуру этического и метафизического мира народной религии он определял как «трихотомию трёх слоев: языческую религию Матери-Земли, на которую двумя пластами налегло христианство – религия закона и религия жертвенного кенозиса» [там же: 119].

Понятие «двоеверие» вызывает споры в научной среде, вплоть до отрицания формулировки и явления, но сам термин утвердился и получил широкое распространение в научной практике. Мы употребляем его в значении допущения архаических ритуальных обязанностей и языческих культурных переживаний в народную практику крещеных людей. В результате «двоеверия» создаются действия, не соответствующие церковным установлениям и православным догматам. Таким образом, внутри народного православия присутствуют искаженные практики христианства, не соответствующие догматическому вероучению, вызывающие как бы раздвоение религии в сознании одного человека; причем сами проводники этих «ошибок» воспринимают свои действия как древнюю традицию, синкретическую с христианством. Впрочем, учитывая скептицизм и принципиальное несогласие многих авторов, подробно изучавших проблему двоеверия, мы не считаем уместным подробно разбирать этот вопрос в рамках статьи и остановимся на функциональной стороне вопроса.

Пример «двоеверия» как ситуации одновременного совмещения христианской молитвы и веры в домового был записан в поселке Пахарь Ржаксинского района Тамбовской области в 2000 году. Увлечшись рассказами о «хозяине», наша собеседница доверительно поведала: *«Полезу к пчёлам, а чтобы они меня не кусали, повторю несколько раз: «Господи, благослови! Хозяин, помоги! И пчёлы затихали»*. Налицо христианская сущность молитвы и суеверное обращение к домовому, вера в разнящиеся силы – божественную и архаическую. Сама информантка однако не осознаёт эту несовместимость как отступление от веры, напротив, её

двойственные усилия произнесенного обращения, по её мнению, усиливают желаемое действие (... и пчелы затихали). Подобное действие, конечно, вряд ли следует рассматривать как отход от веры: скорее, это практика наращивания силы заклинания.

Среди ритуалов встречаются и такие, когда христианские образы, события, обряды, и, в особенности, обрядовые предметы воспринимаются как символ для создания суеверного обычая или как залог исполнения действия. Они являются центром, вокруг которого формируется сам обряд. Подобное использование христианской символики должно усиливать производимое действие, которое само по себе не имеет ничего общего с христианством. Пример такого ритуала представляет использование благовещенской просфоры в магии сева, существовавший (по записям краеведов в Тамбовской губернии середины 19 века). В первый выход в пашню крестьянин, впрягши лошадь в соху, просфору навязывал на кнут и ударял ею лошадь до трёх раз; потом с молитвою съедал просфору и начинал пахать свою ниву. В обряде наличествует сочетание языческих и христианских элементов: просфора, испеченная на Благовещение и навязывание ее на кнут; битье лошади и трехкратные удары; молитва. Другие элементы языческого обряда содержат действия, связанные со *страстной свечой*: «От *страстной свечи* зажигают огонь на сковородке, скачут через огонь все члены семьи, запасаясь здоровьем»; «прошлогоднюю *страстную свечу* хранили, ее можно было растопить и влить в тазик с водой для «отлива» от испуга или сглаза» (Моисеево-Алабушка увар., 1998 г.). Привязанность к месту и времени действия (обычно это церковь и день какого-либо праздника) усиливает общий языческий камертон. Так, по одной из примет: «Если взять *заговоренный пирог* и идти на Пасху в церковь, встать у дверей и обязательно держаться за дверную скобу, то узнаешь кто в деревне ведьмы и сколько их. Они станут проходить, и у всех будут хвосты длинные, как у чертей, да ещё с кисточкой» (Тёкино сампур.).

В процессе осуществления подобных практик происходит языческая мифологизация представлений в отношении тех или иных освященных вещей, трансформация их назначения в качестве ритуальных предметов. Впрочем, все же следует осторожно давать оценки того или иного ритуала, опираясь при этом на нравственную ориентацию происходящего. Существуют народные обряды, суть которых находится вполне в соответствии с церковными установлениями. К ним относятся народные традиции обетов, крестных ходов, паломничества, воздвижения крестов и часовенок с целью маркировки сакральных границ и др.

Итак, что в настоящей статье была сделана попытка определения смысловых констант религиозного сознания русского народа. Мы отдаем себе отчет в том, что задача полного описания перечня категорий в рамках одной публикации является неосуществимой, и тема требует дальнейшей разработки. Существует, к примеру, определённый *формализм* предписаний «правильного поведения» человека в церкви и дома, часты суеверные руководства, характерные для сознания члена крестьянского социума, что может стать содержанием будущих публикаций. Так или иначе, важно, что определение категорий народной веры имеет прямое отношение к психолингвистике языковой личности, феномену когнитивного сознания, оно обращено к потенциалу языковой личности, чрезвычайно значимому для лексикографического описания.

Литература

1. *Агапкина Т.А.* Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян // Мир звучащий и мир молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999.

2. *Андреева Е.П.* Трансформация сакрального слова БОГ и его производных в вологодских говорах // Вестник Вологодского

госуд. ун-та. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 2 (5). С. 68–72.

3. *Бадаланова Ф.* Болгарская фольклорная Библия // Живая старина. 1999. № 2 (22). С. 5–7.

4. *Белова О.* О «грешных» животных в славянских легендах // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. Академическая серия. Вып. 5. М.: Центр «Сэфер», 2000. С. 163–178.

5. Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / Сост.: Л.С. Солощенко, Ю.С. Прокошин. М.: Моск. рабочий, 1991.

6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка в четырёх томах. Т. 1–4. Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.

7. *Дубоссарская М.Л.* Христианство глазами коренных жителей Перу в литературе конца XVI–начала XVII вв. // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенко-ские чтения. Матер. VII межд. научн. конф. М.: МГУ, 2017. С. 49–55.

8. *Ивашина Л.Л.* Нижневолжские легенды о Николае Чудотворце: к проблеме межжанровых влияний в фольклорной прозе // Вестник Дагестанского госуд. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 63–68.

9. *Идиатуллов А.К.* Традиционная духовная культура в полиэтничном регионе (на примере г. Ульяновск) // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2. С. 82–87.

10. *Каспина М.* Восприятие сюжета о грехопадении Адама и Евы в еврейской и славянской традиции // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. статей. Академическая серия. Вып. 5. М.: Центр «Сэфер», 2000. С. 116–129.

11. Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. / отв. ред. О.В. Белова. М.: Пробел, 2000.

12. *Крошкина Л.В.* Проблемы стиля современной церковной проповеди // Свет Христов просвещает всех: Альманах Свято-

Филаретовского православно-христианского института. 2015. № 15. С. 121–131.

13. *Кузьмина М.И.* Семантика агнонима Николай (на материале русских паремий и православных молитв) // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 116–126.

14. *Левкиевская Е.Е.* Москва в зеркале современных православных легенд // Живая старина. 1997. № 3 (15). С. 15–17.

15. *Любомудров А.М.* Чудотворения от икон в современной России: Духовный смысл и особенности восприятия // Православие и культура этноса. М.: Старый Сад, 2000. С. 45–46.

16. *Мелехова Г.Н.* Представления русских крестьян XX века о близости Господа, Богоматери и святых (по полевым материалам Каргополья и района Куликова поля) // Православие и культура этноса. М.: Старый сад, 2000. С. 47.

17. *Михайлова Е.В., Солодова Е.С.* Библейские антропонимы в географических названиях Великобритании и США // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы I всероссийской научно-практ. конф. (Симферополь, 27–29 апреля 2017 г.) / гл. ред. М.В. Норец. Симферополь, 2017. С. 266–271.

18. *Моспанова Н.Ю.* Семантическое наполнение некоторых лексем, представляющих концепт ВЕРА в русской народной сказке // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 651–657.

19. *Павлова (Черкасова) С.А.* Отечественная гимнография святителю Николаю: новые материалы // Ученые записки Российской академии музыки им. Гнесиных. 2016. № 2 (17). С. 49–64.

20. *Плешакова В.В.* Русские благопожелания (опыт типологии и истории): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

21. *Прохоров Г.* Мотив еврейского греха в русских духовных стихах богородичного цикла // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. Академическая серия. Вып. 5. М.: Центр «Сэфер», 2000. С. 154–162.

22. *Розанов В.В.* Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992.

23. *Саттарова М.Р.* Общая лексика христианской культуры русского и татарского языков // Языки России и стран ближнего зарубежья как иностранные: преподавание и изучение. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 28-29 ноября 2013 г. / под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова, Казань, 2013. С. 346–348.

24. *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А–М. М.: Международные отношения, 1995.*

25. *Соломатина М.Г.* Проекция народного религиозного сознания в повседневной жизни на примере номинации животных и растений // Севернорусские говоры. 2015. № 14. С. 210–217.

26. *Тимонина Н.Р.* Образ святителя Николая Чудотворца в искусстве и культуре, преимущественно русской народной. Материалы к библиографии // Традиционная культура. 2005. № 1. С. 57–66.

27. *Толстой Н.И.* Несколько слов о новой серии и книге Г.П.Федотова «Стихи духовные»; вступ. ст. // Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская нар. вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. С. 5–9.

28. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

29. *Фадеева Л.В.* Богородица в русских заговорах (роль христианских источников в формировании образа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.

30. *Федотов Г.П.* Святые древней Руси: X-XVII вв. Paris: Ymca press, 1931.

31. *Федотов Г.П.* Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991.

32. *Фурсова Е.Ф.* Культ Святителя Николая в обычаях и обрядах восточно-славянского населения Верхнего Приобья (по по-

левым материалам) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 4 (8). С. 146.

33. *Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях. 1898. Т. I. Вып. 1–2.

34. *Юнак Р.В.* Проблема перевода англоязычной христианской лексики // Человек и общество в системе религиозного и социально-гуманитарного знания. 2016. Т. 1. № 2–1 (2). С. 326–331.

Список сокращений

бондар. – Бондарский район Тамбовской области
жерд. – Жердевский район Тамбовской области
знам. – Знаменский район Тамбовской области
инж. – Инжавинский район Тамбовской области
мичур. – Мичуринский район Тамбовской области
тамб. – Тамбовский район Тамбовской области
токар. – Токаревский район Тамбовской области
ржакс. – Ржаксинский район Тамбовской области
сампур. – Сампурский район Тамбовской области
сосн. – Сосновский район Тамбовской области
староюр. – Староюрьевский район Тамбовской области
увар. – Уваровский район Тамбовской области

Дягилева Ирина Борисовна

Институт лингвистических исследований РАН
diaghileva@mail.ru

Окказионализмы с компонентом *–бесие* в русском языке XIX века¹

Формирование словарного состава русского языка XIX века является одним из важнейших направлений научно-исследовательской работы в рамках проекта исторического дифференциального «Словаря русского языка XIX века». В одну из задач Словаря входит рассмотрение фактов смешения языковой и речевой семантики, а также интерпретация фактов речи, фиксируемых в текстах этого периода [Проект 2002: 36]. Сложные слова с компонентом *–бесие* следует рассматривать именно в таком аспекте.

Первые слова на *–бесие* появились в русском языке очень давно, еще в XI веке. Их появление В.В. Виноградов связывает с переводом греческого *μανία* (ср. французское *manie*) и отмечает наличие трех вариантов перевода: *бѣсие*, *бѣсование*, *бѣсовьствие* [Виноградов 1999: 322]. Слово *гортанобѣшение*, зафиксированное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», позволяет добавить *бѣшение* в указанный ряд вариантов.

В конце XVIII в. в русском языке отмечаются первые случаи употребления окказионализмов² с компонентом *–бесие*: *законобесие* (Екатерина II), *святобесие* (Тредиаковский), *галлобесие*,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

² Нельзя согласиться с утверждением В.В. Виноградова о том, что «в течение XVIII века новых сложных слов со второй частью *–бесие* не возникало», а «сознание этимологического состава и смыслового взаимоотношения частей в таких словах, как *гортанобесие* и *чревобесие*, было уже наполовину утрачено к тому времени даже в среде книжно образованных людей» [Виноградов 1999: 323].

галлобес (С.С. Бобров в статье «Происшествие в царстве теней, или Судьбина русского языка» 1805 г.), *французобесие* (Новиков): К слову: "Инки" есть название царского поколения в Перуанском царстве. Сочинение Мармонтелево имеет предметом своим разорение сего царства индейцами под предводительством Пизарра. Главные черты почерпнуты в истории, подробности Мармонтелевы. Он хотел представить картину, драгоценную человечеству, всех бедствий, которые за собою ведет святобесие, так переводит *fanatisme* г. Тредьяковский. Оно имеет нечто от эпического и исторического (М.Н. Муравьев. Письмо сестре Федосье Никитишне. 18 янв. 1778 г.). К 1775 г. Екатерина покончила три тяжелые войны: с Польшей, Турцией и со своим воскресшим супругом, маркизом Пугачевым, как она его называла. Вместе с досугом к ней воротилась и ее болезнь, "законобесие", по ее выражению. Мысль о новом уложении не была совсем покинута; частные комиссии продолжали свои работы; но о созыве полного собрания Екатерина не думала. Другое законодательное предприятие увлекло ее (В.О. Ключевский. Курс русской истории).

В XIX в. продолжается процесс образования новых слов с компонентом *-бесие*, как узуальных (*женобесие*, *мракобесие*, *чинобесие*, *чужебесие*), так и многочисленных окказиональных, употреблявшихся в основном на страницах газет, в дневниках и письмах. Эти лексические окказионализмы можно разделить на три группы. Первая – слова, характеризующие явления политической жизни России XIX века, большая их часть образована с этнонимом в качестве первой части: *англобесие* (Герцен), *болгаробесие* (Леонтьев), *москвобесие* (Герцен), *патриотобесие* (Герцен), *славянобесие* (Герцен), *франкобесие* (Стасюлевич). Вторая группа слов характеризует те или иные пристрастия, характерные для всего общества, особенности культурной жизни эпохи: *итальянобесие* (Глинка), *картобесие* (Некрасов), *концертобесие* (Санкт-Петербургские ведомости, № 69, 1856 г.), *цветобесие*

(Соллогуб), *червонцебесие* (Макаров). В третью группу следует объединить те слова, которые описывают увлечения, пристрастия, присущие тому или иному человеку: *гневобесие* (Герцен), *книгобесие* (Бестужев-Марлинский), *ленобесие* (Бартенев), *мозгобесие* (Катков), *музыкобесие* (Герцен), *пляскобесие* (Лейкин), *плясобесие* (Санкт-Петербургские ведомости), *рифмобесие* (Некрасов), *стихобесие* (Корсаков), *чтеньобесие* (Пушкин). Есть несколько сложных слов, характеризующих явления заграничной жизни: *банкобесие* (Бабст), *церквобесие* (Герцен).

Перечисленные окказионализмы, образованные по продуктивной словообразовательной модели книжной речи, обладают разной степенью окказиональности. Некоторые из них приближаются к потенциальным словам и понятны в нулевом контексте: *англобесие*, *франкобесие*, *гневобесие*, *ленобесие* и др.: *Работа у меня, благодаря Бога, идет успешно, по крайней мере не мучусь бездействием и ленобесием* (П.И. Бартенев Письмо П.А. Бессонову. 26 июня 1850 г.).

Значения некоторых других слов (*болгаробесие*, *москвобесие*, *итальянобесие*, *цветобесие*, *червонцебесие* и др.) не могут быть определены без того историко-культурного контекста, в связи с которым они были употреблены. Так, появление слова *червонцебесие* в «Записках» Михаила Николаевича Макарова, писателя и лексикографа, связано с существовавшим в конце XVIII – начале XIX в. обычаем бросать кошельки с деньгами на сцену любимым артистам прямо в середине спектакля¹: *Не знаю ... к какому классу людей принадлежал Ожогин до своего актерства; но, знаю и видел, что в первых годах государственного*

¹ Вот как описывает это С.Т. Аксаков в своих «Воспоминаниях»: «Я видел, как сумасшедшая Нина (в известной опере «Нина, или сумасшествие от любви») приходила в себя, поднимала кошелек, клала его в карман, раскланивалась с зрителями и - делалась опять сумасшедшею Ниною. Такие знаки одобрения состояли не менее как из ста рублей, а в экстренных случаях доходили и до двухсот рублей, разумеется, ассигнациями».

Александрова, он еще твердою ногою стоял на Московской Петровской сцене и был он, безо изменений, все еще утешитель детский: наша уморушка смеховая, и мы не раз его осыпали не цветами, а червонцами. Тогда еще было червонцебесие! (Макаров М.Н. Старинный московский комик Ожогин. 1846 г.).

Скорее всего, это явление было названо автором червонцебесием по аналогии с цветобесием – модой осыпать дорогими цветами любимых артистов, введенной под влиянием итальянцев в 1840-х годах. Слово цветобесие было создано графом В.А. Соллогубом: свой популярный водевиль он назвал «Букеты, или Петербургское цветобесие»¹: *Куплеты Тряпки: Весь Петербург старается, Хлопочет о цветах, И столько их бросается, Что зелено в глазах. Сперва певцов Италии Все стали осыпать, А там пошло и далее, Во всех пошли швырять, Оценки всем назначили, И даже а proros Бросать букеты начали Всем статуям Раппо. Таланты все подвинули, Я видел сам, ей-ей, Букет в Ризлея кинули, Чтоб не бросал детей. Один, - пылая рвением, Ценящий красоту, — Воткнул букет с почтением В нос мертвому киту. Во всем видна прогрессия, И нынче на Руси Такое цветобесие, Что боже упаси! (В.А. Соллогуб. Букеты, или Петербургское цветобесие).*

В ряде случаев окказиональное слово с компонентом –бесие в сжатом виде обозначает определенную ситуацию, событие и требует расшифровки. Так, появление окказионализма *чтеньдебесие*, употребленного А.С. Пушкиным в письме к Л.С. Пушкину, восходит к истории отношений Пушкина с братом, которому он поручил издание своих стихов. Лев Сергеевич, однако, мало занимался его делами, но, обладая прекрасной памятью, повсюду читал новые стихи поэта, «вписывал их в альбомы дам и упивался славой, отраженно падавшей на него» [Вересаев 1970: 25]

¹ «Записки» Макарова относятся к более раннему периоду истории русского театра, но опубликованы были в журнале «Репертуар и Пантеон» в 1846 году, т.е. на год позже пьесы Соллогуба.

Именно такое поведение брата Пушкин назвал *чтеньебесием*, ведь оно, при его стесненных обстоятельствах, приносило ему «существенный материальный ущерб» [там же]: *Об Вяз.<емском> получил известие. Перешли ему, душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтеньебесия (А.С. Пушкин. Письмо Л.С. Пушкину. 27 марта 1825 г.)*

Слова с компонентом *–бесие* обычно передают отрицательную оценку обозначаемого явления в соответствии со значением греческого слова *μανία* и французского *manie* – «безумие, страсть, влечение» [Дягилева 2010: 44]. Журналист газеты «Санкт-Петербургские ведомости» переосмысливает это значение в положительном аспекте: балерина, «проникаясь плясобесием», «приходит в восторг, в исступление», а потом и самого «хладнокровного человека» «сводит с ума»: *Повинуясь волшебной ветке розмарина, она <Эльслер> выступает сначала робко и неохотно, но потом, одушевляясь мало-помалу, вся проникается плясобесием, приходит в восторг, в исступление, ее крылышки радостно трепещут... мудрено ли тут свести с ума не только какого-то влюбчивого простака, но и самого хладнокровного человека (Санкт-Петербургские ведомости. 1848. № 224).*

В XIX в. не только появляются новые окказиональные слова с формантом *–бесие*, но и происходит переосмысление слов церковно-славянского происхождения. Например, слово *гортанобесие*, традиционно обозначавшее грех обжорства, услаждения вкуса, употребляется в публицистике XIX в. в двух значениях: ‘пристрастие к чужим языкам’ (у Надеждина), ‘пустословие, болтовня’ (у Лескова). У Н.С. Лескова слово встречается в трех обличительных статьях 1860–1861 гг., одна из которых не была пропущена цензурой: *Взятка, как всякое зло, боящееся света, скрывается во тьме и творится вдали от всего того, что может быть юридическим доказательством, и потому всякое дальнейшее словопрение с г. Ф.Б. становится несносным и бесплодным гор-*

танобесием. Такие вещи, как систематические взятки, вошедшие в обычай и тщательно скрываемые от власти, не доказываются и не опровергаются юридически, они доказываются общественным мнением и разумным вникновением в дело; иначе вся обличительная литература обратилась бы в прокурорское бюро ассизного суда. (Н.С. Лесков. Полицейские врачи в России. 1860 г.) Богатые сокровища нашего языка, теряющегося своими корнями в неистощимом руднике языка славянского — благодаря гортанобесию, слывущему у нас вкусом гостиных — предаются спокойно в добычу рже и тлению (Н.И. Надеждин. Цит. по Виноградову: 325).

Особняком среди сложных слов на *-бесие* стоят лексемы, употребленные в художественном тексте: для их понимания требуется расширенный контекст, они служат одним из средств создания образности текста: *плескобесие* (Лейкин), *требесие* (Загоскин), *чертобесие* (Чехов). Первые два слова отличаются от других и по своей словообразовательной модели, т.к. первая их часть относится к глагольной основе – ср. *плескаться*, *трястись*: *Дворянское отделение воронинских бань. .. Входит пожилой купец, снимает с себя шубу и медленно начинает раздеваться. — Мирону Вавилычу почтение! — раздается из алькова. — Что, брат, и ты после праздничного плескобесия обмыться пришел? Маску на Святках надевал, что ли? — Нет, до маски-то наше грехопадение не доходило, а только ведь и мы люди, — со вздохом отвечал купец. Ты возьми то: чревообъедение, виноблудие, так нужно же сбросить с себя ветхого человека (Н.А. Лейкин. Из эпохи последней турецкой войны); "Еще ж скажу тебе, друг сердечный, что у нас завелись в Москве бесовские сходбища, они прозываются ассамблеями. Чаще всего бывают эти ассамблеи в Немецкой слободе у голландского купца Гутфеля. Вот съедутся к нему и наша братья, дворяне с женами и дочерьми, и всякая немецкая сволочь. И тут уж, любезный, не жди себе никакого почета: что знатная барыня, что немецкая купчиха — все еди-*

но: сядут они все рядышком; а этот чертов сын, Гутфель, как боярин какой, учнет похаживать да подчевать сластями наших барышень и своих немок; а там, как сберется их побольше, затрубят в трубы, заиграют на фиолях, молодые ребята-офицерики и немцы всякие подлетят к барышням, разберут их по рукам и пойдут пляски! Начнется всякое тресение, шум, гам, веселье, ну, ни дать ни взять, Содом и Гоморра в лицах (М.Н. Загоскин. Русские в начале осмнадцатого столетия).

Анализ сложных слов с формантом –*бесие* показал, что эта словообразовательная модель остается активной на протяжении всего XIX века. Основной состав слов – это окказиональные образования: как лексические, так и семантические, формирующие свое значение в широком контексте, в том числе и историко-культурном. Рассмотренные окказионализмы характеризуются яркой экспрессивностью, являются чертой идиостиля ряда писателей: *гортанобесие*, *мракобесие* (Лесков), *адресобесие*, *англобесие*, *гневобесие*, *москвобесие*, *музыкобесие*, *патриотобесие*, *славянобесие*, *столобесие*, *церквобесие* (Герцен), *мракобесие* (Белинский), *цветобесие* (Соллогуб). Некоторые из перечисленных окказионализмов можно соотнести с интернационализмами с компонентом –*мания* (*manie*), широко употреблявшимися в XIX веке: *англomania*, *славяномания*, *франкомания*, *итальяномания*, *стихомания* и некоторыми другими.

Литература

1. Виноградов В.В. Мракобесие, мракобес // В.В. Виноградов. История слов. М., 1999.
2. Вересаев В.В. Пушкин в жизни. Т. 1. М., 1970.
3. Дягилева И.Б. Сколько шагов от любви до ненависти? (К истории образования сложных слов в русском языке XIX века) // Мир русского слова. 2010. № 1. С. 41–49.
4. Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб., 2002.

Загуменнов Александр Владимирович
Вологодский государственный университет
zaw1991@mail.ru

Герменевтика умысла русским человеком в XVII веке: лингвоперсонологический аспект

I. Предлагаемая работа приурочена к трем датам, непосредственно связанным с жизнью и творчеством Б.М. Энгельгардта. Нами подразумевается, во-первых, сто тридцатилетие со дня рождения ученого (1887), во-вторых, век назад (1917) упомянутый исследователь начал преподавать курс методологии литературы в «Вологодском педагогическом институте» [Энгельгардт 2005]. К большому сожалению, третья дата связана с его кончиной: 25 января 1942 года он ушёл из жизни в блокадном Ленинграде. Описательно-психологический (феноменологический) вектор его работ по теории словесности перекликается с современным интересом когнитивно-дискурсивной парадигмы и филологической герменевтики к содержанию личности как носителю языка.

II. Согласно позиции Г.И. Богина, *«Герменевтика – это деятельность человека или коллектива при понимании или интерпретации текста или того, что может трактоваться как текст. Герменевтика – именно деятельность, а не наука, но по герменевтике возможны и даже необходимы научные разработки»* [Богин 2017]. В этой связи привлекают внимание получившие отображение в документах XVII века характеристики умысла. Последний, согласно «Материалам для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, истолковывается как *«мысли, размышленіе»* [Срезневский 1912: 1218], а в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля уже как *«замысль, помысль, обдуманное напередъ дѣло, намеренное, преднамѣренье, нарок»* [Даль 1903: 1023]. К настоящему времени это понятие стало неотъемлемой частью теории уголовного права. «Юридический энциклопедический словарь» фиксирует *«заранее обду-*

манный», «внезапно возникший», «неопределенный», «альтернативный» [ЮЭС 1984: 385] типы умысла. В представленных дефинициях выявляется общая специфика рассматриваемого понятия. Характеристики умысла выступают как обозначение некоторых «*значимых содержаний сознания*» [Энгельгардт 2005: 42]. Возникновение градаций или типологий можно рассматривать не только как часть развития научного подхода к деятельности кого-либо в рамках установленного законодательства, но и как последовательные изменения в коллективной интерпретации человеческого поступка.

III. Для «бунташного» семнадцатого столетия «умысел» контекстуально связан с действием или деятельностью. Обращает внимание актуализация документов, где это слово присутствует. В частности, крестоцеловальная запись Михаилу Федоровичу 1627 («*въ какихъ людѣхъ скопъ и заговоръ, или иной какой злой умысль*») [АМГ, 1, 1890: 307]), Алексею Михайловичу 1632 года для донских казаков («*и на государя, царевича, князя Алексея Михайловича скопъ и заговору или иной какой злой умыселъ*») [АМГ, 1, 1890: 434]) и 1652 года, в том числе и для Белозерцев («*и на ихъ государскія дети въ какихъ людехъ скопъ и заговоръ, или иной какой злой умысль*») [АМГ, 2, 1894: 307]). Как видно из представленных фрагментов, это понятие отображает не только содержание сознания. Умысел всегда имеет своего носителя, что подчеркивается в различных документах такими характеристиками, как: «*своимъ умысломъ*» [АИ, 3, 1841: 95] – дьяк Федор Лихачев, 1620-ые; «*люди, умысла съ губнымъ старостою съ Семеномъ Кишкинымъ, да съ посадицимъ человекомъ съ Куземкомъ Свиньинымъ*» [РИБ 1875: 732] – из документов М.Ф. Романова; «*по ихъ Матвѣеву и Еуѡимову умыслу*» [ДАИ, 3, 1848: 138] – Алексей Михайлович Романов, 1648 и т.д. Опора на синтаксическую связь между словами в представленных рядах позволяет выстраивать коллективную систему, в основе которой – интерпретация одним автором «текста поведения» (Б.А. Успенский,

А.М. Пятигорский) у другого человека, наблюдаемого или оцениваемого «со стороны».

IV. Методом сплошной выборки по критерию последовательности в предложении из документов семнадцатого столетия была вычленена следующая типология умысла.

1. **Воровской:** «воровскимъ умысломъ» [АИ, 2, 1841: 373] – Московская боярская дума; «по своему воровскому умыслу» [ДАИ, 1, 1846: 297] – отписка Каргопольцевъ Бѣлозерцамъ, 1612; «*Федки Шакловитова воровской умyselъ*» [РД 1884: 139] – стрелец Егор Романов; «*и никакихъ его Алешкиныхъ воровскихъ умyselовъ не знаетъ*» [РД 1884: 192] – стрелец Архип Алексеев; «*И за тотъ воровской умyselъ у того вора Федки взялъ ты съ товарищи денегъ по 5 рублевъ*» [РД 1884: 277] – сказка Ивашкѣ Муромцову, Мишкѣ Чечоткѣ, Мишкѣ Овдокимову, Егоркѣ Романову, Васкѣ Тулѣ, Демкѣ Лаврентьеву, Андрюшкѣ Сергееву, какова сказана у наказанья.

1.1. **Воровской злой:** «*умышляль своимъ воровскимъ злымъ умyselомъ съ нимъ Федкою*» [РД 1884: 275] – сказка Оброскѣ Петрову, Куземкѣ Чермнову, какова сказана у смертной казни;

1.1.1. **Воровской злохитренный:** «*И ты, воръ, не отлагая прежнего своего воровского злохитренного умyselу*» [РД 1884: 273] – из предсмертной сказки Федору Шакловитому.

Выделение подтипа 1.1.1 («воровской злохитренный умysel») обусловлено усилением пейоративной оценки за счет включения сложного слова. Последующая градация строится на алфавитном порядке.

2. **Злокозненный:** «*и злокозненного его умyselа не страшился*» [ДАИ, 1, 1846: 261] – Соборное послание Российских владык, 1606.

3. **Никакой:** «*никакими умyselы не промышляти*» [АИ, 2, 1841: 388] – статьи жителей Смоленска, 1611.

3.1. **Никакой тайный:** «и никакихъ ему тайныхъ умысловъ» [РД 1884: 82] – Стрелец Алексей Михайлов.

4. **Сатанинский:** «видя такой сатанинской умьслъ» [ДАИ, 1, 1846: 261] – Соборное послание Российских владык, 1606.

Предложенная типология является открытой системой, способной к последующему уточнению и наращению. Тем не менее, её можно использовать как некоторый эталон, отклонения от которого позволяют выявлять индивидуально-авторское или персональное видение характеристик умысла.

V. По предложенному выше критерию может быть восстановлена языковая личность, т.е. личность, «...реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2010: 38], царя Михаила Федоровича Романова. Его документы были извлечены из дореволюционных изданий, таких как «Русская историческая библиотека», «Акты исторические», «Акты, относящиеся до юридического быта». Из этого корпуса текстов была выведена следующая типология (в ряде случаев мы опускаем пояснения об источнике или названии документа для сокращения объема).

1. **Всякий:** «Жигимонтовъ сынъ Владиславъ...стоялъ онъ подъ Москвою со многими Полскими и съ Литовскими и съ Немецкими людми и съ Черкасы, и Московского государства всякими умыслы и прелестію прелцалъ, и жестокими приступы доступалъ» [РИБ 1875: 378] – грамота царя Михаила Федоровича, 1620; «Владиславъ, и въ прошломъ же во 127 году стоялъ онъ подъ Москвою со многими Полскими и съ Литовскими, и съ Нъмецкими людми и съ Черкасы и Московского государства всякими умыслы и прелестію прелцалъ и жестокими приступы доступалъ» [АЮБ, 1, 1857: 85 стлб.] – из документа 1625 года.

1.1. **Всякий злой:** «и по кабакамъ и по улицамъ ходячи похваляюща на него Ивана всякими злыми умыслы и убивствомъ» [РИБ 1875: 742]; «Свейской Адолфъ Король умышляютъ

надъ нашимъ Московскимъ государствомъ всякими злыми умыслами [АИ, 3, 1841: 4];

2. **Злой всякий:** *«ото окрестныхъ государей и ихъ государствъ, Полскаго и Свейскаго Королей, войнами и злыми всякими умыслами и лукавствомъ, называючи воровъ Государскими детми»* [АИ, 3, 1841: 451].

Мы сочли необходимым развести группы «всякий злой» и «злой всякий» по формальному критерию последовательности в предложении. При объединении этих сочетаний на почве семантической тождественности утрачивается логика последующей градации, включающей сложные слова.

2.1. **Злокозненный:** *«какъ при Борисъ Годуновъ, при его самохотной державъ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша великая государыня старица инока Марѳа Ивановна была послана въ тотъ Егорьевской погостъ въ заточенье»* [РИБ 1875: 357] – грамота Михаила Федоровича, 1618; *«какъ при Борисъ Годуновъ, при его самохотной державъ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша, Великая Государыня старица инока Марѳа Ивановна, была сослана въ Новгородской уѣздъ въ Обонежскую пятину въ тотъ Егорьевской погостъ въ заточенье»* [АИ, 3, 1841: 245].

2.2. **Злохитрый:** *«надъ Архангелскимъ городомъ и надъ Соловецкимъ монастыремъ своимъ злохитрымъ умысломъ, промышляти»* [АИ, 3, 1841: 5] – из документа 1613 года.

Таким образом, нами получены «коллективная» и «персональная» типологии умысла. Первая включала в основных группах примеров «воровской», «злокозненный», «никакой», «сатанинский». Вторая типология, извлеченная из документов М.Ф. Романова, содержит «всякий» и «злой». Отношения между полученными системами характеристик могут быть рассмотрены в рамках оппозиции «Целое/Часть».

VI. В приведенных фрагментах обнаруживается интерпретация типа умысла через его связь с происходившими событиями.

В частности, «*при Борисъ Годуновъ, при его самохотной державъ, злокозненнымъ его умысломъ, мать наша <...> Марфа Ивановна была послана въ тотъ Егорьевской погостъ въ заточенье*» [РИБ 1875: 357]. Опираясь на современные разработки в области когнитивной лингвистики (З.Д. Попова, И.А. Стернин; 2007; Т.Г. Скребцова, 2011 и другие), лингвокультурологии (Е.А. Режабек, А.А. Филатова, 2010 и иные), семиотики (Ю.М. Лотман, 2001), мы можем раскрыть полевую структуру, доступную для интерпретации русским читателем XVII века.

Оппозиции по времени (Прежде/Теперь) и по принадлежности (Чужой/Свой) характеризуют общую оценку и вместе с тем взаимоотношения между правящими элитами. При этом последнее противопоставление основывается на указании пострадавшего родственника – «*мать наша, Великая Государыня старица инока*». В настоящем случае местоимения «его» и «наш» выступают как маркеры оппозиции «Свой/Чужой».

VII. В качестве предварительного итога и обобщения можно утверждать следующее. Полученные сведения и типологии даны как часть более глобальной системы деятельностей, где читательский опыт, акты сознания человека (в частности, понимание в определенный период) играют не последнюю роль не только в выборе пути этнического развития, но и в оформлении тех кризисов, которые будут сотрясать Московское государство на протяжении всего семнадцатого столетия. И в этой связи реконструкция исторической языковой личности есть в первую очередь

герменевтика доминант духовного содержания каждой из сторон конфликта, будь то народное восстание, ополчение или церковный раскол.

Литература

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссиею. Т. 2. 1598–1613. СПб.: В типографии II Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссиею. Т. 3. 1613–1645. СПб.: В типографии II Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1841.
3. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. СПб.: В типографии императорской академии наук, 1857. 776 стлб.
4. Акты московского государства, изданные императорскою академиею наук. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол 1571–1634 / под ред. Н.А. Попова. СПб.: Типография императорской академии наук, 1890.
5. Акты московского государства, изданные императорскою академиею наук. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол 1635–1659 / под ред. Н.А. Попова. СПб.: Типография императорской академии наук, 1894.
6. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. [Электронный ресурс]. URL: <http://scibook.net/filologicheskaya-germenevtika/filologicheskaya-germenevtika-kak-26111.html> (дата обращения: 28.10.2017).
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С – V. СПб., М: Издание т-ва М.О. Вольф, 1909. 1619 стлб.
8. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссиею. Т. 1. СПб.: В типографии II Отделения собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846.

9. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1848.

10. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

11. Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб.: Типография Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, № 89, 1884. 1280 стлб.

12. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссией. Т. 2. СПб., 1875. 1228 стлб.

13. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. Р–Я. СПб.: Типография императорской академии наук, 1912. 1684 стлб.

14. *Энгельгардт Б.М.* Феноменология и теория словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

15. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев, ред. кол.: М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. М.: Сов. Энциклопедия, 1984.

Зубова Нина Николаевна

Вологодский государственный университет
nina.karacheva1991@mail.ru

**Языковая личность повествователя в прозе А.Я. Яшина
(на материале повести «Вологодская свадьба»)**

Осмысление феномена языковой личности происходило в трудах российских и зарубежных учёных на протяжении всего XX века. Как одна из наиболее целостных и методологически осмысленных известна модель языковой личности Ю.Н. Караулова, представленная в его монографии «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987]. В её анализе сосредоточены три уровня и три аспекта рассмотрения: 1) вербально-семантический; 2) лингвокогнитивный; 3) прагматический.

Понятие языковой личности в лингвоперсонологии применимо не только для характеристики реальной языковой личности, но и для описания реконструируемых образов – языковых личностей, находящих своё проявление в художественном тексте, в первую очередь, повествователя и персонажей художественных произведений. Художественная картина мира составляет существенную грань концептуального образа действительности. При изучении художественного текста представляется вполне правомерным использование термина «языковая личность», так как автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками.

Проблеме языковой личности писателя посвящены работы Н.Н. Меньковой «Языковая личность писателя как источник речевых характеристик персонажей», И.В. Ружицкого «Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление», Я.А. Фрикке «Языковая личность автора художественного текста и идиостиль: основания лингвопрагматического осмысления фразовой номинации», Е.И. Куган и А.П. Седых «Языковая

личность писателя как лингвокультурный аттрактор: Б.Л. Пастернак и Марсель Пруст», М.А. Хлупиной «Особенности языковой личности С.Д. Довлатова» и др. исследователей.

Специфика персонажа заключается, прежде всего, в том, что «знакомство» с ним имеет чисто лингвистическую природу, ибо персонаж как личность «рождается из хаотического словесного материала» [Мочульский 1995: 512]. Подход к персонажу как к специфической языковой личности может привести к построению одного из возможных вариантов художественной модели человека. Текст или «речевая продукция» представляет собой один из возможных способов фиксации, объективации сознания субъекта, или индивидуальной картины мира. В качестве субъекта анализа, имеющего целью построение модели языковой личности, при таком подходе может рассматриваться и реальная личность, говорящий или пишущий [Ушакова 2008: 76], и персонаж как субъект коммуникации в «изображаемом» мире текста.

Одним из продуктивных способов анализа языковой личности персонажа является рассмотрение эмоциональной составляющей его личности. Наиболее ярко языковая личность персонажа проявляется на когнитивном и прагматическом уровнях языка. Рассмотрение эмоциональных состояний, основной функцией которых является возможность выявления ценностных ориентиров личности, позволяет обратиться к прагматикону личности. Языковая личность проявляется в системе эмоциональных концептов, передающих базовые психоэмоциональные состояния человека (персонажа).

Необходимо различать реальную «языковую личность вообще», построенную «образом автора», то есть воображением, «динамическим развертыванием словесных рядов» (по В.В. Виноградову), и «языковую личность писателя», способную «выходить за пределы себя», перевоплощаться в «языковые личности» своих персонажей. В структуре языковой личности автора органично аккумулируются языковые личности его персонажей, зача-

стью принадлежащих к различным слоям общества и располагающих соответственно различными выразительными средствами: «В обществе, в котором существуют разные классы, различные социальные слои, профессии, многообразные, нередко сравнительно слабо связанные между собой сферы жизни, люди, говорящие на одном и том же языке, имеют неодинаковые языковые навыки. И самая их речь внутренне многомерна: в ней скрещиваются, борются, сосуществуют различные исторические тенденции развития и разные пласты книжной и разговорной речи, столкновение которых эстетически «освежает» и особенности каждого из этих пластов, и психологический облик говорящего» [Гей 1967: 28]. Таким образом, совокупность языковых личностей героев произведений, созданных писателем, подведет нас вплотную к пониманию образа автора как решающей категории анализа литературного произведения.

А.Я. Яшин родился в 1913 году в деревне Блудново Никольского района Вологодской области. В детстве мальчик очень любил слушать рассказы Авдотьи Павловны – бабушки, которая была известной сказочницей, знала много легенд, притчей, сказок – все это впоследствии стало фольклорной основой произведений Яшина.

Александр Яшин довольно поздно осознал, что его талант – это, прежде всего, талант прозаика. Все, что было свойственно поэзии А. Яшина – лиричность, драматизм, юмор, эпическое начало, народность и стройность языка, естественность диалогов, – стало характерным для его прозы. «Крестьянский сын Александр Яшин сам сформировал себя как личность, собственным трудом и волей», – писал о нем В. Солоухин [Солоухин 1980]. Он не только сформировал себя, но примером собственной жизни показал, насколько сложна и крепка связь искусства и времени. Жизнь страны и стремление правдиво отразить ее, вмешаться, помочь составляют основное содержание жизненной и эстетической программы А. Яшина.

По мнению В.Н. Баракова, в прозе Александр Яшин стал настоящим мастером. «Его добрый, светлый и лиричный стиль был свободным и легким по своему ритму. Яшин писал без натуги, с удивительным изяществом. Все у него оказывалось на своем месте – пейзаж, воспоминание, портрет, диалог... И как же много было в его сердце любви! От яшинской солнечной прозы ликовала душа, было радостно, тепло, хорошо и уютно, как на «большой и ласковой» русской печке. Но Яшин, как никто другой, умел и беречь беспокойную совесть, заставлял читателя останавливаться, подолгу думать о себе, о нас, о стране нашей горемычной...» [Бараков 2007]. Одной из ярких особенностей прозы А. Яшина становится ее «лирический автобиографизм» [Рулева 1980: 124].

Особенностью прозы А. Яшина является сближение реального автора и виртуального повествователя в материале описания. Создавая повести, А. Яшин опирался, прежде всего, на факты, собранные им в своей родной деревне Блудново Никольского района Вологодской области, рисовал знакомые с детства места, обращался к судьбам и характерам своих земляков. Например, прототипом невесты Гали в «Вологодской свадьбе» стала двоюродная сестра А. Яшина Нина. А.Я. Яшин написал «Вологодскую свадьбу» 11 сентября 1962 года. Повесть «Вологодская свадьба» А. Яшина занимает особое место не только в творчестве писателя, но и в русской литературе 1960-х годов. Повесть «Вологодская свадьба», опубликованная в 1962 году, вызвала волну полемической критики. «Вологодская свадьба» была осуждена в «Известиях», «Комсомольской правде», в журнале «Москва» и др.: «...безотраднa картина жизни деревни, которую рисует А. Яшин»; изображение жизни здесь «обернулось полной неправдой» [Огрызко 2009].

«Комсомольская правда» 31 января 1963 года опубликовала фальсифицированный ответ земляков писателя с характерным названием «Свадьба с дёгтем». «Оказывается, – подчёркивалось в

«Комсомолке», – земляки литератора А. Яшина – люди нищие и жадные. Что за люди живут на родине Яшина? Воры, плуты, хулиганы, пьяницы – и ни одного честного человека... как могла подняться у Вас рука, чтобы всех собравшихся на свадьбу вывести такими?.. Вы черните даже то, что принёс в деревню колхозный строй... Свадьбу играют, как в старине... В райкомовской машине Вы везёте сваху с иконой... Вы не скрываете восторженного отношения к старинным обрядам... Своей «Вологодской свадьбой» Вы нас кровно обидели. Через тёмные очки смотрите Вы на нашу сегодняшнюю жизнь» [Огрызко 2009].

Между тем многие вологжане позитивно откликнулись на это произведение, поэт А. Романов писал автору в начале 1963 г.: «Ваша «Свадьба» удивительно резко выявила многие характеры...» [Яшин. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. С. 655]. Тогда же автору писал Г. Тропольский: «Такое может написать только тот, кто очень любит человека... Чую я твою большую любовь к своему народу. И слышу правду. Все у тебя здесь – правда» [Яшин. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. С. 655]. Новизна этого произведения заключается в том, что в нем писатель ломает привычные представления современников о деревне той поры, и о пределах реализма и условности при создании характера героя.

В это же время были написаны такие произведения, как «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, «Трудное счастье» С.В. Викулова, «Вокруг да около» Ф.А. Абрамова и «Поденка – век короткий» В.Ф. Тендрякова.

Повествователь и лирический герой произведений Александра Яшина обладают чертами языковой личности в когнитивном, вербально-семантическом и прагматическом аспекте. На когнитивном уровне реализуется идейно-тематический замысел прозаических произведений писателя – репрезентация русского национального характера, раскрытие социальных проблем. Особенностью сюжетной организации произведений является противопоставление городской и сельской жизни («Слуга народа»,

1957; «Сирота», 1961), вербализация предметно-бытовых отношений. В качестве объекта в прозе А. Яшина выступают самобытные черты русского характера, нравственные устои деревенского жителя, картина мира колхозника.

Наибольшую ценность для реконструкции ЯЛ автора представляют дневники писателя: «Дневники 1941-1945 года», «Бюро райкома. Из дневника писателя (1958)», «Были и небылицы. Из дневника писателя (1944-1967)», «Бобришный Угор. Из дневников последних лет». Из дневников мы узнаем отношение автора к войне, любовные терзания А. Яшина, описание его отношений с В. Тушновой, особенности создания прозаических произведений и пр. Характеристика дневников писателя дает нам право реконструировать лингвокогнитивный уровень языковой личности писателя, аудиозаписи речи Александра Яшина могут служить для краткой реконструкции и выделения особенностей вербально-семантического уровня языковой личности, биографические сведения могут служить основанием для исследования прагматического уровня языковой личности писателя. Прозаические произведения, в которых наряду с повествователем можно выделить особенности суждений самого автора представляют наибольший интерес для характеристики языковой личности автора, поскольку манера общения, подбор слов, описание персонажей свидетельствуют о значимости для А. Яшина данных характеристик. Именно прозаические произведения автора дают нам право реконструировать языковую личность писателя на лингвокогнитивном и прагматическом уровнях. В рассказах А. Яшина мы можем выделить все функциональные типы речи: предметно-бытовые (*ухват, журавлиха*), производственно-технические (*стройконтроль, принудиловка*), диалектные (*рукотерник, плат*).

Анализ текстов художественной прозы писателя-вологжанина А.Я. Яшина также позволяет выявить в речи повествователя и персонажей его произведений ряд стилистических особенностей: сочетание разных стилей в речи одного персонажа, упо-

требление обиходно-бытовой речи с народно-поэтическими вставками. Изобилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами способствует формированию креативной диалектной языковой личности персонажа. Язык произведений А. Яшина очень ярок и богат, автор бережно вплетает в ткань произведения диалектную лексику, это создаёт представление о нём как об уроженце Вологодского края.

При характеристике вербально-семантического уровня языковой личности повествователя прозаических произведений А.Я. Яшина следует отметить некоторые особенности. Речевую основу коммуникации повествователя составляет разговорно-бытовой стиль. В качестве примера можно привести следующие реплики из произведения «Вологодская свадьба»: «Что так далеко замуж отдаешь дочку? Где же они встретились? Как будете свадьбу справлять: по-старинному или по-новому? А невеста плакать должна? Она же там работает три года? Каков жених-то? Что ж, для начала, пожалуй, неплохо! Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!» [Яшин 2003: 468–470]. Особенностью данного стиля является неофициальность, непринужденность речи, устная форма общения, диалогичность. В данных примерах употребляется обиходно-разговорный тип лексики. В приведенных выражениях активны суффиксы субъективной оценки (*дочку*), частицы (*же, пожалуй*), типизированные синтаксические конструкции (*Что так далеко замуж отдаешь дочку? Где же они встретились?*). В речи повествователя также встречаются проявления художественного стиля речи. В качестве примера можно привести следующие реплики: «Колокольчик однозвучный утомительно гремит», «Неужели такое сочиняют вологодские поэты, мои друзья?», «Себе оставил только берестяную солоницу, колокольцы да воркуны на кожаном ошейнике. Сижу за столом, пишу да позваниваю иногда, слушаю: хорошо поют!» [Вологодская свадьба]. В данных примерах употребляются олицетворения (*колокольчик гремит, воркуны поют*). А.Я. Яшин бережно вплетает диалект-

ные слова в язык повествователя: *воркун* – бубенец, шарообразный колокольчик [СВГ I: 39], *солоница* – колонка с крышкой, которую обычно брали на сенокос [СВГ X: 76], *колоколец* – колокол [СВГ III: 87].

При характеристике лингвокогнитивного уровня языковой личности повествователя следует отметить, какими концептами оперирует герой, каким образом это выражается в речи и поведении описываемой личности. В семантическом пространстве каждого языка существуют наборы концептов, которые являются национально-специфичными, своеобразными и неповторимыми, поэтому они представляют ценность для реконструкции языковой картины мира. К ним относятся такие универсальные концепты, как *жизнь, судьба, родина, семья, любовь, дом*.

Ментальный объект «дом» занимает особое место в русской языковой картине мира, он относится к числу архетипических образов. *Дом* – жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов. Дом противопоставляется внешнему миру, входя в бинарную оппозицию «свой – чужой». «Отношение к «чужому» может быть настроенно-ожидающим, требующим проверки, размышления, неторопливого выработки правильного решения, и, пока оно не достигнуто, к «чужому» присматриваются, его учитывают, но с ним сознательно не хотят сближаться» [Волков 1994: 317–320]. В русской культуре приоритетными являются такие лингвокогнитивные признаки концепта «дом», как «уют», «очаг», «душевность», «семейность». Идиллия «дома» связана с теплом домашнего очага, любящей семьей, дружественной атмосферой.

В текстах повествователя, от лица которого ведется повествование повести «Вологодская свадьба», концепт «дом» занимает центральное место. Дом в понимании повествователя – городская квартира с удобствами. Обращает на себя внимание выражение «*на города*», что характеризуется «побывкой в гостях», баулами, ватниками и затасканными полушубками бывших земляков. Де-

ревенская изба в понимании повествователя ассоциируется с детскими годами, чистыми полами, половиками, рамками с открытками, тюлевыми занавесками, вафельными полотенцами и другими предметами инвентаря. Самой уютной и душевной свадебной традицией, по мнению повествователя, являются сладкие пироги. «Сладкий пирог – белый, сдобный, круглый, величиной с решето, а то и больше. Сверху на нем всякие завитушки, плетеные узоры из теста и разноцветные монпансье («лампасея») да еще изюм» [Яшин 2003: 483–484]. На этой свадьбе повествователь был разочарован приготовлением сладких пирогов: они были украшены лишь бледными конфетами–подушечками с повидловой начинкой. На страницах повести повествователь сокрушается, что не купил в Москве разноцветных атласных и прочих подушечек в гастрономическом магазине «Ударник». «Сладкие пироги на Севере — такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах, фигурные расписные прясницы и кустарные ткацкие станы, как колокольчики «дар Валдая» под дугой и бубенчики (воркунцы, ширкунцы) на ошейниках у лошадей» [Яшин 2003: 484].

Деревенские обычаи воспринимаются повествователем неоднозначно: некоторые он вспоминает с тоской о детских годах (старинный свадебный обряд, сладкие пироги, подарки, убранство дома, фотографии родственников в рамках), а другие кажутся ему далекими и непонятными (цветастые открытки-картинки на стенах с неграмотными стихами; жених, сваха и тысяцкий, приехавшие на самосвале; обезглавленная курица, брызгая кровью, бегала в центре зала).

Концепт «свадьба» представляет собой самое сложное и интересное явление праздничной и ритуальной жизни человека. Нигде так не проявлялся древний быт и народные верования русского народа, как на свадьбе, и до сих пор сохранились отголоски старого русского свадебного ритуала, несмотря на то, что смысл большинства обрядов безвозвратно утерян. Реализации концепта

«свадьба» посвящена кандидатская диссертация Дун Жань «Концепт "Свадьба" и свадебная коммуникация в русской и китайской лингвокультурах» [Дун Жань 2009].

Повествователь, отправляясь на свадьбу в деревню Сушиново, был настроен скептически: он не верил в то, что сохранились старинные свадебные традиции. Обычно приглашения на свадьбу приходили с опозданием на два-три дня с текстом «Шура, приезжай, Тонька с Венькой безруким уписываются» или «Дуньку Волкову пропивать будем, приезжай, погуляем!» [Яшин 2003: 463]. В этот раз приглашение прислала невеста Галя от третьего лица, написанное от души. Мать невесты Мария Герасимовна рассказывает повествователю о том, как должна проходить свадьба: *«Вот приедут они завтра, жених с дружкой, да сваха, да тысячкой, ну и все жениховы гости, и начнет дружка невесту у девок выкупать. Он им конфетки дает, а они требуют денег, он им вина, а они не уступают за вино, продешевить боятся, невесту осрамить. Ну, конечно, шум, шутки-прибаутки, весело. Ежели хороший дружка, разговористой, так и невесте не до слез, все помирают со смеху. Невеста в голос реветь должна, как же! Еще до приезда жениха соберутся подружки и начнут ее отпевать под гармошку, все-таки на чужую сторону уходит. В сельсовете были, как же. Сразу после сватовства съездили. Все по-хорошему. Только ведь что в сельсовете? Расписались — и дело с концом. Никакой красоты. Жених два раза приезжал. Сначала со свахой, с теткой своей, а потом с сулом, один. Когда суло поспевает, жених берет бутылку сула от своего пива и привозит к невесте. А у невесты наливают ему в ту же бутылку своего сула и договариваются, в какой день ему за невестой приезжать. Наш Петрован даже пиво складывать нам помог»* [Яшин 2003: 469–470]. На самом деле некоторые обряды были воплощены в жизнь: подготовлено приданое (девический кованный сундук), состоялся выкуп, прошла вечеринка с приглашением плакальщицы Натальи Семеновны с исполнением волок-

нистых песен, подготовлено место для жениха и невесты с полусубками, вынесены сладкие пироги, крики «Горько!» и один бокал для жениха и невесты на двоих. Интересными для повествователя показались темы для разговоров на свадьбе: хвастовство своими достижениями и изобретательностью (вставная челюсть, скошенная осока после ледостава), жалобы женщин на своих мужей (беседа Груни и Тони на кухне), обсуждение рабочих вопросов (работа в лесу, на заводе), присутствующих собеседников (Натальи Семеновны). Все эти темы периодически сопровождались криками «Горько!». Таким образом, свадебный обряд, по мнению повествователя, был соблюден лишь формально.

Прагматический уровень языковой личности характеризуется при помощи описания целей, мотивов, интересов, установок информанта. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире» [Караулов, 1987]. При этом имеет значение спектр эмоций и набор речевых средств, используемых для их выражения (эмотивный уровень), а также акустико-артикуляционная партитура речи (репрезентационный уровень), определяющая речевую индивидуальность говорящего.

Яшина-повествователя отличает позиция внимательного наблюдателя: герой подробно описывает все происходящие события, оценивает и не вмешивается. В качестве примера можно привести позицию повествователя в рассказе «Вологодская свадьба»: подробно описывается поведение и реплики каждого действующего лица, мы видим взгляд со стороны, но активных действий и вмешательств со стороны повествователя не происходит.

Некоторые особенности речевого поведения персонажа на прагматическом уровне все же можно отметить. Повествователь проявляет большой интерес к беседе с Марией Герасимовной о воплощении свадебного обряда: задает наводящие вопросы, комментирует ее ответы: *Что так далеко замуж отдаешь дочку?*

Где же они встретились? Говоря о мотивации повествователя, следует отметить его интерес к происходящим событиям, выделение деталей, воспроизведение текстов волокнистых песен. Традиция и воплощение свадебного обряда представляют интерес для Яшина-повествователя. Хочется обратить внимание на внутреннюю мотивацию повествователя при отсутствии проявления внешней (позиция наблюдателя).

Для организации коммуникативного поведения жителей той или иной местности представляет интерес характеристика речевого поведения. Жители Русского Севера, по наблюдениям Л.Ю. Зориной, весьма расположены к умелым рассказчикам, приветливым и доброжелательным собеседникам [Зорина 1995]. Повествователю очень импонирует поведение плакальщицы Натальи Семеновны, ее волокнистые песни, звонкий голос, комментирование непонятных ситуаций.

При анализе специфики прагматической составляющей языковой личности, следует обратить внимание на одну из типичных речевых ситуаций – приветствие. Его содержание – это обращение к кому-либо с приветом, речь с выражением добрых пожеланий, расположения. В речевом поведении повествователя данная составляющая не представлена. События описываются от первого лица, некоторые фразы диалога выпущены из канвы произведения.

На свадебной церемонии повествователь чувствует себя чужим человеком: *«Я, приезжий человек, тоже не был обойден»*. Этим можно объяснить позицию внимательного наблюдателя и неактивного собеседника в полилогах за свадебным столом.

Проанализировав все уровни языковой личности повествователя, следует отметить, что Яшина-повествователя отличает сдержанное поведение уроженца вологодской глубинки, живущего в Москве. Таким образом, можно говорить о диалектной языковой личности повествователя: картина мира, диалектные осо-

бенности речи, лексика вологодского края – свидетельствуют о подтверждении данного тезиса.

Наблюдение за речью персонажей в прозе А. Яшина, интерпретация их речевого воплощения порождает вопрос: как в произведениях талантливого писателя связаны народно-речевая культура и индивидуально-авторская позиция? Следует заметить, что писатели-деревенщики, уроженцы вологодской глубинки, хорошо знали изнутри бытовую и духовную культуру Русского Севера, его обычаи и особенности языка. А.Я. Яшин органично сочетает достоинства художественной прозы XX века с энциклопедическим знанием бытовой и духовной культуры крестьян Русского Севера. Поэтому важным средством создания образов персонажей этих писателей является их речевая характеристика, максимально приближенная по лексическому составу и интонационной структуре к бытовой устной речи сельских жителей Вологодского края. Можно сказать, что на страницах книг А. Яшина мы видим речевые портреты диалектной языковой личности как носителя авторской идеи – стремления к крестьянскому «ладу», к гармонии человека с природой, с людьми и с самим собой.

Литература

1. *Бараков В.Н.* Семь уроков Александра Яшина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/lichnosty/index.php?action=getwork&id=329&pid=177&sub=workabout>
2. *Волков В.В.* Концепция судьбы как встречи, вины, заслуги и воздаяния у М.А. Булгакова / В.В. Волков, Т.И. Суран // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 291-297.
3. *Гей Н.К.* Искусство слова: о художественности литературы: монография. М.: Наука, 1967.
4. *Жань Д.* Концепт "Свадьба" и свадебная коммуникация в русской и китайской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2009.

5. *Зорина Л.Ю.* Вологодский народноречевой этикет как динамическая система // Актуальные проблемы диалектной и исторической лексикологии. Вологда, 1995.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность: монография. М.: Наука, 1987.
7. *Машина О.Ю.* Русский язык и культура речи: учебное пособие. Великий Новгород, 2009.
8. *Мочульский К.В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1995.
9. *Огрызко В.В.* За всё отвечать настала пора: Александр Яшин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litrossia.ru/archive/item/3364-oldarchive>
10. *Рулева А.С.* Александр Яшин: Личность. Поэт. Прозаик: монография. Ленинград: Художественная литература, 1980.
11. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вологда: Русь, 1983–2007.
12. *Солоухин В.А.* Из «Слова об Александре Яшине»: отрывок // Современная русская советская литература. М.: Просвещение, 1980. С. 398–400.
13. *Ушакова О.С.* Теория и практика развития речи дошкольника. М.: Сфера, 2008.
14. *Яшин А.Я.* Слуга народа. Поэзия. Проза / Сост. З.К. Попова-Яшина, Н.А. Попова-Яшина, М.А. Яшин. Вологда: Книжное наследие, 2003.
15. *Яшин А.Я.* Собрание сочинений: в 3-х тт. / предисл. Ф. Кузнецова. М.: Художественная литература, 1984–1986.

Иванова Евгения Николаевна

Уральский государственный педагогический университет
z3411828@yandex.ru

Дискурсивная модель представления лексикона исторической языковой личности

Историческая языковая личность всегда связана с определенной эпохой, погружена в нее, поэтому исторический контекст приобретает особое значение в описании этого типа языковой личности. Например, формирование норм русского литературного языка относится к XVIII столетию. Предшествующая письменная традиция (на основе церковнославянской книжности) и живые процессы в русском языке этого времени во многом обусловили глобальные изменения языковой нормы, и особенно лексической. Лексическая система русского языка в течение всего XVIII в. испытывала значительное влияние как европейских языков, так и церковнославянского. Таким образом, в письменной практике носителей русского языка XVIII в. нашли отражение следующие процессы: синонимичность лексических средств и одновременное устранение их избыточности. Это существенно увеличивало количество вариантов лексем в текстах этого периода. Соответственно в ходе конкретных исследований лексикона исторической языковой личности зачастую бывает необходимо установить объем словарного запаса языковой личности и частотность употребления всех лексем.

В практике современного лексикографического описания языковой личности представлены различные модели реконструкции лексикона, среди которых следует особо отметить контекстуальную, тезаурусную и дискурсивную. Первая предполагает описание лексических единиц с учетом их контекстуального значения (эта модель представлена в словарях диалектной языковой личности (см. например: [Лютикова 2000; Тимофеев 1971; Тимофеев, Тимофеева 2010]) и в значительной части словарей языка

писателей (см.: [Словарь языка Пушкина 1956-1961]). Тезаурусная модель представления лексикона языковой личности писателя реализована, в частности, И.В. Ружицким в описании языковой личности Ф.М. Достоевского (см. например: [Ружицкий 2003; 2015]). Эта модель предполагает отбор лексических единиц для толкования, введение специфических параметров описания, которые формируют тезаурус личности и отражают аспекты ее когниции. Дискурсивная модель реконструкции лексикона личности ориентирована на дискурсивные практики личности, так или иначе проявленные в текстах, принадлежащих ей, и дает возможность включения всех лексем в словарь, формулирование значений слов с учетом письменной и устной форм речи, коммуникативных регистров, а также частотности употребления и сфер бытования тех или иных слов. Последняя модель может быть успешно использована в описании лексикона исторической языковой личности первой половины XVIII в.

Ю.Н. Караулов, предлагая трехуровневую модель русской языковой личности, указывал на то, что языковая личность, находясь «внутри языка» т.е. на нулевом уровне, не может в полной мере проявлять индивидуальные свойства, так как находится под сильнейшим влиянием языковых норм [Караулов 1987]. По нашему мнению, данное утверждение справедливо лишь в отношении современных носителей языка, при описании исторической языковой личности первой половины XVIII в. правомерно говорить о языковых «предпочтениях», поскольку языковые нормы были в стадии оформления (см., например, «Российскую грамматику» М.В. Ломоносова) [Ломоносов 1952]. Лексикон личности, как правило, имеет непосредственное отношение к вербально-семантическому (нулевому) уровню языковой личности.

В данной статье представлены элементы дискурсивного описания лексикона исторической языковой личности уральского заводовладельца Акинфия Никитича Демидова (1678–1745): приемы составления частотного словника и принципы организации

словаря исторической языковой личности с образцами пробных словарных статей.

Сначала рассмотрим последовательность операций при составлении частотного словника.

На **первом** этапе архивные материалы (рукописные тексты первой половины XVIII в. в нашем случае) должны быть прочитаны (расшифрованы) и оцифрованы.

Второй шаг предполагает разбивку текста на отдельные слова. Необходимо использовать функцию замены знака пробела на знак абзаца. Предварительно из набора требуется удалить знаки препинания, имена собственные, канцелярские пометы.

На **третьем** этапе нужно поместить этот материал (разбитый текст) в таблицу Excel и отсортировать все слова, предварительно выделив, в алфавитном порядке (от А до Я). Заготовка для словника имеет вид столбца, в котором слова и их формы расположены определенным образом, удобным для дальнейшей обработки.

Четвертая стадия предполагает создание формулы подсчета одинаковых словоформ (например, *завод* и *заводов*, *заводах* и *заводех*). Для точности лучше складывать абсолютно те же единицы, хотя это можно делать и в ручную.

На заключительном (**пятом**) этапе производится итоговый учет слов и частотности их употреблений в текстах. Все слова ставятся в начальную форму, как это предполагается по правилам составления лексического словника. Итогом данной деятельности является частотный словник, который впоследствии может стать словарем языковой личности (словарем полного типа).

Составив словник, мы устанавливаем, что объем лексикона А.Н. Демидова составляет более 6 300 единиц.

Подсчет частотности употребления каждого слова приводит к анализу так называемых «повышенных» и «пониженных» частот в лексиконе исследуемой языковой личности. Иными словами, можно указать наиболее часто употребляемые слова и менее

используемые А.Н. Демидовым в деловых документах первой половины XVIII в.

Среди редко употребляемых лексем особое внимание привлекают слова с очень низким индексом частотности 1 или 2. Анализируя такой материал, справедливо вести разговор об индивидуальном словоупотреблении, хотя, естественно, не все единичные фиксации могут быть отнесены к индивидуальным.

Прокомментируем некоторые примеры¹:

Индивидуальное словотворчество А.Н. Демидова может основываться на образных переосмыслениях. Именно образ не-рабочей пчелы, по-видимому, повлиял на такую характеристику рабочих: *...а'собери для чис[t]ки ч[e]л[o]в[e]къ зъ 20 лежней и'трутней несмотря на'ево, Сидорова и'Мирона Попова укрьвател[ь]ства, за'день им плату производите срослым по 7, а'недороскам по 5 ко[пеек] ч[e]л[o]в[e]ку... а'я об'оном к'нему Григорью писалъ, токмо тотъ приказъ знать онъ заспаль, и'нас ни'о'чем не'репортовал и'пон[ы]не знатно ему жаль лежней и'трутней поднять на'работу (21.05.1741)*. Автор метафорически именует работников лежнями и трутнями, сравнивая их с пчелами, и при этом указывает на недостаточное усердие приказчика в своем деле.

Беглых со своих заводов людей, которых несложно нанять весной на струга, Демидов образно называет *легкогулерами*. Исторический контекст таков: беглые нанимались на другую работу, и если их возвращать, то в этой работе (на стругах в данном случае) возникнет простой. Поскольку отношения между заводчиками, беглыми и другими работодателями не были до конца регламентированы, часто возникали столкновения интересов: *Которой посланной в'бытность на'той пристани усмотрель беглого з'заводовъ моих Фокинской моей вотчины села Осташихи крестьянина Степана Гаврилова с[ы]на Куликова и'просиль*

¹ В примерах сохранены графические, орфографические и пунктуационные особенности источника, за исключением использования буквы «ять».

определенного ко'отправлению стругов командора Петра Зеленого, чтоб того беглого крестьянина ему Томскому повелено было отдать, и'на'то'де оной Зеленой ему сказалъ: ежели'де сие зделать, то'де от'нас и'все лехкогулеры уйдутъ, и'в'караване будетъ остановка. И'оным'де лехкогулеромъ дана великая поволка и'для того оной посланной боле таких беглых крестьянъ и отыскиват не'сталь. (апр. 1740). По всей видимости, эту номинацию можно отнести к разряду собственного словотворчества: те, кто легко гуляет, переходит с места на место. Этот смысл закрепляется в слове *лежкогулер* с прозрачной внутренней формой.

Есть и такие слова, значение которых устанавливается только по контексту: *николицина* с вариантом *миколицина* (не только праздник Николая Угодника, но и «пьянство, загул; похмелье»), ср.: *Из тебя никольцина не вышла, и проба от тебя показана высокогорской медной руды со алебастром самая пьяная* (14.12.1741). В Словаре русского языка XVIII в. зафиксировано только значение «Николин день» [Словарь русского языка XVIII века, вып. 15: 148]. У Даля фиксируется глагол *николить* «праздновать никольцину; пить, гулять, пьянствовать» [Даль, II, 546: без указ. места]. Слово же *никольцина* в указанном значении – словотворчество самого А.Н. Демидова.

Интересно выражение *хрустальная работа*, зафиксированное у А.Н. Демидова с не вполне ясным значением: *Письмо из'оной канторы и'при'томъ ведомости о'выходе из'домни чюгуна и'о'деле железа сего ноября 16 дня получилъ, токмо имеется у'ваших мастеровъ хрустальная работа явилас при'Шуралинскомъ заводе, и'для обличения васъ и'вашихъ мастеровъ с'шуралинскаго репорту при'семъ приказалъ копию сообщить...* (17.11.1740); *ведомость от'тебя о'деле железа сего ноября 16 дня получил, токмо имеется у'в[а]ших мастеровъ хрустальная работа ничему не'годная уже превосходнее в[а]ших мастеров работа явилас при'Шуралинском заводе и'для обличения вас и'в[а]ших мастеров с'шуралинскаго репорту при'сем приказал*

копию сообщить, какое на'то оправдание можете к'нам представить, зачемъ за'онными мастерами смотрение не'имейте о'том от'меня пространнее писано в'Нижнотагилскую к'вам кантору (17.11.1740).

Выражение *хрустальная работа* относится к оценочной лексике с негативной коннотацией, это выражение не зафиксировано в словарях, поэтому может быть отнесено к разряду индивидуальных. Его смысл выявляется по контексту, а также с привлечением общих знаний о металлургическом производстве: некачественная работа, в результате которой металл становится хрупким.

Максимально употребительными в текстах А.Н. Демидова являются служебные части речи, местоимения, наречия, а также лексика металлургического производства и сопредельных сфер деятельности (например, заготовление дров для выжига древесного угля было очень важным для всей заводской деятельности, поэтому слово *дрова* фиксируется в документах 146 раз) и слова, употребляющиеся в этикетных или устойчивых конструкциях деловых документах.

Например, лексика челобитных (более стандартизированная) представлена словами: *день* (1111), *год* (784), *число* (402) используются в оформлении дат; *величество* (499), *императорский* (480), *обер-бергамт* (291); *сила* (236) в устойчивом словосочетании *...по силе* название документа (берг-привилегии, берг-регламента, резолюции) и под.

Среди лексики, непосредственно связанной с производством, укажем: *завод* (2094), *заводской* (513), *прислать* (447), *мастер* (360), *приказчик* (357), *работа* (347), *иметь* (344), *ныне* (335), *крестьянин* (331), *так* (322), *конторский* (314), *иметься* (313), *железо* (306), *учинить* (291), *получить* (279), *руда* (276), *люди* (272), *место* (272), *медь* (271), *главный* (246), *пуд* (229), *лес* (219) и под.

Глагол как семантический центр русского предложения занимает особое место и в текстах А.Н. Демидова. При подсчете

глагольные словоформы составляют 1859 слов (это чуть меньше трети всех слов).

Единичные фиксации составляют 1/3 от общего количества. С одной стороны, это может быть следствием ограниченности материала (какие-либо слова встретились один раз в комплексе писем), а с другой – среди этих фиксаций, безусловно, обнаруживаются индивидуальные словоупотребления или результат авторского переосмысления семантики некоторых слов. Вот только некоторые из них: *легкогулер* («быстро перемещающийся работник»), *лежни* и *трутни*, *шатун*, *неблагодарник* («неблагодарный человек»), *нестрашliveц* («бесстрашный»), *никольщина* («пьянство, загул, похмелье»), *хрустальный* (о работе) и др.

Частотность, безусловно, важный показатель того, что актуально для языковой личности в тот или иной период жизни, чем она живет. Данная методика может быть использована в отношении к любому тексту и любому объему текстов. Один из возможных путей ее успешного использования видится в составлении частотных словников или словарей, например, по различным литературно-художественным произведениям различных авторов (например, писателей). Другое ее применение связано с организацией самостоятельной исследовательской работы школьников (написание рефератов, участие в семинарах и иных проектах). Третий представляется продуктивным в области психодиагностики для выявления ведущего типа восприятия учащегося или комплексного анализа языковой личности обучающегося.

Цель Словаря исторической языковой личности заключается в том, чтобы представить лексикон А.Н. Демидова по письменным источникам настолько полно, насколько позволяют это сделать архивные данные. Хотя Невьянский архив сгорел еще в XVIII в., но сохранился архив Нижнетагильской заводской конторы [Черкасова 1994: 12], письма, распоряжения и некоторые копии из которой обнаружены в других архивных хранилищах.

Материалом для Словаря выступают рукописные, преимущественно деловые тексты первой половины XVIII в., выявленные в Российском государственном архиве древних актов (Москва) и Государственном архиве Свердловской области (Екатеринбург), которые предоставлены в наше распоряжение доктором исторических наук, директором Демидовского института А.С. Черкасовой¹. Это письма и распоряжения первой половины XVIII в., выполненные писцами от имени Акинфия Никитича Демидова, дополненные и заверенные им. Самый ранний документ датируется 05.09.1703, самый последний – 24.02.1746. Выявлены письма за следующие годы: 1703, 1720–1724; 1726–1728; 1730–1735; 1737–1744; 1746 (дата составления копии). Число писем за каждый год неодинаково. Текстовый материал и стилистически неоднороден: среди документов отчетливо выделяются два типа документов: первый – донесения, прошения, челобитные в вышестоящие инстанции к вышестоящим адресатам; второй – определения, письма, инструкции в заводские конторы к приказчикам, т. е. к нижестоящим адресатам. В целом тексты А.Н. Демидова составляют 1510 архивных листов.

Общие принципы построения словаря исторической языковой личности

Словарь исторической языковой личности относится к словарям полного типа, а также толковым и фиксирующим все лексемы без исключения. «Словарь русского языка XVIII века», продолжающий выходить отдельными выпусками (несмотря на то, что к настоящему времени лексикографический проект не завершен) является для нас «отправным пунктом» в лексикографическом представлении словарного состава описываемой исторической языковой личности.

Порядок расположения слов в Словаре – алфавитный.

¹ Эпистолярные источники хранятся в архиве Научного и культурно-просветительского объединения «Демидовский институт» (Екатеринбург).

Письменная фиксация является тем фактором, который отчасти ограничивает лексикографа, однако следует признать, что объем архивных материалов вполне достаточен для создания словаря. Как было сказано выше, словник по текстам А.Н. Демидова содержит около 6 300 лексических единиц.

При работе над Словарем исторической языковой личности возникает ряд вопросов, связанных в первую очередь со временем, в которое они были созданы: подача орфографических/графических вариантов слов, представление иноязычной лексики.

Проблема расстановки ударений в словах обусловлена письменной формой существования текстов А.Н. Демидова.

В Словаре исторической языковой личности разрешение указанных проблем происходит следующим образом. Наша позиция относительно ударений в словах очевидна: мы отказываемся от обозначения ударных позиций гласных, потому что речь идет о письменных текстах.

Орфографические/графические варианты указываются в словарной статье курсивом после знака «/».

В словарных статьях, представляющих заимствованную лексику, приводится краткая этимологическая справка относительно каждого иноязычного слова.

Система словарных помет в Словаре исторической языковой личности предполагает введение и использование двух типов помет, как в толковых словарях: грамматических и функционально-стилистических.

Грамматические пометы: для имени существительного – форма родительного падежа, род, собирательность; для имени прилагательного –; для местоимения – окончания форм женского и среднего рода (для изменяющихся по родам), разряд; для глагола – совершенный/несовершенный вид.

Функционально-стилистические пометы указывают на сферу бытования (использования) термина: *металл.* – металлургия;

мех. – механика, *горн.* – горное дело; *делопр.* – делопроизводство; а также на генетическую принадлежность к церковнославянскому языку: *слав.* – славянизм; и собственно эмоционально-экспрессивную окрашенность лексических единиц: *ирон.* – иронично; *шутл.* – шутливо; *пренебр.* – пренебрежительно; *ласк.* – ласкательно.

Структура словарной статьи в Словаре исторической языковой личности включает следующие элементы:

- 1) заголовочное слово в начальной форме;
- 2) графические или орфографические варианты слова;
- 3) частотность;
- 4) значение или система значений;
- 5) грамматические пометы;
- 6) контекст, иллюстрирующий употребление (с сохранением большинства орфографических и пунктуационных черт);
- 7) паспортизация (в скобках указывается дата написания или дата получения в случае отсутствия первой);
- 8) функционально-стилистические пометы;
- 9) этимологическая справка для заимствованной лексики.

Словарная статья как способ представления лексического материала в словаре разработана специально для нашего материала с учетом специфики языковых данных.

Ниже следуют образцы различных словарных статей, демонстрирующие приемы лексикографического описания, обозначенные выше.

Представление слов, относящихся к различным частям речи:

Камышек, *-шка, м.* 21. Уменьш. к **Камень**. Образец горной породы, предназначенный для пробы. *Да вели приискать одинъ камень магниту длиною в четверть а хотя и доле толщиною и шириною каковъ будет... При сем посланъ к тебе камышек по*

которому отпиши в Колыванской завод и вели техъ рудъ прислать с пудъ для опробации¹ ... (12.05.1733).

Кирпичье, -я, собир. 3. Кирпичи. Про заводской расход подрядите кирпич[ь]е у себя наделать... (12.03.1742).

Зверовать, -рую, -рует, несов. 1. Охотиться на диких животных, добывать пушнину. Горных наших учеников и работников зверовать в леса отнюдь не отпущать... (02.01.1741).

Махонький, -ая, -ое. 1. Совсем маленький, небольшой, незначительный. А ежели присмотрите за ними хотя махонькие недобрые поступки, за то их отнюд без наказания не оставлять (20.06.1740).

Равно, нареч. 1. Одинаково, в равных долях, поровну. Надобно руду равно давать как Ереме так Фоме (15.02.1732).

Оный и **оной**, -ая, -ое. 1942. Делопр. Тот; вышеупомянутый. И того ради канцелярия главного заводов правления об ономъ чрез сей мой репорт во известие представляю (20.05.1741); Токмо из'оных возчиковъ Алексей Федоровъ с'товарыщи привезли сюда оной меди (06.12.1738).

Представление иноязычных слов:

Актuariус, -а; м. 14. / *актоариус*, *актуариус*, *актуариус*. Канцелярский служитель, делопроизводитель (в коллегии, в сенате и т.д.); чин 13-го и 14-го класса. *Оной же актуариус Фохт в том же своем писме* (декабрь 1741).

Из лат. *actuarius*, через нем. *Actuar*, *Actuarius*.

Воленгирствовать, -ю, -ет, несов.; волентирствующий, прич., волентирствуя, *деепр.* 2 / *валентирствовать*. Уклоняться от работы, недобросовестно выполнять профессиональные поручения. ...а для чего того не об[ъ]вил и по сему видно что наши

¹ В примерах сохранен только внешний (графический) облик слов, все другие особенности графики (например, слитное написание служебных частей слова со знаменательными) отсутствуют, т.к. это не влияет на выводы о лексических предпочтениях А.Н. Демидова как исторической языковой личности.

прикащики волентирствуют и на рудниках сами чрез такие немалые дни побывать не хотят... (23.08.1733).

Из ит. *volontario* «доброволец» или фр. *volontaire* «доброволец, волонтер».

Фигли, -ев, мн. 2. Уловки, безделица, нелепость. *Пожалуйте вперед меня своими пустыми фиглями не доволствуйте* (04.12.1740).

Из пол. *figla* «проделка, шалость».

Шкив, -а, м. и **шкива** -ы, ж. шхи-, сшхи-. 6. Приспособление для поднятия тяжестей; блок. *...отпустить в Тоболскъ одинъ блокъ со шкивою... да одинъ шкивъ или рыскало...* (10.04.1739).

Ср.: **векша**.

Из гол. *schijf* «блок».

Представление славянизмов:

Аще. Союз. 5. Слав. Если, ежели.

И аще б[о]гъ бл[а]говолит стаскаться в Санктъпитербурхъ и по возврату назад то буду вашей г[о]с[у]д[а]рской м[и]л[о]сти кланетца вперед аще богъ велит живу быть (15.06.1720).

Представление горно-металлургической терминологии:

Пленастый, -ая, -ое. 2. Метал. То же, что **пленоватый**.

Пленоватый, -ая, -ое. 8. Метал. Металл (железо или медь) низкого качества, неоднородный, с включениями. *...из больших штыкъ медь в росковке являетца не пленовата и не пузыревата...* (01.08.1740).

Уклад, -а, м. 28. Метал. Мягкая сталь, получавшаяся из кричного железа, впоследствии известная под названием сырцовая сталь. *А укладъ на оныя топоры вели кузнецам полотнить, пробивать ихъ в полоски...* (22.01.1739).

Представление терминологической лексики других областей:

Дровосек, -а, м. 1. 46. Место в лесу, отведенное для рубки дров; лесосека. *Пожалуй не поленись и сделай журнал и вели дневальным записывать какая куды и которого дни случится нашим*

коням посылка... съездить на курень или в в дровосекъ (06.02.1740); 2. 40. Тот, кто рубит лес. ...в те стороны дровосеков отнюдь не пущать и об оном дровосекамъ отдай крепькой приказъ... (24.02.1740).

Верить, -ю, -ит, несов.; верующий, прич., веря, деепр. 12. Делопр. Доверять кому-л. ведение различного рода дел, например производственных или коммерческих. *Того ради канцелярию главного правления Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ покорно прошу чтоб повелено было за принятую медь выдавать д[е]нги ис казны ея императорского величества присланнымъ от прикащика моего Васил[ь]я Николчанина прикащиком же моим, которая тое медь будутъ отдавать, и в том я имъ верю и прекословить не буду (04.07.1737). Посланъ... человекъ мой... которому по касающимся моимъ деламъ я верю (06.05.1735).*

Верующий, -ая, -ое. 2. Делопр. Удостоверяющий чьи-л. полномочия как официального доверенного лица. *Всем[и]л[о]стивейшая г[о]с[у]д[а]рыня императрица прошу вашего императорского величества да повелит державствование ваше мое верующее прошение в государственную комерцъ коллегию принять (06.05.1735).*

Представление иных слов:

Весы, -ов, мн. 5. Приспособление для определения веса. *Умолчать какъ о пробирныхъ весахъ такъ и о чюгунныхъ станкахъ... (26.07.1733).*

Грани, -ей; ж., мн. 1. Границы территории. *«По указу из Сибирского обербергамма камишсаромъ Неклюдовымъ отведены леса и грани учинены...» (15.12.1738).*

Дребезговатый, -ая, -ое. 2. Нецелый, поврежденный, с отбитыми краями и трещинами. *Одинъ камень от васъ получен токмо велите оныя каменя искат[ь] поболше и целыя, а не дребезговатыя ибо и присланной от васъ камышекъ с одного угла не цель явился дребезговать (07.05.1741).*

Дрязг, -а, м. 1. Вздор, нелепица, мелочь. ...а ты со всяким безделным дрязгом в глаза дересся как мошка (21.06.1741).

Зубило, -а, ср. 2. Инструмент, с помощью которого выпиливали зубья на некоторых предметах, например на режущих поверхностях пил, кос. ...решоточки вели на них накладывать к зубилом власно какъ и у обрасца... (10.07.1740).

Зубильце, -а, ср. 2. Уменьш. к **Зубило**. ...и насечку на них [косах] также не спеша насекали вострым зубилцомъ... (04.10.1740).

Плотинка, -и, ж. 12. Ласк. Сооружение для повышения уровня воды – плотина. А плотников приказал я к вам послать с Нижнетагилского заводу нарочно побольше чтобы оную плотинку помочь богъ сделать поскоряе и во всем тебе спомоществованием оставлять не приказал... (12.05.1741).

Поверенный, -ого, м. 20. Официальное доверенное лицо, наделенное специальными полномочиями в сфере коммерции. Посланъ от меня нижайшаго в Санктъпитеьбургъ к деламъ моимъ поверенным ч[e]л[о]в[е]къ мой Степанъ Васильевъ с[ы]нъ Гладиловъ... (06.05.1735).

Присловица, -ы, ж. 1. Пословица, поговорка. Надобно за ними по присловице глаза да глазенца (10.12.1738).

Утеклец, -а, м. 2. Беглый человек, покинувший без разрешения территорию, к которой он был приписан или прикреплен. ...о приеме оногo утеклеца и о присылке в Невьянскую кантору в приеме ево изъвестия да благоволитъ учинить по ея императорского величества указу... (09.09.1726).

Материалы Словаря в перспективе могут служить основой для исследований как в области исторической лексикологии, так и в сфере лингвоперсонологии.

Таким образом, дискурсивная модель представления лексикона исторической языковой личности имеет ряд особенностей: 1) позволяет интерпретировать разнородные лексические единицы как составные единого дискурса личности; 2) дает возмож-

ность оперировать полным словником (лексическим и/или частотным, составленным по алфавиту или индексу частотности) при работе над словарем языка личности; 3) при формулировании значения единицы в словаре отмечать оттенки значения, проявляющиеся в текстах личности; 4) через систему помет учитывать различные дискурсивные практики личности, например, в создании текстов различных жанрово-стилевых форм и т.п. Выделенная специфика модели позволяет сделать вывод об адекватности её предмету описания – лексикону.

Литература

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Ломоносов М.В. Российская грамматика [1755] // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7: Труды по филологии. М.; Л., 1952.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.

Полный словарь диалектной языковой личности / авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1. А–З; 2007. Т. 2. И–О; 2009. Т. 3. П–Р.

Ружицкий И.В. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. М., 2003.

Ружицкий И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015.

Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974–1986. Вып. 1–6.

Словарь драматургии М. Горького: «Сомов и другие», «Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие». Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984–1994. Вып. 1–2.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / под ред. О.Г. Ревзиной. М., 1996–1998. Т. 1–2.

Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2005. Вып. 15.

Словарь языка А.С. Пушкина / под ред. В.В. Виноградова. М., 1956–1961. Т. 1–4.

Словарь языка русских произведений Шевченко. Киев: Наукова думка, 1985–1986. Т. 1–2.

Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.

Тимофеев В.П., Тимофеева О.В. Диалектный словарь личности. Шадринск, 2010.

Частотный словарь романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Тула, 1978.

Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М.: БРЭ, 1999. С. 717–774.

Черкасова А.С. «...Чтоб железо делать самым добрым мастерством». Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник: Исторический альманах. Книга I. Екатеринбург, 1994. С. 10–29.

Каримова Юлианна Аликовна
Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»
julianka25-str@mail.ru

Традиции изучения языковой личности в зарубежных и отечественных биобиблиографических словарях

Биобиблиографические словари являются одной из древнейших форм библиографической информации. По данным энциклопедий, исторических, лингвистических и библиографических работ [БСЭ, СИС, СЭС, ЭСБЕ], словари такого типа возникают в античности, оставаясь при этом главной разновидностью библиографии. К числу первых относят «Таблицы тех, кто прославился во всех областях знания» библиотекаря Каллимахома [Корш 1894], «Жизнь, учения и изречения знаменитых философов» Диогена Лаэртского [ЭСБЕ 1893: 751]. Одной из крупнейших работ поздней античности стал труд Иеронима Стридонского (340–420) «Книга о знаменитых мужах» [Высокий 2007: 11–61]. В ней были представлены фамилии 135 христианских писателей с элементами биографического и библиографического характера. Эта работа стала первым законченным образцом весьма распространённой впоследствии и дошедшей до наших дней разновидности изданий – биобиблиографических словарей писателей. Прямой ссылкой на него начинается «Книга о церковных писателях» Геннадия Марсельского (вторая половина V в.) [Высокий 2007: 61–97], который использовал тот же принцип расположения материала.

К периоду раннего средневековья (VIII в.) относится появление двух трудов с одинаковым названием (в подражание Иерониму) – «Книга о знаменитых мужах», одна из которых написана Исидором, епископом Севильским [ЭСБЕ 1894: 366], а другая – Ильдефонсом, архиепископом Толедским [ЭСБЕ 1894: 941]. Труды Иеронима, Геннадия и Исидора послужили основой для со-

ставления Гонорием Отенским (XII в.) «Четырёх книг о светочах или о церковных писателях» [Константинов 1960: 369], в которые автор внёс небольшие добавления новых имён, значительно сократив некоторые биографические справки, но оставив при этом неизменными библиографические сведения. Среди биобиблиографических трудов учёного аббата монастыря в Шпонгейме Иоанна Триттенгемского (1462–1516) особого внимания заслуживает «Книга о церковных писателях» [ЭСБЕ 1901: 843–844], отразившая около 9 000 произведений, принадлежащих 963 писателям. Подытоживающей характер «Книги», как отмечает К.Р. Симон, заключается в том, что Иоанн «сводит воедино и продолжает до конца XV века работы своих предшественников, но не вносит каких-либо новых черт в методику и технику работы» [Бученков 1984: 39–41].

Следующий этап в истории биобиблиографических изданий связан с именем швейцарского учёного Конрада Геснера (1515–1565) и его «Всеобщей библиотекой» [ЭСБЕ 1893: 576], первая часть которой представляла собой биобиблиографический словарь как древних авторов, так и современников Геснера. По объёму это самое крупное произведение того времени: в нём указано около 4,5 тыс. авторов и около 15 тыс. произведений.

В XVIII–XIX вв. всеобщие биографические словари занимают весьма значительное место среди справочных изданий, но наиболее крупным среди них стала «Всеобщая биография, древняя и современная, или история в алфавитном порядке, общественной и частной жизни всех людей, которые отмечены за их печатные труды, поступки, таланты, добродетели и преступления» [ЭСБЕ 1896: 513–514], составленная братьями Жозефом Франсуа и Луи Габриелем Мишо, которые впервые использовали обозначение *биография* в названии словаря. Первое издание словаря состояло из 85 томов (1811–1862) и содержало сведения о лицах всех времён и народов, включая и мифологические имена. Второе издание, выпуск которого начался в 1843 г. и осуществлялся параллельно с

окончанием первого, состояло из 45 томов. Из него были исключены статьи, посвящённые мифологическим персонажам. Хотя главное внимание в словаре уделено французам, он стал первым многотомным биобиблиографическим словарём универсального содержания с международным охватом. Впоследствии подобные словари не выпускались. Однако появление словаря братьев Мишо оказало большое влияние на формирование нового направления в издании биобиблиографических словарей, а именно на создание крупных национальных биографических справочников. Первым из них стала «Всеобщая немецкая биография», состоявшая из 56 томов и выходившая с 1875 по 1912 гг. В неё включено 26 300 справок о лицах всех родов деятельности и специальностей с древнейших времён до конца XIX в.

Английский «Словарь национальной биографии» выпускался с 1885 по 1900 г. и состоял из 63 томов с большим количеством приложений. В словаре содержалось 29 120 биографических справок. С 1917 г. издание словаря принадлежит издательству «The Oxford University press», которое каждые десять лет выпускает прибавления, содержащие биографии умерших в прошедшее десятилетие лиц. «Словарь французской биографии» подготавливался ещё до первой мировой войны, но его первый том увидел свет лишь в 1929 г. В него были включены сведения о лицах со времён Древней Галлии до деятелей Франции, умерших в 1925 г.

В 1892 г. в США был издан первый том «Национальной энциклопедии американской биографии», в известной мере являющейся историей Соединённых Штатов, отражённой «в жизни основателей, созидателей и защитников Республики, а также тех мужчин и женщин, которые трудятся и формируют мысль настоящего времени» [БХЛиЛ 1971: 35–39]. Словарь состоит из двух серий. Первая, основная серия, включает биографии умерших деятелей. Вторая – текущая, начала выходить с 1924 г. и содер-

жит сведения о живущих лицах. Биографии лиц умерших переходят в тома постоянной, основной серии.

Подобные биографические словари, дающие представление о деятелях страны в её историческом развитии, имеются во многих странах мира. Большинство из них носит ретроспективный характер, поскольку содержит биографии деятелей прошлого. Как правило, основным критерием включения биографии того или иного лица является принадлежность к данной нации. Однако повороты истории и человеческие судьбы богаты сложными и порой захватывающими коллизиями, что в свою очередь накладывает свой отпечаток и на формирование национальных биографических изданий. Во многих из них круг включённых лиц оказывается значительно шире и не ограничивается только представителями данной нации. Справочное значение ретроспективных биографических словарей продолжает сохранять свою актуальность, поскольку зачастую только в них можно найти сведения о лицах, имена которых в настоящее время малоизвестны или забыты.

В XX в. наибольшее распространение получили биобиблиографические словари о современных деятелях или о живущих лицах. Самой популярной разновидностью таких изданий стали словари типа «Кто есть кто» (Who is who). Впервые словарь с этим названием был издан в Великобритании в 1849 г. братьями А. и Ч. Блэк. Для словарей этого типа характерны краткие биографические справки: имя, специальность, дата рождения, национальность, сведения о семье, образовании, хронологическая канва жизни, карьера, полученные награды, адрес и список основных публикаций (иногда также указываются хобби, членство в клубах, обществах и т.п.). Сообщается всё это в краткой форме с использованием сокращений в написании отдельных слов. Такие словари издаются, как правило, ежегодно или раз в несколько лет. При каждом переиздании биографии дополняются новыми фактами, включаются новые имена, а сведения об умерших ис-

ключаются и публикуются уже в изданиях типа «Кто был кто» (Who was who). В тех случаях, когда во время печатания словаря «Кто есть кто» кто-либо умирает и изъять биографию уже невозможно, соответствующие сведения публикуются в специальном разделе «Некрологи». Таким образом, словари типа «Кто есть кто» являются текущими биобиблиографическими изданиями, которые в определённой мере служат исходным материалом для формирования крупных биографических словарей (см. об этом подробнее в [Бученков 1984]).

Отечественная биобиблиография начинается с «Опыта исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова [ЭСБЕ 1897: 253–256]. Этот первый опыт принадлежит скорее биографическому жанру: библиографический элемент в нём ещё очень слаб. «В первой половине XIX века, – пишет Н.В. Здобнов, – формируется уже и биобиблиография в собственном смысле слова. Однако полноценный биобиблиографический словарь всё ещё оставался высокой мечтой русских библиографов» [Здобнов 1951: 67–68]. Преемником Н.И. Новикова в биобиблиографии стал священнослужитель – митрополит Евгений (до пострижения в монахи Е.А. Болховитинов, 1767–1837). Делом жизни Е.А. Болховитинова стали биобиблиографические словари духовных и светских русских писателей и учёных, неоднократно печатавшиеся в период с 1805 по 1845 гг. Евгений Болховитинов был в своё время учителем Воронежской духовной семинарии и частично осуществил при помощи семинаристов составление «Всеобщей хронологии знаменитых мужей, прославившихся искусствами, науками, изобретениями и сочинениями во всём свете от начала мира и до наших времён» [ЭСБЕ 1893: 411–413].

Активизация биобиблиографии приходится затем на вторую половину XIX в. Как подчёркивает Н.В. Здобнов [Здобнов 1951: 416], появляется множество биобиблиографических работ об отдельных писателях и учёных, а также несколько капитальных биобиблиографических словарей. Среди них наиболее круп-

ным является труд харьковского архиепископа Филарета Гумилевского, который, следуя примеру Е.А. Болховитинова, составил и выпустил в трёх изданиях (1857–1884) «Обзор русской духовной литературы» [ЭСБЕ 1902: 738], охватив материал с IX века до 1863 года. Князь Н.Н. Голицын повторил опыт С.В. Руссова и М.Н. Макарова: в течение 1857–1859 гг. он публикует в журналах «Молва» и «Русский архив» два предварительных списка, а затем «Библиографический словарь русских писательниц» [Голицын 1889]. Известно также, что П.А. Ефремов в 1867 г. в своих «Материалах для истории русской литературы» [ЭСБЕ 1902: 739] перепечатывает ранние биобиблиографические словари. Издаются биобиблиографические словари профессоров и преподавателей почти всех русских университетов, начиная с Московского, словарь которого вышел к его столетию [Пономорёв 1882: 803–814]. С 60-х годов XIX в. П.П. Пекарский и М.И. Сухомлинов работают над биобиблиографией русских академиков: первый – за 1725 – 1745 гг., второй – 1783–1841 гг.

Однако «большого внимания, – считает А.Н. Верёвкина, – заслуживают биобиблиографические труды П.П. Пекарского (1827–1872). В 1862 г. вышел в свет его основной двухтомный библиографический труд – «Наука и литература в России при Петре Великом». По поручению Академии наук П.П. Пекарский приступает на основе изучения архивных материалов к работе над вторым своим трудом – «Историей императорской Академии наук». По замыслу это был фундаментальный биобиблиографический труд, в котором систематизация осуществлялась по хронологии трудов академиков, и лишь преждевременная смерть автора помешала продолжить его» [Верёвкина 1970: 329–331].

В конце XIX–начале XX в. большую работу в области биобиблиографии проводил С.А. Венгеров. Его работа «Критико-биографический словарь русских писателей и учёных (от начала русской образованности до наших дней)» отдельными выпусками начала выходить с 1886 года [ЭСБЕ 1905: 394]. Он предполагал

дать в ней критическое освещение деятельности каждого представителя науки и литературы, и составить не только полные списки их произведений, но и подробный перечень литературы о них. К сожалению, «не было условий для создания научного коллектива, не было средств для издания работ, и поэтому все грандиозные начинания С.А. Венгерова остались незавершёнными [БХЛиЛ: 290–291].

Более успешными оказались попытки создать словари, в которых круг включаемых писателей ограничен хронологически или тематически. Примером хронологического ограничения может служить работа Н. Никольского «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.)» [Никольский 1906]. В словарях, посвящённых литераторам XIX–XX вв., обычно даются небольшие биографические справки, сопровождаемые выборочной библиографией (тексты и основная литература). Некоторые из таких словарей освещают деятельность определённой группы писателей [Витман, Оськина 1961] или же членов отдельных литературных обществ, например «Словарь членов общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811–1911. М., 1911) [БХЛиЛ: 255–256].

Кандидат педагогических наук Ю.М. Лауфер высказал своё мнение об издании «Русские советские писатели» (первая серия издания «Прозаики»), выпускаемом публичной библиотекой имени М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Принцип разделения писателей по жанрам не удачен: многие советские писатели выступают в различных жанрах. Искусственность замысла привела к тому, что некоторые писатели не введены в состав прозаиков. Правильнее было бы расположить персоналии всех писателей в едином алфавите. Не был достаточно хорошо продуман персональный состав словаря. В нём представлены такие писатели, как Г. Боровиков, К. Локотков, Н. Максимов, О. Маркова, вклад которых в советскую литературу нельзя признать достаточно значимым. Сам факт включения писателей, живущих в областях и кра-

ях Советского Союза, заслуживает одобрения. Но следовало отразить в словаре лишь творчество прозаиков, получивших общероссийское признание. К тому же писателям, живущим в областях и краях России, посвящаются краеведческие биобиблиографические словари. В то же время в словаре не оказалось таких значительных советских писателей, как В. Вересаев, А. Зорич, А. Платонов и др. В подавляющем большинстве случаев в словаре впервые осуществлён широкий учёт материалов о многих советских писателях, начавших свой творческий путь до Великой Отечественной войны и в 1940-е годы. Словарь обогатил советское литературоведение большим количеством малоизвестных и забытых материалов. В нём учтены собрания сочинений, сборники, произведения, изданные отдельно, а также произведения, опубликованные только в периодике или коллективных сборниках и никогда позже не перепечатававшиеся: включены все книги о писателе, из статей о нём – все, сохранившие значение. Каждую персональную главу заключает «Алфавитный перечень первичных публикаций», отнюдь не претендующий на полноту. Материал в словаре расположен в алфавите фамилий. В каждой персональной главе он достаточно подробно систематизирован – примерно по типу персональных указателей для специалистов. Полезными источниками знаний о писателях, проживающих в различных краях и областях Советского Союза и не вошедших в словарь «Русские писатели-прозаики», могут служить биобиблиографические словари, создаваемые библиографами краевых и областных библиотек или местными научными работниками (цитируется по [БХЛиЛ: 320–321]).

Обратимся к биобиблиографическому словарю «Русские детские писатели XX века» [Захарчук 1994], который включает 245 статей, посвящённых как хорошо известным детским писателям, поэтам и драматургам, так и молодым авторам книг для детей и юношества. В него введены также статьи о крупнейших русских художниках слова XX века, которые внесли значитель-

ный вклад в расширение круга детского и юношеского чтения. Каждая статья содержит важнейшие факты биографии писателя, сведения о проблематике его творчества, основных жанрах и особенностях индивидуального стиля. Названы и проанализированы наиболее значительные произведения автора и указаны даты их первых публикаций. Так же в библиографии приведена литература о писателе.

Двухтомный словарь «Русские писатели» включает более 300 статей, посвящённых русским писателям XIX–XX в., в том числе значительным литературным критикам. В каждой статье освещается жизненный и творческий путь писателя, характеризуются его основные произведения, приводится библиография. Помимо авторов в словарь включены статьи о важнейших представителях тех или иных идейных течений. В издании представлены сведения о ближайшем окружении писателя: его участии в литературных, политических и других обществах, сотрудничестве в периодических изданиях того или иного направления, в том числе нелегальной печати, рассматривается отношение современников и критики к творчеству писателя (см. об этом подробнее в [Здобнов 1951]).

В издании «Писатели США» [Засурский 1990] включены краткие биобиблиографические статьи, посвящённые творчеству прозаиков, поэтов, драматургов США – наиболее крупных представителей американской словесности за трёхсотлетнюю историю её развития – от колониальных времён до середины 80-х г. XX в. Упомянутая книга строится по алфавитному принципу как сборник статей о 329 американских писателях.

Интересным представляется опыт издания биографических энциклопедических словарей, к которым относится, например, «Всемирный биографический энциклопедический словарь» [ВБЭС 2000], включающий свыше 25 000 статей об исторических и современных деятелях различных стран и народов мира.

Завершая этот небольшой хронологический обзор зарубежных и российских биографических и библиографических словарей и энциклопедий, смею предположить, что подобные типы словарей можно отнести к разновидности авторской лексикографии.

Авторская лексикография, по определению Л.Л. Шестаковой, – «это теория и практика составления словарей языка отдельных авторов или групп авторов, а также изучение таких словарей и выявление возможностей их использования. Авторская лексикография может трактоваться и как совокупность созданных в разное время словарей языка писателей, философов, учёных, политиков и т.п. Под авторскими словарями при этом подразумеваются словари всего творчества автора/авторов, их отдельных произведений, произведений одного жанра и т.п.» [Шестакова 2011: 144].

Авторская лексикография складывалась прежде всего как писательская лексикография, поскольку основу авторского словаря комплексного типа создали именно словари языка писателей. И сейчас, – считает Л.Л. Шестакова, – «авторская лексикография развивается преимущественно как писательская, хотя постепенно растёт число словарных интерпретаций нехудожественных авторских текстов. Накопленные в науке образцы лексикографического отражения индивидуальных языков и стилей демонстрируют тесное соприкосновение авторской лексикографии с другими словарными отраслями и разными филологическими дисциплинами. Авторские словари аккумулируют в себе различные «типы знаний», что позволяет им служить объективной основой для лексикологических, семантико-стилистических, текстологических и других исследований, средством целостного изучения художественного мира писателя, авторских идиостилей и интеридиостилевых взаимодействий. Сейчас, как и прежде, актуальны и применимы к любому авторскому справочнику слова, сказанные Ю.С. Сорокиным о «Словаре языка Пушкина»: «Опираясь на собранный и систематизированный в Словаре материал,

исследователь может сделать многие выводы и заключения, сосредоточить своё внимание, не затрачивая усилий на черновую и крайне трудоёмкую работу подбора материала, на углублённом анализе языка и стиля Пушкина» [Шестакова 2011: 18].

Л.Л. Шестакова в монографии «Русская авторская лексикография: Теория, история, современность» [Шестакова 2011: 265] на обширном фактической материале выделяет следующие этапы в становлении и развитии авторской лексикографии:

– дословарный период (создание глоссариев к отдельным произведениям и отдельным авторам);

– середина XVI–XVII вв. – период составления первых справочников: конкордансов к различным переводам Библии, ставших прообразом словарей к отдельным произведениям;

– словарный период XVIII–XIX вв. (создание словарей писателей в национальных лексикографиях, сбор и обработка данных для лингвистических исследований в области лексикологии, стилистики, истории языка; составление исторических, этимологических, частотных и др. типов словарей);

– современная авторская лексикография (к этому периоду относится становление восточнославянской авторской лексикографии на рубеже XIX–XX вв.), актуальными задачами которой являются:

1) разработка принципов составления авторских словарей, опирающихся на когнитивные способности творческой личности «как структурный корень» (О.Г. Ревзина) лексикографического описания;

2) создание словарей писателей XIX–XX вв., для которых актуально понятие индивидуального художественного стиля;

3) подготовка монографических и сопоставительных словарей писателей отдельных эпох (например, пушкинской), материал которых позволит уточнять особенности становления и развития языка художественной литературы, выявлять общехудожественное и индивидуальное в словоупотреблении авторов;

4) применение методик авторской лексикографии к текстам философского, научного, публицистического содержания;

5) конвертация книжных словарей писателей в электронные, формирование специализированных баз данных по авторской лексикографии.

В этой связи представляется интересной попытка составления словаря языковой личности выдающегося австрийского философа и логика, представителя аналитической философии, одного из крупнейших философов XX в. Людвига Витгенштейна на основе текста его знаменитого «Логико-философского трактата» в переводе В.П. Руднева [Витгенштейн 2005]. В.П. Руднев в книге «Божественный Людвиг: Витгенштейн: Формы жизни» пишет: «Книга о Витгенштейне написана для читателей – для «людей», а не для «специалистов», поэтому тот, кто упрекнёт её в излишней популярности, не поймёт её основных задач. Надеюсь, однако, что и философам эта книга будет небезынтересна» [Руднев 2014: 6], как небезынтересен язык и стиль «Логико-философского трактата».

Принципы и методика составления словаря языковой личности Л. Витгенштейна соответствуют сложившейся в советской и российской лексикографии традиции составления словарей языка писателя, опирающейся на методологию фундаментального «Словаря языка Пушкина» [Виноградов 2000: 16–27].

Словарная статья составляемого нами словаря языковой личности Л. Витгенштейна содержит заглавное слово в начальной форме в соответствии с грамматическими нормами современного русского литературного языка (даётся полужирным курсивом) и несколько зон информации:

а) частотность употребления слова в трактате (числовой индекс в круглых скобках рядом с заглавным словом);

б) толкование значений или оттенков значений слова (значения даются в одинарных кавычках, значения многозначного слова обозначены арабскими цифрами);

в) грамматические формы, в которых данное слово фиксируется в тексте трактата (даются курсивом строчными буквами);

г) иллюстрации (контексты даются курсивом под номерами, соответствующими номеру тезиса в трактате); каждая иллюстрация снабжена ссылкой на текст трактата, полное библиографическое описание которого помещено в список литературы.

В данной статье в качестве примеров рассматриваются словарные статьи с заглавными словами – терминологическими обозначениями.

Факт (111) ‘истинное событие, происшествие, явление’ [МАС 1983 III: 548]

Факт, фактов, фактом

1.1. Мир – совокупность Фактов, но не Вещей [Витгенштейн 2005: 20].

1.12. Ибо именно совокупность Фактов определяет то, чему случается, а чему не случается быть [Витгенштейн 2005: 21].

2.06. Это существование и несуществование Положений Вещей и является Реальностью. Существование Положений Вещей мы также называем позитивным Фактом, а несуществование негативным [Витгенштейн 2005: 41].

2.1. Мы создаем себе Картины Фактов [Витгенштейн 2005: 44].

2.141. Картина является Фактом [Витгенштейн 2005: 45].

Мир (95) 1. ‘совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве’; 2. ‘вселенная’; 3. ‘происхождение мира’ [МАС 1983 II: 274–275]

Мир, мира, миру

2.021. Из предметов строится субстанция Мира. Поэтому они не могут быть сложными [Витгенштейн 2005: 32].

2.0212. Тогда было бы невозможно построить Картину Мира, истинную или ложную [Витгенштейн 2005: 34].

2.0231. Субстанция Мира может определять только Форму, но не материальные свойства. Потому что последние изображаются лишь при помощи Пропозиций либо строятся из конфигураций Предметов [Витгенштейн 2005: 34].

2.026. Только если существуют Предметы, Миру может быть придана неизменная Форма [Витгенштейн 2005: 40].

2.04. Совокупность всех существующих Положений Вещей есть Мир [Витгенштейн 2005: 42].

2.19. Логическая Картина может отображать Мир [Витгенштейн 2005: 50].

Предмет (28) ‘1. явление действительности, факт; 2. Тема, то, что служит содержанием мысли, речи, на что направлена познавательная или творческая деятельность’ [МАС 1983 III: 306]

Предмет, предмета, предметы, предметов

2.1. Положение Вещей — это некая связь Предметов (Сущностей, Вещей) [Витгенштейн 2005: 24]

2.0123. Если я знаю Предмет, я тем самым знаю Возможность его встречаемости в Положении Вещей.

(Каждая такая Возможность должна находиться в самой природе Предмета.)

Нельзя, чтобы в дальнейшем была найдена какая то новая Возможность [Витгенштейн 2005: 26].

2.0124. Когда даны все Предметы, тем самым даны все возможные Положения Вещей [Витгенштейн 2005: 27].

Смысл (124) ‘внутреннее логическое содержание, значение чего-л., постигаемое разумом’ [МАС 1983 IV: 160-161]

Смысл, смысла, смыслом, смыслов

3.13. *Пропозиции принадлежит то, что принадлежит Проекции; но не проецируемое.*

Стало быть, Возможность проецируемого, но не оно само.

Стало быть, в Пропозиции не содержится ее Смысл, скорее, Возможность его проявления.

(«Содержанием Пропозиции» называется содержание осмысленной Пропозиции.)

В Пропозиции содержится Форма ее Смысла, но не его содержание [Витгенштейн 2005: 59].

3.144. *Ситуации можно описать, но не назвать.*

(Имена похожат на точки, Пропозиции — на стрелки, они обладают Смыслом.) [Витгенштейн 2005: 61].

3.23. *Требование Возможности простых Знаков — это требование точности Смыслов [Витгенштейн 2005: 64].*

Картина (25) ‘то, что можно видеть, представлять себе в конкретных образах’ [МАС 1986 II: 35]

Картина, картины, картине, картиной, картину

2.15. *Из того, что элементы Картины соединены друг с другом определенным образом, видно, что, стало быть, и Вещи соединены друг с другом [Витгенштейн 2005: 45].*

2.1513. *В соответствии с таким пониманием предполагается, что Картине также принадлежит и отношение отображения, оно и делает ее Картиной [Витгенштейн 2005: 46].*

2.181. *Картина, Форма отображения которой является Логической Formой, называется Логической Картиной* [Витгенштейн 2005: 50].

3.001. *«Положение Вещей мыслимо» означает: мы можем создать его Картину* [Витгенштейн 2005: 54].

В качестве заключения можно отметить, что уже этот небольшой набор словарных статей и иллюстративных контекстов словаря языковой личности Л. Витгенштейна свидетельствует о частотности использования терминологии в «Логико-философском трактате».

Литература

1. Библиография художественной литературы и литературоведения / под ред. Б.Я. Бухштаба. М.: Книга, 1971. – БХЛиЛ.
2. Большая советская энциклопедия / ред. кол.: Н.Н. Аничков, И.П. Бардин, А.А. Благонравов, В.В. Виноградов и др. М.: "Советская энциклопедия", 1969-1978. – БСЭ.
3. Бученков А.Н. Советское краеведческое библиографоведение. М.: Книга, 1984.
4. Всемирный биографический энциклопедический словарь / ред. кол.: В.И. Бородулин, Н.М. Кузнецов, Н.М. Ланда и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – ВБЭС.
5. Верёвкина А.Н. Общие биографические и библиографические словари зарубежных стран: Учеб. пособие. М.: МГИК, 1970.
6. Верёвкина А.Н. Пути развития биобиблиографической информации // Библиотекосведение и библиография за рубежом. 1989. Вып. 121. С. 39–56.
7. Виноградов В.В. Содержание и построение словаря // Словарь языка Пушкина: в 4-х т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В.

Виноградов / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000. С. 16–27.

8. *Витман А.М., Оськина Л.Г.* Советские детские писатели. Биобиблиографический словарь. 1917–1957. М.: Детгиз, 1961.

9. *Высокий М.Ф., Тимофеев М.А.* Церковные историки IV – V веков. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.

10. *Витгенштейн Людвиг.* Избранные работы / Пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.

11. *Голицын Н.Н.* Библиографический словарь русских писательниц // Приложение к журналу Министерства народного просвещения. 1888. СПб., 1889. VI.

12. *Гречихин А.А.* Общая библиография: Учебник для вузов. М.: Изд-во МГУП, 2000.

13. *Захарчук Т.В.* Биобиблиографические указатели в системе региональной библиографии: направления создания // Библиотека. Чтение. Читатель: сб. ст. Тюмень, 1994. Вып. 3. С. 18–26.

14. *Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

15. *Константинов Ф.В.* Философская Энциклопедия. В 5-х т. М.: Советская энциклопедия, 1960.

16. *Корш М.* Краткий словарь мифологии и древностей. СПб: Издание А.С. Суворина, 1894.

17. *Никольский Н.К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. М.: Книга по Требованию, 2011.

18. Писатели США: краткие творческие биографии / под ред. Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалёва. М.: Радуга, 1990.

19. *Пономарев С.И.* Литературная деятельность П.А. Ефремова // Изд: Русская старина, 1882. С. 803–814.

20. *Равич Л.М.* Г.Н. Геннади (1826–1880). М.: Книга, 1981.

21. *Руднев В.П.* Божественный Людвиг: Витгенштейн: Формы жизни. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.

22. Русские писатели XIX–XX века: библиографический словарь / под ред. И.Н. Скатова. М.: Просвещение, 1995.
23. Русские писатели: библиографический словарь: В 2-х ч. Ч. 1 / под ред. П.А. Николаева. М.: Просвещение, 1990.
24. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1988. – МАС.
25. Советская историческая энциклопедия: В 12-ти т. / под ред. Е.М. Жукова. М.: Советская энциклопедия, 1969. – СИЭ.
26. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. 4-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1989. – СЭС.
27. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011.
28. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб.: Семёновская Типо-Литография (И.А. Ефрона), 1890–1907. – ЭСБЕ.

Карпова Василиса Владимировна
 Вологодский государственный университет
 vasilisakarpova@gmail.com

Диалектные особенности вологодских записей русских волшебных сказок

Изучение соотношения общерусских и локальных черт в региональных записях текстов русского фольклора относится к числу широко обсуждаемых научных проблем [Оссовецкий 1952; Хроленко 2005; Праведников 2011; др.]. Исследуя систему лексико-фразеологических и грамматических средств вербализации концепта «чудо» в русских волшебных сказках на материале записей фольклорных текстов, сделанных на территории Вологодской области, мы обратили внимание на то, что эти тексты имеют ряд севернорусских особенностей. В данной статье мы хотели бы прокомментировать эти особенности, а также обратить внимание на то, зависит ли их присутствие от времени фиксации исследуемого текста.

Материалом нашего исследования служат 141 текст волшебных сказок, записанных Б.М. и Ю.М. Соколовыми, М.Б. Едемским, Н.А. Иваницким, А.А. Шустиковым, С.И. Минц и Н.И. Савушкиной, М.А. Вавиловой, а также студентами филологического факультета ВГПИ (ВГПУ) на территории 14 административных районов Вологодской области, говоры которых относятся к вологодской и белозерско-бежецкой группам северного наречия [Ильина, Ганичева 2012].

В местных записях волшебных сказок устойчиво отражаются типичные для этих говорков **фонетические** черты. В области **вокализма** обращает на себя внимание изменение качества ударного гласного в позиции между мягкими согласными: а) переход <а> в [э]: «Откуль **взелася** такая царевна-то, откуль **взелась?**» [Волог. ск. № 49]; «А этот человек, просто мазурик, подыскалсе **опеть** в другом одеянии» [Сок. № 138 (69)]; «А ты, – горит, **сечь**

да укажи мне в печкю». [Волог. ск. № 44]; «И ищо ему сказыва-ет: ...копьем его не **ударей**... скажи: «Эх, Тарас-кривой глаз! Бьемсё мы с тобой весь день до вечера, некоторой некоторово не можем убить» [Шустик. № 1]; б) переход <э> в [и]: «**Писня** – ложь?» [Волог. ск. № 67]; «**После евтого пиру мне захотелосё поисть**» [Шустик. № 3]; «**Надеваэт тело на сибя**» [Волог. ск. № 46]; «**Нивесту** привел. [Волог. ск. № 49]; «**Деушка, блинка-тинька со сковородниц'кя, я тебе пригожусь**» [Волог. ск. № 53], а также заударное ёканье: «**Так идет Иван-царевичь путем-дорогой день, и два, и три лесом дремучим, хвоём колюцим, конь за суцьё колюцё запинаетсё, Иван-царевичь дурным матом ру-гаетсё**»; «...как она ушла, **превративсё** он хорошим **молодицём**»; «...а сам **упицкавсё, умазавсё и улехсё** спать» [Шустик. № 1]. В области консонантизма системно фиксируются явления мягкого цоканья: «**Елагирь прекрасный, или цюдесная** лампа»; «**Княжна оцюдиласё** в городе»; «...мать как удивилась такому свету и **цюдесному** кушанью»; «**тотцяс жо оцюдивсё** в спальне»; «**Собралась толпа народу, смотрит таких цюдных ребят**» [Шустик. № 16]; «**Сказка, знацит, сказка – былъ. А ложь-то, не знаю це-во?**» [Волог. ск. № 67]; «(Дальше, там ишо **tё-то** дальше есть. **Бабушка, она инатэ** рассказывала)» [Волог.ск. № 60]; употребле-ние твёрдых шипящих: «**Еишо** хуже сдьлал дохторь...» [Волог. ск. № 54]; Дак вот и снитцы сон: где-то **туда** есь, **ишишо** дом **стоит**, целый сад яблоней, яблоки золотые есь, хорошие. **Вот бы** один **принёс**, съела, **легц'е** и стало» [Волог. ск. № 45]; «**Ехал, ехал, лошадь хвоишот** ...» [Волог. ск. № 38]; «**Вот приезжаёт** домой, **оне** ему **ничо** не сообщали, он не писал» [Волог. ск. № 64]; появление неслогового [у] в абсолютном конце слова и в позиции перед глухим согласным на месте <в> и <л>: «...**взяу** да у **шта-ноу** да у **кальсоноу** (че у него было-то) **менная** пуговица, он **занаредил**, если **случайно**, он **знает**» [Волог. ск. № 36]; «**Коухоз** и **вот ёво** и посадили **предчедатёвом**» [Волог. ск. № 56]; выпадение ин-тервокального j в заударном слоге: «**Вот целовек умрет, бес все-**

ляетцы в ево. **Надеваэт** тело на сибя [Волог. ск. № 46]; ассимиляция консонантных сочетаний [дн] - [нн]: «...взяу да у штаноу да у кальсоноу (че у него было-то) **менная** пуговица [Волог. ск. № 36]; упрощение групп согласных в слабой позиции: «А он вот сделаёт эдак: ручки и ноги росшарашит, никак не входит в **усьето**» [Волог. ск. № 44] и др.

В вологодских записях волшебных сказок широко представлена диалектная **лексика**. Она активно используется сказителями в процессе вербализации всех сказочных мотивов: для именования чудесного предмета («...тут вырос **диделёк**. **Што-то** нашли ево, да осветили, да он воскрес» [Волог. ск. № 69] – ср.: **ди'дель** 'высокое травянистое растение семейства зонтичных с полым трубчатым стеблем' [СВГ, 2: 27]), компонентов чудесного хронотопа («**И** не диво, братецъ: сколько мы времени йиздим, **жила** не видали, а не то что в баню хаживали» [Шустик. № 20] – ср.: **жи'ло** 'дом, жильё, хозяйство' [СВГ, 2: 87]), для характеристики чудесного помощника или волшебного средства («**Птица баская**, а клетка еще **баще**» [ВГПИ № 19] – ср.: **баско'й** 'красивый' [СВГ, 1: 23]), для экспликации чудесного действия («**Средилаь** в платье – **перередилаь** на мосту» - ср.: **сряди'ться** 'облечься в какую-либо одежду, одеться' [СВГ, 10: 111]; «на эту одежду **оболокла** своё худое платье» [Едемск. № 23] – ср.: **оболокчи** 'надеть что-либо' [СВГ, 6: 126]; «**Шорнула** евту ланпу тряпкой, их ланпы **выскоцили** б молодцей» [Шустик. № 16] – ср.: **шо'рнуть**, **ша'рнуть** 'потереть чем-либо, очищая от грязи' [СВГ, 12: 75]); «Гляди, когда его **выломает** («стошнит»), то эту **ломанину** ты и слижи, и будешь **црвонцам(и)** плевать» [Иваницк. № 5] – ср.: **ломани'на** 'содержимое желудка, извергаемое при рвоте' [СВГ, 4: 44] и др.), реализации мотива чудесной задачи: «**есть фонтан вина текет** – почему **ноне** <перестал? [Едемск. № 20] – ср.: **но'не** 'в настоящее время, теперь, ныне' [СВГ, 5: 111]). Диалектизмы севернорусского ареала распространения естественно вплетаются в ткань сказочного повествования: «Ехал, ехал, ло-

шадь хвошиот [Волог. ск. № 38] – ср.: *хвоста'ть* 'бить, ударять' [СВГ, 11: 184]; «*Я-то тоже был тамо. Если б я не был, дак не видел, дак где бы мне наврать ли, што ли? А тут вот всё сушая правда сказана. Ну, я этим ведь не торгую, могу росказать и другую. Вот*» [Волог. ск. № 58] – ср.: *та'мо* 'в том месте, там' [СВГ, 11: 7]). Записи более позднего времени фиксации обнаруживают попытки сказителя разъяснить слушателям значение употребляемых им местных слов: «*Вот он спряталсы, знасит, как говоритцы, сам сибя обредил, как говоритцы (В Вытегре так говорят, што спряталсы, дак обрядилсы)*» [Волог. ск. № 50]; «*... а на земле лежит заступ (раньше ведь звали заступ или оковалёнка, вот как звали, а топерь-то ак лопата)*...» [Волог. ск. № 68].

В сфере **структурной организации** слов обращает на себя внимание активное варьирование местоименных наречий, образованных на базе древних местоименных корней *кь- (*ко, ку*), *ть- (*то, ту*), *сь- (*се, сю*), *вьс: *куда/ы, туда/ы, сюда/ы*: «*...царю живо накатали туды телеграмму*» [Волог. ск. № 58]; «*Вы никакуды не уходите дети из дома*» [Волог. ск. № 43]; «*От и горюёт, и горюёт тут: «Никак топерь не выйти мне отсюды*» [Волог. ск. № 45]. Обращают на себя внимание явления глубокой архаики, в частности, сохранение морфемной членимости комплекса *-волшеб-*, утраченной в литературном языке [МС; СС], но поддерживаемой в вологодских говорах словами с корем *-волх-*: *волхова'ть* 'колдовать, ворожить' и его производных. Вместе с тем вологодские записи волшебных сказок обнаруживают типичную для говоров регулярность модельного отместоименного словообразования («*Вдруг ифнэй кораб как раз шел из Англии*» [Волог.ск. № 45]), а также активность в образовании экспрессивной лексики: «*Бурушко-Ковурушко, стань передо мной...*» [ВГПИ № 18]; *Ну вот, а тут как это дело обознали, дедушко у нас всё Куда рассказывал*)» [Волог. ск. № 46] и др. [Шаброва 2004].

В записях волшебных сказок, сделанных в Вологодском крае, системно отражаются **морфологические** особенности севернорусских говоров. В сфере имен существительных обращает на себя внимание унификация падежных форм творительного и дательного падежей во множественном числе по форме дательного («Он **горам** воротит, правда тотя Дуня бродовьская сказала, он **горам** воротит, не только **людям**» [Волог. ск. № 46]), склонение одушевленных существительных с суффиксом *-ушк-* по образцу I субстантивного склонения («Ну вот, а тут как это дело обознали, **дедушко** у нас всё Кудя рассказывал») [Волог. ск. № 46]; «Сковали оне Железново **медведушка**...» [Шустик. № 2]), образование форм родительного падежа множественного числа с окончанием *-ей* от существительных, основа которых оканчивается на *-ц-* (*сарь... дал ему заданьё – двенацать штук **зайцей**, диких **зайцей**, пропасти лето и пригнать к **осене** в **цельности**»). [Волог. ск. № 61]), сохранение архаичной формы родительного падежа существительных во множественном числе с основой на согласный («...была девица всех **дён** баще» [Едемск. № 22]), а также склонение существительных по продуктивным образцам («**пропасти лето и пригнать к **осене** в **цельности**»». [Волог. ск. № 61]), в том числе и тех, которые в литературном языке относятся к числу несклоняемых существительных («**Это в **кине****» [Волог. ск. № 56]). Заметную морфологическую особенность в области имен прилагательных обнаруживает образование форм сравнительной степени с суффиксом *-айа*: «**Конь коня лутше, молодець молодця **удаляя****» [Шустик. № 1]. Морфологическую специфику форм глагола определяет выравнивание основ при спряжении («...**есть фонтан вина **текет** – почему ноне **перестал?**** [Едемск. № 20]; «Волк **склал** их все вместе (куски мяса) и стал поливать живой водой и приговаривает: «**Это живая вода, живая вода, она оживит Ивана-Царевича**» [ВГПИ № 19]), образование форм повелительного наклонения («**Наложь** евту шляпу, из-под евтой шляпы кудри будет не видать, и возьми с собой пероцинной но-***

жик и иди к нам в конюшню скорым шагом» [Шустик. № 1]; «*Залезывайте в пец'кю*», «*Да поешьте моево перожка*» [Волог. ск. № 56]; «*Только вот дуни, она проиграет, все зайсы к тебе прибегут*» [Волог. ск. № 61]) и возвратных глаголов («*Стой, – говорит, – Иванушко, не стреляй. Я тебе, – говорит, – пригожуся*» [Волог. ск. № 65]; «*Иван-царевич дурным матом ругаетсё*»; «*...как она ушла, превративсё он хорошим молодцём*»; «*...а сам упицкавсё, умазавсё и улехсё спать*» [Шустик. № 1]).

Синтаксическая организация вологодских записей волшебных сказок также убедительно доказывает принадлежность сказителей к числу носителей севернорусских говоров. Об этом свидетельствует употребление в предикативной функции деепричастных форм («*Девуца проговоривши ему неизвестные слова, и превратилось все в золотой шарик*» [Иваницк. № 3]), активное использование постпозитивных частиц, фонетическая огласовка которых уподобляется финалям словоформ, к которым они прилегают: «*Давай, Иван Коровин, отдохнем, сколь мягко-то*» [ВГПИ № 17]; «*Батько с маткой: «Как так? Какая невеста-то? Утку привел!»*» [Волог. ск. № 49]; «*И приехал муж, этот самый начальник-от...*» [Волог. ск. № 57], а также использование широкого спектра диалектных служебных слов: «*Ехал, ехал, лошадь хвоишот, из лошади таколь не пена идет, устала, тяжёло везти*» [Волог. ск. № 38]; «*(Долгая ведь эта сказка, ак ведь не знаю, дак забыла)*» [Волог. ск. № 54].

Обращая внимание на время фиксации волшебных сказок, представленных в наших источниках, можно сделать вывод о том, что фонетические, лексические и грамматические особенности исследуемых текстов широко представлены как в ранних записях, так и в относительно поздних. Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в более поздних записях вербализация сказочного хронотопа включает в себя упоминание локальных географических объектов (*Великий Устюг, Кубенское озеро, Вологда-река* и пр.), а сказители перемежают изложение сказочного

сюжета комментариями о значении употребляемых ими местных слов и описаниями местных реалий. Это снижает заданную жанром волшебной сказки условность повествования, привносит в более поздние тексты элементы других разновидностей сказки (бытовой, сказки о животных) и фольклорных жанров бытовой нескладочной прозы.

Литература

1. *Ильина Е.Н., Ганичева С.А.* Основы лингвистической географии Вологодской области. Вологда: Легия, 2012.
2. *Оссовецкий И.А.* Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 93–112.
3. *Праведников С.Н.* Территориальная дифференциация языка русского фольклора: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Курск, 2011.
4. *Хроленко А.Т.* Язык фольклора: Хрестоматия. М.: Флинта: Наука, 2005.
5. *Шаброва Е.Н.* Морфемный и словообразовательный анализ слова в русских народных говорах. Вологда: ВГПУ, 2004.

Список сокращений

ВГПИ – Государственный архив Вологодской области, Документы фольклорных экспедиций студентов филологического факультета ВГПИ, проходивших в Бабаевском, Вологодском, Верховажском, Кирилловском, Тарногском, Чагодощенском районах Вологодской области, 1961- 2001 гг., фонд 2076, оп. 11, ед. хр. 1, 12, 14, 22, 38, 41, 42, 44, 57.

Волог. ск. – Вологодские сказки конца XX–начала XXI века / сост. Т.А. Кузьмина. Воскресенское: Издательский дом Принт, 2008.

Едемск. – Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде в 1905–1908 гг. // Живая старина. Вып. 2–4. 1912. С. 211–258.

Иваницк. – Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии / Подготовка текстов, вступит. Статья и примеч. Н.В. Новикова. Вологда: Вологодское книжное издательство, 1960.

МС – *Тихонов А.Н.* Морфемно-орфографический словарь: Русская морфемика. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 207.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып.1–12. Вологда: Русь, 1983–2007.

Сок. – Сказки Белозерского края / Зап. Б.М. и Ю.М. Соколовы. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1981.

СС – *Потиха З.А.* Строение русского слова: Учебный словарь для зарубежных школ. М.: Русский язык, 1981. С. 94.

Шустик. – Государственный архив Вологодской области, Вологодское общество по изучению Северного края, Сказки Кадниковского уезда Вологодской губернии Нила Черепанова, Михаила Ситцева, Александра Черноусова, фонд 4389, оп. 1, ед. хр. 383.

Кривоносов Илья Игоревич

Институт лингвистических исследований РАН

ilya.krivonosov@gmail.com

**Терминология актерского мастерства К.С. Станиславского:
опыт семантической и структурной классификации**

Константин Сергеевич Станиславский вошёл в историю театра не только как великий театральный педагог, но и как создатель соответствующего языка мастерства актёра, которым большинство профессионалов пользуется до сих пор. Несмотря на введённую им сравнительно стройную терминосистему, сам автор отказывает себе в формальном определении этого языка, настаивая на стихийно образованной, основанной на опыте и театральной традиции природе системы и обслуживающих её языковых явлений: «Терминология, которой я пользуюсь в этой книге, не выдумана мною, а взята из практики, от самих учеников и начинающих артистов. Они на самой работе определили свои творческие ощущения в словесных наименованиях. Их терминология ценна тем, что она близка и понятна начинающим» [Станиславский II: 6].

Стоит, однако, отметить, что Станиславский в тексте своих трудов постоянно обращает внимание на особый характер описываемых им языковых явлений, выделяя их и обособляя в отдельный «язык» или «жаргон»: «на нашем языке...», «на нашем актерском жаргоне», «мы называем это...», «Не пытайтесь искать в ней <в терминологии> научных корней. У нас свой театральный лексикон, свой актерский жаргон, который вырабатывала сама жизнь» [Станиславский II: 6]. Таким образом, он проводит границу между общеупотребительной лексикой и актёрским лексиконом, который вошёл в его систему.

Труды Станиславского имеют ярко выраженный дидактический формат, содержат много объяснений. Они эксплицитны: в тексте автор приводит большое количество дефиниций. Например:

– А что такое "правдоподобие чувства"? – приставал Бьюнцов. – Это не самые подлинные страсти, чувства и переживания, а, так сказать, их предчувствие, близкое, родственное им состояние, похожее на правду и потому правдоподобное. Это передача страсти, но не прямая, непосредственная, подсознательная, а, так сказать, под внутреннее суфлерство чувства [Станиславский II: 62].

«Ударение – это любовное или злобное, почтительное или презрительное, открытое или хитрое, двусмысленное, саркастическое выделение ударного слога или слова. Это преподнесение его, точно на подносе» [Станиславский III: 112–113]).

Приводимые термины являются частью многоуровневой авторской терминосистемы. Именно поэтому становится возможным говорить о «языке Станиславского», о созданной им логико-понятийной системе и соответствующей ей системе терминов.

В настоящей статье предпринимается попытка классификации массива терминов актерского мастерства, составляющих «систему Станиславского» и связанных с ней феноменов. Источником терминологического корпуса послужило собрание сочинений К.С. Станиславского 1954 года издания.

Терминологию актёрского мастерства К.С. Станиславского представляется возможным по составу и семантике ее единиц разделить на несколько категорий. Выделим основные из них, приведем примеры, а также соответствующие контексты их употребления.

1. Общегуманитарные термины, присущие другим наукам, таким, например, как психология и литературоведение: *Фантазия, воображение, интуиция, внимание, подсознание, органический закон творческой природы, авторитет, быт, воля, дилетантизм, имитация, копирование, критиканство, перевоплощение, пафос, реализм, сосредоточенность и т.д.*

См., например, употребление термина *подсознание*: Одна из главных задач, преследуемых "системой", заключается в естественном возбуждении творчества органической природы с ее

подсознанием [Станиславский II: 4]; Разве наши правила основывались на шатких, неустойчивых гипотезах о *подсознании*? Напротив, все в наших занятиях и правилах, которые мы устанавливали сознательно, сотни раз проверено как на себе, так и на других [Станиславский III: 610–611]; Вот почему я и утверждаю, что в жизни мы в большой дружбе с *подсознанием*. Тем более обидно, что как раз там, где оно больше всего нужно, то есть в театре, на сцене, мы находим его редко. Поищите-ка *подсознание* в крепко налаженном, зазубренном, заболтанном, заигранном спектакле. В нем все раз и навсегда зафиксировано актерским расчетом. А без *подсознательного* творчества нашей душевной и органической природы игра артиста рассудочна, фальшива, условна, суха, безжизненна, формальна. Старайтесь же открыть на сцене широкий доступ творческому *подсознанию* [Станиславский II: 354–355].

Или, например, *воображение*: В процессе творчества *воображение* является передовым, который ведет за собой самого артиста [Станиславский II: 72]; *воображение* необходимо артисту не только для того, чтобы создавать, но и для того, чтобы обновлять уже созданное и истрепанное. Это делается с помощью введения нового вымысла или отдельных частных, освежающих его [там же: 93]; каждое наше движение на сцене, каждое слово должно быть результатом верной жизни *воображения* [там же: 94–95]; *воображение* в связи с полной иллюзией действительности создает для артиста подлинную, правдивую и правдоподобную жизнь на сцене; можно искренно верить ее подлинной правде [Станиславский III: 408].

2. Устойчивые заимствования терминов из конкретных областей знания: *лучеиспускание, лучевосприятие, аффективная память, аффективный материал, я есмь, истина страстей, правдоподобие чувствований, темпо-ритм, вольтаж*. См., например:

Лучеиспускания (излучение): Как назвать этот невидимый

путь и средство взаимного общения? *Лучеиспусканием* и лучевосприятием. *Излучением* и влучением? За неимением другой терминологии остановимся на этих словах, благо они образно иллюстрируют тот процесс общения, о котором мне предстоит вам говорить [Станиславский II: 274]

Этот путь общения через *излучение* чувства облюбовало себе наше направление, считая его среди многих других путей творчества и общения наиболее неотразимым, могущественным, а следовательно, и наиболее сценичным при передаче невидимой жизни человеческого духа [Станиславский IV: 184]. Понятие «излучение», к примеру, Станиславский заимствует из книги Т. Рибо «Психология внимания» [Гаршис 2005: 81];

Аффективная память: Например, прочитав о том, что *аффективная память* является памятью пережитых в жизни чувствований, я стал насильственно искать в себе эти чувства, выжимал их из себя и этим пугал подлинное живое чувство, которое не терпит никакого принуждения [Станиславский IV: 30]; Наоборот, *аффективная память*, то есть память наших чувствований, ощущений и переживаний, чрезвычайно неустойчива [там же: 182];

Я есмь: «*Я есмь*» на нашем языке говорит о том, что я "оставил себя в центр вымышленных условий, что я чувствую себя находящимся среди них, что я существую в самой гуще вообразимой жизни, в мире вообразимых вещей и начинаю действовать от своего собственного имени, за свой страх и совесть [Станиславский II: 79]; Теперь в качестве действующего лица в вообразимой жизни вы уже не можете видеть себя самого, а видите то, что вас окружает, и внутренне отзываетесь на все совершающееся вокруг как подлинный участник этой жизни. В этот момент ваших действенных мечтаний в вас создается то состояние, которое мы называем "*я есмь*" [там же: 82]; "*Я есмь*" – это сгущенная, почти абсолютная правда на сцене [там же: 202–203].

3. Общеатральные термины (не обязательно входящие в семантическое поле «мастерство актёра»): *Мизансцена, ампуа,*

скиксовать, грим, костюм, сценическая походка, импровизация, этюд, экспромт, рампа, постан, пластика, мимика, жест. См, например:

Жест: Для того чтоб избежать этого в драме, я должен напомнить вам то, о чем уже не раз говорил, а именно: *жеста* ради самого *жеста* не должно быть на сцене [Станиславский III: 38]; Я утверждаю, что *жест* как таковой, то есть движение само для себя, не выполняющее никакого действия роли, не нужно на сцене, если не считать редких исключений, например, в характерных ролях. С помощью [условного] *жеста* не передашь ни внутренней жизни роли, ни сквозного действия. Для этого нужны движения, создающие физическое действие [там же: 226].

Мизансцена: ... каждый из вас, глядя по настроению, по переживанию и по делу, выбрал наиболее удобное место, создал подходящую *мизансцену* и использовал ее для своей цели, а может быть, и наоборот: *мизансцена* подсказала ему дело, задачу [Станиславский II: 233]; Но Торцов до неузнаваемости изменил выбранную нами *мизансцену*. Он посадил учеников умышленно неудобно, вразрез с настроением и с тем, что мы должны были делать. Одни казались совсем далеко, другие, хоть и близко от преподавателя, но повернутые к нему спиной. Несоответствие *мизансцены* с душевным состоянием и делом спутывало чувство и вызывало внутренний вывих [там же: 233–234].

4. Общеупотребительная лексика в новых значениях: *Анатомировать текст роли, беспредметное действие, выбор объекта, познавательный анализ, внешнее сценическое самочувствие, жизнь человеческого тела роли, коллективное творчество, творческий замысел, перспектива роли, ощущение себя в роли, художественная правда.* Интересно, что таких терминов в трудах Станиславского подавляющее большинство: вместо того, чтобы создать терминологическую систему, состоящую из новых языковых единиц, как это обычно происходит при создании нового течения или движения в науке и искусстве, он предпочитает

положить в основу своей системы интуитивно понятные термины, которые в первом своём значении являются общеупотребительными словами (*творческий процесс, внутренняя жизнь, активное внимание*). См., например:

Беспредметное действие: Это положение создает работа с пустышкой, то есть с воображаемыми предметами. На нашем жаргоне мы называем ее "*беспредметными действиями*" [Станиславский III: 384]; ...на первое время я рекомендую вам начинать с "*беспредметных действий*" и временно отнимаю от вас реальные предметы [Станиславский II: 187];

Перспектива роли: линия перспективы артиста ... близка к линии *перспективы роли*, так как идет параллельно с ней, как тропинка, тянущаяся рядом с большой дорогой. Но иногда, в отдельные моменты, они расходятся, когда по тем или иным причинам артист отвлекается от линии роли чем-нибудь посторонним, не имеющим к ней отношения. Тогда он теряет *перспективу роли* [Станиславский III: 133].

При этом зачастую К.С. Станиславский создаёт новые термины путём создания метафоричных выражений из общеупотребительных слов, которые он затем многократно использует в качестве устойчивых выражений: *экран внутреннего зрения, кинолента видений, видения внутреннего зрения; линия фарватера пьесы, идти по фарватеру; протокол предлагаемых обстоятельств пьесы и роли*. Ср., например:

Видение внутреннего зрения: Стоит мне назначить тему для мечтания, как вы уже начинаете видеть так называемым внутренним взором соответствующие зрительные образы. Они называются на нашем актерском жаргоне *видениями внутреннего зрения* [Станиславский II: 83]; Перманентный просмотр *киноленты внутренних видений*, с одной стороны, удержит вас в пределах жизни пьесы, а с другой – будет постоянно и верно направлять ваше творчество [там же: 84].

5. Авторские неологизмы. Как неотъемлемая часть любой авторской системы, в терминосистеме Станиславского существуют и индивидуально-авторские образования, такие например, как *сверхзадача*, *тататирование*, *пестрение*, *кругохождение*, *безжестие*, *актер-представляльщик*, *актер-буквоед*, *артисто-роль*, *пыжание*, *архи-представляльщик*, *пяление*. Ср.:

Сверхзадача: Условимся же на будущее время называть эту основную, главную, всеобъемлющую цель, притягивающую к себе все без исключения задачи, вызывающую творческое стремление двигателей психической жизни и элементов самочувствия артисто-роли, *сверхзадачей* произведения писателя [Станиславский II: 233]; Все, что происходит в пьесе, все ее отдельные большие или малые задачи, все творческие помыслы и действия артиста, аналогичные с ролью, стремятся к выполнению сверхзадачи пьесы. Общая связь с ней и зависимость от нее всего, что делается в спектакле, так велики, что даже самая ничтожная деталь, не имеющая отношения к *сверхзадаче*, становится вредной, лишней, отвлекающей внимание от главной сущности произведения. Стремление к *сверхзадаче* должно быть сплошным, непрерывным, проходящим через всю пьесу и роль [там же: 334]; Творить – это значит страстно, стремительно, интенсивно, продуктивно, целесообразно и оправданно идти к *сверхзадаче* [Станиславский IV: 292].

Тататирование: Чужие слова автора или зафиксированные слова самих учеников мы заменяем произвольными, ничего не выражающими слогами, вроде тех, которыми пользуются при передаче знакомой музыкальной мелодии песни с незнакомым словесным текстом. Тогда мы поем: "Та-та-ти, ти-ра-та-ти, тара-та-та" и проч. Отсюда и самое название приема "*тататирование*" [Станиславский III: 452]; Слово – выразитель мысли, а интонация – выразительница чувства. При "*тататировании*" слово передается мысленно, а чувство – явно [там же: 453].

Помимо семантической деривации основным способом образования новых терминов является традиционный способ синтаксической деривации: создание словосочетаний по традиционной модели *сущ. + прил.*, которым образована большая часть терминов актёрского мастерства.

Среди терминологических сочетаний, образованных по данной модели, можно также выделить три категории терминов, основанные на различной функции атрибутивного значения прилагательных:

1. В качестве эпитета используются прилагательные **сценический/творческий/актерский**: *сценическое действие, сценическая быль, творческое внимание, творческая воля, творческий возбудитель, творческое ощущение, творческий процесс, творческая интуиция, творческий материал, творческая задача, актерский кусок, актерское действие, актерская походка, актерская задача, актерский штамп, актерское самочувствие, актерские потуги, актерское самопоказывание, сценическая правда, творческая воля*. Так, эти прилагательные выделяются в особую категорию общетеатральных терминов, постоянно вступающих во взаимодействие с терминами из других категорий.

2. Прилагательное служит для снятия неоднозначности термина и имеет дифференцирующую функцию: *внешнее/внутреннее действие, активное/пассивное мечтание, действительное/активное мечтание, близкий/средний/дальний объект, большой/средний/малый круг внимания, внешняя/внутренняя задача, внешний/внутренний темпо-ритм*,

3. Уточняющие эпитеты с целью детализации и уточнения смысла, в том числе – с педагогической/образовательной целью, что подтверждает дидактический характер его трудов: *верная жизнь воображения, непрерывная линия жизни на сцене, подлинное действие, подлинная правда, подлинная жизнь, подлинное вдохновение, подлинное искусство*.

Таким образом, нами была предложена предварительная классификация терминов системы актёрского мастерства К.С. Станиславского по их происхождению.

Проделанный анализ позволяет сделать вывод, что авторская терминосистема К. Станиславского основывается в основном не на авторских неологизмах, а на терминах, заимствованных из других областей знания, и на общеупотребительной лексике, употребляемой режиссером в других значениях. Станиславскому удалось построить многоуровневую терминологическую систему, которая требует минимальную усилий для освоения и широкого употребления в силу главного номинативного ее принципа – отражение интуитивного восприятия производимого действия. Именно в этом, возможно, причина того, что она не устарела и до сих пор широко используется в театральной и кинематографической среде, а некоторые из терминов вышли за пределы этих областей и вернулись в общеупотребительную лексику в другом значении (например, *сверхзадача*).

Литература

Станиславский К.С. Собр. соч.: в 8 т. М.: Искусство, 1954.

Таршис Н.А. Зоны молчания // Театральные термины и понятия: материалы к словарю. СПб.: РИИИ, 2005.

Махрачев Георгий Сергеевич

Буцких Светлана Александровна

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

mahrachova@mail.ru

buckih.s@mail.ru

**Проект сетевого словаря «Лексика традиционного прядения,
ткачества и коноплеводства Тамбовской и прилежащих
к ней областей»**

Конец XX начало XXI вв. в лексикографии ознаменован появлением нового типа словаря – электронного, предлагающего не только новую форму подачи материала – нелинейная (3D) модель представления информации¹, – но и формирующего целое проблемное поле, связанное с его конструированием, выработкой правил компьютерного лексикографирования, созданием баз данных, становящихся основой для получения разноаспектной информации (лексической, морфологической, морфемной и т.д.). Уже на стадии формирования нового направления (компьютер-

¹Перечислим лишь некоторые: В.П. Селегей дает подробный анализ электронных словарей, указывая на их достоинства в сравнении с бумажными носителями; в ст.: М.А. Грановой содержится подробный обзор электронной продукции, представляющей сведения о славянской мифологии; в ст. Н.А. Агаповой содержится концепция и описание электронного словаря народных примет; в диссертационном исследовании О.С. Рублевой анализируются задачи компьютерной лексикографии, рассматриваются электронные лексикографические ресурсы и их особенности (на примере ресурсов на русском и английском языках), намечаются перспективы создания глобальной системы электронных лексикографических ресурсов; в работе Е.В. Булдаковой формулируется определение электронного словаря, перечисляются его возможности; обосновывается структура словарной статьи и т.д.; в монографии С.Е. Никитиной четвертая глава «Тезаурусное описание языка народной поэзии: общий подход и структура словаря» посвящена структуре словарной статьи, тезаурусным функциям, перспективам словаря.

ной, или электронной лексикокографии) исследователи были единодушны во мнении, что среди несомненных достоинств электронного продукта (ресурса) в сравнении с традиционным, книжным изданием, является сочетание большого объема с удобством (быстротой) пользования [Савина, Типикина 1999; эл. ресурс], увеличение (или даже формирование с учетом запроса пользователя) словарной статьи, за счет сети относительно свободных сообщений, объединенных гипертекстовой организацией [Гранова 2016: 81], возможность добавления нового материала и корректирование уже включенного и, что не менее важно, факты можно представлять в виде электронного собрания текстов¹ (корпусов), «снабженного поисковыми инструментами, метаразметкой, морфологической разметкой» [Драчева 2014: 114]. Новая форма подачи материала (нелинейная (3D) модель представления информации), оказалась продуктивной при репрезентации различных сегментов традиционной народной культуры², трансляция которой оказывается неполной (неточной, затруднительной) посредством только языковых средств (кода), ибо нередко одновременно использует (и здесь могут быть взаимные переходы, замены, перекрещивания) сразу несколько различных средств (кодов)³ для передачи информации (вербальные, акустические, визуальные, музыкальные, акциональные и др.).

¹Вслед за Н.И. Толстым под текстом нами понимается «...не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий, и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [Толстой 1995: 23].

²Например, электронный ресурс, удачно реализующих возможности хранения и трансляции звеньев традиционной народной культуры и/или отдельных жанров, входящих в состав этих звеньев: Лаборатория фольклористики РГГУ, заведующий лабораторией доктор. фил. наук, проф. кафедры славистики и центральноевропейских исследований РГГУ А.Б. Мороз <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/>.

³Примечательно в этом отношении высказывание Н.И. Толстого о семиотичности языка культуры: «...культура многоязычна в семиотическом

Последние несколько лет наши научные интересы сосредоточены на описании темы, связанной с трудовой деятельностью крестьян, а именно – традиционное прядение, ткачество и коноплеводство у русских [Махрачева, Буцких 2016; Буцких 2017]. Целенаправленный сбор полевого материала, который ведется по авторской программе-вопроснику с 2014 г., а также обработка и первый опыт систематизации материала убедительно свидетельствует о необходимости комплексного подхода, в котором бы наряду с лингвистическими данными учитывались и анализировались бы экстралингвистические. В этой связи закономерным становится обращение к сетевому ресурсу, позволяющему сочетать посредством гиперссылок и диалоговых окон, при освещении темы следующую информацию: 1) **языковая** зона (в большей степени лексическая, терминологическая), т.е. инвентарь терминов, связанных с оборудованием, изделиями, способами и технологиями ткачества и прядения, выявлением отношения к процессу данного производства, групп (лиц), занятых в производстве; наименование календарных периодов, закрепленных за разными этапами исследуемой трудовой деятельности; наименования мифических существ, помогающих и/или наказывающих за некачественную и неурочную работу; устойчивые сочетания слов, относящиеся к одной отрасли трудовой деятельности; благопожелания; этиологические легенды, мотивирующие календарную регламентацию и систему наказаний за ее нарушение; а также лексический пласт, обладающий вторичной семантикой, например, используемый в игровой сфере, гаданиях и т.д.). 2) **этнографическая**, предполагающая реконструкцию техники прядения; технологии изготовления и использования оборудования, применяемого на разных этапах прядения и ткачества; 3) **социально-историческая**, включающая привлечение архивных данных, а также сведения из дореволюционных источников (например,

смысле этого слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками» [Толстой 1995: 23].

«Сборники статистических сведений по Тамбовской губернии»). Эта информация позволит определить: какие социальные слои были задействованы в сфере прядения и ткачества, проследить иерархию распределения обязанностей внутри профессиональной сферы (с учетом возрастной и гендерной принадлежности), «плотность» занятости населения данным видом деятельности, систему поощрения (оплаты) их труда, способы и виды реализации товара; 4) *музыковедческая*, репрезентирующая традиционные мотивы (нотные тексты и тексты песен), звучащие на разных этапах подготовки и изготовления полотна.

Территориально проект ограничен Тамбовской областью, но включает районы Липецкой (Лебедянский, Липецкий, Усманынский р-ны), Воронежской (Борисоглебский р-он) и Рязанской (Елатомский, Шацкий, Спасский, Темниковский р-ны) областей, то есть ту территорию, которая исторически соотносилась с Тамбовской губернией вплоть до 1928 г.

Внутренняя структура ресурса имеет тематический характер и строится с учетом семантического членения материала, основу которого составляет производственный процесс от его начального этапа (посев, выращивание и уборка конопли) до получения конечного результата – продукта этого производства, т.е. ткани. Таким образом, в словаре представлены следующие разделы и их наполнение: 1) выращивание и уборка конопли (включая номинации самого растения, его частей, сортов, качества; посев, рост и вызревание, уборка конопли); 2) первичная обработка конопли (номинация этапов обработки конопли; орудия обработки конопли; сырье и отходы при обработке конопли); 3) прядение (орудия и их части; названия действий в процессе прядения и мотания пряжи; брак при прядении; результаты прядения и мотания пряжи; сорта и качества пряжи; единицы пряжи; названия реальных и мифических лиц по отношению к прядению; обычаи и суеверия, связанные с прядением); 4) снование (разновидности сновален и их части; основа и ее части; ошибки при сновании); 5)

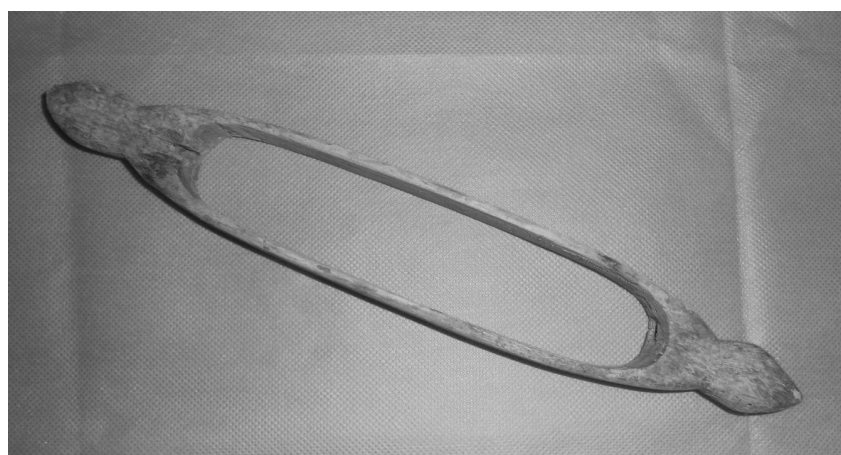
ткачество (ткацкий стан и его части; разновидности ткацких станов; процесс и техника тканья; отходы производства; ошибки и брак при тканье; названия реальных и мифических лиц по отношению к ткачеству; демонологические, космогонические и мифологические представления, отраженные в поверьях, семейных и календарных обрядах, запретах, предписаниях и легендах, связанных с подготовкой, процессом или готовым изделием); б) ткань (внешний вид и узоры; названия ткани, разновидности ткани; брак ткани; беление и крашение пряжи и ткани; счет и укладка тканей; торговля пряжей и тканями).

Определение типа словаря диктует и принцип отбора, размещаемого материала. В нашем случае эта задача усложняется, поскольку ремесленная лексика одновременно принадлежит и диалектному миру, и профессиональной среде, что обуславливает организацию особенного пространства ее бытования [Королева 2015: 298]. Анализ лексикографических изданий, посвященных данной теме (Среди них, см. Громов 1992; Тематический словарь говоров Тверской области 2003: 62–73), а также исследования, в которых интересующая нас тема выступает в качестве самостоятельного научного предмета исследования ([Павлова 1990; Алешина 2001; Чумакова 1995; Штукарева 2001]) или ее значимого компонента ([Кабакова 2001: 234–239; Валенцова 2012: 278–279; Валенцова 2009: 321–328, 328–330, 331–334; Виноградова 2016: 112–120]), позволяют признать, что терминология прядения, ткачества и коноплеводства носит диалектный характер и, как и терминология народного календаря [Толстая 2005: 10]), сочетает в себе профессиональную по происхождению терминологию и собственно народные, диалектные названия, отражающих мифоритуальное содержание производственного процесса. При этом диалект нами понимается в трактовке Н.И. Толстого: «Диалект (ровно как и макро- и микродиалект) представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую, если

народную духовную культуру выделить из этнографических рамок» [Толстой 1995: 21]. Таким образом, в словаре получает закрепление и собственно профессиональная терминология и тот пласт ремесленной лексики, которая принадлежит диалектному дискурсу.

Структура словарной статьи многоуровневая и учитывает коннотативный характер рассматриваемых групп [Апресян 1995: 156–177], демонстрируется использование этой лексики в мифопоэтическом пространстве. Толкование дается каждому слову при каждом значении. В каждой словарной статье термины коноплеводства, прядения и ткачества рассматриваются на всех лингвистических уровнях: семантический аспект получает развернутую характеристику, наряду с ним отмечаются фонетические и фонематические варианты, перечисляются зафиксированные грамматические формы, по возможности указываются стилистические пометы. Выбор контекста и определение его границ детерминированы следующими задачами: проиллюстрировать основное значение профессиональной терминологии, в котором употребляется слово, а также показать его семантические оттенки. При наличии синонимичных и антонимичных отношений статьи снабжены гиперссылками, которые позволяют вывести на экран дополнительные окна с информацией и одновременно работать с каждым из них. Все словарные статьи снабжены географическими пометами, позволяющими очертить ареал бытования слова, этим же задачам отвечают и интерактивные карты, демонстрирующие слово в проекции, его семантические, номинативные и словообразовательные модификации. Словарные статьи, содержащие описание оборудования, снабжены рисунками (фото материалами или видеотреками), дающими представление об их внешнем виде, расположении деталей, разновидностях; реконструкция в 3D позволяет увидеть механизм и функционирование оборудования, понять технологию производства. Приведем пример статьи, которая уже частично разработана.

ЧЕЛНОК, ч[а]лнóк, ч[а]лнóчек. 1. ‘Ткацкий челнок. Продолговатая колодка с накрученной внутри (на **цевку**) нитью’. См. фотоматериалы (слайд 1–2. Челнок. Общий вид и вид сбоку. с. 1-ая Иноковка, Кирсановский р-н, Тамбовская обл., 2016 г.). **Прялки**. *Вон, у мене гдей-то она стоит, я сама пряду шерсть на ней. Сидять вот, и тянуть... веретяно. И нитка получается, и нитки сматывают в клубки, потом становятся этот, **станок**, и ткуть их этого самого, из этих ниток. Они как её, я то не знаю, я тогда в старину, их как-то вот делала, такой вот станочек. Вот они заправляли на такой вот чалнок, нитки вот здесь наматывают, наматываются, и вот они туды её вставлять, а нитка продолжается туды, раз, раз – **сучать**. Опять улучшают, в другую сторону такое, опять станком – раз, раз. И вот так со временем получается материал. А тут под ногами две такие... Да, да, они их переступают. Вот такие, вот нажать, раз, не перешла, челнок всунули. Ну они как наступять, поднимаются между собой нитки-то эти, а этот туды пройдёт, чалночек-то этот, а она это подымая и другая опуская. Он опять, он от-тэдова, чалночек, идёт. И вот так, вот так стучать [с. Мезинец, Староюрьевский р-н, Тамбовская обл., Поняева Мария Кузьминична, 1939 г.р. местная и Поняев Борис Петрович, 1937 г.р., местный, запись авторов, 2006 г.]; 2. Региональный вариант названия общерусской подвижной игры «Ручеек». На территории области больше известен вариант с водящим: В «Липту», «Горелки», «Челнок» играли. В «Челнок» так вот играли. Мы стоим с тобой, а парень бежит и тащит за собой ту, которая понавилась [с. Большой Ломовис, Пичаевский р-н, Тамбовская обл., Макарова Антонина Ильинична, 1914 г.р., местная, запись Махрачевой Т.В., 1995 г.].*

**Слайд 1. Челнок. Общий вид
с. 1-ая Иноковка, Кирсановский р-н, Тамбовская обл., 2016 г.**

**Слайд 2. Вид сбоку
с. 1-ая Иноковка, Кирсановский р-н, Тамбовская обл., 2016 г.**

Литература

1. *Алешина Л.М.* Лексика коноплеводства в орловских говорах: автореф. дис... канд. филол. наук. Орел, 2001.
2. *Апресян Ю.Д.* Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. М., 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 156–177.
3. *Булдакова Е.В.* Компьютерная лексикография: конспект лекций / Е.В. Булдакова; Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2009.
4. *Буцких С.А.* Проект тематического словаря «Лексика традиционного прядения, ткачества и коноплеводства на территории Тамбовской области» // Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке: материалы Второго Международного студенческого форума (г. Воронеж, 17–19 апреля 2017 г.). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. Вып. 2. Т. I. С. 218–221.
5. *Валенцова М.М.* Прядение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Тт. I–V., Т. IV. П (Переправа через реку) – С (Сито) / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009.
6. *Валенцова М.М.* Пряжа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Тт. I–V., Т. IV. П (Переправа через реку) – С (Сито) / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009.
7. *Валенцова М.М.* Прялка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Тт. I–V., Т. IV. П (Переправа через реку) – С (Сито) / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009.
8. *Валенцова М.М.* Ткачество // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Тт. I–V, Т. V. С (Сказка) – Я (Ящерица) / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012.
9. *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016.

10. *Герд А.С.* Научно-техническая лексикография // Прикладное языкознание. СПб., 1996. С. 287–301.
11. *Гранова М.А.* Электронные словари славянской мифологии: опыт и перспективы развития // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2016: Сборник статей / отв. ред. О.Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 80–92.
12. *Громов А.В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Униже [Текст]: учебное пособие. Ярославль: ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1992.
13. *Драчева Ю.Н.* Электронный корпус диалектных текстов в аспекте изучения динамики культурных концептов (на примере мультимедийного корпуса вологодских текстов) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2014: Сборник статей / отв. ред. О.Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 114–121.
14. *Кабакова Г.И.* Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир, 2001. 335 с., ил. («Русская потаенная литература»).
15. *Королева М.Д.* К проблеме анализа диалектной ремесленной лексики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / Ин-т лингв. Исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 298–307.
16. *Махрачева Т.В., Буцких С.В.* Прядение и ткачество на территории Тамбовской области: этнолингвистическое описание // Экология языка и речи: материалы V Международной научной конференции (3-5 ноября 2016 года) / отв. ред. А.С. Щербак; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов: Принт-Сервис, 2016. С. 239–242.
17. *Никитина С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. Глава 4. Тезаурусное описание языка народной поэзии: общий подход и структура словаря. С. 61–101.

18. *Павлова М.Р.* Полесская терминология ткачества на общеславянском фон: автореф. дис... канд. филол. наук. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990.
19. *Рублева О.С.* Слово в электронном словаре: дисс... канд. филол. наук. Киров, 2010.
20. *Савина А., Типикина Т.* Что внутри электронного словаря? // Наука и жизнь. 1999. № 10; То же [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/9857/> (19.10.17).
21. *Селегей В.П.* Электронные словари и компьютерная лексикография [Электронный ресурс]. URL: <https://studfiles.net/preview/1771482/page:28/> (16.10.2017).
22. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1880–1886. Тт. 1–12.
23. Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т.В. Кирилловой [и др.]. Тверь, 2003. Вып. 2. С. 62–73.
24. *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. М.: Индрик, 2005. [Традиционная культура славян. Современные исследования].
25. *Толстой Н.И.* Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Издательство «Индрик», 1995. С. 15–26.
26. *Чумакова Ю.П.* Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) / ред. Б.В. Горбунов. Рязань, 1995.
27. *Штукарева Е.Б.* Тематическая группа наименований тканей в современном русском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2001.

Недоступова Любовь Винаминовна

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
nedostupowa2009@yandex.ru

**Особенности речи петропавловской хохлушки
(лексический аспект)**

В любом цивилизованном обществе язык является бесценным богатством, в котором хранятся традиции, жизненный опыт народа, передающего последующим поколениям достижения культуры разных эпох. Поэтому народная речь и любовь к языку родного края привлекают учёных-диалектологов.

Лексикон сельских жителей, составляя национальную идентичность каждого индивида, является способом самовыражения личности в бытовом общении в естественной речевой среде диалектоносителя [Бондаренко 2017: 29].

Объектом рассмотрения в данной работе являются особенности речи жительницы села Старая Меловая, находящегося в Петропавловском районе Воронежской области. В качестве информанта выступила Опрышко Надежда Григорьевна – коренная жительница этого населённого пункта, 1940 года рождения. Запись произведена в 2017 году. Основное заселение воронежских земель произошло в Петровскую эпоху, когда Воронежский край становится колыбелью российского флота. Петр I основал в «здешних странах многие Государственные заведения», тогда было «несравненно больше населено из разных мест переведенцами», «а по Указу 1696 года браны были переведенцы и из других Украинских городов, Русские люди и Черкасы» [Болховитинов 1800: 12]. Село Старая Меловая было основано беглыми украинскими казаками в 1716 году согласно распоряжению Петра I, у реки Толучеевка, как военная крепость.

Своё название населённый пункт получил по имеющимся в этих местах меловым холмам. В настоящее время в Старой Меловой проживает около 2500 человек. Ввиду того, что село рас-

положено в самом южном районе Воронежской области, то здесь наблюдается определённая ассимиляция населения и смешение русского и украинского языков.

Несмотря на то, что жители Старой Меловой называют себя «хохлами» и «хохлушками», они прекрасно владеют русским языком. Свидетельством этого является образная и выразительная речь нашей информантки.

Яркие лексические особенности говора мы попытались систематизировать по небольшим тематическим группам. Рассмотрим попавший в наше поле зрения материал. Отметим, что в статье используется упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре имеет фрикативное образование [γ].

1. Сельскохозяйственная и животноводческая лексика.

Вол – `бык`: [*Колы' на ло'шадэ и'лы на вола'х поха'лы*].

Вы'уон – `луг, место для выгула скота`: [*Посрэди'не на вы'уоне у наз паслы'скоты'ну*].

Скоты'на – `крупный рогатый скот (корова, телята)`: [*Скоты'ны дэ'ржа'лы мно'уо. Ски'ка було' забо'т и хлопо'т. Та'кжи сича'с розво'дют о'чэнь бо'уа'то скота'*].

Хлев – `помещение для содержания скота`: [*Ри'залы лопа'той в хле'ве үдэ була'скоты'на*].

Гний – `перегной (перепревший навоз)`: [*В стэпи'дров ма'ло, куски'наподо'бие то'рфа ча'ще называ'лся үний. Вин от скоты'ны*].

2. Крестьянское жилище, хозяйственные постройки и их составляющие.

Ха'та – `крестьянское жилище`: [*Ха'та була' под соло'мою. Так как хохлы'лю'ды о'чень чистопло'тныи, то снару'жи её бели'лы. Ха'ткы булы'нэвэлы'ки, помеща'лось ма'ло наро'ду. Йих ра'ньши ри'дко закрыва'лы як сича'с. Двэрь ча'сто була'откры'та. Ра'ньше ж таки'замки'нэ було'. В ха'те була'ки'шка. Внызу'у двэры'дэ'лалы отве'рстия. Ды'рочка була',*

шоб туда' ки'шка моула' влэсть. Ны одно'й ха'ты нэма' сича'с шоб она' була' покры'та соло'мою].

Си'ны – `сени, входная неотапливаемая часть дома`: [*Булы' си'ны. В синя'х стая'л большо'й сунду'к].*

По'уриб – `погреб, постоянное помещение для хранения сельскохозяйственных продуктов, представляющее яму с крытым верхом и укреплёнными стенами, подвал`: [*В по'уриби стоя'л вэлы'ки таки'й я'щик, үдэ було' са'ло. Вэлы'ки пласты' са'ла посо'лины, и оно' дэржа'лося всэ ли'то. Пэ'рэд сэ'вом и'лы пэ'рэд зимо'ю оно' всё врэ'мя там було'].*

Сунду'к – `ящик с крышкой на петлях и замком, обычно со скобами, для хранения вещей`: [*У сундуке' там усё було' сло'жэно].*

Ви'кна – `окна`: [*Ви'кна йих то'же кра'силы].*

Вико'нэца – `створки для окон`: [*Ви'кна всэүда' булы' закры'ты вико'нэцамы. И було' ти'па солидо'л, чёрным покрыва'лэ и оны'я'рко выделя'лысь на бе'лой стини'].*

Пэчь – `массивная печь с лежанкой (полатями), используемая для приготовления пищи и обогрева помещения`: [*Пэ'чку ма'залы үлы'ной жёлтой. На'до шоб була' пэчь үоря'ча].*

То'пка – `часть печи, где разводят огонь, где сжигают`: [*Пэрево'ра'чвалы, скла'дывалы куски' для то'пкы].*

Лэжа'нка – `место для лежания, отдыха`: [*Ба'бушка под э'ту лэжа'нку ча'сто кла'лэ соло'му].*

Плыта' – `плита, плоский прямоугольный с ровной поверхностью кусок металла`: [*Була' ще'плыта'. Положи'ла жэлэ'зну'плыту', поэ'тому до утра'ничёүо нэ остыва'ло].*

Ла'вкы – `длинные скамейки, обычно укреплённые вдоль стены`: [*Внутри'ха'ти булы'дэревя'нни ла'вкы, кото'ры булы'покры'ты тка'нэм, рядом'м].*

Ву'үоль – `уголь`: [*До на'з приезжа'лы из Донба'са ме'ня'лы ву'үоль на карто'шку. Плыту'топы'лы ву'глэм].*

Жар – `горячие угли без пламени`: [Так вэ`чером було` жа`рко о`чинь. К утру` жар остыва`л и становы`лось хо`лодно. Топы`лы обы`чно и`лы соло`мой и`лы уни`им].

Сама`н – `кирпич-сырец из глины, песка и соломы`: [Сама`ха`та стро`илась из самана`. Сама`н эт`таки`е больши`е как кирпичи`, у`лы`на, пэсо`к и соло`ма. Булы`таки` стано`чки, туд`а`э`то всё налива`лы. Ноу`а`мы мэсы`лы, пото`м вынима`лы и получа`лысь таки` больши` кирпичи`. Их суши`лы и пото`м стро`илы].

Коло`дэц – `сооружение для добывания грунтовых вод, обычно представляющее вертикальное углубление с укрепленными стенками и механизм подъема воды на поверхность (ведро на верёвке)`: [Былы` коло`дцы. Коло`дэц на усэ`х оды`н був. Во`ду носы`лы с коло`дца. Ка`ждый набыра`л воды` и приноси`в до`му].

Очэрэ`д – `камыш`: [Сара`и под соло`мою и`лы камышо`м булы`, еуо` называ`лы очэрэ`д. Еуо` нареза`лы и покрыва`лы вэрх].

Щёлок – `настой золы, используемый при мытье головы и стирке белья`: [Эконо`милы на всём: уо`лову мы`лы щёлоком. Щёлок э`то зола`, иие` насыпа`ешь в сы`то, пото`м пролива`ешь водо`ю и получа`еца мы`льный раство`р. Ице` мы с щёлоком стыра`лы].

3. Посуда.

Мыска` – `миска, глубокая и широкая чашка`: [Булы` вэ`лы`ки таки` мыскы`].

Ло`жкы – `ложки`: [Ло`жкы булы` алюми`нивы и`лы дэре`вя`нни, про`сто нэ`розрисо`ваны].

Стака`ни – `стаканы`: [Стака`ни булы` стикля`нни].

Каду`шка – `небольшая по размеру кадка для разных солений`: [У наз`есть сэло` Воронцо`ука` үдэ`ро`блютъ каду`шки].

4. Пицца, напитки и их приготовление.

Моло'шна ка'ша – `каша из молока`: [*Обяза'тельным блю'дом була' и моло'шна ка'ша*].

Холодэ'ц – `то же, что студень`: [*Холодэ'ц вары'лы на сва'дъбу*].

Бориц – `суп со свёклой и другими овощами`: [*Бориц був обяза'тельным блю'дом у дэрэ'вне*].

Хлиб – `хлеб`: [*Осо'бэнно када' пэклы' хлиб, на'до шоб була' пэч' гора'ча. Пото'м ри'залы хлиб*].

Корова'й – `круглый хлеб`: [*Прино'сылы вэлы'ки корова'й. Еуо' пэклы' на сва'дъбу. Пра'зничный такы'*].

Пирижэ'к – `маленький закрытый пирог удлинённой формы`: [*Пирижки' со смита'ною на по'мынкы пэклы'*].

Ковуны' – `арбузы`: [*Иишэ' готэ'вылы мочёны ковуны'. Йих пэрэклада'лы капу'стою. Э'ту капу'сту от ковуни'в нэ йи'лы. Ковуны' были' о'чинь до'бри*].

Тэ'рэн – `тёрн`: [*Суши'лы бога'то фру'кти и я'годи. И я'блоки, и гур'ши, и вы'шни, и тэ'рэн*].

Узва'р – `укр. напиток, сваренный из сушёных фруктов`: [*И вары'лы уку'сный узва'р из фру'ктив*].

Выно' – `вино`: [*Выно' на по'мынках для жэ'ницин. Самоу'нкы було' ма'ло и'лы жэ' нэмно' жко во'дки, тро'жкы*].

5. Элементы традиционной народной культуры, обрядовые действия и прочее.

Рушны'к – `рушник, домотканое полотенце из конопляных или льняных нитей с богатой вышивкой`: [*Пэ'рэд молоды'мы на столи' росстыла'лэ рушны'к, вин вы'шито рука'мы*].

Конопля' – `сельскохозяйственная культура, из которой ткали полотно`: [*Мы сэ'ялы и коноплю', пото'м йие' мочи'лы, суши'лы, затэ'м из нэ'й тка'лы полотно'*].

Рядно' – `толстый холст из конопляной или грубой льняной пряжи`: [*Ис кусо'чков мате'рии поло'сочки рэ'залы, затэ'м йих сшива'лы. Называ'лось оно' рядно'*].

Сва'танье – `сговор на получение согласия на брак`: [*А пэ'ред э'тим у наз було' сва'танье. Прихо'дя ба'тько жэныха'. Ти'ка кто прихо'дя сва'тать - ро'цтвиники*].

Сва'дьба – `брачный обряд`: [*В сва'дьби уча'ствуют цэ'ла у'лыца и'лы пилсэла'. Всэ ходы'лы дывы'цца. Пряма прыя'тно дывы'ца. Ти'ка пэ'ли пэ'сни. Всэ ходы'лы спива'лэ и танцэва'лэ. Там полно' молодёжи з'гармо'шкой. Суси'ды вэчэра'мы чуть нэ цэ'лу нидэ'лю собыра'лысь по'слэ*].

Молоди', молоды' – `молодожёны, жених и невеста`: [*Молоди' е'халы, у них булы' таки' са'ны на два чилевэ'ка. Шоб' молоды' до конца' жи'зни булы' звя'зны вми'сти*].

Вэно'чек – `украшение на голове невесты`: [*Вэно'чек цэ' из бума'гэ був*].

Вы'шня – `дерево с плодами вишни, имеющее символическое значение в свадебном обряде`: [*Вэрху'шку вы'шни украша'лы цвэтка'мы и нэслы' по дэрэ'вни*].

Чита'ка – `тот, кто читал молитвы по умершим`: [*По'хороны то'же тако' собы'тие. Цэ'рквы у наз в сили' нэ було'. Йи'хатэ в цэ'ркву нэ моу'ка'ждый. У наз был муцици'на чита'ка. Вин оды'н чита'л по поко'йныках. С ным прыходы'лы дви'страпу'шкы*].

Хохо'л – `то же, что украинец`: [*Здэсь смесь ру'скава и украи'нскава. Паэ'таму нас называ'ют хохлы', го'вар ни пахо'ш ни на ру'сский, ни на укра'инский. Э'та што'-та смесь*].

Итак, на слух исследуемый говор воспринимается как специфический, включающий элементы русской и украинской речи. Однако представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в говоре наблюдается широкое употребление украинской лексики, которая сохраняется в разговорной речи. В то же время исследуемый диалект, безусловно, испытывает влияние русского литературного языка и других говоров, расположенных в его окружении. Находясь в условиях межъязыковой интерференции, диалектоноситель в некоторой степени сохранил лекси-

ческий состав, который когда-то был перенесён родственниками-переселенцами с родины. Данный факт свидетельствует о том, что старомеловатский говор можно считать переходным русско-украинским.

Несомненно, диалекты являются не только языковым феноменом, но и феноменом общественной жизни: они отражают социальную структуру общества. Знание о территориальных диалектах и их специфических чертах и особенностях является результатом познания и осмысления различий, закреплённых в языке. Более того, в говорах сохраняется архаический пласт удивительно яркой речи, отличной от литературного языка, но не менее важной, чем последний.

Литература

1. *Авдеева М.Т.* Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. / Авдеева М.Т.; ВГУ. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008.

2. *Болховитинов Е.А.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивных записок и сказаний. Воронеж, 1800.

3. *Бондаренко О.В.* Лексические эквиваленты в речи диалектоносителей на территории смешанного проживания русских и украинцев // Живое слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. С. 27–30.

4. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Гос. Ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ, Гос. Изд-во иностр. и нац. слов, 1935–1940. (4 т.).

Петрова Римма Юрьевна

Вологодский государственный университет
rimma-petrova@mail.ru

**Северус Снейп (Снегг) и Югорус Лужж:
опыт лингвоперсонологического анализа**

В последнее время наблюдается возрастающий интерес к такому аспекту психолингвистики, как изучение языковой личности. Анализ языковой личности кажется особенно интересным в процессе сравнения представителей разноязычных культур – как реальных фигур, так и вымышленных героев. В данной статье проводится сравнительный анализ речевого портрета двух персонажей современных фэнтези-романов: Северуса Снейпа (Снегга) и Югоруса Лужжа. В качестве эмпирического материала для описания речевого портрета были использованы тексты романов «Гарри Поттер и философский камень» (1997 г.) и «Порри Гаттер и каменный философ» (2002 г.)

Северус Снейп (Снегг) – профессор зельеварения в серии романов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере; в русскоязычной пародии поттерианы – серии романов А. Жвалевского и И. Мытько о Порри Гаттере профессор Снейп послужил прототипом для создания образа преподавателя Югоруса Лужжа.

Одним из мощных средств создания образа персонажа является его речевая характеристика, потому что язык – наиболее интенсивное проявление интеллекта героя [Караулов 2010: 37]. Особенно это актуально для главных героев художественных произведений, т.к. они всегда «на виду» у внимательного читателя, обращающего внимание на мельчайшие детали их образа, размышляющего над каждым нюансом произнесенных ими фраз.

Речевой портрет виртуальной личности существенно отличается от речевого портрета личности реальной. Это объясняется тем, что личность виртуальная, хотя и может быть создана по образу и подобию реально жившего человека, все же никогда на

свете не существовала и является порождением фантазии автора. Качества, которые присущи такой личности, находятся в прямой зависимости от этических и эстетических установок автора.

Кроме собственной точки зрения на жизнь, на авторские установки может влиять и тип произведения, выходящий из-под ее пера. Несмотря на богатую атрибутику жанра фэнтези, цикл романов о Гарри Поттере («Поттериана») реализует тип романа воспитания, известный в классической европейской литературе со времен Просвещения. Эстетической задачей романа воспитания является изображение социально-психологического и нравственного взросления человека, становления его самосознания в контексте того или иного социального окружения, под влиянием тех или иных педагогических идей [Коваленко 2017: 389].

«Идеальной школой» с точки зрения «Поттерианы» является Хогвартс – место, где воспитанники, одаренные необычными способностями, не только получают знания и формируют навыки, жизненно необходимые в мире волшебства, но и воспитывают в себе качества, определяющие их нравственную позицию. Это стремление к добру и правде, неприятие лжи и насилия, осознание ответственности за свои поступки, умение дружить и любить, радоваться и скорбеть, ненавидеть и прощать. «Педагогическое ядро» Хогвартса (*Альбус Дамблдор, Минерва Макгонагалл, Северус Снейп, Римус Люпин, Рубеус Хагрид*), при всех возрастных, интеллектуальных и поведенческих различиях, являет собой пример служения профессии, нравственного отношения к своим ученикам и коллегам.

Таким же примером для детей, а далее, по мере взросления персонажей, подростков, становятся и главные герои «Поттерианы», для которых взаимовыручка, преданность друзьям, взаимоподдержка, жертвенность, храбрость (качества, приобретенные ими во время учебы в Хогвартсе, где постоянным примером для них были преподаватели) становятся главными ценностями в

жизни и в значительной мере характеризуют не только самих героев, но и этические установки автора семилогии, Дж.К. Роулинг.

Одна из характерных особенностей речевого поведения интеллигентных носителей языка – умение **переключаться** в процессе коммуникации с одних разновидностей языка на другие в зависимости от условий общения. Эта диглосность (точнее, полиглосность, поскольку переключаться приходится не на одну, а на множество разновидностей) отличает интеллигенцию, например, от носителей просторечия, которые моноглоссны и не умеют варьировать свою речь в зависимости от ситуации [Караулов 2010: 65].

В романе «Гарри Поттер и философский камень» профессору Снейпу приходится общаться с двумя категориями собеседников: ученики и коллеги, и в процессе общения герой умело переключается с одной разновидности языка на другую, доказывая высокий уровень интеллекта и приспособляемости к ситуации.

Например, во время урока преподаватель так обращается к ученикам: *«Сядьте! — рявкнул он»* или *«Так, все записывайте то, что я сказал!»* или *«Отведите его в больничное крыло»*, но во время разговора с другими учителями построение фраз меняется, так же как и лексикон: *«Проклятая тварь, — произнёс Снегг. — Хотел бы я знать, сможет ли кто-нибудь следить одновременно за всеми тремя головами и пастями и избежать того, чтобы одна из них его не цапнула?»* или *«Может быть, но в любом случае драки запрещены школьными правилами, Хагрид»* или *«Значит, в Особой секции? Что ж, они не могли уйти далеко, мы их поймаем»*.

При анализе речевого портрета профессора Снейпа нужно учитывать, что приключения Гарри Поттера – каноничная борьба со злом, и для победы героям необходимо приобрести и использовать множество качеств: самопожертвование, умение отказываться от чего-то в пользу Высокой Цели, взаимоподдержка, при-

нятие верных решений, тактика боя, бесстрашие, хладнокровие, умение принимать взвешенные решения и др.

Кроме того, им, безусловно, полезно пройти сквозь своеобразную репетицию той войны, в которой им придется поучаствовать уже во взрослом возрасте. Такую возможность им и предоставляет профессор. В его речи это отражается через построение фраз (преимущественно короткие: «*Проходите вперёд, нечего здесь толпиться*», «*Я жду*»), употребление особой «военной» интонации («*Идиот!*», «*Отдайте мне книгу*»), риторических вопросов (благодаря своему опыту он знает, какие ошибки допускают ученики, поэтому в ответе не нуждается: «*Как я понимаю, прежде чем снять котёл с огня, вы добавили в зелье иглы дикобраза?*»)

В результате становится ясным, что у профессора Снейпа в процессе социализации в той речевой среде, в которой он оказался (волшебный мир), выработался мощный механизм кодовых переключений, позволивший ему усвоить нормы речевого поведения, в дальнейшем обеспечивших его безупречное исполнение всех навязанных ему ролей (шпиона, директора Хогвартса, преподавателя, нарочито отрицательного героя).

Для анализа речевого портрета Югоруса Лужжа (прототипом которого в «Порри Гаттере» и послужил профессор Снейп) стоит обратиться к эстетическим установкам авторов этого произведения. Роман «Порри Гаттер и каменный философ» может быть классифицирован как пародия на оригинальный цикл о мальчике-волшебнике, созданная с помощью приема «точность до наоборот», объясняющего логику двойных эстетических установок произведения. Несмотря на некоторое «высмеивание» мира Роулинг, «Порри Гаттер» также является романом-воспитание, его функции остались неизменны – отразить логику становления личности, а Югорус Лужж, хоть и разительно отличается от своего прототипа, играет особую роль, роль учителя, близкого мальчику.

Отдельные фразы Лужжа («*Порри! Скажи, что это неправда!*») напоминают приказы, отдаваемые Снейпом, но на са-

мом деле такого оттенка они не несут – это восклицания, которые герой издает в минуты особого волнения, что показывает контекст. Например, далее по тексту следует характерное для Лужжа предложение: *«Здравствуйте, Клинч, вы, как обычно... да. Я ни секунды не сомневался!»*

Восторженную натуру Лужжа (в отличие от нарочито холодного и сдержанного Снейпа) ярко характеризуют его постоянно используемые в речи восклицания: *«Это же Боингус-746-вертикалис-взлетус-зависатус, совершенно новое заклинание! Я его сам недавно сконструировал! Как я мог забыть, что рассказ об этом Порри! Буквально два дня тому! Смотрите, до чего изящно встроено! Если бы не ваш острый глаз, профессор Бубльгум, я бы в жизни не заметил!»* Кроме постоянных восклицаний, этому герою присуще употребление преимущественно «превосходной» лексики: *«Порри, метод, который ты предложил – это просто гениально!»*, *«Ты еще не осознал всю грандиозность своего открытия!»*

Впрочем, любовь к риторике и зрелищным высказываниям Лужж в полной мере унаследовал от Снейпа (стоит только вспомнить столь знакомую поттероманам речь профессора Хогвартса о науке зельеварения): *«Ментодеры! Всех ментодеров мира не хватит, чтобы остановить декана Слезайблинна, когда тот в ярости!»* Также в речи профессора Лужжа встречаются риторические вопросы (*«Что может быть проще времени?»*). Заметна любовь персонажа к разговорной речи: *«Сначала я его попридержал, быстренько изготовил фантомов, а потом отпустил»*; *«Фиолетовым бабахом»*; *«Ура. У меня есть алиби»*; *«И ведь хорошо пошел – за Тибет»*.

По сюжету романа Лужж – рассеянный, «витающий в облаках» герой с чертами характера типичного «кабинетного ученого». Даже если он осознает, что перед ним – вышестоящее начальство, он все равно общается с ним на том же языке, на котором разговаривает с учениками или коллегами. Например, он

позволяет себе так обратиться к директору Первертса: *«Да выключите вы их, Бубльгум! Опять Харлея придется три дня на занятия выманивать!»* В разговоре как с учениками он не избегает фраз, которые могут «запутать» собеседника и несколько затрудняют течение диалога и взаимопонимание собеседников (*«Некоторые недалекие преподаватели утверждают, что у тебя сова не волшебная и даже не живая»*), так и с преподавателями (*«Обождите, Мелинда! А подсказка? Что нам делать?»*).

В диалоге профессор Снейп показывает свои блестящие навыки в высшем уровне аудирования: он адекватно понимает текст собеседника, благодаря чему правильно прочитывает ситуацию и на этой основе может прогнозировать дальнейшее речевое и другое поведение собеседника (*«профессор Квиррелл: “Я... Я н-не п-понимаю, о ч-чём в-вы...” – профессор Снейп: “Вы прекрасно знаете, о чём я говорю”*»).

Такими навыками профессор Лужж похвастаться не может: *«ЮЛ: “Порри! Скажи, что это неправда!” ПГ: “Это неправда”*», *«ЮЛ: “Они сказали, что твоя сова... железная! Это ведь не так?” ПГ: “Это не так. Железо слишком тяжелый металл. Пришлось использовать дюраль”*»).

Возможно, авторы присвоили своим персонажам такие умения из-за типа произведения, в котором происходит действия – у этих двух видов романа-воспитания слишком разнятся финал и атмосфера и, следовательно, разными должны быть и умения героев. Поэтому профессору Снейпу, как активному участнику войны, необходимо всегда ясно представлять текущие обстоятельства, в то время как профессору Лужжу можно жить в более спокойном мире и позволять себе верить в ту картинку, которая складывается перед его надежно защищенными розовыми очками глазами.

При сопоставлении речевых портретов анализируемых языковых личностей бросается в глаза, что их речь – несмотря на то, что оба профессора работают в школе и по сюжету вынуждены

периодически озвучивать прописные истины и школьные правила – не насыщена шаблонами, стандартными выражениями/автоматически воспроизводимыми фразами. Данное наблюдение позволяет сделать вывод, что при всей их внешней несхожести (а скорее даже, нарочитого противопоставления) в структуре обеих языковых личностей есть творческое начало, а однолинейность и однопрограммность отсутствуют.

Также обоим профессорам присуща определенная доля эстетизации речевых поступков. Знаменитая речь профессора Снейпа о зельеварении буквально «начинена» эпитетами («тончайшие», «мягкая сила»), метафорами («пробираются по венам человека», «околдовывая разум»), ранее несочетавшимися в предложениях словами («сварить триумф», «заткнуть пробкой смерть», «разлить по флаконам известность»). Профессор Лужж в этом отношении почти не отстает: метафоры («многие из вас ломают головы», «Еще немного, и голову потеряли бы все присутствующие»), устойчивые словосочетания («За каким чертекаком я его тащу с собой?»), эпитеты («уютные бассейны», «увлекательнейшее зрелище»).

Таким образом, после проведения сравнительного анализа речевых портретов языковых личностей Северуса Снейпа (Снегга) и Югоруса Лужжа становится возможным прийти к следующему выводу: несмотря на столь разные жизненные обстоятельства героев, на разные характеристики произведений, в которых персонажи выведены, между ними, при наличии различий (уровень навыков аудирования, типы высказываний и интонация, наличие/отсутствие полигlossности), существуют и общие черты (эстетизация речевых поступков, риторические вопросы и восклицания). Это позволяет выдвинуть предположение, что даже при наличии такого явного несходства между двумя профессорами, тип произведения, в котором они действуют, накладывает определенный отпечаток на их речевой портрет. Как «Гарри Поттер и философский камень», так и «Порри Гаттер и каменный философ»

являются примерами романа-воспитания, следовательно, учителю, близкому к главному герою или просто оказывающему на героя большое влияние, необходимо обладать определенными чертами характера, проявляющимися в его речевом портрете и переходящими из оригинального произведения в пародию.

Литература

1. *Жвалевский А.В.* Порри Гаттер и каменный философ / А.В. Жвалевский, И.Е. Мытько. М.: Время, 2002.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010.
3. *Коваленко О.Ю.* Авторский цикл Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере как литературный и социокультурный феномен // Молодой вчений. 2017. № 2 (42). С. 387–393.
4. *Роулинг Дж.К.* «Гарри Поттер и философский камень». М.: Росмэн, 1997.

Пригодина Олеся Викторовна

Вологодский государственный университет
antarcticacries@yandex.ru

**Языковая личность Беликова в рассказе А.П. Чехова
«Человек в футляре»**

С древнейших времен понятие «человек» было предметом самых разных дискуссий. Многие науки пытались решить проблемные вопросы, связанные с данным понятием, выдвигали концепции, актуальные для своего времени. С течением лет личность человека привлекла и языковедение. Современная лингвистика антропоцентрична, личность человека многократно становилась объектом её исследования. Термин «личность» введен в лингвистику прежде всего для того, чтобы всесторонне изучить различные языковые явления. Переосмысление данного психологического понятия в рамках языковедения дает возможность судить о том, что человек вербализирует накопленный опыт и может его систематизировать. Так рождается понятие **языковой личности** и, следуя за Ю.Н. Карауловым, под этим термином мы подразумеваем языковой опыт индивида, совокупность его речевых умений, способностей воспроизводить и воспринимать информацию.

Обращаясь к непосредственно важной проблеме – анализу языковой личности, задаемся вопросом: кто для нас «человек в футляре»? Каким будет ассоциативное поле, связанное с этим понятием? Может быть, такой человек – одиночка, интроверт, замкнутая, сомневающаяся личность. Или человек в хорошо скроенном костюме, под которым таится что-то не менее ценное – его внутренний мир. Диалоги, монологи, брошенные вскользь реплики, внутренний голос персонажа – вся совокупность речевой деятельности героя показывает нам внутреннее состояние, духовные ценности, обнажает синтез мыслей и чувств. Это поз-

воляет анализировать, создавать картину языковой личности как вымышленного героя, так и реального человека.

Понятие языковой личности может быть применимо не только к персонажам, но и к автору художественного произведения. Речь А.П. Чехова обладает массой стилистических особенностей и бесконечной поэтичностью речевых оборотов; его индивидуальность проявляется в тексте на всех уровнях повествования, поэтому важно разделять образы «автора» и «действующих лиц».

Что представляет собой исследуемый персонаж – учитель греческого языка Беликов? Мы видим человека с нейтральной фамилией, без имени и отчества. Фамилии в произведениях А.П. Чехова часто ироничны, странны и, без сомнений, указывают на акцентуированные черты характера героев: вспомним Червякова в «Смерти чиновника», Невыразимова в «Мелюзге». Возможно, наделяя Беликова частотной фамилией, автор указывает на некий собирательный, усредненный образ преподавателя в лице героя.

Мы знакомимся с Беликовым не напрямую, его риторика доходит до нас в виде, интерпретированном повествователем – Буркиным, тоже учителем. Формируется своеобразная система «Буркин – Беликов», где языковая личность последнего может быть проанализирована только через призму личности Буркина.

Чехов расставляет акценты в произведении: Беликов олицетворяет замкнутость, правильность, доходящую до невыносимых границ, отвращение к настоящей действительности. Аргументируя «футлярность» Беликова, автор использует следующие конструкции: *«человек, одинокий по натуре»*, *«человек, пытающийся уйти в свою скорлупу»*, *«человек в калошах и с зонтиком»*. Приведенных примеров достаточно для понимания того, что персонаж не является сильной личностью и его речь представляется отражением всех его черт характера, даже имплицитных, а также эмоциональных и интеллектуальных оценок.

Анализ лексического состава языка Беликова дает понять, что перед нами действительно образованный, благовоспитанный человек: в его речевой деятельности нет разговорной, сниженной лексики, речь героя почти всегда интонационно стабильна. Нельзя не сказать о важности греческого языка – Беликов преподавал именно его. Греческий можно сравнить с еще одним чехлом, куда прятался главный герой: *«Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге, и, быть может, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвращение к настоящему, он всегда хвалил прошлое. И древние языки, которые он преподавал, были для него те же калоши и зонтик, куда он прятался от действительной жизни».*

Изучаемый язык повлиял на психику и, соответственно, лексику персонажа, на восприятие Беликовым других людей:

«— О, как звучен, как прекрасен греческий язык! — говорил он со сладким выражением; и, как бы в доказательство своих слов, произносил: — Антропос!»

Беликов говорит распространенными, прерывистыми предложениями, указывающими в некоторой степени на неоднозначность и запутанность мысли:

«— Оно, конечно, так-то так, всё это прекрасно, да как бы чего не вышло».

«— Варвара Саввишна мне нравится, и я знаю, жениться необходимо каждому человеку, но... всё это, знаете ли, произошло как-то вдруг... Надо подумать».

Синтаксические конструкции такого типа: с обилием многоточий, вводных слов, множеством противоречий, на которые указывают союзы «да» и «но», оставляют воспринимающему простор для воображения. Возможно, Беликов хочет донести свою мысль наиболее полно и подробно, но на этапе реализации текста изложение получается схематическим.

Невольно обращаем внимание и на то, как часто Беликов использует в речи сослагательное наклонение: *«как бы чего не*

вышло», «женишься, а потом, чего доброго, попадешь в какую-нибудь историю». Это еще раз доказывает глубокую психологичность языка. Педантичный Беликов, подсознательно руководствуясь системой «правильность + боязнь нарушить правило», становится обузой для тех жителей города, с которыми ему хочется поддерживать приятельские отношения. Эти отношения он поддерживает довольно-таки специфичным образом: приходит в гости и молчит. При этом главный герой не видит ничего отрицательного в таком поведении, ведь он, скорее всего, действует сообразно утверждению «как бы никто не подумал, что я нелюдимый и асоциальный».

Настроена ли речь главного героя на диалог? Вряд ли можно дать точный ответ о коммуникативной готовности Беликова. В начале рассказа он предстает перед нами в обобщенных чертах, раскрываясь по-настоящему лишь на этапе сюжетной линии, связанной с женитьбой на Вареньке. Именно в этот момент мы осознаем, что герою необходима коммуникация, при помощи которой он сможет принять единственно верное решение:

«— Нет, женитьба — шаг серьезный, надо сначала взвесить предстоящие обязанности, ответственность... чтобы потом чего не вышло. Это меня так беспокоит, я теперь все ночи не сплю».

На основании сравнительного анализа можно сделать вывод, что Беликов – довольно-таки закрытая личность, живущая по своим строгим правилам. Он общается с коллегами, соседями и прочими жителями города, потому что так принято в цивилизованном обществе. Герой поддерживает беседу тогда, когда она действительно интересна или же касается его дел. Опираясь на имеющиеся монологические и диалогические формы речи, подводим итоги: Беликов умен, воспитан, за исключением некоторых случаев – сдержан, не обладает особыми языковыми навыками, харизмой, тем не менее считается достойным человеком по мнению горожан. Беликов не похож на остальных персонажей рас-

сказа, он наделен отличным от всех характером, имеет собственный взгляд на окружающие его вещи и обладает странным даром убеждать людей в том, как нужно правильно жить.

Литература

1. *Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд-во Моск. Ин-та, 1988.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006.
3. *Чехов А.П.* Человек в футляре. М.: АСТ, 2011.

Приемышева Марина Николаевна
Институт лингвистических исследований РАН
mn.priemysheva@yandex.ru

Глаголы в русском просторечии XIX века: генетические и функциональные особенности¹

В современном русском языке под *просторечием* понимается устная неcodифицированная наддиалектная форма национального языка. Просторечие выступает переходной зоной между социальными и территориальными диалектами, с одной стороны, и разговорной речью, с другой, представляя собой ее сниженный нелитературный слой. Этим объясняется традиционно выделяемая исследователями «двухуровневость» просторечия (например, просторечие и простонародный язык у В.В. Виноградова, разговорно-просторечная и просторечно-диалектная формы просторечия у В.В. Химика). Однако в исторической перспективе понятие относится к сложным и неоднозначным. Более того, на протяжении истории развития отечественной лингвистической мысли менялся не только объем этого термина, но и набор его релевантных признаков. Так, В.В. Виноградов в целом ряде работ [Виноградов 1934, 1935, 1938] делает системные попытки определить понятие *просторечие*, дифференцировать его от простонародного языка, выявить характерные его черты. Проведя фундаментальный обзор определений, точек зрения, словарных дефиниций на данное понятие в XIX веке, В.В. Виноградов обобщает их в следующем тезисе: «Итак, просторечие – собирательное имя фамильярных стилей национально-бытовой речи. При всем их социально-диалектическом разнообразии в них было много общего. Просторечие представляло пеструю смесь «народных», т. е. не имевших узкообластного значения, слов и идиом городского общеупотре-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

бительного говора.., общеупотребительных профессионализмов и арготизмов, которые, откалываясь от профессиональных диалектов и жаргонов, переходили в общий язык, и подвижного фонда выражений из разных социальных стилей буржуазно-дворянской и мещанско-крестьянской устной речи» [Виноградов 1935: 387]. Поэтому неслучайно, что в базовых работах В.В. Виноградова по истории русского литературного языка XIX века просторечие традиционно употребляется с эпитетами: *бытовое*, *обиходно-бытовое* просторечие, что подчеркивает его как стилистический регистр функционирование разговорно-сниженной речи. Ср., также: «Словари стремились только к строгой охране литературы от вторжения «подлого», «низкого» языка, и все социальное многообразие бытовых стилей и диалектов втискивали в общие категории просторечия и «простонародного» языка. В «Словаре Акад. Росс.» (1822, V) просторечие определяется так: «Употребление слов *простым народом*. Слова в просторечии употребляемые суть средние между высокими и низкими» (V, 640). Под *простым народом* здесь разумеются «непросвещенные науками, неученые люди» (V, 645). Таким образом просторечие — не столько сословно-классовая, сколько стилистическая категория. Поэтому в «Общем церковно-славяно-российском словаре» П. Соколова (1834) определение просторечия — из-за возможной двусмысленности выражения «*простой народ*» — изменяется: просторечие — это «употребление слов в *простых разговорах*» [там же: 378].

В отличие от стилистической категории просторечия под *простонародной речью*, по мнению В.В. Виноградова, понималась социально-детерминированная функциональная ее разновидность: «Совсем иной, чисто классовый, смысл вкладывался в понятие простонародного языка» [там же: 379]. Простонародный язык, по В.В. Виноградову, это обиходный язык крестьянства, мещанства, необразованных представителей других социальных слоев общества. Простонародная лексика становится со временем частью общегородского разговорного просторечия. Эту тонкую и

сложную взаимосвязь простонародной и просторечной лексики можно проследить на примере лексической двойственности просторечия в целом.

Лексические материалы по русскому просторечию XIX века, идентифицированные так их собирателями, вне широких контекстов функционирования представляют собой две разноплановые группы.

Во-первых, это факты неверного, ошибочного (грамматически, фонетически, лексически) употребления общеупотребительной лексики. Для примера приведем в полном объеме маленький анонимный словарь под названием «лакейское наречие» из рукописного словаря [Простонародное наречие: л. 106.]: *будь, ходи в аккурате; гляди по силе возможности; такое колесо заведет, что держись только; позвольте ознакомиться; покёдова; самазатмилась! Одурь взяла; важнеющим манером; не в большом расстоянии нажил какую сумму, т.е. в короткое время; страсти подобно!; это заметно с первой точки; на точке степени стань; отвратный человек; теснота времени мешает нашему сближению; он торговал практическими упражнениями; пора сделать движение, т.е. начать действовать; удостойте к пирогу (закуске) подойти; у него было хорошее местоположение; следствует 'следует', на точке степени; у нас публика бывает в четверг, почему что музыка бывает.*

Примеры подобных употреблений в значительном объеме представлены в словарях неправильностей русской речи, например в словаре В. Долопчева: *аксиёма, акционэр, алкоголь, атлёт, галстух, имянной, конфекта, коррэспондэнт, учебник, экстерный* и др.; *благодарить кому, насмехаться с кого, чего, оштрафовать во что, разбавить с чем, разговаривать за кого, что, скучать за кем, чем; фаришировать с чем* и т.д.; *в аккурат, аманатки, бзик, дрейфить, дряпать, котёнки, котенята, мацать, мужеский, насвинствить, шлёпанцы* и мн. др. [Долопчев 1886].

Неверное словоупотребление или неправильная грамматическая форма свидетельствует о необразованности, неграмотности носителя языка, а грамматические и лексические ошибки создают особый стилистически-сниженный колорит речи в художественном тексте. См. пример из рассказа Н.А. Лейкина «Отелло. Замоскворецкая сценка»: «Эфиоп был такой, а по *карактору* и по плотности — *тигра настоящая*... и была, *братец ты мой*, у него *жененка*, *Демоной* прозывалась, так, *мелюзга*, *кошка драная*, и ни красы в *ей*, ни радости» («Стрекоза». 1878. № 21).

Во-вторых, это собственно лексические единицы, использование которых однозначно свидетельствует о сниженном регистре речи, об определенном социальном статусе носителей, о стремлении носителей языка или авторов текстов эту «сниженность» продемонстрировать и которые не были употребительны в литературном языке. В текстах художественной литературы их использование имело также цель социальной характеристики персонажа, создание колорита простонародной речи.

Рассмотрим данную группу лексики на примере глаголов. Глаголы оказываются в стилистическом отношении очень важным стилистическим маркером и наиболее чутко реагируют на изменение стилистического или функционального регистра речи. Более того, в собранных автором статьи материалах по русскому просторечию XIX века более половины лексических единиц представлены глаголами (остальную часть составляют существительные и наречия, в минимальном количестве – прилагательные).

По ряду источников, фиксирующих просторечие XIX века, к просторечным можно отнести, например, такие глаголы, как *буркать*, *бубнить*, *варганить*, *вымаклячивать*, *замитуситься*, *козыряться*; *миндальничать*, *насандалить*, *насандалиться*, *обмишулиться*, *рюмить*, *рюмиться*, *сандалить*, *сбрендить*, *сварганить*, *сдаётся*, *сгинуть*, *скликнуться*, *смолить*, *срубить*, *подтибрить*, *пошустрить*, *присудариться*, *притулиться*, *прифуфыриться*, *протрафиться*, *профуфырился*, *прохарчилился*, *прошлян-*

дал, проштрафиться, трёкнуться, убиваться, упаточилась, ухандакать, чвакать, чуфариться, шмонить, шмонать и мн. др.

Ср., например, по наблюдениям В. Симакова – собирателя «народных словечек» в начале XX века: глагол «выпить», по записям исследователя, в речи обывателей насчитывает около 300 синонимов (*дербонуть, стукнуть, цапнуть, царапнуть, хватить, дунуть, двинуть, херакнуть, приурезать, клюнуть, шарахнуть, пропустить* и т.д.), глагол «драться» – около 100 синонимичных слов и выражений: *кокошиться, колошмятиться, косаться, поцапаться, тербиться, погладиться, повалтузиться, сыграть на кулаках* и т.д.

В современном сленге, по наблюдениям Р.И. Розиной, одним из наиболее традиционных способов появления нового жаргонного глагола является семантическая деривация: «мена тематического класса участника при образовании сленговой метафоры» ведет к «снижению» стилистического регистра. Например, при нейтральном значении глаголов *мочить, утюжить, полировать* и т.п. при их сочетании с существительными, обозначающими неодушевленные предметы, их сочетаемость с одушевленными (или смена лексической сочетаемости с целом) ведет к появлению сленговой глагольной метафоры: *мочить кого, утюжить кого, полировать мозги* и т.п. Таким образом, на современном этапе просторечные (сленговые, жаргонные) глаголы появляются преимущественно путем семантической деривации на базе общеупотребительной лексики.

Совершенно иначе обстояло дело в русском языке XIX века. Какими бы немотированными, на первый взгляд, ни казались просторечные глаголы XIX века, их генезис является преимущественно диалектным. Для XIX века при идентификации просторечного слова является важным его дифференциация по сравнению со словом диалектным. С одной стороны, это доказывает простонародный генезис такой лексики, связь с «крестьянскими говорами» носителей языка. Многие из указанных выше в

качестве примеров слов зафиксированы в «Областном словаре русского языка» (1852 г.), в «Дополнении к Опыту» (1858 г.) и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Так, слово **расфуфыриться** («Одеться слишком нарядно» [МАС III: 678]), зафиксированное во всех основных толковых словарях русского с пометами (*прост. неодобр.*), впервые фиксируется в «Опыте областного словаря» 1852 г.: «*Расфуфыриться*. То же, что *расфуфлыжиться*. *Посмотри, как она расфуфырилась*. Пск. Саратов.», ср. «*Расфуфлыжиться*. разодеться, разрядиться. Моск. [Опыт: 189]. При этом *фуфыриться* «сердиться, горячиться, капризничать. Новг. Саратов.» [Опыт: 244]. В Словаре Даля *фуфыриться* дается в том же значении без региональных помет. Ср. варианты из областных словарей: *расфуфлыжиться*, *расфуфыниться*, из указанного выше словаря просторечия: *прифуфыриться* ‘принарядиться’, *профуфырился* ‘прокутился’ [Простонародное наречие: л. 107]. Слово и однокоренные с ним слова того же стилистического регистра встречаются в текстах художественной литературы для передачи сниженной разговорной речи, просторечия. См. для сравнения примеры из Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru]:

Всякому лишь до себя, своя печаль больна, а чужое горе легко и слезинки для него жаль. Охо-хо-хо! То ли дело наша трудовая копейка – любезная вещь! Профуфырился сегодня, так завтра и зубы на полку, и работай до поту лица, неделей наверстывай дневной прогул... (И.Т. Кокорев. Саввушка.1847);

Д е в о ч к и н (расшаркиваясь перед ней). Фу, сватьюшка, как расфрантилась да расфуфырилась! (А.Ф. Писемский. Самоуправцы. 1867)

– Проходи, что ли, краля! Чего в дверях-то фуфыришься! Маша ступила в подвал и, обернувшись на толкнувшую ее женщину, увидела за собой высокую безобразную старуху. (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы. Кн. 5. 1867);

– Что, твоя жена брезглива или так фуфырится? Дядя

skonфузился и спросил: – Из чего вы это заключаете? – Так и я и Паша ее поцеловать хотели, так она отворачивается. (Н.С. Лесков. Захудалый род. 1874).

Несмотря на то что слово фиксируется и в «Словаре русских народных говоров» – «Расфуфыриваться.. 1. Слишком нарядно одеваться.. Влад., Терск., Саратов. 2. Начинать кричать, шуметь. Терск.» [СРНГ, 4: 290] (ср. также «Расфуфырка.. франтиха, щеголиха. Ряз.» [там же: 291]) – его этимология, согласно словарю М. Фасмера, неясна, а возникновение корня является результатом языковой игры: «Фуфынить «капризничать», *прифуфыниться* (Мельников), *фуфыриться* «надуваться, злиться», наприм. кашинск. (см.). Вероятно, основано на ономастическом образовании, как венец. folio, исп. folo «надутый» [Фасмер: 212]. Предположительно у М. Фасмера корень соотносится со звукоподражаниями «фу, фыр» см. *фыркать* [там же: 213] (ср. *фукать, фуркать, фыкать*).

Или, например, глагол **чуфариться**. Ср. «Чуфариться, гл., об. Гордиться, важничать. Влад., Вологод., Новгород.»; «*Чуфыриться*, гл., об. Наряжаться. Псков». [Опыт 1852: 290]. Или в словаре В.И. Даля: *Чуфариться, чуфыриться, чванничать, важничать собою, надуваться| разряжаться, пышно одеваться, щеголять.* [Даль IV: 616]. Внутренняя форма, по М. Фасмеру, не устанавливается [Фасмер IV: 388]. При том что в русских говорах, по данным словаря В.И. Даля, есть слова *чуфыскать, чуфискать, чуфиснуть, чуфылять, чуфыльнуть, чуф-чуф*, идентичные по звуковому корневому комплексу. Ср.:

– А то что – боярин, что ль, какой?.. Эк чуфарится! Велико дело: надел железную шапку, да лба не оставит! (М.Н. Загоскин. Аскольдова могила, 1833);

А этому старому сумасброду, Петру Андреевичу, я, как приедем, сама напишу. Век чуфарился и нас обходил, пренапыщенный. И где ему давать советы о штабе? (Г.П. Данилевский. Сожженная Москва, 1885).

Среди просторечных глаголов выделяется группа слов с очевидной производящей основой (при учете своеобразия широкой семантики жаргонного слова), не связанной генетически с диалектами: *миндальничать* ‘любезничать; проявлять нежность, мягкость к кому-н.’, *сандалить*, (ср. *насандалиться*), *рюмить* ‘плакать’, *проштрафиться* и некот. др. Образование таких слов можно рассматривать как факт языковой игры, основанный на использовании намеренной языковой иронии. Например,

[Устинья Наумовна:] *Все, чай, друг на друга любуетесь да миндальничаете.* (А.Н. Островский. Свои люди – сочтемся, 1849);

А ты, Прохоровна, оставь здесь рукомойник и лохань, а сама убирайся в девичью, да коли у тебя такая охота рюмить – так плачь там, будет с меня и жены (М.Н. Загоскин. Русские в начале осмнадцатого столетия, 1848);

Если носы Петра Семеновича и его супруги и отличались на ряду с пухлыми их щечками некоторою приятною красноватостью, то виновата в этом была одна только создавшая их природа, а никак не та всеобщая причина, что сандалит нос у человека пьющего. (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы, 1864).

Глаголы, образованные на базе общеупотребительной лексики путем семантической деривации или путем неузвального словообразования в результате языковой игры, в общем материале немногочисленны.

Глаголы в русском просторечии оказываются очень представительными и яркими лексическими единицами с точки зрения выявления особенностей русского просторечия в целом. Большинство просторечных глаголов XIX века диалектного происхождения. Глаголы, наряду с отражением фонетических особенностей речи персонажей, оказываются в стилистическом отношении наиболее ярким функционально-стилистическим маркером в отражении речи персонажей. Дальнейшего исследования требует семантические потенции просторечного глагола, семантические

возможности их словообразовательной деривации. Детальное изучение просторечного глагола в русском языке XIX века очень перспективно с точки зрения изучения и феномена русского просторечия, и истории русского национального языка, и истории изучения лексико-семантической системы русского языка.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. М., 1934.
2. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. М., 1938.
3. *Виноградов В.В.* Язык Пушкина и история русского литературного языка. М., 1935.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955.
5. *Долгачев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Одесса, 1886.
6. Словарь русского языка в 4-х т. Т. III. М., 1983. – МАС.
7. Опыт областного великорусского русского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1852. – Опыт 1852.
8. Простонародное наречие [Рукопись, 1870-е гг.]. СПФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 16. С. 91–115.
9. *Симаков В.* Заметки об условных и тайных языках и о языке профессиональном // Рукопись. Отдел рукописей Института русского языка им. В.В. Виноградова. Ф. 8. Ед. 6.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 34. СПб.: Наука, 2000. – СРНГ.
11. *Розина Р.И.* Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. М., 2005.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4-х т. Т. IV. М., 1987.

Седина Виктория Николаевна

Вологодский государственный университет

vika.sedina@yandex.ru

**Психоэмотивная составляющая языковой личности
лирического героя О.Ф. Берггольц**

В языке человек смог отразить свое внутреннее состояние, вербально выражать эмоции и чувства и высказывать свое отношение к тому или иному объекту. Н.Д. Артюнова отмечает, что «язык насквозь антропоцентричен» [Артюнова 1999: 3]. С незапамятных времен человек является центральным объектом многочисленных исследований в естественных и гуманитарных науках. Столь же внимательно к такому объекту относится и лингвистика, поскольку «лексикон внутреннего мира является плодом словесного творчества» [Артюнова 1999: 5]. Поэтому в современной лингвистике языковая личность человека является распространенным объектом исследования. Эмоции и чувства, выражаемые вербально, вызывают интерес у специалистов, т. к. отражают психическое или эмоциональное состояние человека, его внутренний мир.

Вслед за Ю.Н. Карауловым под языковой личностью мы будем понимать «личность, выраженную в языке (текстах) и через язык, личность, реконструированную «в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2007: 38]. Наиболее ярко языковая личность проявляется на вербально-семантическом и прагматическом уровнях языка. Рассматривая эмоциональное состояние человека, необходимо обратиться к прагматикону личности. Анализируя проявления тех или иных чувств, мы можем сделать вывод об определенных мотивах человеческих поступков, выявить ценностные ориентиры личности. В своей работе мы обратимся к языковой личности лирического героя поэтессы О.Ф. Берггольц.

Учитывая психологические особенности, любого лирического героя можно соотносить с определенным психологическим типом характера (циклоидный, эмотивный, тревожный и т.д.), который определяет степень и способы выражения того или иного эмоционального или психического состояния. Такое соотношение возможно произвести при анализе выбора лексических и синтаксических средств, способа и степени проявления эмоций и чувств, мотивов личности.

Особенностью творчества О.Ф. Берггольц является ее активное использование эмотивной лексики в поэтических произведениях, причем показывая не только внешнее проявление эмоций, чувств лирического героя (рыдать, обнимать), но и внутреннее состояние (терзаться, бояться).

Способ выражения эмоций, чувств лирического героя О.Ф. Берггольц можно соотнести с таким типом характера, как эмотивный.

Языковая личность, соотносимая с таким психотипом, отличается тонкостью эмоциональных реакций, отзывчивостью и тревожностью, глубокими реакциями в области тонких чувств. Для таких людей характерно обостренное чувство долга, исполнительность. Человек склонен концентрироваться на пережитых событиях [Немов 2003: 414]. Однако в отличие от чисто эмотивного психотипа, лирический герой Берггольц в некоторых ситуациях склонен не сдерживать проявление «грубых» чувств, открыто выражать чувство обиды, недовольства.

Так, в послевоенном стихотворении «На собранье целый день сидела» выражение своего недовольства спровоцировано чувством гнева и алкогольным опьянением: *«Я сказала в гневе, во хмелю: / «Как мне наши праведники надоели, / как я наших грешников люблю!»* [Берггольц 1989:98]. Подобное признание было вызвано не только описанным состоянием, но и предшествующими ему событиями: *«На собранье целый день сидела – / то голосовала, то лгала... / Как я от тоски не посидела? / Как я от*

стыда не померла?..»; «*Водку в забегаловке пила... / <...> В той шарашке двое инвалидов / (в сорок третьем брали Красный Бор) / Мы припомним между собою <...> / штрафники идут в разведку боем – / прямо через минные поля!..»*. Наложение таких негативных эмоций, как тоска и стыд (устойчивое выражение «помереть от стыда» свидетельствует о высокой степени проявления чувства), на последующие воспоминания и физическое состояние вызывает открытое выражение собственных чувств героя. Стоит отметить, что чувство злобы нехарактерно для лирического героя и кроме вышеприведенного случая не встречается. Вместо него проявляется чувство неприязни. Например, в стихотворении «Сестре» оно связано со смертью и войной. Лирический герой обращается к своей сестре Марии и рассказывает о бомбардировке фашистами их родного города Ленинграда: «*Машенька, теперь в него стреляют, / прямо в город, прямо в нашу жизнь*» [Берггольц 1989: 15]. На происходящие события накладываются воспоминания юности («*Ведь это наша юность, / комсомол и первая любовь*»), и всё это вызывает у героя чувство ненависти и скорби: «*Но, жестоко душу напрягая, / смертно ненавида и скорбя, / я со всеми вместе присягаю / и даю присягу за тебя*». Наречие «смертно» увеличивает интенсивность проявления данного чувства. В выражении «*жестоко душу напрягая*» лексема «напрячь» употреблена во втором своем значении: ‘прилагая усилия, повисить степень проявления, действия чего-л.’ [МАС, 2: 385]. Оно несёт в себе основные семы первичного значения (‘*сделать упругим, натянуть*’). Это вызывает в сознании прочную ассоциацию с выражениями типа «напрячь тело», «напрячь мышцы», что создаёт особую образность текста и увеличивает степень проявления чувств. Подобный настрой наблюдается в стихотворении «Сестре», где лирический герой в своем письме отмечает: *Не сломлюсь, не дрогну, не устану, / ни крупичи не прощу врагам* [Берггольц 1989: 15]. Кроме того, здесь проявляется обостренное чувство долга, которое характерно для эмо-

тивного психотипа. Лирический герой считает своим долгом защищать родину, погружаясь в воспоминания, а также берет на себя ответственность, давая присягу за другого человека. Однако такое яркое активное сопротивление несвойственно для эмотивного типа, а заключает в себе черты застревающего типа, при котором человек чувствительно относится к несправедливости и склонен активно решать конфликты [Немов 2003: 414].

Как отмечалось выше, для эмотивного психотипа характерна концентрация на прошедших событиях. В стихотворении «Отрывок», написанном в 1942 году во время Великой Отечественной войны, лирический герой впадает в состояние оцепенения, оказавшись в «пограничном» состоянии между прошлым и настоящим: *«Я редко прихожу туда, случайно. / Войду – и цепенею, не дыша: / еще не бывшей на земле печалью / без слез, без слов терзается душа»* [Берггольц 1989: 53]. Парадигматическая цепочка *войду – цепенею – не дыша – печалью – терзается душа* позволяет проследить взаимосвязь психического и физического состояния. Проезжая по пропуску в родной город, герой возвращается в квартиру и испытывает тяжелое чувство от воспоминаний о прошлом, при этом сомневаясь, было ли оно на самом деле: *«Да я ли здесь жила с тобой? Да я ли / кормила здесь когда-то дочерей? <...> И тот же взгляд – восторженный, / влюбленный – / Встречал меня у дорогих дверей»*. Проявление чувства ужаса связано с осознанием того, что было раньше и что происходит в данный момент. Эти конструкции усиливают семантику состояния в настоящем, доводя до предела состояние безысходности, обездвиживая физически и опустошая духовно.

Сострадание и милосердие у лирического героя Берггольц обостряется во время войны. Так, в «Ленинградской поэме» солдат пишет письмо жене: *«Да ты не бойся за меня. / А как я жить могу – иначе?»* [Берггольц 1988: 41]. Рассказывая жене, какое впечатление на него производит война, солдат пытается объяснить, что не может перестать жертвовать собой ради ленинград-

ских детей: *«И я, как волка, караулю / фашиста – сутками в снегу <...> / Дрожу, устану... / Уйти? А вспомню про детей – / зубами скрипну – и останусь»*. Герой понимает, какие чувства испытывает жена и просит не поддаваться им: *«Не обижай тревогой душу, / в которой ненависть одна»*. Чувство тревоги за родных и ненависть по отношению к врагу свойственны всем людям во время войны. Отрицательный императив *«не бойся»* содержит в себе значение несерьезности для солдата причин для опасений в сравнении с жизнью детей.

Находясь в максимально тяжелой психологической ситуации, на виду у других людей, лирический герой Берггольц находит силы сдерживать порывы своих чувств. В стихотворении «Возвращение», вернувшись в свой дом, он не находит успокоения для себя: *Мне надо было, покидая / угрюмый дом, упасть в слезах / и на камнях лежать, рыдая <...> / Пускай, с камней не поднимая, <...> / сказали б мне: / «Поплачь, родная <...>». / Но злая гордость помешала. / И стиснув губы добела, / стыдясь, презрев людскую жалость, / я усмехнулась и ушла. И мне друзья потом твердили / о некоем мужестве моем / и как победою – гордились [Берггольц 1988: 166–167].*

Переживая эмоциональное потрясение, лирический герой осознает, что мог не выдержать, «упасть в слезах» и рыдать. Подобное действие характерно для людей, которые не могут справиться с чувствами и испытывают физическую слабость, неспособность к действиям. Кроме того, происходит физическая реакция организма на потрясение – слезы, рыдание. В отличие от плача рыдание предполагает сильное и тяжелое переживание, душевную боль, которую субъект не может вынести. Такое чувство сопровождается специфическими горловыми звуками. При этом практически полностью теряется самоконтроль [НОССРЯ: 763]. Следовательно, субъект находится в тяжелейшем состоянии, но отказывается переживать, выразить его таким образом из-за своей гордости. Чувство собственного достоинства не поз-

воляет субъекту на глазах других людей проявлять свою слабость. Но в данном контексте гордость является «злой», т.е. неблагоприятной для субъекта, так как, не желая выразить свои чувства, он обрекает себя на внутренние переживания, без чьей-либо поддержки и помощи. При этом герой предполагает, что испытывал бы стыд за людскую жалость, что снова связано с его гордостью, и поэтому он презирает их реакцию. Презрение находит также и физическое выражение – усмешку, которая в своем значении содержит оттенок иронии, пренебрежения [МАС, 4: 520]. Кроме того, для самостоятельного переживания такого потрясения требуется много сил, поэтому выражение «стиснув губы добела» указывает и на физическое напряжение субъекта. Оно ассоциативно связано с устойчивым выражением «стиснуть зубы», т.е. подавить свои чувства и сдержаться.

Способность тонко реагировать на окружающую действительность проявлена в стихотворении «Надежды», в котором лирический герой созерцает природу: *Смотрю как на чудо на каплю воды, / и слезы восторга бегут <...> / Я все еще верю, что ранее утро / <...> вернется опять / ко мне – обнищавшей, / безрадостно-мудрой, / не смеющей радоваться и рыдать* [Берггольц 1989: 103].

В данном контексте положительные чувства вызывает капля росы, напоминающая герою о красоте и ценности жизни. Чувство восторга, которое по своей интенсивности является более сильным, чем радость (восторг – сильный подъем радостных чувств [МАС, 1: 218]), выражается через физическое проявление – слезы. Однако мудрость, которую субъект осознает, не позволяет ему радоваться. Такая установка объясняется тем, что мудрость дает возможность осознавать определенные важные жизненные ценности и в то же время «запрещает» проявлять чувство радости.

Таким образом, эмотивный тип характера лирического героя поэтессы О.Ф. Берггольц дополняется рядом особенностей,

таких как открытое выражение недовольства, активное противостояние во время конфликта, способность контролировать свои эмоции. Лирический герой характеризуется ярко выраженным чувством ответственности, мужеством и болью за происходящие события. Доминирующим способом передачи своего эмоционального, психического состояния является эксплицитный способ. Наименования того или иного эмоционального состояния ярко выражены, активно используются лексемы, указывающие на внешне проявление чувств.

Таким образом, психотип лирического героя способен определять и регулировать выбор лексических средств.

Литература

1. *Берггольц О.Ф.* Собрание сочинений: В 3 т. / Т. 1: Стихотворения, 1924–1941; Проза, 1930–1941: Повести и рассказы / Сост. М. Берггольц. Л.: Худож. лит., 1988.
2. *Берггольц О.Ф.* Собрание сочинений: В 3 т. / Т. 2: Стихотворения и поэмы, 1941–1953; Проза 1941–1954: Говорит Ленинград / Сост. М. Берггольц. Л.: Худож. лит., 1989.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Издательство: ЛКИ, 2007.
4. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Вступ. ст. Н.Д. Арутюновой. М.: Наука, 1999. С. 3–10.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. – МАС.
6. *Немов Р.С.* Психология: Учеб. для студентов высш. пед. учеб. завед.: В 3 кн. / Кн. 1: Общие основы психологии. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – НОССРЯ.

Собенина Анастасия Юрьевна

Вологодский государственный университет

anastasya.sobenina@yandex.ru

Речевой портрет Бедной Лизы в контексте эстетической концепции Н.М. Карамзина

Изучение виртуальной языковой личности в контексте анализа художественных произведений классической русской литературы составляет одну из самостоятельных и активно развивающихся сфер отечественной лингвоперсонологии [Ляпон 2010: 8]. В данной работе на материале повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» представлен опыт реконструкции речевого портрета персонажа в контексте эстетических исканий конца XVIII – начала XIX века и с учетом творческой индивидуальности писателя.

Россия второй половины XVIII века переживала бурное развитие филологической мысли: в это время осуществляются первые попытки лексикографической нормализации русского литературного языка («Словарь Академии Российской» в 6-ти томах), расширяется круг светских периодических изданий, в том числе литературных журналов («Трутень», «Живописец», «Почта духов» и др.), стираются границы между «высокими» и «низкими» жанрами, речевая эклектика совмещает элементы «высокого слога» с просторечиями и иноязычными заимствованиями, на смену ранее господствующему эстетическому направлению классицизма приходит сентиментализм, идеологом которого в русской культуре становится Н.М. Карамзин. Эстетика сентиментализма обращается к внутреннему миру человека, его сомнениям и переживаниям, вводит в художественное пространство нового героя: не государственного деятеля, а простого человека – крестьянина или горожанина-ремесленника, отдаёт предпочтение прозе как более естественной форме организации речи. Концепция сентиментализма в полной мере проявилась в тексте повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», опубликованной в «Московском

журнале» летом 1792 года. Успех этой повести, по мнению современников, был обусловлен новизной сюжета, обращением к национальной тематике и новаторством языка [Павлов: 20–21].

Н.М. Карамзин известен как выдающийся реформатор русского литературного языка. Главный принцип писателя был сформулирован следующим образом: язык должен быть единым «для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут» [Виноградов 1982: 197]. Автор «Бедной Лизы» старался устранить разрыв между книжной и разговорной речью, эстетически осмыслив в своих произведениях сочетаемость общеупотребительной лексики с архаическими и фольклорными элементами, а также сфокусировав синтаксическую организацию речи в сфере разговорного монолога. Н.М. Карамзин активно использовал для именования новых явлений заимствованные слова (*актёр, капитал* и пр.) и с учетом деривационных механизмов русского языка создавал на их основе новые слова (*личность, вольнодумство* и пр.) и обороты речи: *буря страсти* (*l'orage de la passion*), *вести рассеянную жизнь* (*mener une vie dissipée*) и др. По мнению И.И. Ковтуновой, эстетику словесного творчества Н.М. Карамзина отличали логическая ясность, естественная последовательность звеньев речевой цепи, лёгкое понимание и чтение текста [Ковтунова 1974: 153]. Все эти черты нашли отражение в повести «Бедная Лиза», на речевой характеристике заглавного персонажа которой мы хотели бы далее остановить свое внимание.

Речевой образ крестьянки в повести Н.М. Карамзина обрисован достаточно условно: опыты стилизации крестьянской речи в русской литературе того времени были немногочисленны («Рецепт для г. Безрассуда», «Копии с отписок крестьянских и помещичьего указа по крестьянам» Н.И. Новикова, «Недоросль» М.А. Фонвизина) и создавались преимущественно в сатирическом ключе. На фоне социальной условности речевого портрета бедной Лизы обращает на себя внимание его соответствие поэтике

сентиментализма, фокусирующей внимание читателя на чувствах и переживаниях главных героев, их внутреннем мире.

Центральное место в речевой характеристике бедной Лизы занимает описание её внутренней жизни, размышлений о природе, об отношении к людям, о социальном неравенстве, о чувствах к Эрасту. Внешние действия героини не сопровождаются речевыми пояснениями: всё, что не касается области чувств, выражается в её речи односложно и скупно: «Продаю», «Пять копеек», «Домой», «Мне не надобно лишнего» и др. По мере развития сюжета короткие внешние фразы вытесняются внутренними развернутыми поэтическими монологами. Когнитивную сферу языковой личности героини определяют такие чувства, как влюблённость, восторг, ликование, душевное волнение, растерянность, отчаяние и пр. Оценочность по отношению к бедной Лизе автор повести выражает с помощью хорошо известных читателю XVIII века античных образов юности, скромности и чистоты: «нектар из рук Гебы», «стыдливая Цинтия» и др.

Вербально-семантический уровень личности бедной Лизы особенно интересен с точки зрения реализации в речи ресурсов экспрессивного синтаксиса. Это, во-первых, тяготение к речевой инверсии, которая придаёт повествованию элегический настрой, служит средством выражения чувствительности и поэтичности: «овец твоих», «алеют цветы», «шляпы твоей», «соловей поющий», «тёмен месяц» и др. Во-вторых, это подчеркнутая незаконченность, прерывистость фраз («Он барин, а между крестьянами...» - Лиза не договорила своей речи»; «Мне казалось, что я умираю, что душа моя... Нет, не умею сказать этого!..» и др., обилие нечленимых предложений эмоционального характера («Ах!»; «Боже мой!»; «Но полно!»; «Дай бог!»; «Нет!» и др.), вокативных предложений («Ах, матушка!», «Ах, Эраст!», «Эраст, Эраст!» и др.), активное использование вопросительных предложений («Как этому стать?»), «Ужели ты обманешь бедную Лизу?» и др.) множественность речевых повторов («я се-

бя забываю, забываю всё, кроме Эраста», «Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!» и др.), выражающих многообразие чувств главной героини, запутанность её мыслей и подчёркивающих её эмоциональность.

Прагматический уровень речевого портрета бедной Лизы повествователь характеризует с помощью описаний её тихого голоса, стеснительной манеры речи, вызывая у читателя жалость и сочувствие по отношению к главной героине: *«тихим голосом пела жалобные песни», «отвечала робким голосом», «сказала тихонько Лиза», «стонет бедная Лиза»* и др. По контрасту с речевым поведением Лизы описаны речевые действия других персонажей – её заботливой матери и возлюбленного Эраста, в начале повести проявившего по отношению к девушке нежные чувства, но в конце покинувшего её, ставшего причиной трагического конца главной героини повести.

Таким образом, лингвоперсонологический анализ речи бедной Лизы убеждает нас в том, что на фоне его социолингвистической условности ярко проявляются речевые характеристики, эксплицирующие эстетику сентиментализма, создавая психологически убедительный образ молодой девушки, оказавшейся во власти всепоглощающего чувства.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка 17–19 вв.: учебник. М.: Высшая школа, 1982.
2. *Виноградов В.В.* Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина) / под ред. Ю.С. Сорокина. М.: Наука, 1966.
3. *Карамзин Н.М.* Сочинения: в 2-х т. Т. 1. / сост. Г.П. Макогоненко., коммент. Ю.М. Лотмана, Г.П. Макогоненко. Л.: Худож. лит., 1983.

4. *Ковтунова И.И.* Н.М. Карамзин в истории русского литературного синтаксиса // Исследование по славянскому языкознанию: сб. статей. М., 1974. С. 153–160.

5. *Ляпон М.В.* Проза Цветаевой. Очерк реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010.

6. *Павлов В.И.* Сентиментализм и Н.М. Карамзин. Вып. 1. Одесса: Книгоизд-во М.С. Козмана, Б/Г.

Тарасова Анна Владимировна
Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО
«Башкирский государственный университет»
mila_str@mail.ru

**Словарь языка Р.О. Якобсона (на материале статей
по лингвистике и литературоведению)**

23 октября 2017 года исполнился сто двадцать один год со дня рождения всемирно известного американского и русского филолога, лингвиста, литературоведа, семиотика, культуролога, основателя Московского, Пражского и Нью-Йоркского лингвистических кружков, сыгравшего значительную роль в развитии науки о русском языке, русской литературе и смежных областей – Романа Осиповича Якобсона. Статья содержит фрагмент словаря языковой личности учёного, составленного на основе русскоязычных текстов трёх статей по лингвистике и литературоведению: «Морфологические наблюдения над славянским склонением» [Якобсон 1985: 176–197]; «Значение Крушевского в развитии науки о языке» [Якобсон 1985: 331–347]; «Роль языкознания в экзегезе “Слова о полку Игореве”» [Якобсон 1985: 421–422].

Роман Осипович Якобсон родился 23 октября 1896 года в Москве в обеспеченной купеческой семье. С самого детства выказывал любовь к науке, в особенности к языкам, свободно владел русским и французским языками. Позже, А.К. Жолковский вспомнит о нём так: «... ходившая в кругах западных филологов шутка о Якобсоне, который свободно “говорит по-русски на семи языках”» [Жолковский 2003: 78].

Роман Осипович учился в гимназии при Лазаревском Институте Восточных языков, где впервые начал исследовать отношения между звуком и значением. Будучи студентом Московского университета, стал основателем и первым председателем Мос-

ковского лингвистического кружка, куда входили крупнейшие поэты и учёные того времени.

Почти одновременно с Московским Лингвистическим кружком возникло ещё одно сообщество, активное участие в работе которого принял Якобсон. Весной 1916 года был создан ОПОЯЗ – общество по изучению поэтического языка. Участники Московского лингвистического кружка и ОПОЯЗа стремились пересмотреть все основные принципы науки о языке и словесном творчестве.

К числу постоянных черт личности Романа Якобсона, рано проявившихся и не менявшихся, принадлежит его умение не просто участвовать в общих начинаниях, направленных на крутой пересмотр общепринятых взглядов, а становиться их центром [Якобсон 1985: 9]. Он плодотворно работал в Дании, Швеции, Норвегии. Энергия Якобсона стимулировала приобщение к его идеям мировой лингвистической общественности – на общелингвистических, фонологических и славистических всемирных конгрессах одним из главных докладчиков и вдохновителей дискуссий становится Роман Якобсон.

Якобсон на протяжении нескольких десятков лет был едва ли не наиболее деятельным участником всех основных лингвистических сообществ Европы и Америки, возникавших чаще благодаря его инициативе и энергии. Вынужденный эмигрировать из России в 1939 году, он читал лекции в Копенгагене, Осло, Упсале. В 1941 году переехал в США, продолжая вести научную деятельность совместно с другими учёными.

Роман Осипович являлся основателем и душой не только Московского лингвистического кружка и сообщества ОПОЯЗ, но и Пражского и Нью-Йорского лингвистических кружков. Живя в Америке, он давал лекции в одном из лучших университетов – Гарвардском. Его лекции посещали знаменитые лекторы и учёные современности. В дальнейшем К. Леви-Стросс так вспоминал о Якобсоне: «Эти новаторские взгляды... были тем более убедительными».

тельны, потому что Якобсон излагал их с тем бесподобным искусством, которое делает из него наиболее блестящего профессора и докладчика, какого мне когда-либо приходилось слышать».

Перед смертью в одном из интервью он назвал себя «русским филологом». 18 июля 1982 года Якобсон умер у себя дома в Кембридже. На его надгробии написано по-русски: «Роман Якобсон – русский филолог» [Якобсон 1985: 13].

Главной темой научных исканий Якобсона было установление взаимосвязи между звуком и значением. Структурный анализ свёл фонему к набору смысловоразличительных признаков, а сами признаки упорядочил в бинарные оппозиции. Основанная им теория получила подтверждение в выводах электроакустических и нейрофизиологических исследований.

Якобсон настаивал на использовании в лингвистике выработанных в математике способов описания структур. Такой подход он применил к анализу грамматических категорий глагола. Статьи о русском спряжении, о системе русских падежей: «Взгляды Боаса на грамматическое значение» [Якобсон 1985: 231–237], «Русское спряжение» [Якобсон 1985: 198–209], «К общему учению о падеже» [Якобсон 1985: 133–175] демонстрируют эффективность метода бинарных оппозиций в языкознании, дают основы типологической классификации языков.

Наряду с лингвистическими исследованиями Якобсон занимался проблемами, пограничными для ряда дисциплин – языкознание и психиатрия, языкознание и философия.

Эти особенности биографии, научной, организаторской и преподавательской деятельности учёного, протекавшей на фоне драматических и трагических событий XX века, отразились в языке его филологических работ.

Принципы и методика составления словаря языковой личности Р.О. Якобсона соответствуют сложившейся в советской и российской лексикографии традиции составления словарей языка писателя, опирающейся на методологию фундаментального «Слова-

ря языка Пушкина», который содержит «алфавитный список всех слов, засвидетельствованных в основном тексте собрания сочинений А.С. Пушкина по Большому академическому изданию. При каждом слове – отмечается общее число его употреблений в произведениях Пушкина. Словарная статья, посвящённая характеристике значений и употреблений того или иного слова, составляется так, чтобы читатель мог получить ясное представление обо всех значениях и основных оттенках этого слова в языке Пушкина. Разграничение значений и их классификация производится самостоятельно на основе анализа всех применений соответствующего слова в пушкинском языке, а не путём наложения той или иной схемы значений этого слова (из существующих русских толковых словарей) на пушкинские примеры» [Виноградов 2000: 16–27].

Словарная статья составляемого нами словаря языковой личности Р.О. Якобсона содержит заглавное слово в начальной форме в соответствии с грамматическими нормами современного русского литературного языка (даётся полужирным курсивом) и несколько блоков информации:

а) частотность употребления слова в упомянутых выше статьях Р.О. Якобсона (числовой индекс в круглых скобках рядом с заглавным словом);

б) толкование значений или оттенков значений слова (значения даются в одинарных кавычках, значения многозначного слова обозначены арабскими цифрами);

в) грамматические формы, в которых данное слово фиксируется в работах лингвиста (даются курсивом строчными буквами);

г) если описываемое слово встречается в составе устойчивого (фразеологического) сочетания, оно помещается под знаком ♦ с описанием семантики и ссылкой на фразеологический словарь русского языка;

д) иллюстрации (контексты даются курсивом под номерами, соответствующими номеру представленного выше описания значения); каждая иллюстрация снабжена ссылкой на соответ-

ствующую статью, полное библиографическое описание которой помещено в список литературы.

В данной статье в качестве примеров рассматриваются словарные статьи с заглавными словами – именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, глаголами и особыми глагольными формами, наречиями, словами категории состояния.

Свет (3) ‘то, что делает ясным, понятным мир’ [МАС 1983 IV: 44]

свет, в свете (славянских разысканий)

◆ *Бросает свет (бросать свет, бросить свет)* ‘делать/сделать ясным, понятным; разъяснять, раскрывать что-либо’ [Фёдоров 1995 I: 53];

Звуковой облик надежных флексий в их бытии и становлении получает новую, более полную интерпретацию в свете сравнительных славянских разысканий [Якобсон 1985: 196].

Критика в свою очередь бросает новый свет на историю текста «Задонщины» [Якобсон 1985: 421].

Памятник (5) ‘сохранившийся предмет культуры прошлого’ [МАС 1983 III: 15]

памятников, памятники, памятника

Интерпретация литературных памятников Киевской Руси требует изоцирэнного понимания древнерусской стилистики и семантики грамматических и словарных единиц и сочетаний, глубоко отличной от позднейших языковых норм [Якобсон 1985: 421].

Эти памятники могут быть полностью освоены лишь на фоне могучего и своеобразного хозяйственного, политического и культурного подъёма Руси на пороге истекающего тысячелетия [Якобсон 1985: 421].

К сожалению, многие промахи и ошибки первых переписчиков, переводчиков и комментаторов новонайденного памятника надолго вошли в научный обиход [Якобсон 1985: 421].

Русский (48) ‘принадлежащий русским, созданный русскими, свойственный русским’ [МАС 1983 III: 742]

русский, русского, русским, в русском, русские, русских, в русской, русскому

Настоящий доклад посвящён светлой памяти обоих моих московских учителей в области русского языкознания – Николая Николаевича Дурново, впервые широко поставившего вопрос о падежном синкретизме в русском склонении, и Дмитрия Николаевича Ушакова [Якобсон 1985: 176].

Под этим углом зрения здесь будет в дискуссионном порядке подвергнута анализу система склонения в современном русском литературном языке [Якобсон 1985: 176].

Все эти компоненты «Слова», глубоко чуждые русскому обществу екатерининских времён, делали разбор и перевод, да и самое издание мусин-пушкинской рукописи непосильной задачей [Якобсон 1985: 421].

Настоящий (2) 1. ‘этот, данный’; 2. ‘подлинный, истинный’ [МАС 1983 II: 554]

настоящий, настоящих

Настоящий доклад посвящён светлой памяти обоих моих московских учителей в области русского языкознания – Николая Николаевича Дурново, впервые широко поставившего вопрос о падежном синкретизме в русском склонении, и Дмитрия Николаевича Ушакова [Якобсон 1985: 176].

Равным образом заслугу г. Крушевского составляет желание дойти этим путём до определения настоящих законов в фонетике, т. е. таких законов, от которых не было бы никаких исключений [Якобсон 1985: 341].

Первый (18) 1. 'порядковое числительное к один; 2. 'предшествующий всем другим однородным или подобным; первоначальный, начальный' [МАС 1983 III: 44]

первый, первого, первые, первую, на первом, на первых, в первом, первой, первые

◆ *В первую очередь* 'прежде всего, сначала, сперва' [Войнова 1978: 307]

◆ *На первых порах* 'в начале, в первое время' [Войнова 1978: 344]

Если в лингвистике первый этап этих новых исканий дал начало учению о фонеме, т. е. об инварианте в плоскости звуковых вариаций, то теперь назрела настоятельная необходимость установить и истолковать инварианты грамматические [Якобсон 1985: 177].

Между тем первый глагол в противоположность другому выражает любовное томление, неполное обладание предметом возжелания, и родительный падеж дополнения строго соответствует такому глагольному значению [Якобсон 1985: 181].

От общих правил, лежащих в основе этих склонений, несколько отступают собственно-личные (первого и второго лица) местоимения с примыкающим к ним возвратным местоимением и числительные (количественные, собирательные и соответствующие прономинальные) [Якобсон 1985: 182].

Иными словами, периферийные падежи допускают выбор между двумя видами синкретизма, тогда как у периферийных падежей сокращение в числе форм совершается в первую очередь путем синкретизма обоих определённых падежей [Якобсон 1985: 183].

В глазах молодого исследователя общее языкознание настоятельно требовало именно широких, пускай первоначально рабочих, гипотетических обобщений, даже если новая теория «на первых порах своего появления приобретает применение

слишком широкое»; он ясно осознавал, что дальнейшее «усовершенствование новой теории чаще всего состоит в её ограничении» [Якобсон 1985: 335].

Второй (10) 1. ‘порядковое числительное к два’; 2. ‘каждая из двух равных частей, полученных при делении на два; половина’ [МАС I: 240]

второй, второго, второму, во втором

От общих правил, лежащих в основе этих склонений, несколько отступают собственно-личные (первого и второго лица) местоимения с примыкающим к ним возвратным местоимением и числительные (количественные, собирательные и соответствующие прономинальные) [Якобсон 1985: 182].

Нет ли такого труда или статьи, где бы лингвистика рассматривалась под углом зрения логики, как, например, рассматриваются другие науки в конце второго тома «Логики» Милля? [Якобсон 1985: 333].

«Слово о полку Игореве» да и вообще русская литература конца XII и начала XIII века особенно сложны: подобно русской классической прозе второй половины XIX века, это литература великого кризиса и о великом кризисе [Якобсон 1985: 421].

Каждый (21) ‘один из ряда подобных; взятый подряд, без выбора’ [МАС 1983 II: 13]

◆ *На каждом шагу ‘повсюду, везде’ [Войнова 1978: 531]*

каждый, каждая, каждое, каждого, каждому, каждой, в каждом

Теперь общеизвестно, что интерпретация изменений языка предварительно требует точного описания его строя в каждый данный момент развития [Якобсон 1985: 176].

Восхищаясь вершинными достижениями сравнительной истории индоевропейских языков, Крушевский в то же время горячо возражал против монополии «археологического» направле-

ния в лингвистике, которое подменяет широкую проблематику общего языкознания опытами реконструкции индоевропейского праязыка, и доказывал, что даже для установления генетических филиаций «простой эмпирический приём сравнения недостаточен; на каждом шагу нам необходима помощь дедукии из фонетических и морфологических законов, прочно установленных» систематическим анализом структуры живых языков [Якобсон 1985: 334].

Требовать (7) ‘нуждаться в чём-либо, иметь потребность в чём-либо’ [МАС 1983 IV: 402]

требует, требовало

Теперь общеизвестно, что интерпретация изменений языка предварительно требует точного описания его строя в каждый данный момент развития [Якобсон 1985: 176].

*Из двух греческих глаголов любви один – *ἰραξαι* – управляет только родительным, тогда как другой – *σπδσσο* – требует винительного: это синтаксическое правило не раз приводилось как яркий пример чисто условного, семантически бессодержательного употребления надежей [Якобсон 1985: 181].*

Преобразование и перераспределение надежного синкретизма, полного и частичного, требует синтетического обзора и внутреннего истолкования [Якобсон 1985: 196].

Отмежёвывать (1) ‘отделять, обособлять’ [МАС 1983 II: 690]

отмежёвывать, отмежёвываю

Издавна справедливо разграничивая две грамматические области – синтаксис и морфологию – и, сверх того, принципиально отмежёвываю грамматику от лексики, языкознание всё ещё не поставило с надлежащей остротой и последовательностью топологический вопрос о тех свойствах каждой данной морфологической категории, которые остаются неизменными при

всех наличных вариациях, или, точнее, вопрос об инвариантном отношении между двумя противоположными морфологическими категориями, не зависящем от их появления в той или иной лексической и синтаксической обстановке [Якобсон 1985: 177].

Связующий, связывающий (13) ‘находящийся в несвободном состоянии, соединённый с чем-либо’ [МАС 1983 IV: 57]
связующим, связывающих, связывающей

Характерно, что грамматический параллелизм в русской народной поэзии нередко сопоставляет две формы одного и того же падежа, различающиеся и по своему окончанию, и по комбинаторному значению, так что единственным связующим элементом является общность падежной категории [Якобсон 1985: 177].

*Вплоть до деталей воспринято его противопоставление двух типов языковых отношений: с одной стороны, ассоциация по смежности, связывающая языковые единицы в ряды, и, соответственно, в лекциях Соссюра учение о «синтагматических отношениях» между членами линейного ряда (*suite lineaire*), с другой же стороны, ассоциация по сходству, своего рода «узы родства», группирующие весь наличный состав языковой системы в множество координированных семейств, или гнёзд, а в передаче Соссюра *solidarite associative* и характерное пояснительное обозначение «*groupement par families*» [Якобсон 1985: 347].*

Порвавши с тем абстрактным, математическим мышлением, в котором Бодуэн постоянно усматривал основную особенность доктрины Крушевского, он силился уверить и читателей и самого себя, что «это одни лишь методологические постулаты, т. е. субъективные законы теоретического мышления, в которых нельзя усмотреть законов, связывающих изучаемые явления и факты» [Якобсон 1985: 334].

Очень (1) ‘весьма, чрезвычайно, в сильной степени’ [МАС 1983 II: 732]

очень

◆ за очень редкими исключениями

Если в парадигме одного из двух чисел встречается нулевое окончание, то в другом числе того же слова не бывает форм с нулевым окончанием, за очень редкими исключениями [Якобсон 1985: 188–189].

Легко (2) ‘оценочная характеристика чего-либо как простого для усвоения, доступного для понимания’ [МАС 1983 I: 168–169]

легко

При всем богатстве комбинаторных вариантов в семантике русского Р. морфологический инвариант легко поддается извлечению. [Якобсон 1985: 178].

Но в применении к морфологическому плану легко может подать повод к недоразумениям тезис Соссюра [Якобсон 1985: 180].

В качестве заключения можно отметить, что уже этот небольшой набор словарных статей и иллюстративных контекстов словаря языковой личности Р.О. Якобсона свидетельствует о богатстве и разнообразии языковых средств, используемых учёным в научных статьях:

– лингвистическая терминология: *звуковой облик, падежные флексии, семантика грамматических и словарных единиц, падежный синкретизм в русском склонении, грамматические инварианты, родительный падеж дополнения, глагольное значение, периферийные и непериферийные падежи, виды синкретизма;*

– литературоведческая терминология: *литературный памятник, древнерусская стилистика, интерпретация литературных памятников;*

– авторские дефиниции терминов: *настоящие законы в фонетике, т. е. такие законы, от которых не было бы никаких ис-*

ключений; **фонема**, т. е. инвариант в плоскости звуковых вариаций; **интерпретация изменений языка** предварительно требует точного описания его строя в каждый данный момент развития;

– устойчивые выражения, свойственные книжным стилям речи: в свете славянских разысканий, получает новую интерпретацию, вошли в научный обиход, настоящий доклад посвящён, впервые широко поставивший вопрос, иными словами, рабочие, гипотетические обобщения, настоятельно требует, под углом зрения логики;

– устойчивые (фразеологические) сочетания литературного языка: бросает свет, угол зрения, равным образом, в первую очередь, на первых порах, на каждом шагу;

– авторское словоупотребление, создающее неповторимый яacobсоновский слог – лаконичный, строгий, точный и в то же время образно-метафорический, ироничный и саркастичный, с тонкими и глубокими реминисценциями: славянские разыскания; звуковой облик **падежных флексий в их бытии и становлении**; критика бросает новый свет на интерпретацию текста «Задоницины»; интерпретация литературных памятников Киевской Руси требует **изоцирённого понимания древнерусской стилистики**; семантика грамматических и словарных единиц, **глубоко отличная** от позднейших языковых норм; **своеобычный** хозяйственный, политический и культурный подъём Руси **на пороге истекающего тысячелетия**; здесь будет в **дискуссионном порядке подвергнута анализу** система склонения; первый этап этих новых исканий; **назрела настоятельная необходимость** установить и истолковать инварианты грамматические; первый глагол выражает любовное томление, неполное обладание предметом возжелания, и родительный падеж дополнения строго соответствует такому глагольному значению.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Содержание и построение словаря // Словарь языка Пушкина: в 4-х т. / отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. М.: Азбуковник, 2000. С. 16–27.
2. *Жолковский А.К.* Эросипед и другие виньетки. М.: Водолей, 2003.
3. *Иванов Вяч.Вс.* Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 9–29.
4. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1988. – МАС.
5. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-х т. Новосибирск: Наука, 1995.
6. Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978.
7. *Якобсон Р.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985.

Тихов Николай Анатольевич

Череповецкий государственный университет

nick-number-one@yandex.ru

**Музыкальная журналистика Вологодского края:
к речевому портрету Эллы Андреевны Кирилловой**

Музыкальная журналистика Вологодского края за годы своего существования (XIX–XXI вв.) претерпела существенные изменения, пройдя путь от публикаций XIX века, предназначенных для избранного читателя, обладающего высоким уровнем музыкальной культуры, до материалов наших дней, отвечающих примитивным информационным потребностям массового читателя. Но так или иначе проводником в "музыкальный мир" всегда был и остаётся журналист. Через мироощущение автора материалов о музыке читатель узнаёт о прошедших и предстоящих музыкальных событиях, о качестве исполнения музыкальных произведений. Глазами и ушами читателя становится журналист, и перед ним стоит самая главная задача: как подобрать слова, чтобы посредством чтения текста читатель смог услышать ту самую музыку.

К числу талантливых региональных журналистов, пишущих о событиях музыкальной жизни, по праву следует отнести вологодского музыковеда Эллу Андреевну Кириллову. Среди журналистских материалов Э.А. Кирилловой присутствуют многочисленные интервью с деятелями культуры. Главная цель таких материалов – знакомство читателей с музыкальной культурой Вологодского края: *"Продолжается Международный Гаврилинский фестиваль, а наши читатели продолжают знакомиться с музыкантами нашего города"* (из интервью с А. Лоскутовым, портал "Культура в Вологодской области" [Культура]), *"В преддверии нового концертного сезона мы решили побеседовать с тем человеком, который олицетворяет вокальную школу Вологды"* (из интервью с А. Яранцевой), *"О становлении коллектива мы беседуем с его руководителем Ириной Ухановой"* (из интервью с И.

Ухановой, портал "Культура в Вологодской области"). Цель запечатлеть музыкальную культуру эпохи, не дать её забыть современникам прослеживается во всём творчестве Э.А. Кирилловой. Имея среднее музыкальное образование, Элла Андреевна Кириллова весьма квалифицированно и увлеченно знакомит читателей с событиями музыкальной Вологды, стремится к сохранению славных страниц музыкальной жизни прошлого. В начале своего творческого пути Э.А. Кириллова работала в детской музыкальной школе города Великого Устюга, вела уроки фортепиано и музыкальной литературы, затем трудилась в Вологодском музыкально-педагогическом училище, а с 1959 по 1997 гг. была преподавателем музыкальной литературы Вологодского областного музыкального училища. В 1997 году Э.А. Кириллова удостоена звания «Заслуженный работник культуры РФ».

Перу Э.А. Кирилловой принадлежит, кроме газетных и электронных статей, серия книг о вологодских музыкантах. Это, например, обширный материал о музыке и музыкантах Вологодчины XX века, опубликованный в книге "Очерки музыкальной жизни" [Кириллова 1997]. Свидетельства очевидцев, накопленные за 75-летнюю историю Вологодского музыкального училища напечатаны в издании "Вологодское музыкальное училище". В книге Э. Кирилловой "Вологодский музыкальный колледж" публикуется история "школы-техникума-училища-колледжа", в также рассказываются судьбы наиболее успешных выпускников заведения. Среди работ Э. Кирилловой встречаются многочисленные буклеты, посвящённые музыкальным учреждениям Вологды ("Детская музыкальная школа № 5", "Детская музыкальная школа № 1", "Вологодская областная государственная филармония").

Размышляя о речевом портрете Э.А. Кирилловой, мы обратились к её публикациям в вологодской прессе (для примеров использованы публикации на портале "Культура в Вологодской области" [Культура]) и выделили некоторые особенности выбора

ею языковых средств для выражения своего мнения об описываемых событиях.

Тексты о музыкальной журналистике (за исключением новостных жанров) предполагают выражение авторской оценки объекта описания. Рассмотрим, с помощью каких языковых средств языка журналист рассказывает о событиях музыкальной жизни, событиях, обозначая своё собственное отношение к происходящему:

1) *Слова-индикаторы*. Они направляют ход мысли читателя, способствуют формированию у него какого-либо мнения о музыкальном явлении, эксплицируют его оценку. Например: *"Были исполнены отрывки из оперы Моцарта «Дон Жуан», «Свадьба Фигаро», «Волшебная флейта» и целое созвездие дуэтов из оперетт."* (выдержка из материала от 8 февраля 2008 г. "Вечер вокальных дуэтов в филармонии" портал "Культура в Вологодской области"). Элла Кириллова, желая передать своё восхищение количеством и сочетанием между собой исполненных дуэтов, использовала в тексте метафорическое сравнение, выраженное сочетанием "созвездие дуэтов". Лексическое значение существительного "созвездие" в обыденном сознании ассоциируется с категориями яркости, недостижимости, красоты. Поэтому читатель, встречая такое нехарактерное в данном контексте образное слово, воспринимает имплицитно выраженную положительную оценку данного события, которую выражает в своей публикации журналист.

2) *Авторский домысел*. Этот способ проявления скрытой оценки основывается на том, что автор пытается догадаться о мыслях и переживаниях героев публикаций, тем самым домысливая происходящее. Авторский домысел в музыкальной журналистике граничит с авторской интерпретацией музыкального произведения: *"Произведение, созданное в послевоенном 45-м, несет образы радости, шутки, смеха, словно огромная тяжесть упала с плеч. Лишь коротким напоминанием о войне в музыке IV части*

появляются трагические мотивы" (выдержка из материала "В зале музыкального колледжа состоялся концерт Государственного академического симфонического оркестра России имени Евгения Светланова", представленного на портале "Культура в Вологодской области", от 9 октября 2006 г.). В данном случае музыковед Э. Кириллова по-своему интерпретирует услышанную ею на концерте 9-ю симфонию известного российского композитора Д.Д. Шостаковича, пытаясь найти подходящие языковые средства для передачи своего эмоционально-чувственного состояния. Но образная визуализация звучания произведения, в котором в четвертой части мажорный лад сменяет минорный, могла быть совершенно другой, несвязанной с войной.

3) *Подбор фактов.* Этот способ скрытого проявления авторской позиции предполагает подбор музыкальным журналистом "нужных" сведений и оставление без внимания тех, которые бы могли противоречить его авторской позиции или недостаточно её подкреплять. *"Ирина и Максим – выпускники Московской консерватории и аспирантуры, лауреаты международных конкурсов в Италии, Чехии и Германии. Пианисты не только активно концертируют в России, но и систематически выступают на сценах лучших концертных залов США, Германии, Италии, Чехии, Испании"* (выдержка из материала "Концерт фортепианного дуэта Ирины Силивановой и Максима Пурьжинского", представленного на портале "Культура в Вологодской области" от 6 октября 2007 г.). *"Два часа хорошей камерной музыки подарили вологодским меломанам очаровательные гости из Северной столицы, выпускницы Санкт-Петербургской консерватории, лауреаты международных конкурсов Александра Коробкина (скрипка) и Ксения Гаврилова (фортепиано)"* (выдержка из материала "В филармонии выступили Александра Коробкина и Ксения Гаврилова", материал портала "Культура в Вологодской области" от 4 октября 2010 г.). В музыкальной журналистике в целом перечисление самых значительных достижений героев публикаций ста-

новится наиболее типичным средством репрезентации субъектов описания. Такие лексические единицы, как "международный", "гран-при", "мировая", "первый в мире" и др., задают высокий оценочный тон, транслируя для читателей авторскую позицию.

4) *Апелляция к публике.* Журналист становится "рупором" всех людей (аудитории), зрителей, слушателей. Он выражает общую оценку музыкальных явлений, беря на себя ответственность, что именно так думает весь народ: *"Художественный руководитель ансамбля народный артист России Виктор Захарченко и его коллектив представили программу из песен и танцев, бытующих среди казачества с давних времен, ряд современных авторских произведений, в том числе популярную песню Александры Пахмутовой «Мать и сын», ставшую музыкальной молитвой наших дней о благополучии Руси, обязательный в подобных концертах марш «Прощание славянки» и любимые всеми народами украинские мелодии «Взял бы я бандуру» и «Распрягайте, хлопцы коней»...*" (выдержка из материала "Кубанский хор выступил в ДК ПЗ"; портал "Культура в Вологодской области". 5 октября 2009 г.); *"Михаил Морозов знаком вологодской публике и давно признан ею как непревзойденный виртуоз – исполнитель на гармонии, к тому же неплохой певец"* (выдержка из материала "Концерт гармониста Михаила Морозова; портал "Культура в Вологодской области". 5 июля 2013 г.). На основании подобных примеров можно выделить некоторые наиболее употребительные лексические средства, используемые для выражения общей ("всенародной") оценки. Это качественные прилагательные в сочетании с существительными, называющими неограниченное множество людей (*желанные публикой*); определительные местоимения, указывающие на подобного рода множество (*любимые всеми; все в восторге; всякий рад; каждый улыбался*); отрицательные местоимения в составе синтаксических конструкций, эксплицирующих отрицание нежелательного действия (*никто не остался равнодушен*).

При определении характерных черт речевого портрета Э.А. Кирилловой следует обратить внимание не только на собственно тексты автора, но и на заголовки к материалам. Именно эта часть публикации первой "бросается в глаза" читателю, и от неё зависит, будет ли текст востребован аудиторией. В заголовках в материалах Э.А. Кирилловой в вологодской прессе нам удалось выделить некоторые речевые особенности:

1. *Метафоричность*. Эта художественно-изобразительная особенность достаточно часто встречается в заголовках Э.А. Кирилловой. Например: "*Это нежное имя Ассоль...*" (автор Элла Кириллова, интервью Ирины Ухановой. "Культура в Вологодской области". 2011 год). В заголовке автор использует метафору, сравнивая благозвучность названия музыкального коллектива с тем, как его участники исполняют музыкальные произведения. Уже в самом заголовке прослеживается авторская оценка творчества коллектива "Ассоль". Также в нём есть литературная аллюзия на роман А. Грина "Алые Паруса". В первом абзаце автор даёт культурно-историческую справку о коллективе "Ассоль", объясняя причину такого названия. Возможно, это оправдывает такой неинформативный заголовок, который становится уже частью "плоти" интервью, вовлекая читателя в интересное повествование.

Пример близкого к категории "интригующего" заголовка – "*Настроение "Каприччио"*" (автор Элла Кириллова, интервью Нины Поповой. Портал "Культура в Вологодской области". 2012 год). Что подразумевает автор под незнакомым словом "Каприччио"? Это как: весело или грустно, хорошо или плохо?

2. *Обобщённость, краткость*. В текстах Э.А. Кирилловой преобладает прямолинейный, незамысловатый стиль изложения. Автор как бы последовательно отвечает на вопросы "кто?", "что?" и "как?". Эта тенденция прослеживается и в заголовках. На вопрос "о чём этот текст?" музыковед даёт ответ: "*О музыке и не только*" (автор Элла Кириллова, интервью с Альбертом Мишиным. "Культура в Вологодской области". 2006 год). Другой при-

мер: *"Елена Назимова: О большом концерте хоровых коллективов Вологды к Дням славянской письменности и культуры"* (автор Элла Кириллова, интервью Елены Назимовой. "Культура в Вологодской области". 2014 год). Заголовок лаконично, точно отражает главную тему интервью, предоставляя читателю возможность заранее решить, интересно или нет ему читать об этом.

Разные музыкальные журналисты – разное восприятие явлений музыкальной индустрии, а также и разная специализация. Предметом оценок в журналистских текстах вологодского музыковеда Эллы Кирилловой чаще всего является классическая академическая музыка. Это объясняется особенностями её биографии: окончанием Вологодского музыкального училища на фортепианном отделении, работой в музыкальной школе, Вологодском областном музыкальном училище. Как сама она пишет в своей автобиографии: "Отношение к жизни людей моего поколения всегда было окрашено романтическим мировосприятием. Боюсь, что таковыми мы остаемся и в семьдесят лет!" [Кириллова, а]. Возможно поэтому, в заголовках её публикаций так часто встречается "романтическая метафоричность". Филологическое образование в Ленинградском университете также повлияло на речевой портрет Э.А. Кирилловой. Отсылки в своём творчестве в произведениях литературы насыщают тексты авторским мироощущением, добавляя музыкальной образности языку.

Наиболее частотные темы публикаций Э.А. Кирилловой – филармонические концерты, фестивали классической музыки, духовые оркестры, публикации о балете и опере. В своих оценках музыковед опирается на своё восприятие услышанного, но апеллирует к мнению аудитории. Безусловно, для автора важно кто является объектом журналистского текста. Восторженность музыковеда передаётся через однородные синтаксические конструкции, где перечисляются всевозможные регалии музыканта, о котором идёт речь в материале. А сама Э.А. Кириллова становится "рупором" зрительного зала, выражая общее и часто доб-

рожелательное объективное мнение о качестве музыкального исполнения. Образность языка автора тесно переплетается с простотой описания. Полярность описательных конструкций типа "созвездие оперетт" и "неплохой певец" добавляют изысканности и уникальности речевому портрету Э.А. Кирилловой.

Список используемых источников

1. Культура в Вологодской области [Электронный ресурс]. URL: <http://cultinfo.ru>
2. Элла Кириллова. Автобиография // Культура в Вологодской области [Электронный ресурс]. URL: <http://cultinfo.ru/music/musicologists/kirillova.php> – Кириллова, а.
3. *Кириллова Э.А.* Очерки музыкальной жизни. Вологда, 1997.
4. *Кириллова Э.* Музыкальная жизнь Вологды в 1940-1960 годов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/3vo/log/da/index.htm>

Толстова Мария Анатольевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Tolstova_11@mail.ru

Гендерный аспект изучения языковой личности диалектоносителя¹

На современном этапе развития антропоцентрических наук особую актуальность приобретает междисциплинарный аспект изучения языка и языковой личности. Интерес проявляется к различным способам интерпретации мира не только в разных культурах, но и с учетом социальных параметров говорящей личности, в том числе гендерного.

Гендер осмысливается как социокультурный конструкт, имеющий динамический характер и по-разному воплощающийся в разных дискурсивных практиках. Ученые отмечают универсальность данной категории: изучению в аспекте гендера поддаются практически все феномены языка. «Если категория пол (sexus) значима для анализа семантики ряда лексических единиц, где пол является компонентом значения, то гендерные исследования в языкознании охватывают значительно более широкий круг вопросов, рассматривая конструирование мужской и женской идентичности как один из параметров говорящей личности» [Кирилина 1999: 24].

Гендерный аспект изучения языковой личности связан, во-первых, с исследованием специфики речи мужчин и женщин, выраженной на различных уровнях языковой системы: в фонетике, грамматике, лексике, фразеологии, речевом поведении. Во-вторых, с изучением гендерных характеристик языковой картины

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 "Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация").

мира языковой личности, специфики отражения гендерных стереотипов.

Под гендерными стереотипами понимаются «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения обоих полов» [Кирилина 1999: 6]. Гендерные стереотипы фиксируются в языке, тесно связаны с выражением оценки и формируются «как в результате действия индивидуальных когнитивных процессов, так и под воздействием социальных факторов: представления человека формируются в рамках тех социальных групп, к которым он принадлежит» [Гаранович 2011: 3-4]. Гендерная стереотипизация влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения.

Настоящее исследование посвящено выявлению и анализу в диалектной коммуникации стереотипов маскулинности и феминности, воплощенных в оценочных представлениях о социально-психологических параметрах поведения и характерных чертах мужчин и женщин. В предпринятом описании речь идет о коллективной языковой личности – «типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива или усредненный носитель данного языка» [Культура... 2003: 104].

Работа выполнена на материале говоров Среднего Приобья. Источником послужил архив текстов, полученных в ходе диалектологических экспедиций в села Томской, Кемеровской и Новосибирской области в период с 1947 по 2017 гг. Получаемые в результате тексты представляют по преимуществу ретроспективный дискурс. С точки зрения жанровой принадлежности, среди полученных в результате экспедиций текстов преобладает жанр воспоминания и бытового рассказа [Демешкина 2000].

В рамках данного исследования анализировались женские тексты. Это обусловлено тем, что рассказы женщин включают большее количество оценочных высказываний, чем мужские. От-

личие проявляется и на тематическом уровне. Женские тексты, главным образом, сосредоточены на рассказах о создании семьи, о семье, о работе. В то время как мужские характеризуются большей детализацией при рассказе о работе, а меньшая часть высказываний уделяется повествованию о семье [Волошина 2008]. Как представляется, содержание гендерных стереотипов, воспроизводимых мужчинами и женщинами, имеют некоторые отличия, поэтому анализ стереотипов маскулинности и феминности в мужских текстах планируется провести в рамках отдельного исследования.

Итак, в женских текстах были выявлены:

1. Стереотипы маскулинности.

Положительная оценка мужчины женщиной связана с его работоспособностью, добротой: *Мужик-то у меня добрый был, работающий, детишек любил. Трудолюбивый мужчина характеризуются с помощью лексических единиц с положительной оценкой: **работяга, работающий, рабочий, труженик, баск'ой**: У нас отец был очень хороший, не руга'тельник, скромный, работающий, беспредельно работающий. // Мужик-то хороший, рабочий. Видать, что рабочий парень. // Ну, баской – это говорят: «О, баской!» Счас говорят. Баской, хороший, гыт, такой, баской, гыт, ага. [То есть красивый?] Нет, как-то работяга такой. Живой человек. // Вот, например, хороший хозяин, работающий надёргат коноплѐ это, потом измолотит, провеет и государству сдаст. // Он тоже такой работяга был, таких у нас... У нас в деревне с трактористов один был такой, незаменимый его называли. Он любого, за любого отрабо'тат, и сам любил, после него ничѐ не будешь. А он всё его: «Ой, Володя, Владимир Петрович, вы вот за этого». Он говорит: «Вот лучше бы я сразу делал, чем после человека этого делать работу и это». Вот, он вообще такой был. И людя'м пашет и всё, и никогда деньги не брал с людей, там. Ну, дадут стопочку, а есть кото'ры карман набьют, а он не мог, он такой был добрый, вообще.*

Неработающий мужчина осуждается, что выражается в употреблении таких номинации как **лодырь, лентяй, гулеван**, в использовании глаголов **болтаться, гулять**: *Муж ничего делать не умеет, не болеет он – лодырь такой. Человек сам должен делать что-то. // Вот она-то там сколько лет, лет десять ли боле рабо'тат. А и ему можно было там гру'шишником устроиться. А вот начал болтаться, пить надо, тѣшиша-то ему него'дна. А Гутя взяла да и в милицию пожаловалась. А милиция прибежали да его забрали. // Мало рабо'тат, много гуляет – лодырь, гулеван, пьяница.*

Пьянство традиционно осуждается, является причиной разрушения семьи, болезней, смерти. Мужчину называют **пьяницей, алкоголиком**: *Так а умирают-то ра'зи мало? Ско'ко их теперь умерло-то от вина. Молоды' вон какие'. Да. Вот нынче два мушшы'ны молодых умерло. Конбайнѣр хороший был. Больше его хлеба никто не убирал. И скотины полно, и машина своя. А заболел – печень. А потом двухсторо'нне воспаление. Мигом свернулся и умер. // От чѣ попало пьют, чѣ попало. Так они-то напьются, а жѣнам как досаждают. Други' воруют деньги, крадут, да пропивают, ве'шшы пропивают у жены. У жены ута'шишат как-и'нибудь отре'зы. Не дай Бог это вино! // Муж в милиции работал, потом стал выпивать, скатился – сопровождающим почты был, водка довела до ручки. Умер он у нас. Люди много пьют, мало пили бы – больше порядка бы было. Много пьют – много неприятностей всяких, особенно в семье. Умирают много люди – и всё равно не каются. Мой был вон какой здоровый – в два раза шире и в два раза выше, а сердце отказало и умер. Он был здоровый – да миокард сердца признали – от алкоголя ли он завѣлся или сам. // Тех, кто пьют – пьяницами зовут. Это первая стадия, а уж последняя – алкоголик.*

При характеристике мужчины этот фактор упоминается довольно часто, поэтому непьющий мужчина получает положительную оценку: *В ей семья есь: мужик, двое детей. Хороший,*

говорят, мужик, не к'идатся за вином. // Потом меня от комсомола хотели отправить учиться, а я замуж вышла. Он у меня непью'шый, не гуляющий. Если даже друзья пришли, он без меня водку тую и не трогает.

Однако употребление алкоголя мужчиной не оценивается негативно при условии выполнения им необходимой работы: *Не скажу, что не пил, но не сидел, помогал. В огороде всё поможет сделать. Картошки все вы'копат. // У меня у самой старичок был, слишком крепко пил. От два дня прогуля'т, а на третий ишишо' похмели'тся, и начинают вкалывать – он кузнецом был. Он шибко работал: лошадей ковал, жеребцов ковал и быков. Всё делал, всё. В городе е'тому учился. // Ну, он и сам ворочат здорово. Трезвый-то, ворочат.*

При характеристике мужа важным оказывается его отношение к жене, наличие любви между супругами: *Мужик-то мой был такой работя'шый (вот люди не дадут соврать), дак мы с ним всё на пару в колхозе трудились, е'то как раз в двадцать девятом году происходила у нас коллективизация. <...> Муж у меня хороший был. Шибко уж он меня любил. Нонче бы так всё ладили, как мы с ём ладили. Бывало никогда' лишнего не выпьет, принесёт там бутылочку. «Ну, – скажет, – старая, неси закусь». Он нальёт нам двоим, мы и выпьем за здоровье друг дружки. Да не пришлось ему долго на свете жить, помер он у меня, царство ему небесное, на войне погиб. Ну и поплакала же я, ми'ла ты моя доченька! Все глазоньки слезами вымочила. Ну, думаю, не дай бог кому мужа терять – худо дело, чё и говорить.*

Осуждается неверность мужчины по отношению к жене, что выражается в употреблении лексических единиц с негативной окраской **бабник**, **блядун**: *Мужчин, который часто женщин меняет – это блядун, бабником зовут. // Ну тут уже я плакала, ничё не помню. То что он же... уже я четвёртая у него. У него же три жены было, три раза женился. Но детей ни у кого нету.*

Только мои дети. [А прежние жёны, что с ними?] А... бабник был хороший.

Как неблагоприятный фактор отмечается строгий нрав, агрессивность мужчины, склонность к рукоприкладству: *Заигра-лася я, пришла домой, отец-то за косы хватил меня, бил шибко, гребёлочку поломал, жалко было гребёлочку. Вот такое уж он и был, хоро'шай да стро'гай. <...> Работал здо'рово, нас подго-нял. На людях-то он смирной был, да дома лютой был, ох лютой. Внучатов своих не любил, всё с глаз-то прогонял их. Да но'ву же-ну свою бил часто. Шибко часто плакала она у его, бе'дна была же'нишына, горя у его много узнала.*

Негативно воспринимается наличие предшествующего брака у мужчины. Такого мужчину называли **женатик**: *Разводу не было никакого. А щас что де'лается. Месяц, два по'жили – развод, ха-рактерами не сошлись, слабость большая была. И тоды' никак их разводов не было. Раньше было какой-то был позор. Ежели ты только с женой разоиёлся, ты к женицине не подойдёшь. Она те-бя не примет. А девки – вовсе. «Женатик» говорят. // Женатик – женился который, девки так и говорят: уходи, Женатик!*

Однако в диалектных текстах часто встречаются высказы-вания, в которых отсутствие мужа оценивается негативнее, чем наличие даже самого плохого мужчины: *Она ишишо' говорила в прошлом го'де: «Мама, я где-нибудь найду старика или старуш-ку, с квартиркой и крадучись от него спрячусь, уеду». Ну как, как уедешь? Где-нибудь найдет да убьет. Я ей всё говорила: «Валя, при худым худо и без худого плохо. Так-то жить надо. Может, он в ум войдет». // А ведь без мужика эт чижало', очень чижало': мужи'цку работу работать. // Да не пришлось ему долго на свете жить, помер он у меня, царство ему небесное, на войне погиб. Ну и поплакала же я, ми'ла ты моя доченька! Все глазонь-ки слезами вымочила. Ну, думаю, не дай бог кому мужа терять – худо дело, чё и говорить.*

2. Стереотипы феминности.

В исследуемых текстах чаще всего положительная оценка женщины связана с чистоплотностью женщины, аккуратностью, умением вести домашнее хозяйство. Для номинации используются единицы **чистюля, аккуратистка, хозяйюшка**: *Чистоплотна, хоро'ша женщина: везде чисто, в избе чисто, сама чиста, аккуратна. Говорят: аккуратистка. // Ты вот учти: если ты вот хозяйюшка, ты вот не будешь чеча'с ее [скотину] колоть, правда?*

Неодобрение вызывает неопрятность, неаккуратность женщины. Лексемы **беспелюха, нечистюлька, неряха, растрёпа** характеризует неумелую, нечистоплотную женщину: *Беспелюха делать ничё не может. // Не знаю, вот навязалась така' нечистюлька, ничё делать не хочет. // У! Таку неряху брать [в проводницы]? Дескать, плохо в вагоне у ей всегда грязно да всё. // Она така' растрёпа, ходит как попало: здесь петелька есь, пуговики нету, здесь пуговка есь, петельки нету. Некуды'шна, растрёпа шибко. // Штанишки повесит, грязнучие висятся. Ну, она растрёпа-то добрая была.*

Положительная оценка женщины, также как и мужчины, связана с ее работоспособностью: *Одна осталась. Така' работающая. Она станет, плиту затопит, мужа с ночной ждёт.* Однако стоит отметить, что эта характеристика не всегда связана с пространством дома, семьи, в текстах нашло отражение вовлечение женщины в производство и общественную жизнь. В качестве положительных женских качеств отмечают: активность женщины: *Активны, а вот остальные, они, как одиноличники. Она така была хороша, и активна везде, в заводе там она везде участвовала и в самодеятельности везде;* бойкость: *Она бойка, пробоиста баба. Когда чё привезет, когда огурцы мои продаст. // Я проворна была работать: пахала, сеяла, мужика заменила бы;* склонность к общественной работе: *Работница была хоро'ша, работала в колхозе.*

В рассказах нашло выражение стирание границ между женской и мужской работой, которое связано с социально-историческими факторами: *В войну неводами рыбачили. В колхозе жили, работали, землю возили, дрова возили. Я лес возила с мужиками, лес валила. Что у мужика лошадь, то и у меня лошадь была. Также с мужиками наравне работали.* Выполнение женщины мужской работы не оценивается негативно, но часто отмечается преимущество мужчины над женщиной в выполнении некоторых видов работ: *И сенки я пристроила одна, и веранду пристроили – мале'нька, можно было побольше. Баба так баба и есь: ума-то не хватило.*

Осуждению подвергается болтливость, скандальность, склочность, сквернословие женщины. Это выражено в номинациях **болтушка страмовка, ругательница, сплетница**: *Она же несамостоя'тельная, председатель сельсовета, нехоро'ша, болтушка. // Сноха моя – у неё муж утонул - без очереди в магазине лезла, а ей сказали, что без очереди, так она всех обстрамила, страмовка и всё. // Есь у нас тут баба, ох ругательница, ох страмовка – не дай бог! // Мне вот кажется, кода жеңщина заматерится, как курица запоёт по-петушьи, равносильно тому. // Раньше и понятия не было, чтоб напиваться. А жеңщины и вообще его не пили. Ну, молодёжь были почётливые, родных уважали, отца-мать уважали, были скромные. Это вот как сейчас матерятся. А раньше, что ты. Раньше говорили: «Баба заматерится – земля лопнет». // Сплетницами многих зовём, много сплетничают, обо всем сплетничают. // Бабки соберутся вечером и начинают – сплетницы. Сядут на скамеечки и начнут: «Вот молодёжь, да мы-то такими не были, да в наше время...». Про умного говорят: «У тебя не голова, а дом советов, ума палата».*

Негативные характеристики, связанные с пьянством и распутством, обычно относящиеся только к мужскому миру, отмечены как гендерно симметричные: *Гулеван – кто гуляет, пьёт, с*

бабами чужими ходит от пьяна. Гулеванка – женищина, она тоже гулят с мужиками – от своего мужа.

Девушек, родивших ребенка до замужества, осуждали и называли **суразницей, сучонкой, блудней**, а ребенка **суразенком, блудником**: *Кто в девках, без замужества родит, та и суразница. // Суразница – котора суразёнка принесёт, в девках она, женищина, да не от мужа принесёт. // Ведь молода женищина, вот и сблудит, ребёночка принесёт. А ребёночек – суразёнок... // [– А если внебрачный ребенок – девочка, как его называют?] – «Все равно сураз. Суразюшка». [– А женщину?] – «Сучонка».*

Незамужние девушки традиционно оценивались в категории чести. Это нашло выражение в наличии ряда устойчивых сочетаний, называющих девственницу: **выдержанная девка, неповеденная девка, рекордная девка, самостоятельная девушка, честная девушка**: *Раньше девки были скромные, взамуж или выдержанные, а сейчас поженятся, а через месяц рожают ребёнка. // Если непове'деная девка – и родителям почет. // Он реко'рдну девку взял, хоро'ша девка сама себя держит хорошо. // Прямо стыд-позор, выведут в одной сорочке, да ещё и повертят тебя. Что если ты и честная девушка. Да вот так делано. // Так с конца веку до старости позор имели, что ты сура'з. А щас в <моде'>, в чисте'. А который-то возьмёт, а который не возьмёт. Глядят – честна, нечестна. Ваша дочь безо дна, стой и хрупай, что безо дна. Дочь безо дна – в бездонную стопку родителям поливали.*

Таким образом, анализ стереотипов маскулинности и феминности показал, что гендерные представления обусловлены спецификой бытия в крестьянском социуме: отмечается важность такого качества как работоспособность в равной степени для мужчин и для женщин. В тоже время выявлен динамический характер гендерных стереотипов, обусловленный социально-историческими и культурными факторами. Наиболее ярко это прояв-

ляется в стереотипах, представляющих женскую активность в быту и в общественной жизни.

Литература

1. *Волошина С.В.* Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации. Дисс. ... канд. филол. наук. Том. гос. ун-т. Томск, 2008.
2. *Гаранович М.В.* Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. Пермь, 2011.
3. *Демешкина Т.А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.
4. *Кирилина А.В.* Гендер: Лингвистические аспекты. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999.
5. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Наука, 2003.

Черняева Марина Ивановна
Устье-Угольская школа, п. Шексна
marinafil1992@yandex.ru

Проблемы региональной идентичности в сфере изучения диалектной речи

Изучение проблем региональной идентичности является актуальным направлением в современной гуманитарной науке [Головнева 2013; Крылов 2010; Мурзин 2015; др.]. Научное описание этого феномена с недавнего времени начало появляться и в лингвистических работах, материалом для исследования в которых, как правило, является диалектная речь [Ильина 2017; Волкова, Ганичева, Загуменнов, Ильина, Мельникова 2017; др.]. *Целью* нашей работы является изучение феномена региональной идентичности жителей Вологодского края в процессе анализа диалектных текстов. Реализация данной цели предполагает решение следующих *задач*: 1) изучить феномен региональной идентичности, принципы его описания в современной науке; 2) описать систему вербальных средств репрезентации региональной идентичности жителя Вологодского края в процессе его речевого портретирования; 3) рассмотреть процесс формирования региональной идентичности как основу лингвокраеведческой работы учителя; прокомментировать возможности привлечения к работе записей диалектной речи.

Под региональной идентичностью нами понимается системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «малая родина». Это связь, которую ощущает житель определённой территории с местом его жизни. Вологодчину, по мнению исследователей феномена региональной идентичности, отличает «сильное чувство ощущения своей уникальности» и наличие стратегий ее презентации [Назукина 2009]. Вместе с тем, как показывают наши наблюдения, вопросы изучения средств и способов вербализации региональной идентичности личности пока

ещё остаются на периферии лингвистической науки. Эти проблемы попутно освещаются при описании феномена языковой личности, языковой картины мира, исследования языка разных социальных групп [Язык и национальное сознание 2002; Народная речь Вологодского края 2012; др.].

Записи диалектной речи могут быть доказательством сформированности региональной идентичности жителей определенной местности и могут быть интерпретированы с различных точек зрения: когнитивной, инвентарной / вербально-семантической, прагматической. Проиллюстрируем это положение на материале рассказов о крестьянской кухне одного из наших информантов – М.И. Большаковой, 1937 г.р., уроженки Кичменгско-Городецкого района Вологодской области [Черняева, Карачева 2015].

Анализ когнитивной составляющей включает в себя описание, во-первых, инвентаря объектов, актуальных для жителя определенной местности. В рассказах нашего информанта о крестьянской кухне представлены различные именованья человека, занимающегося приготовлением пищи (*большу'ха, хозя'йка, стряпу'нья, стря'пка*), названия помещений для приготовления пищи (*ку'т, ку'ть, ку'хня, ле'тник, кипяти'лка*), названий местных кушаний и напитков (*пряже'ники, помаку'шка, солома'т, селя'нка*) и т.п. Во-вторых, имеет значение экспликация системы оценок, ориентированных на региональную систему ценностей. В соответствии с классификацией Н.Д. Арутюновой можно выделить три вида оценок [Арутюнова 1984]. Оценки-аффективы выражают представление диалектоносителя о качестве пищи: *Сла'дкие э'дакие, оку'сные, как сейча'сошные караме'льки*. Оценки-когнитивы формируются в результате обобщения опыта людей в этой сфере деятельности, касаются способов приготовления, консистенции, состава продуктов и др.: *крошани'на, простоки'ша, сухоме'с; гу'ща, густене'ря*. Оценки-сублиматы, эксплицирующие оппозиции «вкусно/невкусно» и «сытно/несытно», встречаются в текстах о крестьянской кухне довольно часто:

сла'дкие э'дакие, вку'сные, как сеча'соиные караме'льки; ведь оно' не 'экое как сейча'с, всё лу'чше бы'ло. На основе анализа текстов о крестьянской кухне можно сказать, что эта жизненная сфера занимает значительное место в картине мира жителя Вологодчины. Об этом свидетельствует большое количество лексем, называющих реалии данной среды, разные виды оценок и пр.

Анализ вербально-семантической составляющей речи нашего информанта показал, что маркером базовой региональной идентичности является высокая сохранность в ней языковых черт местного говора, относящегося к восточной (вологодской) группе северного наречия русского языка. В области вокализма: полное «оканье» (произношение /o/ вместо /a/ в безударном положении) *хорошо', робя'та, молоко'* и др.; переход /a/ в /э/ и /э/ в /и/ под ударением между мягкими согласными: *уми'ли, взе'ть* и др.; произношение /o/ наряду с произношением /e/ в позиции перед твердыми согласными в конечных и неконечных слогах: *р'ока', в'одро', н'отух* и др.; произношение /u/ (реже /ё/, /йе/) в соответствии ё перед мягкими согласными: *з'ви'р', ни'с'ни, ви'тер, не-ди'ли.* В области консонантизма: перед гласными произносятся /в/ губно-зубного образования: */в/ода', /в/озьми', /в/еди'* и др., а перед согласными и на конце слова возможно (факультативное в этих говорах) употребление /w/ губно-губного образования: *пра'/w/да, тра'/w/ка, дро'/w/* и др.; ассимиляция согласных по признаку назальности в сочетании бм : мм: *о/мм/а'н, о/мм/ёрил* и др. ; упрощение групп согласных в словах, оканчивающихся на /ст/: *кос' (кость), гос' (гость), мос (мост), прос* (кр. прил. *прост*) и др.; употребление пары /л/— /л/ при регулярном чередовании /л/ с /w(y)/ в конце слова и слога: *по'/л/очка, /л/ук, /л/а'мна* и др.; ассимиляция согласных по твердости в сочетаниях -л'н-, -л'ш-: *бо/л'но, бо/л'ше* и т. п.; мягкое цоканье : *ру'/ц'/ка, кру'же/ц'/ка* и т.д., а также [ч'] вместо [ц]: *ку'ри/ч'/а, води'/ч'/а, го'лбе/ч'/;* произнесение долгих твёрдых шипящих /шш/: *гу'/шш/а, ро'/шш/а, пу'/шш/е* (сильнее) и др. В области граммати-

ки обращает на себя внимание употребление формы инфинитива на *-ти, -чи* (*испекчи', натолкчи', берегчи'*); особое употребление формы Д.п. множ. числа типа: *пирого'м, платья'м, рука'м* и т.д.; образование форм дательного /предложного падежа единственного числа с окончанием *-е* под ударением у существительных женского рода с основой на мягкий согласный: *по гр'аз'э/, в гр'аз'э/*; наличие форм с двусложным окончанием прилагательных женского рода в форме родительного падежа единственного числа с первым гласным под ударением: *у моло'ды'яа/* «у молодой», *у бол'шы'яа/* «у большой»; употребление возвратных стиц *се — с'о* в формах глаголов настоящего и прошедшего времени: *умы'л/се/, умо'йеи/с'о/*; употребление глагола 3 л. ед.ч *реви'т*; использование сложных предлогов предлоги *по-за, по-над, по-под* с существительными в Дат. п.: *по-над крышей, по-за забору* и др. На лексическом уровне обнаруживается также значительное число диалектизмов: это лексемы широкой локализации (*грибо'вник, пряже'ник, кусо'чница, му'млить* и др.), севернорусские лексемы (*деже'нь, за'сна, оде'нье* и др.) и собственно вологодские (*ошу'рки, сурове'га, набу'здаться* и др.).

Анализ прагматической составляющей обратил внимание на специфику речевого поведения нашего информанта, в частности, на явление литературно-диалектной и междиалектной диглоссии. Суть явления заключается в том, что человек сознательно выбирает как средство общения местный говор или литературную речь в зависимости от ситуации общения. Со своими близкими или с жителями села наш информант активно использует диалектную лексику, например *Сти'ну но'не настуди'ла дак ны'шкать не даёт пря'мо*, а при общении с местными представителями официальной власти используются преимущественно не диалектные формы речи, а общеупотребительные, обращается на «Вы» или на «Ты», но по имени, отчеству: *Ты, Валенти'на Алекса'ндровна, когда с го'роду-то прие'хала? А то я гляжу' тебя' всё нет и нет*».

Все перечисленные языковые черты, которые могут быть обобщены в процессе анализа диалектных текстов с целью речевого портретирования языковой личности, убедительно доказывают, что в речевой деятельности нашего информанта эксплицируется базовая (первичная) региональная идентичность. Вместе с тем следует принимать во внимание то обстоятельство, что региональная идентичность относится к числу динамических явлений, формируется в определенных социокультурных условиях и при их изменении может также быть подвержена различного рода трансформациям. Поэтому одной из актуальных задач современного филологического краеведения является изучение факторов, способствующих или, наоборот, препятствующих формированию региональной идентичности у жителей той или иной местности. Воспитание регионального патриотизма, осмысление личной взаимосвязи каждого ребёнка с «малой родиной» составляет очевидную педагогическую проблему, для решения которой могут быть использованы учебно-методические ресурсы регионального компонента современного школьного филологического образования, а также различные формы организации внеурочной деятельности учителя-словесника [Черняева, Комиссарова 2016]. Объектами лингвокраеведческого комментирования могут быть художественные произведения региональных авторов (В.И. Белов, А. Я. Яшин, Н.М. Рубцов, О.А. Фокина и др.), а также образцы бытовой локальной речи. Содержание исследуемых текстов должно быть понятно и интересно современному школьнику, вызывать в нем эмоциональный отклик. Поэтому, на наш взгляд, изучение семейной истории наших учеников в процессе записей и осмысления устных рассказов старших родственников может во многом способствовать решению этих задач. Работая в 2014-2016 годах учителем русского языка и литературы средней школы № 22 г. Вологды и продолжая эту деятельность в настоящее время в Усть-Угольской средней школе п. Шексна Череповецкого района Вологодской области, мы имели возможность вести учебную и

внеучебную работу в области лингвистического краеведения с учащимися пятых-шестых классов. Данный вид работы оказался для детей новым и незнакомым, поэтому большинство из них приняли материал с интересом. Нами были проведены уроки: «Диалектные слова Вологодского края», «Диалектные слова в рассказах В.И. Белова» и др.; был подготовлен мини-проект по русскому языку «Вологодское словечко», участвовавший во всероссийском конкурсе молодых учителей-словесников. Результатом направленной учебно-методической работы стало развитие рефлексии обучающихся в сфере отношения к семье, к месту своего рождения и проживания, к материальной и духовной культуре родного края.

В качестве перспектив изучения явления региональной идентичности нам представляется важным изучение приобретённой (вторичной) языковой идентичности, динамики ее формирования у людей, в силу различных обстоятельств приехавших на территорию Вологодской области из других регионов России и проживших на Вологодчине в течение некоторого (длительного или, напротив, непродолжительного) времени, выявление лингвистических доказательств того, что у этих людей формируется вологодская региональная идентичность, а также изучение факторов, способствующих или препятствующих ее развитию.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М., 1984. С. 5-23.
2. Волкова Н.А., Ганичева С.А., Загуменнов А.В., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. Монография. Вологда; Череповец, 2017.

3. *Головнева Е.В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2013. № 5. С. 42–50.
4. *Ильина Е.Н.* Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: презентация исследования // *Беловский сборник.* Вып. III. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. С. 173–176.
5. *Крылов М.П.* Региональная идентичность в европейской России. М.: Новый хронограф, 2010.
6. *Мурзин А.Э.* Региональная идентичность: сущность, характер, опыт изучения. М: Директ-Медиа, 2015.
7. *Назукина М.В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: автореф. дис.... канд. полит. наук. Пермь, 2009.
8. Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / Сост. Е.Н. Ильина, Л.Ю. Зорина, П.Н. Задумина, С.В. Шильниковская, С.А. Ганичева; Гл. ред. Е.Н. Ильина. Вологда: Изд-во «Легия», 2012.
9. *Черняева М.И., Карачёва Н.Н.* Речевой портрет жителя северной деревни (на материале рассказов о крестьянской кухне Кичменгско-Городецкого и Никольского районов Вологодской области) // *Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография / отв. ред. О.Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН.* СПб., 2014. С. 207–215.
10. *Черняева М.И., Комиссарова Т.Г.* «Лингвистический код региона» и проблемы его освоения на занятиях по развитию речи // *Вестник Череповецкого государственного университета.* Череповец, 2016. № 6 (75). Филологические науки. С. 120–124.

Шарихин Евгений Юрьевич

Институт лингвистических исследований РАН
sharichan@yandex.ru

Наречия на *-ственно* в текстах В.В. Крестовского как одна из особенностей идиостиля писателя¹

Наречия на *-ственно* характерны для произведений одного из представителей «натуральной школы» В.В. Крестовского (1840-1895). Среди таких наречий в текстах автора можно встретить, например, следующие: *беспрпятственно, благоденственно, величественно, воинственно, довольственно, дружественно, злобственно, ехидственно, мужественно, начальственно, покорственно, покровительственно, родственно, сочувственно, таинственно, торжественно, убийственно, явственно* и др.

Сама модель, по которой образовывались наречия на *-енно* с суффиксом *-ств-* в основе, не является специфически новой для литературного языка XIX века. В текстах XVII–XVIII вв. наречия рассматриваемой группы фиксируются достаточно часто, например: *ходатайственно* (Г. Бужинский 1720), *наследственно* (В.Н. Татищев 1735), *беспрпятственно*² (Д.И. Фонвизин 1769), *единосупружественно* (С.Е. Десницкий 1775), *явственно* (архиепископ Платон Левшин 1777 г.), *насилъственно* (Н.И. Новиков 1783) и мн. др. Данные факты говорят о явной продуктивности модели на *-ственно* в XVII – XVIII вв.; подчеркнуто книжный характер данных образований был обусловлен общей тенденцией к церковной славянизации книжного языка, действовавшей в XVII веке [Голстой 1998: 142]. Эта стилистическая окраска в ряде случаев сохраняется, как показывает анализ текстов, и в последующие периоды.

В XIX веке появление неологизмов данного типа связано с

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

новыми стилистическими задачами художественного текста — передать иное содержание, связанное с изображением различных оттенков чувств, состояний человека, особенностей его социального и психологического типа личности. Необходимость в такого рода лексике была обусловлена развитием русской психологической прозы.

Интересным и показательным для характеристики поиска новых источников образности оказывается пример наречия *ехидственно*. Данная лексема не зафиксирована ни в одном из общерусских и диалектных словарей. В наших материалах слово представлено четырьмя примерами употребления: два случая самой ранней фиксации встретились в тексте романа «Петербургские трущобы» В.В. Крестовского (1869), один — в переводном романе К. Гуцкова «Дети Песталоцци» (с нем.) (1870) (в нем же находим и прилагательное *ехидственный*) и один — в рассказе А.П. Чехова «Идеальный экзамен» (1884). См.:

Своим образованием наречие обязано прилагательному *ехидственный*, которое также не отмечено словарями. Единичный случай употребления слова обнаруживаем в одном из вышеупомянутых текстов. См.:

(1) ... *Да другой-то, другой поджигатель — кто онъ такой былъ? спрашивали в одинъ голосъ всѣ трое.*

— *Да говорятъ все же одинъ изъ молодцовъ Видмана, братъ, что ли, этой-то самой Густели — правду сказать, что ни на есть ехидственный парень... Ужъ это я хорошо знаю...* [К. Гуцковъ. Дѣти Песталоцци. Пер. с нем. 1870. С. 181]

Образованное от существительного *ехидство*, впервые зафиксированного в Словаре Академии Российской со значением отвлеченного качества с отрицательной окраской 'злость' [САР¹: II, 1027], оно усвоило ту же семантику. Тот же словарь свидетельствует, что расширение данного словообразовательного

гнезда происходит за счет дериватов с семантикой, указывающей на метафорический и символический смысл их употребления: *ехидный* 'вредоносный, вредительный, злой, злобный', *ехидство* 'злость', *ехидствую* и *ехидничаю* 'ненавиствую, злуюсь' [САР¹: II, 1027]. Наличие в этом гнезде глаголов (впервые зафиксированы тем же словарем), один из которых мотивирован существительным со значением лица, а в структуре которого есть суффикс *-ств-* с новым категориальным значением «состояние, деятельность», может служить дополнительным аргументом для уточнения семантики как прилагательного *ехидственный*, так и наречия *ехидственно*, характеризующих качество, свойство, проявляющиеся в действии (ср. с неологизмом *ехидничанье*, зафиксированным в Словаре Акад. 1897). Как показывают контексты из произведений В.В. Крестовского, наречие может быть употреблено при глаголах речи. См.:

(2) — *А что?... Вашъ-то — съ носомъ! ехидственно шепнулъ отецъ Иринархъ, наклонясь къ уху причетника, на что со стороны того послѣдовало только скромное и какъ-бы невинное гамканье въ руку.* [В.В. Крестовский. Петербургскія трущобы. 1867. С. 78]

(3) — (...) *Пощадите же, Христа ради!*
— *Для чего же вы сами шикали вчера? ехидственно спросилъ Подвилянскій. Устиновъ, прежде чѣмъ отвѣтить, посмотрѣлъ на него холодно презрительными и строгими глазами.* [В.В. Крестовский. Панургово стадо. 1869. С. 234]

Те же условия наблюдаются и в контексте из произведения А.П. Чехова (авторская ремарка):

(4) *Учитель. А что значит зеркало?*
Ученик. Зеркало есть прибор, на котором женщина десять

раз в день взвешивает свое оружие. Зеркало — это пробирная палатка для женщины.

Учитель (*ехидственно*). *Боже мой, как вы умны!*
[А.П. Чехов. Идеальный экзамен. 1884 – 1885. С. 35]

Сравним с фрагментом из текста другого автора, где наречие *ехидственно* используется для описания выражения лица. См.:

(5) *Этому товарищу по профессіи — бывшему не въ примѣръ старше его лѣтами — Нессельборнъ сообщилъ, что Богъ даровалъ ему единственную дочку, и что онъ назвалъ ее „Леваню“, въ честь Жана-Поля и его прекрасной книги о воспитаніи; вслѣдъ за этимъ бездѣтная пасторская чета сочла нужнымъ ехидственно ухмыльнуться.* [К. Гуцковъ. Дѣти Песталоцци. 1870. С. 204]

Анализ контекстов (2) – (5) показывает, что наречие *ехидственно* имеет следующую семантику: ‘с выражением недоброжелательности, злобы; язвительно, ядовито’.

Метафоричность значения прилагательного *ехидный*, которая отмечена словарями, служит основанием того, чтобы говорить о синонимичности отношений словообразовательных вариантов. Ту же картину наблюдаем и в отношении наречий *ехидственно* и *ехидно*, толкование которых словарь не приводит, ограничиваясь только иллюстративным материалом [ССРЛЯ, III: 1288].

Между тем употребительность однокорневых словообразовательных вариантов и области их функционирования не были одинаковы. Как отмечают исследователи, «в литературе XIX в. имена на *-ство*, дублетные по отношению к утвердившимся существительным на *-ствие* или *-ие*, могут быть использованы при стилизации “народной” или архаической речи»

[Виноградов 1964, II: 119]. Подобная ситуация, вероятно, касается и образований типа *ехидственно* — *ехидно*. Косвенно это подтверждается особенностями функционирования наречий на *-ственно*, о которых идёт речь в данной статье, в текстах В. В. Крестовского. В его произведениях (например, авантюрный роман «Петербургские трущобы» — 1864-1866 гг.) описывается жизнь различных, даже контрастных, слоев общества второй половины XIX века: великосветского дворянства и представителей столичного “дна”. Писатель в течение длительного времени внимательно изучал петербургскую жизнь трущоб, посещая вместе с начальником сыскной полиции воровские притоны, что, безусловно, отразилось на идиостиле писателя. В целях «лингвистической стилизации» [Москвин 2004: 45-47] автор вводил в текст лексику, характерную для той или иной социальной среды, тем самым придавая тексту народный колорит.

Использование вариантности языковых форм, имеющей место в языке того времени, в стилистических целях наблюдаем и в случае с другими наречиями рассматриваемого типа. Так наречие *злбственно* не зафиксировано в общерусских и диалектных словарях. Словообразовательно оно связано с прилагательным *злбственный*, зафиксированном в СлРЯ XVIII в составе анатомического термина *злбственная мышка* (лат. *indignatorius musculus*) [СлРЯ XVIII, VIII: 187]. Для прояснения семантики прилагательного обратимся к контексту. См.:

(6) *Это стало быть выходитъ, что вы господинъ такой обходительный и ласковый хоть бы съ нами, холопами, а на повѣрку вишь... Злбственный, что ли? Это когда волкъ овечью шкуру надѣваетъ, чтобы въ стадо пролѣзть и задрать по сусѣдушку овечку какую...* [Е.А. Салиас. Аракчеевский сынокъ. 1888. С. 58]

Данное прилагательное по семантике совпадает с вариантным прилагательным *злбный*, которое зафиксировано в САР² со значением ‘исполненный злобы, дышущий злобою’ [САР²: 876]. ССРЛЯ подтверждает антропоцентричность семантики данного слова следующими двумя значениями: 1) ‘исполненный недоброжелательства, вражды; злой’; 2) ‘выражающий, обнаруживающий злобу, злость’ [ССРЛЯ, IV: 1243].

В САР² также зафиксировано восходящее к прилагательному *злбный* наречие *злбно* со значением ‘со злобою’ [САР²: 875].

Как показывают контексты из романа В.В. Крестовского «Петербургские трущобы», наречие *злбственно* ‘с недоброжелательством, враждой, злобой; выражая, обнаруживая злобу, злость’ и *злбно* являются вариантами и полностью соответствуют друг другу по семантике; однако рассматриваемое наречие, в стилистическом отношении отличается большей экспрессивностью в характеристике речи или проявлении эмоций. См.:

(7) — *Ишь, тюремная крапива... — злбственно прошипѣль поручитель, отходя въ сторону.* [В.В. Крестовский. Петербургскія трущобы. 1866. С. 219]

(8) *Луиза Андреевна негодуетъ, что приходится, въ ожиданіи мужа, лишнія дрова палить, и уже разсчитываетъ, сколько нужно будетъ вычесть изъ жалованья Маши за просроченное время, и по этому случаю злбственно радуется, что хоть чѣмъ-нибудь отомститъ ей за свои подозрѣнія, какъ вдругъ раздается звонокъ и появляется Карлъ Ивановичъ, и отъ Карла Ивановича — о, ужасъ! отдаетъ виннымъ букетомъ шампанскаго.* [В.В. Крестовский. Петербургскія трущобы. 1867. С. 31]

В отличие от двух предыдущих наречий на *-ственно*, рассматриваемых в настоящей статье, неологизм **довольственно** характеризуется положительной семантикой. Наречие также не зафиксировано в толковых словарях. Приведённые ниже контексты (9) и (10) позволяют сделать вывод, что наречия *довольственно* и *довольно* являются словообразовательными вариантами, употребляются в схожих контекстах и с одним и тем же глаголом *улыбаться*. Таким образом, наречие *довольственно* также имеет значение ‘с выражением удовольствия’, что и *довольно* [ССРЛЯ, III: 871]. При этом первое слово (пример 9) стилистически маркировано, а второе (пример 10) нейтрально, лишено экспрессии. См.:

(9) — *А ужъ какъ хозяйка-то мнѣ будетъ благодарна, что я ей новую жилищу предоставила! **довольственно** улыбаясь, продолжала межъ тѣмъ бабочка: — теперь она на радостяхъ такихъ, пожалуй, что съ мѣсяцъ подождетъ на мнѣ долгу — должна я, видите, ей за житье; пристаётъ все; ну, и кофію не стала давать...* [В.В. Крестовский. Петербургскія трущобы. 1867. С. 108]

(10) — *А теперь, матушка, тихонько сказала Самоквасовъ Вириinei. — Такъ какъ вы остались въ обители старшею, благословите ужъ и трудничовъ на работномъ дворѣ угостить.*

— *Богъ благословитъ, **довольно** улыбаясь отвѣтила мать Вириinea.* [А. Печерский. Въ лѣсахъ. 1874. С. 866]

Итак, рассмотренные выше наречия на *-енно* с суффиксом *-ств-* имеют общую семантически мотивированную модель ‘с выражением какого-либо чувства, душевного состояния и т. п.’. Новообразования, созданные по данной модели, получили распространение в художественной литературе при обозначении душевного состояния и эмоций человека, что отражает тенденции

развития стиля русской психологической прозы в XIX веке. Нами рассмотрены наиболее редкие качественные наречия, не употребляющиеся в современном литературном языке наряду с их стилистически нейтральными вариантами (*ехидственно* → *ехидно*, *злоственно* → *злбно*, *довольственно* → *довольно*). Подобная «борьба» вариантных форм была характерной чертой русского языка XIX века [Пеньковский 1988: 53-54]. Важно отметить, что наречия с формантом *-ственно* как стилистически маркированные оказались более предпочтительны в художественном тексте, чем их дублиеты, имеющие нейтральный характер. М. В. Панов отмечал, что «слова, резко контрастные с нейтральным стилем, всегда имеют синоним в нейтральном. Но те лексические единицы, которые лишь слегка окрашены стилистически, у которых чуть брезжит стилистический отсвет, могут и не иметь такого двойника» [Панов 2004: 111]. В данном случае этот стилистический эффект достигается именно за счет формы, поскольку семантическое ядро у вариантов общее.

Таким образом, В.В. Крестовский, отражая общую стилистическую тенденцию художественной прозы своего времени, в своих произведениях активно использует наречия, образованные по модели на *-ственно*. Важно подчеркнуть, что, по наблюдениям лингвистов, данная модель, изначально имея книжный характер, эволюционирует в сторону ее использования как средства стилизации (народно-разговорный колорит) и экспрессивности.

Литература

1. *Виноградов В.В., Шведова Н.Ю.* (ред.). Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964.
2. *Виноградов В.В., Шведова Н.Ю.* (ред.). Очерки по

исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М.: Наука, 1964.

3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: 1863, 1866. Ч. I, IV.

4. *Москвин В.П.* Лингвистическая стилизация и пародия // Русская речь. 2014. № 2. С. 45–57.

5. *Панов М.В.* О частях речи в русском языке // Труды по общему языкознанию и русскому языку / под ред. Е.А. Земской, С.М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 151–165.

6. *Пеньковский А.Б.* Семантика наречия и её отражение в словаре // Словарные категории: Сб. ст. / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 53–59.

7. Словарь Академіи Россійской, производнымъ путемъ расположенный. С.-Петербургъ: При Императорской Академіи Наукъ, 1789-1794. Ч. I–VI. – САР¹.

8. Словарь Академіи Россійской по азбучному порядку расположенный. С.-Петербургъ: При Императорской Россійской Академіи, 1806-1822. Ч. I–VI. – САР².

9. Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб.: Наука, 1984–2011. Вып. 1–19. – СЛРЯ XVIII.

10. Словарь современного русского литературного языка (в 17 т.). М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. – ССРЛЯ.

11. *Толстой Н.И.* Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.) // Избранные труды. Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2. С. 102–147.

12. *Ходакова Е. П.* Изменение лексики русского литературного языка в пушкинское время // Лексика русского литературного языка XIX–начала XX века / отв. ред. Филин Ф.П. М., 1981. С. 7–182.

Источники

1. *Гуцковъ К.* Дѣти Песталоцци // Дѣло. Журналь литературно-политическій. С.-Петербургъ: Въ Типографіи А. Моригеровскаго, 1870. № 3.

2. *Крестовскій В.В.* Петербургскія трущобы. Книга о сытыхъ и голодныхъ. Романъ въ шести частяхъ Всеволода Крестовскаго. Часть четвертая // Отечественныя записки, журналь учено-литературный и политическій, издаваемый А. Краевскимъ и С. Дудышкинымъ. С.-Петербургъ: Въ типографіи А.А. Краевскаго, 1866. Т. CLXV.

3. *Крестовскій В.В.* Петербургскія трущобы. Книга о сытыхъ и голодныхъ. Романъ въ шести частяхъ. С.-Петербургъ: Изданіе книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1867. Т. I–III.

4. *Крестовскій В.В.* Панургово стадо. Сочиненіе В.В. Крестовскаго. Лейпцигъ: Вольфгангъ Гергардъ, 1870. Ч. I.

5. *Печерскій А.* Въ лѣсахъ. Разсказъ. Окончаніе // Русскій вѣстникъ. Журналь литературный и политическій, издаваемый М. Катковымъ. М.: Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°), 1874. Т. 114.

6. *Салиас Е.А.* Аракчеевскій сынокъ // Историческій вѣстникъ. Историко-литературный журналь. С.-Петербургъ: Типографія А. С. Суворина, 1888. Т. 31.

7. *Чехов А.П.* Полное собраніе сочинений и писемъ в тридцати томахъ. Письма в двенадцати томахъ. М.: Наука, 1974. Т. I (1875–1886).

Шевченко Надежда Викторовна

Кадирова Гулноз Рашидовна

Российский государственный гидрометеорологический университет
speranza249@mail.ru

**Эмоционально-экспрессивная лексика и слова-сорняки
в речи современного студента-филолога**

Описание эмоционально-экспрессивной лексики и слов-сорняков, в т.ч. и жаргонизмов в речи современного студента-филолога невозможно без представления о понятии языковой личности. При этом имеется в виду не языковая личность конкретного студента, а некий инвариант, т.е. личность в целом современного студента-филолога РГГМУ (материал – записи речи студентов-филологов вуза 2016–2017 уч. г.).

Понятие языковой личности, разработанное в исследованиях В.В. Виноградова, а затем Ю.Н. Караулова и др. ученых, представляет собой: а) любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира); б) (англ. *linguistic personality*) когнитивно коммуникативный инвариант, обобщенный образ носителя культурно языковых и коммуникативно деятельностных ценностей, знаний, установок и форм поведения; в) субъекта общения, человека, создающего языковой текст, постигающего его, пользующегося им в устной или письменной форме.

Структуру языковой личности в исследованиях последних лет принято рассматривать как совокупность трех уровней:

1) *вербально-семантический* уровень, лексикон личности, понимаемый в широком смысле, включающий также фонд грамматических знаний личности;

2) *лингвокогнитивный*, представляющий тезаурус личности, в котором запечатлен "образ мира", или система знаний о мире;

3) *мотивационный*, уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности: систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей [Жеребило].

Учитывая сказанное о языковой личности, мы за основу ее в нашем случае используем второе определение языковой личности как когнитивно коммуникативного инварианта. Рассматриваться же будет, в первую очередь, вербально-семантический уровень, а затем, по мере необходимости, и лингвокогнитивный, и мотивационный.

Современный студент-филолог как личность представлен преимущественно женским коллективом (мужчины на всех филологических факультетах – редкость).

Поэтому лексикон языковой личности студента-филолога в основном отличается эмоционально-экспрессивными выражениями, проявляющимися в а) выражении эмоционально-экспрессивной лексики литературного языка; б) словах-сорняках (паразитах) и жаргонизмах, среди которых более половины выполняют эмоционально-экспрессивную окраску; в) иностранные слова и выражения, которые также нередко несут эмоционально-экспрессивную окраску и, как правило, оценку.

Поскольку анализировались высказывания студентов в повседневном общении с выражениями эмоционально-экспрессивной окраски, словами-сорняками и жаргонизмами (карандашные записи друзей, знакомых и незнакомых лиц, всего 2500 высказываний), то условно они все были разделены на три группы: а) слова и выражения эмоционально-оценочные; б) слова-паразиты (или сорняки) и жаргонизмы; в) англицизмы и др. иностранные слова и выражения в высказываниях студентов.

Больше всего оказалось слов и выражений с эмоционально-экспрессивной окраской (55–60%). Остальные 40% пришлось на

слова-слрняки и жаргонизмы. Подобное явление объясняется, прежде всего, тем, что в состав эмоционально-экспрессивного лексикона вошли, наряду со словами и выражениями литературного языка, и слова-сорняки, и жаргонизмы.

Итак, какие же слова и выражения используют современные студенты-филологи в повседневном общении в качестве выразительности и соответственно эмоциональной оценки (положительной или отрицательной), и какие слова-сорняки и жаргонизмы выполняют оценочную функцию?

При исследовании средств эмоционально-экспрессивной оценки в современных высказываниях учитывались главные характеристики понятий «оценка», «экспрессивность» и «эмоциональность».

Поскольку в лингвистике категория оценки рассматривается в узком и широком смысле (а) различие по признаку «хорошо/плохо», б) различие по ряду других свойств («большой/маленький», «узкий/широкий» и т.д.), мы за основу приняли широкое понимание оценки, при котором учитывается не только её аксиологическая природа, но и рациональный и эмоциональный факторы, влияющие на её выбор субъектом при оценивании того или иного объекта [Чокою Анка-Михаела 2007].

Под экспрессивностью мы, вслед за И.В. Арнольд, понимаем «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим развитием эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть образным» [Арнольд 1990: 11]. Таким образом, экспрессивность и эмоциональность являются отдельными самостоятельными явлениями, которые соотносятся между собой как часть и целое.

В статье экспрессивность и эмоциональность являются одной из отличительных особенностей в выражении оценки в современном общении студентов.

Анализ языкового материала показал, что в качестве оценки широко используются самые различные эмоционально-экспрессивные средства, среди которых встречаются как отдельные лексические единицы, так и целые высказывания.

В речи современных студентов-филологов в качестве эмоционально-экспрессивной окраски используются слова и выражения, как совпадающие с их примерами, приведенными в лингвистической современной литературе, так и не зафиксированные в современных изданиях.

Все записанные слова и выражения с точки зрения эмоциональности и экспрессии мы условно разделили на следующие группы:

1. Слова и выражения экспрессивно-эмоциональные из литературного языка, интеллектуально высокие (чаще с положительной оценкой): *Очень интересная внешность! О, это волшебство! Полный восторг! Изумительно!* (как с положительным, так и с отрицательным смыслом (по поводу аварии на дороге), *Великолепно играет на гитаре, Очень мерзкий и очень подлый человек! Ты очень красивая, милая, веселая и интересная! Все у тебя будет отлично! У тебя очень красивая кошка! О-о-о! Какие вы милые!* (ж. и м., 17–21 г.).

2. Определительные местоимения *какой, такой* + прилагательное или существительное (иногда самостоятельно употребляемые, без прилагательного и существительного) с выражением не только эмоциональности и экспрессии, но и оценки (положительной и отрицательной): *Такой красавчик! И он такой... давай рушить всё!* (ж., 17 л.); *Он такой типа мега-умный* (ж., 19 л.); *Он какой-то ненормальный* (ж., 19 л.); *Ну, он типа такой умный?* (ж., 22 г.).

3. Грубо-просторечные слова и выражения: *Он вконец прибалдел* (м., 25 л.); *Она снова выпендривается* (ж., 16 л.); *Не могли бы вы выключить свой блатняк* (м., 28 л.); *Я просто ошалел от таких слов* (м., 28 л.); *Что за идиотская погода?* (ж., 25 л.);

Не надо мне здесь **рылом щелиться** (м., 27 л.); Я считаю, что этот фильм **фуфло** (м., 19 л.).

4. Жаргонные слова и выражения: **Это просто пипец!** (ж., 25 л.); **Наикрутейший** фильмец (м., 22 г.); **Ни фига себе народу!** (м., 30 л.); **На фига** я туда попрусь? (ж., 18 л.); У тебя **классная** улыбка. На телевидении с **такой** надо выступать (м., 17 л.); Какая **клевая** коллекция! (ж., 18 л. в магазине о коллекции одежды); **Блин**, ну там такие же **классные** актеры снимаются (ж., 18 л.); **Жесть**, как круто погуляли! (м., 19 л.), **Жесть**, я **просто ни фига** не успеваю (ж., 19 л.).

5. Бранная, вульгарная и «непечатная» лексика: Ты **такая охеренная!** (парень – девушке); Вау, это **просто охренеть**, как круто! (м., 18 л.); **П...дец**, какая клевая куртка! (м., 18 л.); В натуре загугли, это **аху....ный** цветок! (ж., 23 г.); Нужно полочки **захерачить** (ж., 21 г.); Сделали **б...дь**, мне зачетку. Я просто ору, полгода делали, в итоге первая страница по непонятным причинам **захуна** (м., 18 л.).

6. Окказиональная лексика, образованная не только на основе литературных, но и жаргонных и бранных слов и иноязычных слов: **хорошееечно**=(хорошо (м., 21 г.), **пасибон** = спасибо (ж., 18 л.), **вот это жооора** мой сосед = обжора (м., 25 л.); **такая всякая движня** = движение (м., 20 л.); прикольно, по ходу накрылся наш **холодос**= холодильник (ж., 19 л.); Перину ей **взбейте**, чтоб крепче спалось, **за...бательско** будет! (м., 22 г.); **факинговый фак**, **шитинговый шит** = про несделанное дом. задание (ж., 21 г.); **ёпрстутьки** = ёпрст (ж., 18 л.); ну, блин, девочка с **мразинкой** = мразь (ж., 20 л.); этот фильм **шикардос** (м., 21 г.), **ёшкин-матрешкин** (ж., 19 л.), чел = человек (м., 19 л.), **айсово** выглядишь (ж., 17 л.), **по-тупацки** сделано (ж., 20 л.).

7. Слова-обращения, называющие собеседника уничижительными именами, т.н. обзывания: **чувак**, **падла**, **мартышка**, **паразиты**, **гусеница**, **черепаха**, **вареная креветка**, **кот подлый**.

Эмоционально-экспрессивная лексика, отмеченная нами в высказываниях повседневного общения студентов-филологов, представлена очень широко. Кроме слов и выражений первой и второй групп, которые могут быть зафиксированы в словарях и считаются общепринятыми и вполне достойными в употреблении, отмечены слова третьей, четвертой, пятой, шестой и седьмой групп, из которых слова шестой группы вызывают особое неприятие у слушателей. Эти слова состоят преимущественно из бранной и «непечатной» лексики, которая свободно используется в эмоциональном и экспрессивном значении. Обращает внимание и седьмая группа, где приведены примеры окказиональных образований «непечатной» лексики, приобретающей особое эмоциональное и экспрессивное значение.

К вульгарной и бранной лексике тяготеют больше мужчины, чем женщины, жаргонные слова и выражения в равной степени используют и те, и другие. Окказиональные образования от литературных и в какой-то степени жаргонных слов образуют женщины, от бранных и вульгарных – мужчины, хотя женщины тоже могут иногда отличиться.

Современная молодежь не очень-то церемонится с подобными образованиями и не только не стесняется их употреблять в речи, но и изобретает новые слова из слов грубых, бранных и вульгарных, хотя в словотворчестве отказать ей нельзя.

Частеречная принадлежность слов эмоционально-экспрессивной окраски

Описание слов с эмоционально-экспрессивной окраской, зафиксированных в речи современных студентов-филологов, заставило обратить внимание не только на их способы образования (суффиксальные, префиксально-суффиксальные, усеченные основы и т.д.), но и на принадлежность тех или иных слов к конкретной части речи.

Все слова, используемые говорящими в качестве эмоционально-экспрессивных или оценочных, можно разделить на само-

стоятельные части речи и междометные, не имеющие собственного значения.

Интерес в этом плане представляют жаргонизмы, а также бранные и вульгарные слова, т.к. слова полно знаменательные (*интересный, волшебно, такой* и т.п.) сомнений в плане принадлежности к конкретной части речи не вызывают.

Другое дело – жаргонизмы и вульгарные, бранные слова. Такие слова и выражения с корнем «*фиг*» (*ни фи́га, на фи́г, офигеть, офигенный*) и образованные по их подобию с вульгарным корнем можно отнести к конкретным самостоятельным частям речи. *Ни фи́га* – *ничего*; *на фи́г/ на фи́га* – *зачем* – наречия, *офигеть* – глагол, *офигенный* – прилагательное/причастие. *Круто, крутой, крутизна, клёво, клёвый, клёвенько, потрясно, потрясный, классно, классный* – наречия, прилагательные и существительные. Являясь самостоятельными знаменательными частями речи, эти слова, несомненно, не только являются эмоционально и экспрессивно окрашенными, но и выполняют функцию положительной или отрицательной оценки.

Другое дело, слова *блин, капец пипец* (и похожие, более грубые образования с субморфом -ец), *ёшкин кот, ёшкин-матрешкин, ёпрст, ёпрстульки* к самостоятельным частям речи отнести нельзя, т.к. они не выполняют функции ни одной самостоятельной части речи. Основная их функция – междометная, выразительная, и используются они в речи в качестве междометий, с выражением досады, злости, восхищения. Поэтому такие слова выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, но не являются собственно оценочными, хотя элемент положительной или отрицательной оценки в них заложен.

Особо обращает на себя внимание жаргонное слово «*жесть*». Первоначально (где-то 2010 г.) это слово (по форме – существительное ж.р.) использовалось с положительным значением. *Это просто жесть!* (= очень хорошо). В приведенных примерах это слово использовано не только с положительным

или отрицательным значением, но и просто как релятив, выражение экспрессивно окрашенное: *Жесть, как круто погуляли!* То же самое можно сказать о словах-релятивах (междометных) *ужас, ужасно.*

Поэтому, при распределении лексики, используемой в качестве положительной или отрицательной оценки, названные слова выполняют больше роль т.н. обертонов в ее создании, а не основного тона.

Эмоционально-экспрессивная лексика, используемая в качестве положительной оценки в речи студентов.

В качестве положительной оценки в речи студентов используются следующие слова и выражения.

1. Слова *какой (25), такой (24), так (21), как (19), очень (22)* как в сочетании с другими словами (прилагательными, наречиями), так и без них (с одними существительными, называющими предметы оценки). Напр.: *Какие красивые тортики! Продукты такие дорогие, такие красивые волосы; Какая красивая блузка!* (ж., 20 л., *Ах, как ты вкусно пахнешь!* (м., 20 л. – девушке) и *Какая кукла! Такой милашка! Такое пальтишко!*

2. Слова высоко интеллектуальной оценки: *Вау, это лучший альбом, который я когда-либо слушала* (ж., 18 л.), *Полный восторг! Это был один из лучших вечеров* (ж. и мужчины). Встретилось и прецедентное высказывание: *Какая гадость эта ваша заливная рыба!* (мужчина о невкусной еде – 30 л.).

3. Основная доля оценочных высказываний представлена жаргонными и даже грубо-просторечными словами и выражениями: *Ты такая охеренная!* (парень – девушке), *Какая у тебя офигенная рубашка! ...там офигенные скидки! Суперская идея! Небо потрясающего цвета!* (ж.) *Вау, это просто охренеть, как круто!* (м., 18 л.); *Охренеть, какая крутая тачка!* (м.).

4. В качестве оценочных средств используются и ocasionальные образования: *Это просто шикардос! Наикрутейший фильм* (м., 20 л.).

Чаще других оценочных средств встречается «офигенно» и ему под.

Жаргонные и гиперболизированные слова типа «жесть», «блин», «ужас» и некоторые другие в речи современной молодежи используются как с положительной оценкой, так и с отрицательной. Кстати, в 2010-2012 гг. жаргонизм «жесть» использовался только с положительной оценкой.

Нами зафиксированы приведенные слова с положительной оценкой: *Жесть, как круто погуляли!* (м., 19 л.); *Ужас как красиво!* (ж., 19 л.), *Блин, классная куртка!* (ж., 18 л.).

Таким образом, средствами положительной оценки в речи студентов-филологов являются не только общепринятые слова и выражения с положительной оценкой, заложенной в их значении, но и жаргонные, и даже вульгарные слова, а также образованные разными способами окказиональные образования.

Эмоционально-экспрессивная лексика, используемая в качестве отрицательной оценки в речи студентов-филологов.

В качестве средств отрицательной оценки используются:

а) целые высказывания, заключающие в себе оценку (чаще отрицательную): *А я тебе говорила!* (ж., 25-28 л.); *Здрасьте, приехали!* (м., 17 л. преподавателю, не поставившему за работу зачет), *Вот это тема!* (м., 25 л.); Встретилось и прецедентное высказывание: *Какая гадость эта ваша заливная рыба!* (мужчина о невкусной еде – 28 л.).

б) жаргонные слова и выражения (нередко сразу несколько таких слов): *Ты офигела! На кого батон крошишь?!* (м., 21 г. девушке);

в) жаргонизмы и образованные от них новые слова: *Как тут все по -тупацки сделано!* (ж., 23 г.); *Это просто пипец!* *Что за идиотская погода!* (д., 25-27 л.) *Капец, она стремно (т.е. плохо) красится* (д., 16 л.);

г) жаргонные слова типа «жесть», «блин», «офигенный», гиперболизированные «ужас», «страх» и им подобные употреб-

ляются в современном общении молодежи не только с положительной оценкой (см. выше приведенные примеры), но и с резко отрицательной: С отрицательной оценкой:

Ну это, просто, жесьть, конечно! (ж, 19 л., о дом. зад.), *Жесьть, я просто ни фига не успеваю. Какой ужас! Зря только время потеряли; Ужас, какая жара!* (ж., 30 л.); *Ужас какой дубак!* (ж., 25 л.) *Ужас какой творится!* (ж., 30 л.). *Ужасно невыносимо болит голова!* (д., 19 л.); *Блин, как страшно!* (м., 21 г.), *Блин, ты надоела мне!* (д., 20 л.), *Да что ты понимаешь, ботинок, блин!* (м., 30 л.); *Офигеть так долго ждать* (м., 21 г.); *Фигня, а не туфли! Отстой, а не платье!* (ж., 21 г.);

д) Отрицательную оценку приобретают слова с усилительными словами – местоимениями «такой», «этот», прилагательным грубо-просторечного характера «чертовый»:

Как можно быть таким бестолковым! (ж., 18-20 и 24 г.) *Бесит чертова слякоть! Зачем ты привела сюда этого уroda?; Изумительно!* и *Это изумительно!* – по поводу аварии на дороге и не работающего душа (м., 20 и 25 л.)

е) резко отрицательную оценку приобретают грубо просторечные и вульгарные слова и выражения в контекстном окружении: *Бля, метро скоро закрывается, опаздываю, я побежала* (ж., 23 г. при прощании); *Блин, опять возвращаться!* (м., 18 л.); *Сегодня же воскресенье, там до херищи народу будет!* (ж., 19 л.); *В среду нет пар, у нас конференция, залейте!* (ж., 19 л.); *Что за лажа, чувак?* (м., 17 л.);

ж) отрицательную оценку приобретают и некоторые метафорические контекстные номинации: *Читаю статью, каракатица (путаница) какая-то* (м., 19 л.).

Самые распространенные слова эмоционально и экспрессивно окрашенные – *такой / какой / этот, блин, офигеть, офигенный* и образованные по подобию последних бранные слова и выражения. Эти слова и выражения используются в речи говорящих как с положительной, так и с отрицательной оценкой.

Обратило на себя внимание слово «изумительно», в содержании которого заложена положительная оценка. В наших примерах это слово использовано с отрицательной оценкой. Эту оценку сообщает не контекст, не интонация, а ситуация, которая поясняется дополнительно, в скобках, т.е. прагматический фактор.

Итак, высказывания современных студентов-филологов отличаются значительным разнообразием. В высказываниях молодых людей преобладают отрицательные, а не положительные оценки. Наиболее частыми оказываются оценки со словами *такой, какой, как, так* + слова *красивый, некрасивый, отличный, милый, нравится/не нравится*, значительно реже – *нормальный*. Наиболее частыми оказываются выражения с жаргонными (порой – непечатными словами), используемыми как в качестве положительной, так и отрицательной оценки. Лидируют среди них слова с корнем «*фиг*»: *фигня, ни фигя, офигеть, офигенный, офигел/а* и т.п., затем следуют «*крутой*», «*обалдеть*», «*классный*», «*клевый*», «*потрясный*», «*шикарный*», а также слова «*ужас*», «*блин*», «*пипец*» и «*капец*».

Зафиксированы и грубо-просторечные обращения или обзывания третьего (отсутствующего) лица: «*урод*», «*нахалка*», «*зараза*», «*ботинок*», «*чайник*», «*дурак*», «*козел*» и некоторые другие.

В большинстве оценочных высказываний отсутствует обращение к собеседнику (если это не обзывание и не угроза). Основное обращение на ты. Только в одном случае встретилось обращение на Вы (к незнакомому человеку) и то далеко не в вежливом контексте: *Что вы говорите, нахалка?! (ж., 25 л)*.

Из жаргонных словечек появляются отдельные новые слова по имеющимся словообразовательным моделям: *по-тупацки (ср. по-советски)*, *наикрутейший (наибогатейший)*, «*жестяк*» (*желтяк, синяк*) и т.д.

Человек живет в обществе и проблемы свои решает преимущественно благодаря вербальному, т.е. речевому общению с другими людьми. Речь — необходимое условие существования

общества, средство воздействия на сознание, выработку мировоззрения, норм поведения, формирование вкусов, удовлетворение в общении. Чистота речи – это одно из важнейших коммуникативных качеств речевой культуры, основными критериями которой являются чистота языковая и нравственная. Элементы, засоряющие языковую сторону речи, – это, прежде всего, слова-«сорняки», к которым мы относим: а) слова-паразиты, возникающие в результате заполнения пауз, или лишние, т.е. семантически опущенные слова (возникают в устной речи из-за речевого колебания говорящего, связанного со спонтанностью речи или его бедного словарного запаса); б) диалектизмы, просторечные слова, варваризмы, жаргонизмы, которые, имея определенный смысл, в отличие от слов-заполнителей пауз, накладывают на речь говорящего отпечаток сниженного стиля, неграмотности и невысокой культуры [Арнольд 1990: 38].

В отдельных случаях можно отметить и так называемую дань «моде», характеризующей определенный период развития общества, в речи говорящих с достаточно высокой культурой. Кроме того, слова-«сорняки» могут в определенной степени и характеризовать человека.

В частности, отмечено, что в разные периоды развития нашего общества (особенно последние два с половиной десятилетия) были «модными» следующие слова-паразиты.

«Лихие» 90-е: *Чисто-конкретно. Понимаешь. В натуре.*

Неопределенные 2000-е *Типа. Как бы. Пожалуй.*

Бескомпромиссные 2010-е *Бла-бла-бла. Пипец. Жесть.*

Вне времени. *Блин. В принципе. Всё такое Вообще (-то). Грубо говоря. Дык. Етить-колотить. Ёперный театр Ё-моё. Короче. Ладно. На самом деле. Ну. Прикинь. Реально. Так. Хм. Че Ща. Ядрён батон [Гойхман 2009].*

Отдельные слова-паразиты, по мнению ряда исследователей, в некоторой степени характеризуют человека, его поведение и т.д.

Учеными отмечено, что человек употребляющий слово-паразит **«просто»**, считает, что в жизни все должно быть просто, разумно, даже банально и никаких сложностей. На самом деле, словом «просто» отягощают свою речь люди, привыкшие на самом деле все в жизни... усложнять. И чем сложнее мотивация их замысловатых поступков, тем чаще в их речи будет проскакивать слово «просто». Слова **«типа»**, **«короче»**, **«значит»** употребляют люди, настроенные несколько агрессивно. Чаще это подростки или люди, сохранившие и во взрослой жизни зависимость от тинейджерских стереотипов.

«Как бы» означает условность. Молодежь так и живет – *как бы пойдём, а как бы и не пойдём; как бы будем, а как бы и не будем.* **«Как бы»** используется одинаково и подростками (наравне с «типа» и «значит»), и художественными натурами, ценящими в жизненных ситуациях неопределенность и т.п. [Изучение эмоционально-экспрессивной лексики...].

В задачу настоящего исследования входит определение частотности употребления конкретных слов-«сорняков» (слов-паразитов и слов стилистически сниженных, но с определенным значением) в современной речи студентов-филологов (2016 г.). Рассматривается и гендерный аспект. Основой анализа является собранный студентами факультета филологии РГГУ материал (высказывания мужчин и женщин в возрасте от 16 до 30 л. с использованием слов-«сорняков» – 610 из 400, по 305 тех и других).

Используя сравнительный и количественный методы анализа, мы все слова-«сорняки» условно разделили на следующие группы.

В первую группу вошли слова-сорняки, выполняющие в речи студентов в основном функцию заполнителей пауз: *ну, короче, типа, вот, это, это самое, как бы, типа, так, значит, ща, реально, на самом деле, там, по ходу, как его (ее), так сказать, прямо так, собственно, в натуре, в общем, допустим, знаешь.*

Лидируют среди них первые четыре слова (*ну, короче, типа, вот*).

Во вторую группу вошли жаргонизмы, варваризмы, просторечные и пр. слова, называющие предмет или событие, явление и выражающие по отношению к нему разные чувства, или эмоции: удивление, негодование, досаду, радость, восхищение, пренебрежение и т.п.: *ваще (вообще) офигеть, прикинь, жесть, капец, на фиг, ни фига, пипец, прикольно, фигня, круто*.

В третью группу вошли слова, выражающие эмоции говорящего по отношению к сказанному партнером или сделанному им или в отношении самого себя, но не обозначающих предмет, явление или событие: *блин, ёшкин кот, ёлки-палки, ёпрст, ёшкин-матрешкин, едрит-мадрит, бляха, ёкарный бабай, твою за ногу, ёлы-палы*.

В отдельную группу вошли так называемые англицизмы, или слова иноязычного происхождения, служащие как заполнителями паузы говорящего, так и выполняющие функцию эмоционально-экспрессивной окраски или оценки чего-кого-либо со стороны говорящего: *лол, сорян/сорянчик, бла-бла-бла, го, ок, лан, мэн, лайк, фейс, гоу, селфак, релаксить* и некоторые другие: **Лол**, сама такая! (ж., 17 л.); *Садисься в маршрутку и едешь тупо до конечной, водитель тебя сам высадит. А я встречу, ок?* (ж., 25 л.); *Да лан, забей* (ж., 18 л.).

Последнюю группу слов-сорняков составили сложносокращенные слова или аббревиатуры, расшифровка которых может быть представлена и непечатными выражениями: *ха, харэ (хорош): Да хз вообще!* (м., 18 л.); *Пойдем в кино? – Я хз, с бабками запала, будут сгоняем* (м., 23 г. и ж., 22 г.); **Харэ** за компом сидеть! (ж., 27 л.).

Использование эмоционально-экспрессивной лексики и слов-сорняков в речи современных студентов-филологов заставляет обратить внимание на следующее.

1. Эмоционально-экспрессивная и оценочная лексика включают в свой состав не только слова литературные, но и разговорно-просторечные, диалектные, вульгарные и даже бранные.

2. Значительно расширился словарный запас и функции т.н. слов-сорняков. В их составе оказались включены не только заполнители пауз, но слова и выражения, выполняющие эмоционально-экспрессивную функцию в речи, что существенно осложнило разграничение в употреблении студентами эмоционально-экспрессивной лексики и слов-сорняков, или паразитов.

3. Сложным оказалось использование в своей речи англицизмов, которые, с одной стороны, являются словами-паразитами, а с другой, оказываются эмоционально-окрашенными или оценочными словами и выражениями.

Более того, частое и не всегда продуманное использование сниженных слов и выражений ведет к так называемым коммуникативным рискам: непониманию и даже к неприятию сказанного со стороны адресата.

В принципе, коммуникативные риски могут провоцировать любые слова-паразиты, т.к. они засоряют речь говорящего и вызывают неполное понимание и раздражение у слушающего, о которых говорящий может даже не подозревать. Такими словами являются *короче, ваще, типа, как бы, такой/ая/ие*.

Ну вот короче вот она и хочет чтобы... вот прям все было зашибись... (м., 20 л.); Же-е-сть!

Как можно было так поступить (ж., 19 л.); Ну короче того самого ну ты понял (м., 20 л.);

Что за жесть происходит! (м., 16 л.); Ну так это типа подумай об этом (ж., 18 л.); Короче, она сказала, что будет прикольно, если мы придем как бы к 10-ти (м., 19 л.); Она смотрит на меня вся такая типа необычная... (м., 22 г.).

Все примеры не столько поясняют смысл сказанного, сколько затемняют его, а в некоторых высказываниях и вовсе нет никакого смысла: *Ну это самое... как его... вот блин... забыл в*

общем (м., 28 л.); Я типа решил, что так будет типа проще (м., 17 л.).

Особое раздражение и неприятие вызывают такие слова, как *блин, пипец, капец, офигеть*, произнесенные в устах молодого человека или девушки, ср.:

Ну блин, мне надоело этим делом заниматься, отвали (м., 30 л.); Пипец, меня мама бесит (ж., 16 л.); Да блин, он реально капец как бесит (ж., 19 л.); Ни фига, сколько стоит твой телефон! (ж., 17 л.); У тебя за это четыре? Офигеть, у меня за то же самое три! (ж., 17 л.); Ну короче блин, сейчас расскажу эээ, ну, я перезвоню короче (ж., 16 л.); Блин, меня спалили на уроке шпорой (ж., 17 л.); ты че, офигел? (ж., 18 л.); Ну ё-моё, очень интересно же, блин! (ж., 25 л.); Ё-моё, аккуратней надо быть! (м., 32 г.).

В основном словечки *блин, ё-моё, офигеть, пипец, капец* выражают негативную оценку в высказывании говорящего, кроме того, они сами по себе во всех подобных высказываниях звучат грубо, не эстетично и вызывают у слушающего негативное отношение к самому говорящему.

Непонимание и в связи с этим неприятие вызывают иноязычные словечки в речи говорящего, которыми так любят щеголять студенты, изучающие английский язык: *Лол, сама такая! (ж., 17 л.); Садись в маршрутку и едешь тупо до конечной, водитель тебя сам высадит. А я встречу, ок? (ж., 25 л.), гоу, го. фейс, лайк, селфак, релакснуть, рука-лицо, мэн;* а также сокращенные или искаженные слова: *Да лан, забей (ж., 18 л.); Да хз вообще! (м., 18 л.); Да это вообще изи катка (м., 21 г.); Пойдем в кино?? – Я хз, с бабками запала, будут сгоняем (м., 23 г. и ж., 22 г.); Харэ за компом сидеть!*

Вызывают раздражение, а то и зависть, злобу высказывания, в которых звучит откровенная похвальба, хотя и без задней мысли: *Я супер красотка (ж., 18 л.); На паре прикинь в этот раз тест писали, я все решила единственная в группе (ж., 18 л.).*

Явно рискогенным может быть высказывание с грубым бестактным пожеланием плохого в адрес адресата, даже если и сказано в шуточной и необычной форме *Да чтоб тебя через вырвизубово прокрутило!* (м., 19 л.).

Далеко не всем и не всегда понятны жаргонизмы в речи говорящих: *бомбит* (злит), *дёрну* (выпью), *футбольца погамаю* (в футбол поиграю), *болонить* (спать) *не гунди, не катит, непруха* и грубое *не ссы* (не бойся).

Несмотря на то, что молодежный сленг не должны понимать все, он не является «иностранным» языком для русскоязычных, а представляет собой своеобразный язык в языке, который может и доминировать в речи говорящего, и лишь слегка затрагивать ее. Именно поэтому есть такие молодые люди, речь которых настолько пересыпана молодежным сленгом, что понятна лишь немногим, а есть и такие, которые лишь слегка включают в свою речь сленговые слова и выражения, а также обороты и словосочетания.

Молодым людям, особенно принадлежащим к какой-либо молодежной субкультуре, в той или иной мере свойственны специфические способы обмена информацией – как вербальные (сленг), так и невербальные. Студенты, как и другие молодые люди, пользуются словами-символами, уже имеющимися в языке, однако в силу молодости и пока еще неразвитости ума вкладывают в эти слова те смыслы, которые им понятны. Так, *еда* называется *хавчик*, школьная, студенческая столовая – *зубрила шамовочная*, дорогая современная машина – *крутая тачка*. Богатый, хорошо одетый молодой человек с дорогой машиной – *мажор, шишка*; бедный молодой человек – *нищобродь, дно, бомж*. Тусовка может быть *чумовой, отпадной* (т.е. очень хорошей, интересной). Лица другой национальности – *хохол, америкос, чукча, англикашка*, лицо/лица кавказской национальности – *хач, хачи, черные, чурка*, музыка – *музон, плей-лист* и т.д.

Молодежный сленг все время разывается. Сейчас молодые люди, в т.ч. и студенты-филологи называют девушек *баба, девка, чика, чикса*, хотя не так давно их называли *герла, телка*. Странную или выпившую девушку называют «*шкура*». Молодых людей девушки называют *парни, пацаны, фрики, чел*. Богатый, хорошо одетый молодой человек с дорогой машиной – *мажор, шишка*; бедный молодой человек – *нищобродь, дно, бомж*. Среднего достатка молодой человек, желающий выглядеть состоятельным – *хипстер*. Желание выделиться, показать себя – *кидать понты, хайпить*.

Основным источником сленга являются слова их литературного языка, используемые метафорически, с другим значением. Главное – отойти от обычного языка, стать не как все. Наблюдается словесная игра, ирония. Раскованный, непринуждённый молодежный жаргон стремится уйти от скучного мира взрослых, родителей, преподавателей:

сопля – маленькая, мелкая девочка,

штормить – находиться под действием наркотического вещества,

вали – уходи, *чесать* – быстро идти,

чердак – мозги, *спалить* – поймать со шпаргалкой,

потрещать – поговорить,

арбуз – миллиард и др.

В составе современного жаргона студентов-филологов широко используются слова из разных языков (в первую очередь, из английского):

сорямба, сорянчик – извините,

лол – ладно, *го* – идем, *хипстер* – молодой небогатый человек, стремящийся выглядеть состоятельным,

кек – очень смешно (от героя мультфильма Шрек); из разных диалектов, просторечия, языка уголовников и пр.:

прикол – шутка,

чувак – молодой человек, *чухнул* – понял,

прикинь – представь себе,
рубить бабло, поймать куш – заработать,
байда, фигня – ерунда, *вали* – уходи,
баба, девка, чувиха, чика, чикса, телка, шкура – девушка,
мажор, шишка – молодой, богатый человек,
реально, в натуре – на самом деле и мн. др.

Сленг привлекает свежей метафоричностью, раскованностью, а то и краткостью обозначений (например, *утюг* – «фарцовщик, прохаживающийся по тротуару перед гостиницей, ожидая клиента»). В то же время сленг свидетельствует и о стойкой бытовой ксенофобии (*копченый, чучмек, чурка, Чуркестан* и т.п.).

Устойчивый интерес к вариантам разговорной речи сохраняется в сети Интернет. Большой популярностью пользуются словари «блатной музыки», молодежного сленга, жаргона наркоманов и т.п. Авторы некоторых сайтов (например, издательство ЭТС на www.russianstory.com) предлагают посетителям участвовать в создании разнообразных словников.

Итак, культура речи современной молодежи и в т.ч. студентов-филологов зависит от общей культуры, развитости и грамотности ее носителей.

Таким образом, сниженная, грубая лексика, которая особенно часто употребляется в качестве слов-паразитов или в целях оценки кого-, чего-либо, почти всегда ведет либо к полному или частичному непониманию, либо к неприятию сказанного, а следовательно, и к оценке речевого (и не только) поведения говорящего.

Правда, в ряде случаев (речетворчество говорящих) слова-паразиты превращаются в своего рода в индивидуально-авторскую манеру говорящего, становятся новыми и даже интересными словами, что говорит о стремлении обогатить и разнообразить свою речь: *сорян, сорянчик, ешкин-матрешкин, едрит-мадрит, ешкин-макарошкин* и некоторые др.

Таким образом, речевую манеру современных студентов-филологов отличает следующее.

1. Разнообразие в использовании эмоционально-экспрессивной, оценочной лексики и слов-сорняков в своей речи.

2. Создание индивидуально-авторских слов за счет словообразования: создание новых слов из уже имеющихся жаргонных, бранных, грубо-просторечных и пр. слов: *ёшкин-макарошкин, ёпрасатульк, по-тупацки, наикрутейший* и т.п.

3. Раскованность и отсутствие стеснительности в использовании новообразований из слов грубо-просторечной и даже вульгарной лексики: *ох...ть, ох...енный, п...здец* и т.п.

4. Широкое использование (особенно в речи студентов-филологов, изучающих иностранные языки: английский, французский) англицизмов и создание на их основе новых словообразовательных моделей: *лол, гоу, сорян/сорянчик, кек* и др.

5. Образование аббревиатур из вульгарных словосочетаний: *хз*.

6. Широкое использование молодежного сленга.

Языковая личность современного студента-филолога – это личность креативного, раскованного представителя среднелитературного типа речевой культуры, позволяющего использовать в своей речи, наряду с литературной книжной и даже поэтической лексикой, грубо просторечные и даже вульгарные слова и выражения; неограниченная в употреблении слов-сорняков, в состав которых вошли все «модные» за прошедшие два с половиной десятилетия слова и выражения, а также появились и новые, в том числе иноязычные слова.

Богатым оказался словарный состав слов-сорняков. Не так давно их насчитывалось в разные периоды времени не более десяти-пятнадцати слов. Сейчас же их насчитывается в речи говорящих свыше 200 слов и выражений. При этом многие из них используются в качестве оценочных: *блин, ё-моё, ёпрст* и др.

Литература

1. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1990.
2. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137; с. 101–103.
3. *Гойхман О.Я., Надеина Т.М.* Речевая коммуникация. М.: ИНФРА, 2009.
4. *Кормилицына М.А., Сиротинина О.Б.* Причины коммуникативных рисков // Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2016. С. 12–27.
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, Мир и Образование, 2016.
6. *Уздинская Е.В.* Семантическое своеобразие современного молодежного жаргона // Активные процессы в языке и речи. Саратов, 2005.
7. *Фоменко Ю.В.* Слова-сорняки в современной русской речи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/fomenko-04.htm>
8. *Харченко В.К.* Современная речь. М., 2006.
9. *Химик В.В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб.: Филолог. фак-т гос. университета, 2000.
10. *Чокою Анка-Михаела.* Роль эмоционально-экспрессивных средств в современном политическом газетном тексте (на материале метафоры и прецедентных языковых единиц): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
11. *Шевченко Н.В.* Средства эмоционально-экспрессивной оценки в современных высказываниях // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: статьи и материалы Восьмой международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии и методики препода-

вания иностранных языков». 24–25 февраля 2016 г. СПб.: РГГМУ, 2016. С. 188–191.

12. Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60-90-х годов) / под ред. А.Н. Баранова. М.: Метатекст, 2007.

13. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс]. URL: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/5131/языковая_личность

14. <http://www.vestnik.vsu.ru>

15. Изучение эмоционально-экспрессивной лексики в школе [Электронный ресурс]. URL: <https://festival.1september.ru/articles/>

Шишлова Ирина Юрьевна

Ивановский государственный университет
shishlovai@gmail.com

Фразеологические выражения в научных текстах Л.В. Щербы

Среди основных стилеобразующих черт, характерных для научной речи, указываются «абстрагизация, или, иначе, отвлеченно-обобщенность, подчеркнутая логичность, точность, ясность и объективность изложения, его последовательность, терминованность, логизированная оценочность, именной характер речи, а также некатегоричность изложения» [СЭСРЯ 2003: 242]. Экспрессивность в научной речи достигается преимущественно «за счет полной реализации указанных стилевых черт» [СЭСРЯ 2003: 243] и через использование логико-понятийных средств выразительности (точного подбора фактов, доказательности, ясности изложения и др.). Фразеологизмы, относящиеся к чувственно-воздействующим средствам выразительности русской речи и обладающие ярким образно-экспрессивным значением, в целом не свойственны научному стилю, однако нельзя говорить об их абсолютном отсутствии в научных текстах. Количество и разнообразие способов употребления фразеологизмов в большой степени зависит от индивидуального стиля автора.

Работы Л.В. Щербы особо богаты на фразеологический материал. В его научных текстах фразеология отражена в широком понимании, которое включает не только идиоматические сочетания, но и фразеологические выражения. К фразеологическим выражениям, определяемым как «устойчивые в своем составе обороты, семантически делимые и состоящие полностью из слов со свободными значениями <...>, но в процессе общения воспроизводимые как готовые речевые единицы» [ССЛТ 1975: 338], относятся пословицы, поговорки, крылатые слова, литературные цитаты. Часть их них воспроизводится у Щербы в стандартном виде, отра-

женном в словарных статьях. Другие же фразеологические выражения могут подвергаться разным видам трансформации.

Среди нетрансформированных фразеологических единиц выделяется ряд цитат, приводимых в работах Щербы на латинском языке:

(1) *Тем не менее даже в словарях мертвых языков, где принципы thesaurus'a должны быть руководящими, ошибки речи скорее надо считать **malum necessarium** – **necessarium**, ибо для мертвых языков у нас нет непосредственных критериев ошибочности, – с которым борются филологи-стилисты в меру своих сил* [Щерба 1974: 288]. Также на русском: *Противоречия фактам произносимого современного языка, оба эти принципа терпимы лишь как **необходимое зло**, вытекающее из самой сущности правописания, которое, конечно, всегда далеко отстаёт в своем развитии от произносимого языка* [Щерба 1974: 230].

Фразеологическое выражение *malum necessarium* в словарях приводится в русскоязычном варианте:

НЕИЗБЕЖНОЕ ЗЛО лат. *malum necessarium*. По Лампридию, приписывается Александру Северу (Lampridius. Alex. Severus). Выражение считают также частью изречения Менандра: «Женитьба, если разобрать по правде, хотя и зло, но необходимое зло». Ср. также аналогичные обороты у других античных писателей и философов: «Хоть и тягостная вещь, но все-таки необходимая» (Эврипид «Орест») «Из зол надо выбрать меньшее: я взял жену маленькую» (Демокрит). О неприятной вещи, неприятном явлении, которых невозможно избежать, с которыми приходится смиряться. Необходимое зло [БСКСРЯ 2005: 397]

(2) *К тому же даже при современной технике написанное имеет несомненно более документальный характер, чем сказанное, и пока что, несмотря на всю важность возможности записывания речи на пленках или дисках, старинная поговорка «**verba volant, scripta manent**» сохраняет свою силу* [Щерба 1974: 254].

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT = Verba volant, = Scripta manent Слова улетают, написанное остается. ср. Littera scripta manent. *Verba volant* – слова летают, уловить их очень трудно; доказать, что они были произнесены, еще труднее, и поэтому было бы совершенно бесполезно распространяться о таких мыслях и умственных направлениях, которые, хотя и живут еще до сих пор в неподвижных сферах нашего общества, давно не могут найти себе соответственного выражения в текущей литературе. Д.И. Писарев, *Образованная толпа* (Соч., т. 4, с. 293 – 94). *Воззрение на язык как на действие сказывается, между прочим, в следующих русских поговорках: "не ножа бойся, а языка", "от одного слова да навек ссора", "бритва скребет, а слово режет". – Сознание большего веса письма и его превосходства над языком слышимым, сказывается в поговорках: русской – "что написано пером, не вырубишь топором" и латинской – "verba volant, scripta manent".* Бодуэн де Куртенэ, *Избранные труды по общему языкознанию* (М.–Л., 1963, т. 2, с. 81–82) [СЛКС 1999: 843].

Встречаются в трудах Щербы фразеологизмы, отсылающие к литературным произведениям (3), обыгрывающие языковые обороты библейского происхождения (4) и лозунги советской эпохи (5):

(3) *Таким образом, <...> учителя, учащие своих учеников попросту правильно излагать свои мысли, вполне уподобляются мольеровскому герою, не знавшему, что он всегда говорит прозой <...>* [Щерба 1974: 339]. (4) *А потому мы должны из врага превратить его в друга. И это очень легко сделать: надо только осознать все те случаи, когда он <язык> вводит нас в искушение <...>* [Щерба 1974: 343]. (5) *С этим в связи и стоит лозунг нынешнего дня: иностранные языки в массы* [Щерба 1974: 318].

Особый интерес представляют трансформированные фразеологические выражения, подвергшиеся авторской обработке. Наиболее употребляемым типом преобразования фразеологиче-

ских единиц у Щербы является структурно-содержательная трансформация с такими ее подтипами, как замена компонента (5) и наполнение модели иными лексемами (6).

(6) *Внешняя причина лежит, конечно, в языке, на котором они <Потебня, Fortunатов, Бодуэн де Куртенэ> все писали: **rossica non leguntur*** [Щерба 1974: 400].

В словаре данное фразеологическое выражение приводится в двух вариантах: «*graecum est, non legitur*» и «*hispanica est, non legitur*»:

Graecum est, non legitur Это по-гречески, не читается.

Средневековая поговорка. *ср.* Китайская грамота. *Да, – продолжал священник, покачивая головой, – вот как теперь изучают науки и литературу! По-латыни еле-еле разумеют, сирийского языка не знают, а к греческому относятся с таким пренебрежением, что даже самых ученых людей, пропускающих при чтении греческое слово, не считают невеждами и говорят: *graecum est, non legitur*. Виктор Гюго, Собор Парижской богородицы (СС, т. 2, с. 279). В парафразе *см.* *Hispanica, non leguntur* [СЛКС 1999: 297].*

Hispanica, non leguntur По-испански, не читается.

Парафраза, *см.* *Graecum est, non legitur* *Постепенно Ибн Кузман становится живой фигурой для своих далеких потомков – испанских ученых. С трудом и настойчивостью, начиная с последних десятилетий XIX века, они пробивали брешь в недоверии к испанской арабистике, которую дискредитировал Конде, развенчанный Дози. Наконец – труды Кодеры и Риберы заставили отказаться от принципа «*hispanica non leguntur*» (по-испански не читают). И.Ю. Крачковский, Над арабскими рукописями (М., 1965, с. 102) [СЛКС 1999: 311–312].*

Наблюдаются случаи замены компонента с расширением компонентного состава фразеологического выражения: (7) *Из двух зол, в общем одинаковых, очевидно **приходится выбирать лучшее**; лучшим же является, конечно, то, которое менее про-*

творечит живым фактам современного произносимого языка [Щерба 1974: 230]. Данное преобразование является авторским, так как в словарях фразеологическое выражение имеет вид «из двух зол выбирай меньшее» [РМиР 1896: 136] или «из двух зол избирать меньшее» [БСКСРЯ 2005: 247].

Одним из наиболее выразительных способов авторского преобразования фразеологических единиц можно считать замену части узуального фразеологического выражения окказиональными компонентами: (6) *Пародируя знаменитое изречение Суворова: «пуля – дура, штык – молодец», можно было бы сказать, что «лексика – дура, грамматика – молодец»* [Щерба 1974: 331].

Среди структурных трансформаций фразеологических выражений в текстах Щербы обнаруживаются такие подтипы преобразований, как сокращение компонентного состава и морфологическая трансформация.

(8) *Надо стремиться вполне обладать изучаемым языком, ассимилироваться туземцам, постоянно требуя от них исправления твоей речи. Но этого, конечно, недостаточно: опыт учит, что и в таких условиях у взрослого получается своего рода «нижегородский французский»* [Щерба 1974: 42]. (9) *В противном случае два языка будут влиять друг на друга, и легко может получиться некий смешанный язык, известный под шутивным названием «нижегородско-французского» и т.п. <...>* [Щерба 1974: 358]. Словари фиксируют данное выражение в форме «смешение / смесь французского с нижегородским», примеры сокращения компонентного состава рассматриваемого выражения и употребления в форме сложного прилагательного приводятся в иллюстративном материале к словарным статьям:

СМЕШЕНИЕ ЯЗЫКОВ ФРАНЦУЗСКОГО С
НИЖЕГОРОДСКИМ (иноск.)

Выражение «смесь французского с нижегородским» восходит к комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824), где Чацкий,

характеризуя высшее общество, иронизирует над французоманией дворян, которые не знают толком ни фр., ни рус. языков: «*На съездах на больших, по праздникам приходским, / Господствует еще смешенье языков / Французского с нижегородским?*» (д. 1, явл. 7). {Сочетание двух абсолютно разных вещей; пестрая, бессмысленная смесь. Так говорят, осуждая чье-л. невежество или дурной вкус. <...> *Перенимать французско-нижегородское словопотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык. Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?* В.И. Ленин. Об очистке русского языка [БСКСРЯ 2005: 605].

Выражение «не мудрствуя лукаво» встречается в текстах Щербы как в стандартной форме, зафиксированной словарями, так и в трансформированной (в форме повелительного наклонения): (9) *Все сказанное целиком объясняет практическое требование к составителям словарей: **не мудрствуй лукаво**, а давай как можно больше разнообразных примеров* [Щерба 1974: 285]. Пример стандартного употребления данного выражения в научных трудах Щербы приводится в «Большом словаре крылатых слов русского языка» в качестве иллюстрации:

НЕ МУДРСТВУЯ ЛУКАВО (прост.) <...> 1. Просто, бесхитростно; без лишних, ненужных затей. 2. Долго или много не раздумывая; не углубляясь чрезмерно во что-л. *Знаешь, что, брат? – сказал он [Федор Лаптев], вставая и подходя к брату. – Не мудрствуя лукаво, баллотируйся-ка ты в гласные, а мы по-маленьку да полегоньку проведем тебя в члены управы, а потом в товарищи головы.* А.П. Чехов. *Три года Посошков...*, *не мудрствуя лукаво, задумывался только о ближайших экономических нуждах России.* Г.В. Плеханов. *История русской общественной мысли. Надо..., **не мудрствуя лукаво** и не насилуя ни своего, ни детского языкового чутья, наклеить ярлыки на существующие... категории, которые таким образом и будут приведены к созна-*

нию. **Л.В. Щерба.** О частях речи в русском языке <...> [БСКСРЯ 2005: 402].

Как видим, в научных текстах Л.В. Щербы представлены разные типы фразеологических выражений. Использование трансформированных вариантов фразеологических единиц позволяет отразить в текстах яркую индивидуальность автора. Вопрос о том, насколько использование фразеологических единиц в широком смысле свойственно научному стилю в целом, требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2005. – БСКСРЯ.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. – БТСРЯ.
3. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). Изд. 2-е. СПб., 1896. – РМиР.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение, 1976. – ССЛТ.
5. Словарь латинских крылатых слов: 2500 единиц / под ред. Я.М. Боровского. 4-е изд., исправленное и дополненное. М.: Русский язык, 1999. – СЛКС.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. – СЭСРЯ.
7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.

Югов Алексей Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет
alexuygov1995@gmail.com

Информационно-медийная языковая личность журналиста Дмитрия Быкова

Медиасистема сегодня становится объектом исследования в рамках различных областей знания, в том числе и в лингвистике. При этом языковая личность в медиасфере подвержена качественным изменениям. Ю.Н. Караулов предлагает следующее определение понятия «языковая личность»: это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности и определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 29]. Сегодня некоторые исследователи (например, А.В. Болотнов) выделяют специальную информационно-медийную языковую личность, «формирование и самореализация которой происходит в результате сетевого общения» [Болотнов 2014: 106]. Каждая медийная языковая личность формирует и продуцирует свое информационное поле, используя при этом различные дискурсивные практики в рамках медиакommunikации. Информационное поле такой личности представляет собой пространство общения публичного человека, имеющее мозаичную структуру (или структуру ризомы), которая складывается в обобщенный образ личности из фрагментов медиадискурсов. Одной из знаковых фигур современного медиасообщества является журналист и литератор Дмитрий Быков. В контексте нашего исследования мы обратимся к медиаперсоне Дмитрия Быкова в целях выявления характерных черт авторского стиля в его программе «Один», выходящей на волнах радиостанции «Эхо Москвы».

Что может дать изучение языковой личности и анализ индивидуального медиадискурса? Такая работа позволит исследователю медиа выйти на сверхуровень, где будет ставиться вопрос об авторской индивидуальности, а, следовательно, о категории субъекта в современной журналистике. Изучение журналиста как личности в рамках теорий об информационно-медийной структуре позволяет увидеть «тренды» в современных медиа и обозначить новые способы проецирования субъекта в медиaprостранство.

Журналистика Дм. Быкова тесно связана с его литературным творчеством, поскольку, по его убеждению, «журналистика — это литература быстрого реагирования» [Быков 2015a]. Поэтому для исследования важно подчеркнуть, что в концепции Дм. Быкова соединяются две языковые личности — журналиста и писателя, в результате формируется единая информационно-медийная личность. При этом сам Быков полагает, что литература подчинена журналистике, что она внутренне «управляется ей». По оценке Дм. Быкова, медиа выступают «передовым отрядом» литературы [Быков]: это доказывается оперативностью и быстроедействием журналистики, ее умением подчеркивать новые явления в жизни и языке.

Информационно-медийная языковая личность Дмитрия Быкова действует в широком информационном поле, основными характеристиками которого, согласно А.В. Болотнову, являются: репутация и авторитет, цитируемость и публичность, цепочки ассоциаций, вызываемые личностью, картина мира, тезаурус, система ценностей, которые отражены в дискурсе [Болотнов 2015, вып. 9: 28].

Программа «Один» — центральная в дискурсе Дмитрия Быкова — выходит на радиостанции «Эхо Москвы» еженедельно с 20 июня 2015 года в прямом эфире в ночь с четверга на пятницу (начало — после полуночного выпуска новостей в 00.05-00.07), хронометраж — около 2 часов. Программа строится на диалоге ведущего Дмитрия Быкова с заранее подготовленной аудиторией:

первые полтора часа журналист отвечает на различные вопросы слушателей, во второй части – читает мини-лекцию о каком-либо писателе, поэте, драматурге, кинорежиссере, об их отдельных произведениях или литературном явлении. Вопросы можно отправлять на форум сайта «Эха Москвы» и на личный электронный адрес ведущего [Быков].

Репутация Дмитрия Быкова сложилась довольно давно. Как автор, который может «объять необъятное», Дмитрий Быков давно воспринимается трибуном интеллигенции. При этом отметим, что Быков представляет собой тип универсального, или конвергентного журналиста: помимо ночных эфиров на «Эхе Москвы», он одинаково плодотворно работает в журнале «Дилетант», еженедельнике «Собеседник», является ведущим передачи «Колба времени» на телеканале «Ностальгия», читает публичные лекции в лектории «Прямая речь» и преподает в нескольких университетах России и США. Поэтому медиаполе Дмитрия Быкова отличается от информационного поля других российских журналистов; его широта, а также разнонаправленность платформ и медиапродуктов, позволяют использовать особые языковые средства на соответствующей платформе.

Публичность и известность Дмитрия Быкова связана с характерным стилем ведения программ (в том числе и радиопередач): у журналиста довольно давно сложился индивидуальный, легко узнаваемый авторский стиль, с характерными особенностями: с иронией по отношению к миру и к себе, с гротеском, со стремлением соединить «все в одном», рассмотреть мир через призму литературы, истории и т. д. Нестандартное эссеистское мышление Дм. Быкова позволяет держать в напряжении и изумлении большую часть аудитории и привлекать новых «адептов» его творчества. Из-за необычного взгляда на литературу и общество мнение писателя и журналиста часто вызывает живые споры и ожесточенные дискуссии.

Языковая личность журналиста строится, главным образом, на основе ярких индивидуальных теорий, которые находят отражение в каждой из программ и, безусловно, влияют на лексику Дмитрия Быкова в ситуации ведения ночного эфира. Авторские теории связаны с историко-литературным контекстом: теория «реинкарнации» (концепция повторения определенных типов личностей в разных исторических периодах), теория поиска «героев нашего времени», теория «общества люденов», теория «теодицеи», теория «трикстера» как наиболее интересного персонажа всемирной истории. Поэтому стиль автора – эклектичный, с характерными особенностями: с большой ролью контекста, с повторяющимися обращениями и определенными терминами. Тезаурус Дмитрия Быкова характеризуется, в первую очередь, широким употреблением специальной терминологии, которая непонятна рядовому слушателю. Например, в первом радиоэфире от 19 июня 2015 года ведущий произнес следующие термины: «амбивалентность», «литературная реинкарнация», «модерн и антимодерн», «людены», «метамодернизм», «трикстер», «человек-вейник», «соцреализм» [Быков 2015а].

При этом важной с точки зрения репрезентации картины мира и системы ценностей языковой личности автора-ведущего радиопрограммы оказывается использование политической лексики: «Евромайдан», «путинский режим», «оттепель», «крушение советского проекта», «либералы», «ИГИЛ», «социокультурная мертвечина» [Быков 2015а]. Упоминание большого количества персоналий также характерно для авторской программы Быкова: *Стругацкие*, *Сталин*, *Лимонов*, *Путин*, *Навальный*, *Гофман*, *Кинг*, *Уоллес* и др. Коннотативная лексика употребляется автором лишь в ироническом ключе: «ватники», «колорады», «идиотка», «негодяи», «кастрюльные бунты», «Лугандония» [Быков 2015а].

Формы ответов на большинство вопросов заставляют говорить о высоком уровне владения языковыми средствами: мысль

Дм. Быкова почти всегда опережает слово, но радиозфир позволяет подобрать максимально верную форму для воплощения мысли. «Диапазон возможностей» ведущего позволяет ему не сразу отвечать на конкретный вопрос, а вспомнить предысторию события, осветить несколько сторон проблемы и привести широкий круг цитат. Стоит отметить интересную манеру ведущего конструировать диалог с аудиторией. Даже на лексическом уровне можно увидеть наиболее характерные обращения к аудитории: «*Дорогие полуночники*», «*Братцы*», «*Добрый вечер, дорогие друзья*», «*Друзья-полуночники*», «*Дорогие друзья и коллеги!*» [Быков], что позволяет говорить о создании располагающей к себе, доверительной атмосферы.

Фонетические особенности имеют не столь яркое проявление: неспешное, не слишком интонационно разнообразное (исключение – при чтении стихов, особенно ярких цитат и каких-то споров) ведение вопросно-ответной формы передачи позволяет слушателям концентрироваться на репликах ведущего, чувствовать эмоциональное единство с ним. Речь Дм. Быкова приятна, произношение четкое. Ведущий обладает хорошей дикцией, приятным и спокойным тембром голоса, умеренным темпом речи, которая убыстряется в повторах и замедляется в ключевых моментах высказывания. Отметим кольцевую композицию радиопередачи, впрочем, свойственную практически для всех радиопрограмм: и в начале, и по завершении программы Дм. Быков обращается к слушателям: постоянное «*услышимся через неделю*» [Быков 2015а] настраивает слушателей на приятный лад и как бы внутренне «убаюкивает» их.

Морфологические особенности: Дмитрий Быков использует характерные слова, чтобы апеллировать к слушателю (обращения на «вы», использование личных местоимений: так, довольно часто из-за специфики авторской программы в эфире звучит местоимение «я»). Использование большого количества вводных слов заметно даже при анализе одной радиопередачи (более 30 уни-

кальных слов, повторяющихся несколько раз, некоторые из них являются сугубо просторечными): «так сказать», «с одной стороны», «прости господи», «мне кажется», «имхо» [Быков 2017б]. Многочисленные служебные слова и постоянное использование «ну» в вопросах объясняет разговорный формат передачи и характеризует процесс диалогичности.

Выразительные средства представлены яркими эпитетами («тепличных юношей» [Быков 29156]), метафорами («Господь в этой чашке Петри под названием «Россия»...» [там же]), гиперболами («Лимонов ободрал кожу на этом» [там же]), гротеском, иронией («Может быть, именно поэтому так не любил Бродский нашего Сан Саныча» [там же]), блестящими языковыми конструкциями типа «проповедь прямого людоедства» [там же]. Из других выразительных средств можно отметить довольно частую инверсию, которая вкупе с ночным временем выхода программы создают атмосферу загадочности.

Автор широко использует иронию, благодаря ней становится возможной игра с читателем. Юмор удерживает слушателя у приемника и делает программу весьма популярной. Особенно часто ирония звучит в «политических вопросах». У ведущего получается не участвовать в политической схватке, а только наблюдать за ней сверху, транслируя необходимые импульсы, потому и ответы могут быть неожиданными. Так, на вопрос о том, кто в России больше болен – общество или власть, Дмитрий Быков отвечал следующим образом: «Да я их, знаете ли, не разделяю. Я еще раз хочу сказать, что Россия живет в обществе спектакля: власть рулит, общество смотрит. Потом ему в какой-то момент надоедает смотреть. Вот и все. Ну, надоедает этот спектакль. Или кончается еда в буфете» [Быков 2017а].

Особенности синтаксиса можно увидеть в использовании запутанных конструкций с большим количеством придаточных («Мне кажется, что вот когда людям зловоние надоедает, тогда они гораздо более эффективны, тогда есть надежда, что

после этого что-то изменится» [Быков 2017б]). В этом – один из минусов программы, ведь неподготовленному слушателю сложно воспринимать длинные сложные предложения с большим количеством придаточных на слух.

Следует отметить разнообразие тем, представленные в программе (эфир от 11 августа 2017): *людены», рэн-баттл, Вера Глаголева, Моби Дик, Голсуорси, стихотерапия, авторская песня, Исповедь Августина и Руссо, евреи и Россия, политические перспективы Навального, соотношение сталинизма и советского модерна, Черчилль как литератор, топ-10 советских поэтов* и т.д. [Быков 2017а]. Не стремясь «прослыть всезнайкой», в ответах на вопросы автор использует не только свое мнение, но опирается на слова известных писателей, исследователей. Автор диалогичен, более всего диалогичность проявляется в его установке создавать площадку для дискуссии, спорить, высказывать нарочито парадоксальные суждения. Ответ Дмитрия Быкова с использованием прецедентных имен позволяет говорить о бытовании прецедентного текста в программе и установках языковой личности. Цитаты с атрибуцией позволяют слушателям (одновременно с Дм. Быковым) воспринимать весь спектр мировой литературы и художественной культуры. Ответ на один вопрос автор может использовать до 5 прецедентных имен (*Уайльд, Честертон, Пинчон, Щербаков, Христос* [Быков]), несколько исторических контекстов, в результате чего слушатель получает «диапазон возможностей», опирающийся на индексальность конкретной цитаты.

В разговоре с аудиторией Дмитрий Быков использует характерные коммуникативные стратегии и тактики [Каширин 2017, вып. 3: 123]: слом литературных стереотипов, прием контрастной аналогии (амбивалентность), стратегия ориентации на доверительное общение, тактика «навешивания ярлыков», прием постоянного повторения, проецирование личного опыта на слушателя. Что касается «технических» приемов, то они во многом обусловлены сетевым характером программы. Технические при-

емы близки к философской концепции метамодернизма [Вермюлен]: виртуализация медиапространства (игра со слушателями как виртуализация пространства социальных взаимодействий), создание «технообразов», служащих аттракторами социальных взаимодействий, «глокализация» сообществ в рамках глобализации (создание микромира) и транссентиментализм, который пронизывает буквально каждую реплику ведущего.

Авторское своеобразие Дм. Быкова состоит в том, что его журналистика, по сути, элитарна и трудночитаема, поскольку состоит из нескольких фундаментальных «глыб»: неординарных изобразительных средств, авторских теорий и парадоксального взгляда на окружающую реальную действительность. При этом заметим, что Дм. Быков своей авторской программой ставит задачу напоминать людям, что существует некий ряд абсолютных ценностей, а «далее пусть они думают сами» [Быков 2017б].

Возможности исследования авторской личности позволяют выйти на более сложные компоненты программы, в частности, рассмотреть ее на философском уровне. Авторская индивидуальность ведущего, его информационно-медийная личность, позволяет говорить о новом типе медиаресурсов, на которых аудитории в первую очередь будут интересны конкретные люди и способ подачи информации. Таким образом, журналистика Дмитрия Быкова, обусловленная высоким уровнем развития его личности, не только участвует в образовании аудитории, но и формирует конкретный медиапроцесс, являясь, по сути, одним из популярных медиа современной российской действительности.

Литература

1. *Болотнов А.В.* Информационное поле и его типы в медиакоммуникации: лингвистический аспект // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2015. Вып. 9 (162). С. 28–33.

2. *Болотнов А.В.* О типах информационно-медийной языковой личности // Русская речевая культура и текст: материалы VIII Междунар. науч. конф. (17–18 апреля 2014 г.). Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2014. С. 106–112.
3. *Быков Д.Д.* Эфиры на радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/guests/13449/> Дата обращения: 20.06.2015 – 20.10.2017. – Быков.
4. *Быков Д.Л.* Программа «Один» от 11 августа 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/2034174-echo/> – Быков 2017а.
5. *Быков Д.Л.* Программа «Один» от 19 июня 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/1568788-echo/> – Быков 2015а.
6. *Быков Д.Л.* Программа «Один» от 26 июня 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/1573078-echo/> – Быков 2015б.
7. *Быков Д.Л.* Программа «Один» от 6 октября 2017 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/odin/2071684-echo/> – Быков 2017б.
8. *Варламов И.А.* Есть ли будущее у СМИ? [Электронный ресурс]. URL: <http://varlamov.ru/2373398.html> Дата обращения: 20.10.2017
9. *Вермюлен Т.* Заметки о метамодернизме. [Электронный ресурс]. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> Дата обращения: 20.05.2017
10. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2010. 264 с.
11. *Каширин А.А.* Критерии коммуникативно-прагматического анализа индивидуального медиадискурса тележурналиста-ведущего итоговой информационно-аналитической программы // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2014. Вып. 9 (150). С. 70–75.

12. *Каширин А.А.* О некоторых особенностях индивидуально-медиадискурса журналиста – ведущего авторской телепрограммы // *Коммуникативные исследования.* 2015. № 2 (4). С. 75–85.

13. *Каширин А.А.* Индивидуальный медиадискурс информационно-медийной языковой личности ведущего авторской телепрограммы как форма репрезентации его информационного поля // *Вестник Томского гос. пед. ун-та.* 2017. Вып. 3 (180). С. 121–125.